

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук

На правах рукописи

ПРУДНИКОВ Виталий Владимирович

НОРМАННЫ В МАЛОЙ АЗИИ В XI—XII вв.

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история (средние века)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, профессор
Васильев Дмитрий Дмитриевич

Москва — 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Обзор источников и историографии	
1.1. Источники.....	10
1.2. Историография.....	25
Глава 2. Норманны в Малой Азии до Первого крестового похода	
2.1. Взаимные представления норманнов и византийцев по данным латинских и византийских авторов XI—XII вв.....	88
2.2. Первые контакты норманнов и турок-сельджуков в Малой Азии	121
Глава 3. Норманны в Малой Азии в эпоху Первого крестового похода	
3.1. Участие норманнов в Первом крестовом походе глазами латинских и византийских авторов XII в.	142
3.2. Взгляд с Востока: представления о норманнах у восточно-христианских и мусульманских авторов	168
Глава 4. Норманны и турки-сельджуки в Малой Азии по данным средневековых латинских авторов	
4.1. Миф о троянском происхождении норманнов и турок-сельджуков в средневековой латинской традиции XI—XII вв.....	192
4.2. Боэмунд в Никсаре (1100—1103 гг.).....	212
Заключение	230
Список источников и литературы	237

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В истории Малой Азии с первобытности до современности можно выделить ряд цивилизационных этапов: древнейший, античный, раннехристианский, византийский, сельджукский, османский. Далеко не все из них получили должное освещение, что в первую очередь связано с недостаточной изученностью в междисциплинарном и источниковедческом аспектах.

В XI—XII вв. история Малой Азии характеризуется ослаблением мощи Византийской империи, образованием тюркских эмиратов и владений крестоносцев, началом активных контактов между западно-христианской и мусульманской цивилизациями. В этот период на исторической арене появляются новые народы-завоеватели: турки-сельджуки и норманны.

Норманны являлись выходцами из Нормандии, герцогства, основанного на севере Франкии по договору между королём франков Карлом Простоватым и предводителем викингов Роллоном в 911 г. В течение X в. норманны переняли новую для себя культуру, религию и язык¹. В то же время скандинавское наследие оказывало мощное влияние на многие аспекты существования норманнского общества как в Нормандии, так и за её пределами.

В Малой Азии норманны вступали во взаимодействие с различными народами, издавна населявшими этот регион: греками-византийцами, армянами, арабами и турками-сельджуками. Межэтнические контакты не могли пройти бесследно ни для одной из сторон. Результаты взаимодействия культур оставили свой след в сознании авторов исторических произведений.

¹ Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора / пер. с англ. З.Ю. Метлицкой. М., 2004. С. 231 и сл., 419 и сл.

Актуальность обращения к данной тематике неоднократно подчёркивалась в отечественной историографии. Ф.И. Успенский отмечал, что «норманнский вопрос принадлежит к числу первостепенных в истории Византии как в XI, так и в последующих веках»². В.В. Бартольд в работе «Турция, ислам и христианство» говорил о недостаточной изученности темы контактов рыцарей-«франков» и турок-сельджуков в Малой Азии³. В более поздний период подобные мысли высказывали Р.А. Гусейнов⁴ и М.А. Заборов⁵.

В современном мире в условиях развития процесса глобализации и информатизации на первое место по актуальности выходят исследования, посвящённые проблемам миграций, «мобилизующей роли этнического самосознания»⁶, вопросам взаимодействия культур на уровне этноса и цивилизации⁷. Адекватным ответом на вызовы современности явилось создание исторической имагологии, направленной на изучение «культурных стереотипов, коллективных представлений народов друг о друге, этнических и национальных стереотипов, путей их формирования, способов функционирования и процессов трансформации в контексте отношений «мы и они», «свой и чужой»»⁸. Изучение этих проблем неразрывно связано с процессом формирования индивидуальной и коллективной идентичности⁹.

Степень разработанности проблемы. Поскольку историография рассматривается в отдельном параграфе первой главы, в данном разделе мы ограничимся общими замечаниями по степени изученности темы исследования. Вопрос о пребывании норманнов на Востоке поднимался историками ещё в XVII в. На рубеже XIX—XX вв. появляются специальные работы, посвящённые норманнам на византийской службе, а также их участию в

² Успенский Ф.И. История Византийской империи XI—XII вв. Восточный вопрос. М., 1997. С. 11.

³ Бартольд В.В. Турция, ислам и христианство // Сочинения. Работы по истории ислама и Арабского халифата / под. к изд. А.Б. Халидов, отв. ред. И.Н. Винников. М.: Наука, 1966. Т. 6. С. 421.

⁴ Гусейнов Р.А. Современное состояние и ближайшие задачи изучения сельджукской проблемы // Тюркологический сборник 1973. М., 1975. С. 32.

⁵ Заборов М.А. Советская историография крестовых походов // Средние века. 1964. Вып. 25. С. 279.

⁶ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 10.

⁷ Там же. С. 251.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 286.

Первом крестовом походе. В результате был собран и проанализирован богатый фактический материал. Однако в рамках данных подходов невозможно представить целостную и непротиворечивую картину норманнского присутствия в Малой Азии.

С середины XX в. берёт начало новое направление в историографии, в рамках которого исследуются вопросы самосознания норманнов и их хронистов. Данная проблема получила в историографии условное обозначение “Normannitas” и «по сути дела сводится к проблеме самоидентификации норманнов в иноэтнической среде»¹⁰. На сегодняшний день существует большое количество работ, в которых исследуется “Normannitas” в Южной Италии и Сицилии, но только некоторые из них крайне однобоко и обособленно рассматривают проблему идентификации норманнов в Малой Азии.

Объектом исследования являются норманны в Малой Азии и сопредельных регионах во второй половине XI — первой трети XII в.

Предметом исследования являются представления, оценочные суждения, описания, сравнительные характеристики в нарративных источниках, отражающие образ норманнов и его трансформации в сознании хронистов.

Целью исследования является изучение процесса формирования образа норманнов в Малой Азии в представлениях средневековых авторов, принадлежавших к различным историческим традициям (латинской, византийской, армяноязычной, сирийской, арабоязычной). Для достижения данной цели автор ставит перед собой следующие *задачи*:

- изучить взаимные представления норманнов и византийцев по данным латинских и византийских авторов;

¹⁰ Якуб А.В. Образ норманна в западноевропейском обществе IX—XII вв. Становление и развитие историографической традиции. Омск, 2008. С. 49.

- проанализировать сведения латинских, византийских, армяноязычных и мусульманских источников о первых контактах норманнов и турок-сельджуков;
- показать, как воспринималось участие норманнов в Первом крестовом походе у латинских, византийских, армяноязычных, сирийских и мусульманских авторов;
- рассмотреть миф о троянском происхождении норманнов и турок-сельджуков в латинской исторической традиции;
- исследовать основные версии латинских авторов о пребывании Боэмунда в плену у Гююштекина ибн Данышменда.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1036 г., когда в г. Никее умер и был похоронен герцог Нормандии отец Вильгельма Завоевателя Роберт Великолепный, по 1130 г., когда последний представитель норманнской династии, правившей в Антиохийском княжестве, Боэмунд II, погиб в Киликии.

Географические рамки исследования охватывают всю территорию Малой Азии с преимущественным вниманием к местам активной деятельности норманнов в регионах северной Анатолии, Вифинии, а также сопредельные регионы северной Сирии и Палестины.

Источниковая база исследования сформирована из опубликованных источников. Поскольку источники рассматриваются в отдельном параграфе первой главы, мы предполагаем провести краткую характеристику: латинские авторы дают информацию о самоидентификации норманнов и восприятии ими инокультурного окружения; византийские, армяноязычные, сирийские, грузинские, мусульманские демонстрируют своё восприятие норманнов в Малой Азии.

Специализация автора позволяет использовать латинские и византийские источники на языке оригинала. При работе над диссертацией учитывались уже существующие переводы латинских и византийских источников на английском,

французском, немецком и русском языках. Сочинения мусульманских, сирийских, грузинских и армяноязычных авторов привлекались в известных автору переводах на европейские языки.

Теоретической и методологической основой диссертационного исследования послужили логические и общенаучные методы исторического исследования, а также принципы историзма, предполагающие рассмотрение предмета исследования в связи с конкретно-историческими условиями его существования, признание отличий прошлого от настоящего и понимание истории как процесса.

Среди специальных методов исторического исследования был избран сравнительно-исторический метод, позволяющий выделить типические черты и компоненты образа норманнов в нарративных источниках. Для выбранной темы большое значение имеет междисциплинарный подход, который даёт возможность вести исследование на стыке различных научных дисциплин: истории, этнологии, культурологии, имагологии, психологии.

Научная новизна исследования состоит в выявлении и осмыслении диссертантом средневекового образа норманнов в Малой Азии на основе анализа различных групп источников, принадлежащих к разным историко-культурным традициям.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Рассмотрение вопроса о пребывании норманнов в Малой Азии перед Первым крестовым походом зависит от изучения норманно-византийских отношений. На всей территории империи существовала норманно-византийская общность, в рамках которой норманнам предоставлялся выбор: либо полностью ассимилироваться, либо попытаться сохранить собственную идентичность.
- Контакты норманнов с турками-сельджуками в Малой Азии были направлены на установление общих ценностей и целей. Результатом

данного взаимодействия стало ослабление византийского могущества в регионе.

- Участие норманнов в Первом крестовом походе ознаменовало собой новый этап проникновения в Малую Азию. Главную роль в этом движении сыграли итальяские норманны. Благодаря своим знаниям и опыту в конкурентной борьбе с византийцами, турками-сельджуками и другими народами они сумели создать наиболее жизнеспособное латинское государство на Востоке — Антиохийское княжество.
- В глазах восточных христиан и мусульман норманны являлись едва ли не главными предводителями «франков». Если первые видели в них новых «римлян», единоверцев и освободителей, то вторые смотрели на них как на врагов. В то же время некоторые арабоязычные авторы рассматривали норманнов в качестве очередных завоевателей наподобие сельджуков.
- Проникновение норманнов в Малую Азию способствовало развитию в латинской историографической традиции политических мифов, которые возникли в результате взаимодействия норманнов с народами Малой Азии. К числу подобных можно отнести миф о троянском происхождении турок-сельджуков и легенду о пребывании князя Антиохии Боэмунда в плену у правителя Сиваса Данышменда.

Практическая значимость исследования следует из возможного применения добытых научных результатов при разработке учебных курсов и пособий по истории средних веков, организации лекций и семинаров по истории Турции доосманского периода, углублённого изучения «диалога культур» в рамках спецкурсов по истории Византии и крестовых походов.

Результаты исследования прошли апробацию в докладах, с которыми диссертант выступал на II съезде «Восточные общества: традиции и современность» (Баку, 2013); VII международной конференции «Источники по истории кочевников средневековой Евразии» (Звенигород, 2013); научной конференции «Россия и арабский мир» (Москва, 2014); III международной

конференции «Архивное востоковедение» (Москва, 2014); Первой научно-практической конференции «Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения» (Москва, 2015); XXVIII международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире» (Санкт-Петербург, 2015); Второй научно-практической конференции «Власть и насилие в незападных обществах: актуальные проблемы исследований» (Москва, 2016).

Глава 1. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ НОРМАННОВ В МАЛОЙ АЗИИ

1.1. ИСТОЧНИКИ

В соответствии с целями и задачами исследования были отобраны разные источники, которые можно разделить на несколько групп.

К первой группе относятся хроники средневековых латинских авторов, в которых содержатся важные сведения о норманнах, проявивших себя в Малой Азии в XI—XII вв.

О том, как норманны воспринимали самих себя и окружающие их народы в различные периоды времени и на различных территориях, можно узнать у латинских авторов, принадлежавших к норманнской историографической традиции. Её основателем считается Дудо из Сен-Кантена, который между 1015 и 1025 гг. составил хронику «Об обычаях и деяниях первых герцогов Нормандии»¹¹. Его дело продолжил Вильгельм Жюмьежский¹², который многое заимствовал у своего предшественника и довёл хронику «Деяния норманнских герцогов» до 1070 г.

Завоевания норманнов в Южной Италии и Сицилии вызвали к жизни целую плеяду итало-норманнских историков, которые являлись наиболее информированными в Западной Европе о событиях, происходивших в Малой Азии накануне Первого крестового похода. Монах бенедиктинского монастыря Монтекассино Амато после 1080 г. написал «Историю норманнов»¹³. До нас

¹¹ Dudonis Sancti Qvintini. De moribus et actis primorum Normanniae ducum. Caen, 1865.

¹² Guillame de Jumege. Gesta Normannorum ducum / ed. J. Marx. Rouen, 1914.

¹³ Amatus di Montecassino. Storia dei normanni di Amato di Montecassino, ed. V. de Bartholomeis. Roma, 1935; Ammatus of Montecassino. The History of the Normans / Revised with introd. and notes by G.A. Loud. Woodbridge, 2004.

дошёл вариант «Истории» в копии XIV в. на старофранцузском языке. Отрывки, повествующие о деяниях норманнских предводителей на византийской службе Русселя де Баллиоля и Роберта Криспина, изданы в переводе на английский язык Э. ван Хоутс¹⁴.

Монах ордена святого Бенедикта Гауфред Малатерра по просьбе графа Рожера написал хронику «Деяния графа Калабрии и Сицилии Рожера и его брата герцога Апулии Роберта Гвискара»¹⁵. Его сочинение охватывает период с 40-х гг. XI вв. по 1099 г. включительно и содержит описание завоеваний норманнов в Южной Италии и Сицилии. Малатерра сообщает об участии Русселя да Баллиоля в битве при Серами, а также даёт ряд ценных свидетельств об участии норманнов в подготовке Первого крестового похода.

Наибольший интерес к событиям в Малой Азии проявил Вильгельм Апулийский, который, по заказу сына Роберта Гвискара герцога Апулии Рожера Борсы, в конце XI в. создал поэму «Деяния Роберта Гвискара»¹⁶.

Анонимный автор хроники «Деяния франков и других иерусалимцев»¹⁷, которая представляет собой записи рыцаря-крестоносца, вероятно, итало-норманнского происхождения в начале Первого крестового похода служил Бозмунду, а затем перешёл на службу к Раймонду Сен-Жильскому.

Именно книгу итальянского рыцаря Анонима Ордерики Виталий использовал в качестве основного источника для написания четвёртой книги «Церковной истории». Это сочинение также послужило основой для создания хроник ряда других западноевропейских авторов XII—XIII вв.: «Истории Иерусалимского похода» священника Сервейского Петра Тудебоды¹⁸; «Деяний

¹⁴ Van Houts E.M.C. The Normans in Europe. Manchester ; New York, 2000. P. 267—268, P. 270—271.

¹⁵ Malaterra G. De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius // Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani. T. 5. Bologna, 1928.

¹⁶ Guillaume de Pouille. La Geste de Robert Guiscar / ed., traduct., comment. et introduct. par M. Mathieu. Palermo, 1961; Guillelmi Appuli. Historicum poema de rebus Normannorum in Sicilia, Appulia et Calabria gestis, usque ad mortem Roberti Guiscardi Ducis // Rerum Italicarum scriptores. Mediolanum, 1724. T. V. P. 245—278; Guillelmi Apuliensis. Gesta Roberti Wiscardi / ed. R. Wilmans // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in Folio / ed. Rudolfo Köpke. Hannover, 1851. T. IX. P. 239—298.

¹⁷ Histoire anonyme de la premiere croisade / texte etabli et traduit par L. Brehier. P., 1924.

¹⁸ Peter Tudebod. Historia de Hierosolymitano Itinere // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Tome troisième. P., 1866. P. 1—119.

Бога через франков» Гвиберта Ножанского¹⁹ (1053—1121), «Иерусалимской истории» Бодри Дольского²⁰ (1046—1130) и других²¹. С XVII в. «Деяния франков» неоднократно издавались²², а также полностью переводились на европейские языки²³.

Рауль Канский (1080—1120) создал произведение, воспевающее подвиги Танкреда, племянника Боэмунда: «Свершения князя Танкреда в походе на Иерусалим»²⁴. Рауль в 1107 г. присоединился к походу на Балканы Боэмунда против Византии. Его мечтам о карьере историка при дворе Антиохийского князя не суждено было сбыться. Сложное положение христиан в Сирии заставило его оставить научные занятия и обратиться к изучению военных дисциплин. В последующем он продолжил службу в Сирии под знамёнами правителя Антиохии Танкреда. Гуальтерий Канцлер написал две книги «Антиохийских войн»²⁵, в которых нашли отражение важнейшие события в норманнском княжестве с 1115 по 1119 гг.

Дополнительным источником огромной важности является многотомная «Церковная история»²⁶ англо-норманнского автора Ордерики Виталия (1075—1142), которая является своего рода энциклопедией сведений о деяниях норманнов не только в Европе, но и далеко за её пределами. Создававший

¹⁹ Guiberti abbatе monasterii Sanctae Mariae Novigenti. Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Tome quatrième. P., 1869. P. 113—221.

²⁰ Baldrici, Episcopi Dolensis, Historia Jerosolimitana // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Tome quatrième. P., 1869. P. 1—89.

²¹ Jamison E. Some notes on the Anonymi Gesta Francorum with special reference to the norman contingent from South Italy and Sicily in the First Crusade // Studies in french language and medieval literature. Manchester, 1939. P. 183—184.

²² Gesta Dei per Francos, sive, Orientalium expeditionum et regni Francorum Hierosolomitani historia / ed. J. Bongars. Hannoveriae, 1611; Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum mit Erläuterungen hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. Heidelberg, 1890; Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum / ed. B.A. Lees. Oxford, 1924.

²³ Histoire anonyme de la premiere croisade / texte etabli et traduit par L. Brehier. P., 1924; Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum : The deeds of the Franks and the other pilgrims to Jerusalem / ed. and trans. R. Hill. London : T. Nelson, 1962; Le Gesta dei Franchi e degli altri pellegrini gerosolymitani / a cura di L. Russo. Alessandria, 2003; Nirmal Dass. The Deeds of the Franks and Other Jerusalem-Bound Pilgrims. Lanham, Maryland, 2011

²⁴ Radulfus Cadomensis. Gesta Tancredi principis in expeditione Hierosolyminita // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J. Migne. T. 155. P., 1854. P. 189—590, The Gesta Tancredi of Ralph of Caen : A History of the Normans on the First Crusade / ed. and tr. Bernard S. Bachrach, and David S. Bachrach. Aldershot, 2005.

²⁵ Galterii cancellarii Bella antiochena / mit erläuterungen und einem anhangе hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. Innsbruck, 1896; Walter the Chancellor's The Antiochene Wars : A Translation and Commentary / ed. and tr. Thomas S. Asbridge, Susan B. Edgington. Aldershot, 2005

²⁶ Orderici Vitalis Angligenae Coenobii Uticensis Monachi. Historia Ecclesiastica // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. P., 1855. T. 188. P. 17—984.

«Церковную историю» в течение двадцати пяти лет с 1115 по 1140 гг., Ордерики объединил в одно целое норманнскую историографию от Англии до Малой Азии. Одно из первых изданий «Церковной истории»²⁷ было предпринято в XVII в. французским королевским историографом Андре Дюшеном (1584—1640).

Немало ценных сведений об участии норманнов в Первом крестовом походе можно почерпнуть из четвёртой книги «Деяний английских королей» англо-норманнского автора Вильгельма Мальмсберийского (1096—1143)²⁸. Продолжателем традиций норманнской историографии в 1139 г. выступил англо-норманнский хронист Роберт де Торины (около 1110—1186). В 1128 г. Роберт стал монахом Бекского монастыря, в котором занял место приора в 1149 г., а в 1154 г. возглавил монастырь Мон-Сен-Мишель в Нормандии.

Роберт дополнил труды Вильгельма Жюмьежского и Ордерики Виталия и довёл свою хронику «Деяния герцогов Нормандии»²⁹ до 1086 г. В своей работе историка Роберт отличался сухостью стиля и предпочитал придерживаться только фактов, избегая намёков на романтические детали. В связи с этим хроника Роберта де Торины является ценным источником по изучению истории норманнов не только в Англии, Нормандии, Южной Италии, но и на Востоке.

Особый интерес представляют работы историков, не связанных с норманнской исторической традицией, которые позволяют взглянуть на них со стороны, глазами представителей других народов и социальных групп Западной Европы.

²⁷ *Historiae Normannorum scriptores antiqui, res ab illis per Galliam, Angliam, Apuliam, aptae principatum, Siciliam et Orientem gestas explicantes, ab anno 838 ad annum 1220, insertae sunt monasteriorum fundationes variae, series episcoporum ac abbatum, genealogiae regum, ducum, comitum, & nobilium, plurima denique alia vetera, tam ad profanam quam ad sacram illorum temporum historiam pertinentia / ex mss. codd. omnia fere nunc primum edidit Andreas Duchesnius Turonensis. Lutetiae Parisiorum, 1619.*

²⁸ *Willelmi Malmesbiriensis monachi. De gestis regum Anglorum libri quinque : Historiae novellae libri tres / ed. by W. Stubbs. L., 1889. Vol. II.*

²⁹ *Chronique de Robert de Torigni / ed. L. Delisle, P., 1872. Vol. I; 1873. Vol. II.*

В этом ряду следует упомянуть хронистов Первого крестового похода: провансальского автора Раймунда Ажильского³⁰, Фульхерия Шартрского³¹ (1059—1128) и Альберта Ахенского³², а также Вильгельма Тирского³³ (1130—1186) и Эккехарда из Ауры³⁴ (ум. 1126).

К этой же группе следует отнести некоторые «шансон де жест», в которых описываются события Первого крестового похода: «Песнь об Антиохии»³⁵ и «Пленники»³⁶.

Большое значение имеет изучение актового материала: грамот норманнских правителей, монастырей. Аббат монастыря святого Илии в Ното Рокко Пирри (1577—1651) подготовил несколько научных трудов, которые в последующем были объединены в общий сборник «*Sicilia sacra*»³⁷. На страницах своих сочинений Пирри опубликовал большое количество грамот из архивов монастырей Южной Италии и Сицилии. Он также осведомлён о тех щедрых вкладах, которые делали «благочестивые» норманны в монастыри Святой земли³⁸. Изданные им грамоты содержат ценную информацию о норманнах — участниках Первого крестового похода.

Немецкий историк Рейнгольд Рёрихт (1842—1905) в 1883 и 1904 гг. издал регесты Иерусалимского королевства с 1097 по 1291 гг.³⁹, в которых собрал документы норманнских правителей в Святой земле. Полезную информацию можно отыскать в собраниях грамот основанных крестоносцами монастырей:

³⁰ Raimundi de Aguilers canonici Podiensis historia Francorum qui ceperunt Iherusalem // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. P., 1866. T. III.

³¹ Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana : 1095—1127 / Heinrich Hagenmeyer. Heidelberg, 1913.

³² Albert of Aachen: Historia Ierosolimitana, History of the Journey to Jerusalem / S.B. Edgington. Clarendon, 2007.

³³ Guillaumus Tyrensis Archiepiscopus. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J. P. Migne. P., 1855. T. 201. P. 209—892.

³⁴ Ekkehardus Uraugiensis. Chronica // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. P., 1853. T. 154.

³⁵ The Chanson d'Antioche: An Old-French Account of the First Crusade / ed. and trans. by S. Edgington, C. Sweetenham. Farnham, 2013.

³⁶ Les chétifs / ed. G.M. Myers. Tuscaloosa, 1981.

³⁷ Pirri Rocco. Sicilia sacra disquisitionibus et notitiis illustrata / auctore Don Rocco Pirro, editio tercia emendata continuatione aucta cura studia A. Mongitore, accessere V.M. Amico. Panormi, 1733.

³⁸ Ibid. T. II. P. 1309.

³⁹ Regesta regni Hierosolymitani (MXCVII—MCCXCI) / ed. R. Röhricht. Oeniponti, 1893, Regesta regni Hierosolymitani (MXCVII—MCCXCI) : Additamentum / ed. R. Röhricht. Oeniponti, 1904.

это аббатство Святой Марии долины Иосафата⁴⁰, церковь Гроба Господня в Иерусалиме⁴¹.

Вторую группу источников составляют сочинения византийских авторов XI—XII вв. Первым в этом ряду необходимо назвать «Алексиаду» Анны Комнины (1083—1153)⁴². Этот беспрецедентный труд она посвятила описанию жизни и карьеры своего отца — византийского императора Алексея I Комнина. Восхождение к верховной власти он начал в 1074 г. с подавления мятежа Руссея де Баллиоля в Малой Азии⁴³. В 1081 г. ему пришлось сдерживать натиск норманнов во главе с Робертом Гвискаром на Балканах⁴⁴. Анна родилась в 1083 г., когда её отец возвращался с победой из Македонии с отрядами норманнов, которые перешли к нему на службу. Некоторые из них, такие, например, как Пётр Алифа, рассказывали византийской принцессе о славных битвах её отца с герцогом Робертом Гвискаром⁴⁵.

Муж Анны Никифор Вриенний (1062—1137) является автором «Исторических записок»⁴⁶. Он с большим вниманием относился к норманнам на византийской службе и составил описание мятежа Руссея де Баллиоля в Малой Азии, которое в дальнейшем было использовано в Алексиаде.

Помимо «Алексиады» и «Исторических записок» для изучения восприятия византийцами норманнов первостепенное значение имеют произведения византийских авторов: «История» Михаила Атталиата⁴⁷, «Хронография» Михаила Пселла⁴⁸, «Обозрение истории» Иоанна Скилицы⁴⁹ и

⁴⁰ Chartes de Terre Sainte provenant de l'abbaye de N.-D. de Josaphat / publiées par H.-François Delaborde. P., 1880.

⁴¹ Cartulaire de l'église du Saint-Sépulcre de Jérusalem, publié d'après les manuscrits du Vatican, par M. Eugène de Rozière. P., 1849.

⁴² Анна Комнина. Алексиада / пер. с греческого Я.Н. Любарского. СПб., 1996; Anna Comnena. Alexiadis libri XV / ed. C.F. Niebuhr, L. Schopenus, A. Reifferscheid. Bonnae, 1839. Vol. I, 1878, Vol. II. При ссылках на данный источник, в основном, будут даваться номер книги римскими цифрами, арабскими цифрами разделы и номера страниц по русскоязычному переводу. В отдельных случаях, ссылка на Боннское издание обозначено отдельно.

⁴³ Анна Комнина. I, 1—3, С. 57—60.

⁴⁴ Анна Комнина. III, 9, С. 132; V, 7, С. 170; VI, 1, С. 176; VI, 7, С. 187.

⁴⁵ Анна Комнина. IV, 6, С. 152

⁴⁶ Никифор Вриенний. Исторические записки (976—1087) / отв. ред. и автор комментариев А.А. Калинин. М., 1997, Nicefori Bryennii. Commentarii / ed. C.F. Niebuhrii, A. Meineke, P. Possinus. Bonnae, 1886.

⁴⁷ Michael Attaliota. Historia / ed. C.F. Niebuhrii, W. Bruneto de Presule, I. Bekkerus. Bonnae, 1853.

⁴⁸ Михаил Пселл. Хронография / введ., пер. и комм. Я.Н. Любарского. М., 1978.

Георгия Кедрина⁵⁰, «Всемирная история» Иоанна Зонары⁵¹, «Хронография» Михаила Глики⁵².

К третьей группе относятся армяноязычные и грузинские исторические сочинения.

«Повествование» Аристокеса Ластивертци⁵³ (род. до 1022 в обл. г. Эрзерума — ум. между 1072—1087) передаёт взгляд современника и очевидца на описываемые им события. Двадцать пять глав «Повествования» охватывают исторический период с 1000 по 1071 гг. Основными темами «Повествования» являются Византия, армяно-византийские отношения и нашествие турок-сельджуков. Аристокес обращает внимание на пришельцев из Западной Европы, которые несли службу на восточных границах империи, варягов и «франков» (под которыми с середины XI в. часто подразумевались норманны)⁵⁴.

Матфей Эдесский (ум. 1144) родился и провёл всю жизнь в городе Эдессе (Урха). По этой причине автор очень много места в своём историческом труде, который называется «Хронография», посвящает истории своего родного города и сопредельных регионов. При работе над диссертацией были использованы следующие переводы «Хронографии» с армянского языка: два французских перевода Дюлорье⁵⁵, выполненные в середине XIX в., и английский перевод А.Э. Достуриана⁵⁶. Наибольший интерес представляют вторая и третья части «Хронографии», в которых охвачен период с 1051 по 1101 гг. во второй и с

⁴⁹ Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum / ed. J. Thurn. Berlin, 1973.

⁵⁰ Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae. Ope. ab I. Bekkero supplrtus et emendatus. Bonn, 1839.

⁵¹ Ioannis Zonarae. Epitomae historiarum libri XVIII / ed. C.F. Niebuhrii, M. Pinderi, T. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897. T. III.

⁵² Michaelis Glicae. Annales / ed. C.F. Niebuhrii, rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1836.

⁵³ Аристокес Ластивертци. Повествование вардапета Аристокеса Ластивертци / пер. с древнеарм., вступ. ст., комм. и прил. К.Н. Юзбашьяна. М., 1968; Aristakès de Lastivert. Récit des malheurs de la nation arménienne / éd. et trad. M. Canard et H. Berbérien. Bruxelles, 1973.

⁵⁴ Юзбашьян К.Н. «Варяги» и «прония» в сочинении Аристокеса Ластивертци // Византийский Временник. 1959. Т. 16 (41). С. 17.

⁵⁵ Chronique de Matthieu d'Edesse (962—1136) avec la Continuation de Grégoire le prêtre jusqu'en 1162. Paris, 1858, Mattieu de Edesse. Extrait de la chronique de Mattieu de Edesse // Recueil des Historiens des Croisades. Documents Armeniens. P., 1869. T. I.

⁵⁶ Armenia and the Crusades : tenth to twelfth centuries : the Chronicle of Matthew of Edessa / trans. from the original Armenian with a comm. and introd. by Ara Edmond Dostourian ; foreword by Krikor H. Maksoudian. Lanham, 1993.

1101 по 1136/37 гг. в третьей части, когда историк был современником описываемых им событий. Матфей Эдесский является наиболее информированным источником из армяноязычных авторов о норманнах на востоке Малой Азии и Северной Сирии.

Ценные сведения о результатах взаимодействия норманнов с народами Малой Азии предоставляют армяноязычные источники XIII в.: «Хроника»⁵⁷ канцлера Киликийской Армении Ваграма Рабуни, «Летопись»⁵⁸ Смбата Спарапета (1208—1276), «Всеобщая история»⁵⁹ Вардана Аревелци (1198—1271), «История Армении»⁶⁰ Киракоса Гандзакеци (1200—1271), «История» (доведённая до 1289 г.) Мхтиара Айриванеци⁶¹.

Очень важную информацию об участии норманнов в Первом крестовом походе даёт изучение грузинского летописного свода «Картлис цховреба»⁶². В анонимной хронике XII в. «Жизнь царя царей Давида», представленной в этом сборнике, упоминаются «франки» (груз. *прангни*), под которыми, по мнению член.-корр. НАНГ М.А. Шанидзе, подразумевались «крестоносцы-норманны»⁶³.

К четвёртой группе относятся исторические сочинения сирийских авторов XII—XIII вв. По мнению Р.А. Гусейнова, данную группу источников характеризует как «объективность и толерантность, так и добросовестность и осведомлённость»⁶⁴ сирийских авторов, а также «своеобразная “сирийская”»⁶⁵ направленность в подаче материала, что всё вместе даёт основание считать их «данными из первых рук»⁶⁶.

⁵⁷ Vahram's Chronicle of the Armenian Kingdom in Cilicia, during the time of the Crusades / trans. from the original armenian, with notes and illustrations by C.F. Neumann. L., 1831.

⁵⁸ Смбат Спарапет. Летопись / пер. с древнеарм., предисл. и прим. А.Г. Галстяна. Ереван, 1974.

⁵⁹ Всеобщая история Вардана Великого : (с примеч. и прил.) / пер. Н.О. Эмина. М., 1861; Thomson, R.W. The historical compilation of Vardan Arewelci // *Dumbarton Oaks Papers*. 1989. Vol. 43. P. 125—226.

⁶⁰ Киракос Гандзакеци. История Армении / пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л.А. Ханларян, отв. ред. М.О. Дарбинян-Меликян. М., 1976.

⁶¹ Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, вардапетом Айриванкским / введ., пер., комм. К.П. Патканова. СПб., 1869.

⁶² «Картлис Цховреба» (История Грузии) / под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси, 2008.

⁶³ Там же. С. 206.

⁶⁴ Гусейнов Р.А. Сирийские источники по истории Византии XI—XII вв. // *Византийский Временник*. 1972. Вып. 33 (58). С. 120.

⁶⁵ Там же. С. 121.

⁶⁶ Там же.

Первой в этом ряду стоит назвать «Хронику» Михаила Сирийца (1126—1199). Он родился в Мелитене и сделал карьеру в яковитской церкви: от монаха до патриарха. Михаил Сириец был хорошо образован, владел несколькими языками, много путешествовал и имел большой опыт не только в управлении церковью на Востоке, но и в политике, дипломатии. Он также хорошо представлял себе социально-экономическую и военную историю своей эпохи.

«Хроника» состоит из 21 книги, по традиции начинается с «сотворения мира» и заканчивается 1199 г. В книгах с XV по XXI последовательно излагаются события со второй половины XI—XII вв. Особое внимание в этих книгах уделяется сельджукам, а также норманнским предводителям и их отношениям друг с другом и Византией. Михаил Сириец был хорошо осведомлён не только о событиях, которые происходили в Сирии и Палестине, но также и в Малой Азии⁶⁷. При работе над хроникой он использовал сирийские, византийские, армянские и арабские источники.

Первоначально «Хроника» была известна по армянскому переводу, который был сделан с сирийского оригинала в 1248 г.⁶⁸ В 1887 г. в яковитской церкви в Эдессе была обнаружена сирийская рукопись, которая в дальнейшем была издана Ж.Б. Шабо⁶⁹. На русском языке отрывки из сирийского списка «Хроники» Михаила Сирийца издавались Р.А. Гусейновым⁷⁰.

«Анонимная хроника 1234 года»⁷¹ содержит немало оригинальных подробностей о карьере норманнских предводителей на Востоке. Об авторе хроники известно, что он был яковитским монахом, родился в Эдессе, какое-то

⁶⁷ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М. ; Л., 1941. С. 13.

⁶⁸ Chronique de Michel le Grand, patriarche des Syriens Jacobites / traduite pour la première fois sur la version armenienne du pretre Ischok par V. Langlois. Venise, 1868; The Chronicle of Michael the Great Patriarch of the Syrians / Michael the Great, translated from classical armenian by Robert Bedrosian. New Jersey, 2013.

⁶⁹ Michel le Syrien. Chronique de Michel le Syrien / editée pour le première fois et traduite en français par J.B. Chabot. P., 1905. T. III.

⁷⁰ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца // Письменные памятники Востока. Ежегодник 1973—1977. М., 1979—1982.

⁷¹ The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle / ed. and trans. A.S. Tritton, H.A.R. Gibb // Journal of the Royal Asiatic Society. 1933. Vol. 92. P. 69—102, 273—306.

время провёл в монастыре мар Бар Саумы и в течение жизни много путешествовал⁷².

Видный деятель яковитской церкви, энциклопедист Абу-л-Фарадж Ибн Гарун (1226—1286), который с принятием епископского звания взял имя Георгий и носил прозвище Бар-Эбрей, родился в Мелитене. Уже в раннем возрасте он овладел греческим, сирийским и арабским языками, а также, в соответствии с семейной традицией, приобщился к искусству врачевания. На протяжении своей жизни много путешествовал, побывал на службе у монголов, получил образование в столице Антиохийского княжества, сделал карьеру в яковитской церкви⁷³.

Абу-л-Фараджу принадлежит авторство выдающихся богословских, исторических, философских и других произведений. Его «Всеобщая история» состоит из двух частей («Chronicon Syriacum» и «Chronicon ecclesiasticum»; светской и церковной истории) и содержит все известные Абу-л-Фараджу исторические знания. Первая часть, в которой изложены события политической и светской истории, была переведена на латинский язык и издана в 1789 г.⁷⁴

Абу-л-Фарадж использовал «Хронику» Михаила Сирийца в качестве основного источника. Но он не стремился дословно воспроизвести её в своём сочинении, а наоборот, старался дополнить и исправить своего предшественника. При описании Первого крестового похода Абу-л-Фарадж в качестве более надёжного источника выбирал «Всеобщую историю» Ибн ал-Асира.

К пятой группе относятся арабоязычные и персидские источники.

Абу Йала Хамза ибн Асад из арабского племени Тамим более известен как ал-Каланиси (Шляпник) (1070—1160). Он является автором одного из

⁷² Гусейнов Р.А. Сирийские источники по истории Византии XI—XII вв. С. 122, Гусейнов Р.А. Сирийский аноним 1234 г. о Византии и ее соседях // Античная древность и средние века. 1973. Вып. 10. С. 146—147.

⁷³ Гусейнов Р.А. Бар-Эбрей и его «Всеобщая история» // Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960. С. 53—63.

⁷⁴ Gregorii Abulparagii sive Bar-Hebraei. Chronicon syriacum e. codicibus Bodleianis descripsit maximam partem vertit notisque illustravit P.I. Bruns, edidit ex parte vertit notisque adiecit G.G. Kirsch. Lipsiae, 1789.

ценнейших источников по истории Крестовых походов — «Дамасской хроники»⁷⁵.

О самом ал-Каланиси известно очень мало. Он происходил из очень важной семьи, принадлежавшей к правящей верхушке Дамаска. Он получил хорошее образование и в течение всей жизни находился на государственной службе. Дважды он занимал высшую должность в городской администрации — раиса. Опыта военной службы у автора не было. ал-Каланиси умер в 1160 г. в возрасте более девяноста лет⁷⁶.

Ал-Каланиси являлся современником многих описываемых им событий. Свою хронику он рассматривал как продолжение труда Хилала ибн ал-Мухассина ал-Саби и охватывает столетний период истории Дамаска⁷⁷. Внимание автора сконцентрировано на этом городе и сведения по истории других регионов он сообщает крайне скупо. В то же время хроника ал-Каланиси отличается точностью и последовательностью изложения событий. Она базируется на проверенных документальных данных, к которым автор имел доступ в силу своего служебного положения. Не удивительно, что выдержки из «Дамасской хроники» обильно цитируются в произведениях ал-Асира и других арабских историков⁷⁸.

Арабо-курдский историк Абу-л-Хасан Али ибн Мухаммад ибн Мухаммад ибн Абд ал-Карим ибн Абд ал-Вахид аш-Шайбани, более известный как Изз-ад-Дин Ибн ал-Асир (1160—1230), является автором хроники «Ал-Камил фи-т-тарих» («Полный свод истории») ⁷⁹ и других известных исторических сочинений. Ибн ал-Асир происходил из племени Бану Бакр. Он получил образование в Мосуле, учился в Иерусалиме и Дамаске, воевал с

⁷⁵ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев / пер. с английского Е.Б. Межевитинова. М., 2008.

⁷⁶ Там же. С. 8.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 10.

⁷⁹ Ibn al-Athir. Extrait de la chronique intitulee Kamel-Altevarykh par Ibn Alatyr // Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. P., 1872. T. I; The Chronicle of Ibn Al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil f'i-l-ta'rikh. The Years 491—541/1097—1146 : The Coming of the Franks and the Muslim Response / Ibn Al-Athir, translated and annotated by D.S. Richards. Aldershot, 2006—2008. Part 1—3, Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих (Полный свод истории) / пер. с араб. яз., прим. и комм. П.Г. Булгакова [доп. к пер., прим. и комм., введ. и указ. Ш.С. Камолдина]. Ташкент ; Цюрих, 2005.

крестоносцами в Сирии, исполнял дипломатические поручения в Багдаде. Его труд охватывает исторический период от сотворения мира по 1230 г., где каждая глава посвящена событиям одного года.

Маджид ад-Дин Усама ибн Мункыз ибн Муршид ибн Али ибн Мункыз ал-Кинани ал-Калби (1095—1188), более известный как Усама ибн Мункыз, был мусульманским поэтом, автором многочисленных произведений, воином, дипломатом и принадлежал к династии Мункызидов, правителей княжества Шейзара, основанного в 1081 г. дедом Усамы. В течение своей жизни он много путешествовал по Ближнему Востоку и подолгу жил в Египте, Малой Азии и Палестине. В разное время он находился на службе при дворе правителей различных мусульманских династий: Буридов, Зенгидов, Айюбидов, Фатимидов и Артукидов.

Усама ибн Мункыз получил блестящее образование в Шейзаре. Его отец Муршид (1068—1137) воин и заядлый охотник отказался от власти в пользу своего брата, немало времени посвящал переписыванию Корана, совершенствуясь в искусстве каллиграфии. На склоне лет Усама почувствовал вкус к литературным занятиям и в 1183 г. создал одно из самых оригинальных произведений средневековой арабской литературы «Книгу назидания»⁸⁰, написанную в жанре автобиографии.

С 1095 по 1131 гг. Усама провёл в Шейзаре, который в результате Первого крестового похода оказался на границе Антиохийского княжества. Ему едва исполнилось пятнадцать лет, когда он принял участие в отражении попыток норманнского князя Танкреда в 1110 г. покорить владения Мункызидов, и наблюдает сельджукские войска, посланные султаном Мухамедом против крестоносцев.

Камал ад-Дин ибн ал-Адим (1192—1262) является автором хроники «Зубдат ат-таварих аль-Халеб»⁸¹. Он родился в Алеппо и принадлежал к

⁸⁰ Усама ибн Мункыз. Книга назидания / пер. Ю.И. Крачковского. М., 1958.

⁸¹ Камал ад-Дин. Зубдат ат-таварих аль-Халеб. «Сливки, снятые с истории Халеба» // Семёнова Л.А. Из истории Средневековой Сирии. Сельджукский период. М., 1990. С. 105—217.

влиятельной семье, происходившей из племени Укайлидов. Он учился не только в Алеппо, но и в Дамаске, Иерусалиме, Багдаде. Вслед за своим отцом, который дважды был кадием в Халебе при Зенгидах и Айюбидах, Камал ад-Дин служил секретарём, кадием, визирем и исполнял дипломатические поручения при Айюбидах в период с 1216 по 1260 гг. После захвата монголами Алеппо в 1260 г. Камал ад-Дин бежал в Египет, где и умер.

Его хроника охватывает период по истории Сирии с конца VI в. н.э. до первой половины XIII в. Но она является главным источником по истории Сирии сельджукского периода, и в ней Камал ад-Дин уделяет основное внимание отношениям тюркских правителей и крестоносцев⁸². Среди источников сочинения Камал ад-Дина были труды других арабских историков: ал-Каланиси и «История франков, пришедших в земли ислама» Хамдана ибн Абд ал-Рахима⁸³. Камал ад-Дин также мог использовать официальные документы и рассказы своего отца⁸⁴.

Важные сведения содержатся в хронике «Зубдат ат-таварих ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукийя»⁸⁵, авторство которой приписывается Садр ад-Дину ал-Хусайни. Основным источником для написания данной хроники послужило сочинение Имад ад-Дина ал-Исфахани «Нусрат ал-фатра». Сведения «Зубдат ат-таварих» совершенно уникальны в части, где речь идёт о завоевательных походах сельджукских султанов Алп Арслана и Маликшаха в Закавказье и против Византии.

Огромное значение имеет изучение данных сигиллографии и нумизматики, которые не только дополняют наши знания, но и позволяют по-новому взглянуть на вопрос проникновения норманнов в Малую Азию.

Одну из первых публикаций двух печатей норманнских предводителей на византийской службе сделал в XIX в. французский учёный Г. Шлюмберже⁸⁶.

⁸² Там же. С. 104.

⁸³ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев / пер. с англ. Е.Б. Межевитинова. М., 2008. С. 10.

⁸⁴ Камал ад-Дин Зубдат ат-таварих аль-Халеб. С. 104.

⁸⁵ Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-селджукийя / пер. З.М. Бунятова. М., 1980.

⁸⁶ Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle // *Revue Historique*. 1881. XVI. P. 289—303.

Большой интерес представляет работа Шлюмберже⁸⁷, посвящённая нумизматике государств крестоносцев на Ближнем Востоке, в особенности те пассажи, которые посвящены монетам Антиохийского княжества.

Шлюмберже описывает очень редкую медную монету норманнского правителя Антиохии Танкреда, который изображается на аверсе в тюрбане, а в легенде монеты написано по-гречески: «великий эмир Танкред». Шлюмберже предположил, что данное изображение было «чем-то смелым и преждевременным»⁸⁸, от чего впоследствии Танкред был вынужден отказаться. К большому сожалению, учёный не опубликовал изображение данной монеты ни в одной из известных нам работ. В то же время нам не удалось найти визуальное подтверждение существования данного артефакта.

Тем не менее, легенда этой монеты прочно вошла в научный оборот. Р. Груссе в своей монографии отмечал её как наглядную характеристику деятельности Танкреда⁸⁹. Несколько десятилетий спустя С. Рансимен в «Истории крестовых походов» писал, что Танкред, коверкая греческий язык, на своих монетах скромно именовал себя то «рабом Божиим», то «Великим Эмиром». В этом Рансимен усматривает отзвуки борьбы локальных амбиций Танкреда и общественного мнения Антиохии⁹⁰.

В статье Ж.-К. Шейнэ⁹¹ вводятся в научный оборот новые данные сигиллографии, благодаря которым становятся известны имена норманнов, не упоминавшихся в хрониках, но честно служивших империи на Востоке⁹².

С.П. Брюн сделал ряд ценных наблюдений над монетами норманнских правителей Антиохии, на которых использовались сюжеты византийской иконографии: Богоматерь Оранта и «Чудо Св. Георгия о Змие»⁹³. Последний

⁸⁷ Schlumberger G. Les Principautés franques d'Orient d'après les plus récentes découvertes de la numismatique // *Revue des Deux Mondes*. 1876. XV. P. 569—595.

⁸⁸ Ibid. P. 576.

⁸⁹ Grousset R. *L'épopée des Croisades*. P., 1995. P. 73.

⁹⁰ Runsimen S. *A history of the crusades: The First Crusade and the foundation of the kingdom of Jerusalem*. New York, 1995. Vol. I. P. 32—33.

⁹¹ Cheynet J.-C. *L'implantation des Latins en Asie Mineure avant la Première Croisade* / éd. M. Balard et A. Ducellier // *Migrations et diasporas méditerranéennes (Xe—XVIe siècles)*. P., 2002. P. 115—124.

⁹² Ibid. P. 118—119.

⁹³ Брюн С.П. Византийские иконы на монетах нормандского правителя сирийской Антиохии. Опыт

образ, по мнению Брюна, появляется на монетах Рожера не только благодаря тесным связям с Византией, но вследствие победы Антиохийского князя над сельджуками у Тель-Данита в 1115 г.⁹⁴ Автор считает появление на фоллисах Рожера образа Оранты «редчайшим и ранним примером» для монет латинских правителей⁹⁵. Брюн делает верный вывод о том, что с установлением власти франкского правителя Раймунда де Пуатье в 1136 г. на смену «норманновизантийским» фоллисам пришли французские деньги⁹⁶. Очень огорчает то, что в статье отсутствуют изображения описываемых фоллисов.

Таким образом, привлечённые источники составляют достаточно широкую базу для исследования вопросов, связанных с историей норманнов в Малой Азии в XI—XII вв.

рецепции византийской историографии на заре крестовых походов // Культура и цивилизация. 2013. Вып. 1—2. С. 33—48.

⁹⁴ Там же. С. 38.

⁹⁵ Там же. С. 37.

⁹⁶ Там же. С. 39.

1.2. ИСТОРИОГРАФИЯ

В XVII в. появляются работы, освещающие историю норманнов в различных регионах Западной Европы и Азии. В 1631 г. в Руане вышла «Общая история Нормандии»⁹⁷ французского энциклопедиста Габриэля де Мулена, в которой содержатся подробные сведения по истории и генеалогии династий норманнских правителей в Нормандии, Англии, Италии и на Востоке. Более подробно де Мулен освещает вопросы участия норманнов в Первом крестовом походе в другой книге, увидевшей свет в 1658 г.⁹⁸ Большую научную ценность представляют работы справочного характера другого французского учёного энциклопедиста Шарля Дюканжа (1610—1688)⁹⁹.

В историографии XVIII—XIX вв. отсутствуют специальные работы по истории норманнов в Малой Азии. В то же время многие историки считали необходимым сказать несколько слов о норманнах на византийской службе либо об их участии в Первом крестовом походе.

Английский историк Эдвард Гиббон (1737—1794) в многотомной «Истории упадка и разрушения Римской империи»¹⁰⁰ уделяет большое внимание проникновению норманнов на территорию Византии. В частности, он высоко оценил роль норманнов в Манцикертском сражении¹⁰¹. Но при этом Гиббон не критично относится к источникам. Опираясь на Малатерру, он пытается определить черты «национального характера» норманнов в Южной

⁹⁷ Moulin G. du. Histoire generale de Normandie. Contenant les choses memorables aduenuës depuis les premieres courses des Normands payens, tant en France qu'aux autres pays, de ceus qui s'emperent du pays de Neustrie sous Charles le Simple. Avec l'histoire de leurs ducs, leur genealogie, & leurs conquestes, tant en France, Italie, Angleterre, qu'en Orient, iusques a la reünion de la Normandie à la couronne de France. Ruan, 1631.

⁹⁸ Moulin G. du. Les conquestes et les trophées des Norman-François, aux royaumes de Naples & de Sicile, aux duchez de Calabre, d'Antioche, de Galilée, & autres principautez d'Italie & d'Orient. Ruan, 1658.

⁹⁹ [Ducange D.] Glossarium media et infimae latinitatis / conditum a Carolo DuFresne, domino DuCange, auctum a monachis Ordinis S. Benedicti cum supplementis integris D.P. Carpenterii, Adelungii, aliorum, suisque digessit G.A.L. Henschel sequuntur Glossarium gallicum, tabulae, indices auctorum et rerum, dissertationes. Editio nova aucta pluribus verbis aliorum scriptorum a Léopold Favre. Niort, 1883. X t.; Idem. Les Familles d'Outre Mer de Du Cange. P., 1869.

¹⁰⁰ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской Империи. М., 2008. Т. 6.

¹⁰¹ Там же. С. 386—387.

Италии: «Самые надёжные права этих искателей приключений были основаны на завоевании, они никого не любили и никому не доверяли; им также никто не доверял и не любил; к презрению, которые чувствовали к ним коронованные владетели, примешивался страх, а к страху, который они внушали, примешивалась ненависть и жажда мщения. Эти иноземцы соблазнялись при виде чужой лошади, чужой жены, чужого сада и забирали то, что им нравилось, а жадность их вождей лишь прикрывалась более благовидными названиями честолюбия и жажды славы»¹⁰².

Немецкий историк культуры Иоганн Готфрид Гердер¹⁰³ (1744—1803) в своём фундаментальном труде «Идеи к философии истории человечества»¹⁰⁴ писал, что норманны, «мужество и удачливость которых почти невероятны», приобрели некоторые полезные «свойства характера» благодаря природе Севера: «бесстрашие, физическая сила, большая ловкость в рыцарских искусствах, как стали именовать их позже, обострённое чувство чести и благородного происхождения, равно как и всем известное уважение, которое северные народы оказывают женскому полу, вознаграждающему самого храброго, красивого и благородного воина»¹⁰⁵.

И.Г. Гердер считал, что сам рыцарский дух Западной Европы возник из слияния культурных традиций норманнов и арабов. «Когда романтический характер норманнов, любовь их к приключениям, пристрастие к героическим сказаниям и рыцарским искусствам, их глубокое почитание женщин соединилось с утончённым рыцарским духом арабов, — вот тогда рыцарство стало распространяться в Европе и обрело прочную почву под ногами»¹⁰⁶.

По этой причине крестовые походы на Восток возникли благодаря рыцарству, а не наоборот¹⁰⁷. И единственным результатом крестовых походов

¹⁰² Там же. С. 319—320.

¹⁰³ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

¹⁰⁴ Там же. С. 532.

¹⁰⁵ Там же. С. 532—533.

¹⁰⁶ Там же. С. 587.

¹⁰⁷ Там же. С. 593.

было то, «что подлинный цвет рыцарства был погублен и настоящие рыцари — с мечём в руках — превратились в рыцарей на гербовой бумаге»¹⁰⁸.

Подобные оценки, высказанные Э. Гиббоном и И.Г. Гердером, наглядно демонстрируют насколько большое значение и важность имело для исследователей эпохи Просвещения изучение норманнского наследия.

В начале XIX в. графиня Викторин де Шастене (1771—1855) написала работу под названием «Нормандские рыцари в Италии и Сицилии, и общее рассмотрение истории рыцарства во Франции и в особенности рыцарства из Франции»¹⁰⁹. Французский историк-востоковед, филолог, дипломат, бывший посол в Египте Готье де Арк (1799—1843), много путешествовал по странам Европы и Ближнему Востоку в поисках исторических документов¹¹⁰. По итогам своих изысканий он составил «Историю завоеваний норманнов в Италии, Сицилии и Греции»¹¹¹. Официальный историограф Наполеона III, участник крымской кампании барон де Базанкур (1810—1865), не только рассматривает историю норманнов в Южной Италии и Сицилии, но и участие норманнов в Первом крестовом походе¹¹². Данная тематика привлекла интерес немецкого ориенталиста, поэта, историка искусства графа Адольфа фон Шака (1815—1894)¹¹³.

Немецкий историк Ф. Шлоссер (1776—1861) во втором томе «Всемирной истории»¹¹⁴ последовательно и подробно излагает политическую историю норманнских завоеваний на севере Франции¹¹⁵, Южной Италии¹¹⁶ и норманнских наёмников в Византии¹¹⁷. Он считает, что основной причиной перехода итальянских норманнов на византийскую службу было недовольство

¹⁰⁸ Там же. С. 593.

¹⁰⁹ Victorine de Casteney. Les chevaliers normands en Italie et en Sicile, et considérations générales sur l'histoire de la chevalerie en France. P., 1816.

¹¹⁰ Frère É. Manuel du bibliographe normand. Rouen, 1858. Т. I. P. 13.

¹¹¹ Gauttier d'Arc. Histoire des conquêtes des Normands, en Italie en Sicile et en Grèce. P., 1830.

¹¹² Le baron de Bazancourt. Histoire de la Sicile sous la domination des normands. P., 1846. Т. I—II.

¹¹³ Шакк фон А.Ф. История норманнов в Сицилии. СПб., 1896.

¹¹⁴ Всемирная история Ф. Шлоссера / пер. с нем. и ред. Н.Г. Чернышевский, Н.А. Серно-Соловьевич и В.А. Зайцев. СПб. ; М., 1869. Т. II.

¹¹⁵ Там же. С. 392—398, 604—608

¹¹⁶ Там же. С. 557, 562, 573—577, 604—608.

¹¹⁷ Там же. С. 574—575.

господством представителей дома Альтавилла в Италии. Он также отмечает «значительную роль», которую они сыграли в истории Византии, что стало возможным благодаря «нравственному расслаблению греков, вследствие их перзрелой образованности и деспотизма»¹¹⁸.

Немецкий учёный Б. Куглер (1837—1898) одну из своих ранних работ посвятил участию норманнов в Первом крестовом походе. В ней он подробно рассмотрел этапы становления норманнского княжества в Сирии. По его мнению, норманны очень щедро растратили свой пыл в сражениях с турками-сельджуками и византийцами и не сумели прочно обосноваться в Сирии¹¹⁹.

В «Истории Крестовых походов»¹²⁰ Куглер говорит, что из всех вождей крестоносцев именно Боэмунд проявил «больше военного и политического понимания»¹²¹. Он первый понял, что наилучшее место для основания «большого норманнского государства», подобного тем, которые были основаны в Южной Италии и Англии, находилось не в Малой Азии и Палестине, а в Северной Сирии¹²². Танкред представляется им как идеальный рыцарь, «настоящий норманн, хитрый и алчный, горячо честолубивый и в битве яростный, как берсекер», который был «орудием» Боэмунда для обеспечения «норманнского владычества на Востоке»¹²³. Все последующие предводители норманнов в Антиохии не смогли подняться выше политики, направленной только «на яростные нападения, на захват добычи, на унижение ненавистного врага»¹²⁴.

Таким образом, в историографии XVII—XIX вв. доминировало стремление представить норманнов в романтическом свете. Данный этап характеризуется не критичным отношением к источникам. С другой стороны,

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Kugler B. Bohemund und Tankred, Fürsten von Antiochenien. Ein beitrage zur geschichte der normannen in Syrien. Tübingen, 1862. P. 57.

¹²⁰ Куглер Б. История крестовых походов. Ростов-на-Дону, 1996.

¹²¹ Там же. С. 69.

¹²² Там же. С. 118.

¹²³ Там же. С. 57.

¹²⁴ Там же. С. 121.

шёл процесс накопления материала и формирования устойчивого интереса к вопросам пребывания норманнов на Востоке.

Специальные работы о проникновении норманнов в Малую Азию появились на рубеже XIX и XX вв. Авторство этих работ принадлежит историкам-византинистам, которые, изучив византийские источники и уяснив себе значение норманнов в истории Византийской империи, заинтересовались историей норманнов. Как правило, эти авторы принадлежали к школе французских византинистов.

В 1881 г. историк, археолог, нумизмат Гюстав Шлюмберже (1844—1929) выпустил работу о двух предводителях норманнов в Малой Азии¹²⁵. Толчком для проведения этого исследования послужило обнаружение им печатей Жерве Франкопулоса и Руссея де Баллиоля. Шлюмберже подчёркивает, что под термином «франк» во второй половине XI в. все византийские авторы подразумевали исключительно итальянских норманнов¹²⁶, основным местом приложения сил которых была Малая Азия¹²⁷. Для Шлюмберже очевидно, что норманнские предводители на византийской службе были «достойными предшественниками Боэмунда и Танкреда»¹²⁸.

Выпускник Школы хартий Фердинанд Шаландон (1875—1921) является автором фундаментального труда под названием: «Господство норманнов в Италии и Сицилии»¹²⁹. Сопоставляя и критикуя данные источников, Шаландон написал подробную и довольно достоверную историю военного и политического возвышения норманнов в Италии и Сицилии, которая не потеряла своего научного значения до наших дней. За семь лет до этого Шаландон написал эссе о правлении Алексея I Комнина¹³⁰, в котором подробно описал деятельность Руссея де Баллиоля в Малой Азии¹³¹. Большую часть этой

¹²⁵ Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle // *Revue Historique*. 1881. XVI. P. 289—303.

¹²⁶ Ibid. P. 290.

¹²⁷ Ibid.

¹²⁸ Ibid. P. 292.

¹²⁹ Chalandon F. *Histoire de la domination normande en Italie et Sicile*. P., 1907.

¹³⁰ Chalandon F. *Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène (1081—1118)*. P., 1900.

¹³¹ Ibid. P. 28—31.

монографии составляет описание взаимоотношений Алексея Комнина с Робертом Гвискаром и Боэмундом.

В первой трети XX в. представитель Школы хартий Ш. Пти-Дютайи (1868—1947) в монографии «Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII веков» говорил о Нормандии, что «никакая другая область в королевстве не имела больше храбрых и беспокойных воинов. У этих потомков пиратов ещё держался дух викингов с их страстью к приключениям, и герцоги с трудом удерживали их от слишком многочисленных эмиграций в те страны, где дрались: в Испанию, в Италию, на Восток»¹³². «Везде, куда они шли, норманны приносили с собой известные навыки управления. К тому же есть указание на то, что от севера до юга Европы они старались поддерживать сношения друг с другом: они заимствовали из одного королевства в другое методы управления, которые были им открыты. Среди рыцарского общества, грубого и наивного, норманны не ограничивались тем, что раздавали добрые удары меча. Они размышляли: они уже обладали юридическим умом. Они являлись в эту эпоху народом, одарённым способностью господствовать»¹³³.

Редактор «Ревю историк» Луи Брейе (1868—1951) издал статью «Приключения одного норманнского предводителя на Востоке»¹³⁴. В отличие от Шлюмберже, Брейе более подробно и пристрастно рассматривает карьеру Русселя де Баллиоля. Брейе не может удержаться от восклицания: «Какая прекрасная Нормандия могла бы быть в области Трапезунда!»¹³⁵. Для него создание норманнского государства в Малой Азии совсем не казалось «химерой»¹³⁶. Брейе предполагает, что Византийская империя, уничтожив государство Русселя, упустила уникальный шанс предупредить завоевание Малой Азии турками-сельджуками¹³⁷. Очевидно, что на взгляды Брейе оказала

¹³² Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII веков. СПб, 2001. С. 54.

¹³³ Там же. С. 55.

¹³⁴ Brehier L. Les Aventures d'un chef normand en Orient au Xle siècle // Revue des cours et des conferences. 1912. XX. P. 172—188.

¹³⁵ Ibid. P. 184.

¹³⁶ Ibid.

¹³⁷ Ibid. P. 187.

большое влияние колониальная политика Второй империи и Третьей республики. Брейе считает Руссея идеальным представителем «*de la race normande*»¹³⁸, обладающим всеми необходимыми качествами: духом инициативы, отвагой, вкусом к самостоятельности и независимости, причудливой смеси здравого смысла и духа авантюризма.

В небольшой по объёму работе византиниста Раймунда Жанена (1882—1979) «Франки на службе Византии» очень сжато представляет историю контингентов франкских наёмников в империи в период с IV по XIV вв. Тем не менее, уже с первых страниц Жанен признаёт, что под «франками» в XI в. следует понимать итальянских норманнов¹³⁹, которые «занимали важное место в Византийской империи»¹⁴⁰.

Историк искусства и ориенталист Р. Груссе (1885—1952) в «Эпопее Крестовых походов»¹⁴¹ представляет норманнов как «латинский авангард» в походе против мусульман и еретических греков¹⁴². В духе колониальной пропаганды Груссе отмечает, что «военные расы» Востока и Запада: турки-сельджуки и франки крестоносцы имели возможность оценить боевые качества друг друга в битве при Дорилее¹⁴³, в которой основную тяжесть выдержали норманны во главе с Бозмундом, герцогом Нормандии Робертом и Танкредом¹⁴⁴. Саму битву Груссе приравнивает к сражениям при Гранике и Арбеллах, поскольку она более чем на сто лет отодвинула преимущество, полученное сельджуками при Манцикерте и заявила всему миру о появлении на Ближнем Востоке новой силы — «франков»¹⁴⁵.

Предводитель итальянских норманнов Роберт Гвискар начал свой собственный крестовый поход на Византию, который продолжил его сын

¹³⁸ Ibid.

¹³⁹ Janin R. Les Francs au service des «Byzantins» // *Échos d'Orient*. 1930. Vol. 29. № 157. P. 61.

¹⁴⁰ Ibid. P. 64.

¹⁴¹ Grousset R. *L'épopée des Croisades*. P., 1995.

¹⁴² Ibid. P. 11.

¹⁴³ Ibid. P. 26.

¹⁴⁴ Ibid. P. 25.

¹⁴⁵ Ibid. P. 26.

Боэмунд¹⁴⁶. Боэмунд являлся не только наследником «Восточных мечтаний» своего отца, но верным сторонником политики папского престола с безграничными амбициями, и совершенно недобросовестный. От своих северных предков викингов он получил амбиции, энергичный характер, блестящие военные способности и рассудительный разум. Южная Италия снабдила его «сицилийской изворотливостью». Таким образом, его удвоенная «хитрость» делала его достойным противником византийских дипломатов и турок-сельджуков¹⁴⁷.

Груссе называет Боэмунда «хитрым»¹⁴⁸ и «ужасным предводителем норманнов»¹⁴⁹. Он считает, что из-за «норманнской жадности», не желая рисковать приобретённой Антиохией, Боэмунд отказался продолжать поход на Иерусалим¹⁵⁰. В отношении морали и верности Танкред является полной противоположностью своего дяди Боэмунда и не уступал ему ни в воинской доблести, ни в страсти к завоеваниям¹⁵¹.

Груссе считает истинным создателем Антиохийского княжества Танкреда. Боэмунд, как и Руссель де Баллиоль, принадлежал к плеяде норманнских авантюристов XI в., мечтавших о Константинополе и троне Восточной империи. Сегодня он правитель обширных территорий на Востоке, а завтра жалкий и нищий пленник. В то же время Танкред терпеливо и последовательно расширял границы своих владений на Востоке¹⁵².

Востоковед-марксист Клод Каэн (1909—1991) в своих трудах всегда с большим вниманием относится к норманнскому присутствию не только в Сирии¹⁵³ или Южной Италии¹⁵⁴, но и в Малой Азии. В статье «Первое проникновение турок в Малую Азию» Каэн рисует картину долгого

¹⁴⁶ Ibid. P. 12.

¹⁴⁷ Ibid. P. 21.

¹⁴⁸ Ibid. P. 29.

¹⁴⁹ Ibid. P. 32.

¹⁵⁰ Ibid. P. 35.

¹⁵¹ Ibid. P. 41.

¹⁵² Ibid. P. 73.

¹⁵³ Cahen C. La Syrie du Nord à l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche. P., 1940.

¹⁵⁴ Cahen C. Le régime féodal de l'Italie Normande. P., 1940.

сотрудничества и раздоров между норманнскими предводителями и турками-сельджуками¹⁵⁵. Он рассматривает отношения между Жерве Франкопулосом и Самухом в 1062 г.¹⁵⁶; Русселем де Баллионом и Артуком ибн Эксебом в 1073 г.¹⁵⁷; Данышмендом и Боэмундом в 1103 г.¹⁵⁸

Более подробно Каэн освещает деятельность норманнов в Малой Азии в монографии о сельджукском султанате Рума¹⁵⁹. На первом этапе образования «Турции» с 1071 по 1107 гг. на фоне «не имевших политических целей» сельджуков норманнский предводитель Руссель провозглашает византийским императором Иоанна Дуку, а затем пытается утвердиться в Армениаке¹⁶⁰. Норманнские и сельджукские контингенты периодически объединяются в Малой Азии ради собственных интересов¹⁶¹. Норманнская угроза имперскому господству в Европе и Азии заставляет византийское правительство постоянно обращаться за помощью к туркам-сельджукам¹⁶².

По мнению Каэна, контакты сельджуков и норманнов привели к тому, что султан Кылыч Арслан сначала крайне несерьёзно воспринял приход крестоносцев в Малую Азию, думая, что это «норманнские контингенты давно известные туркам в стране, иногда как враги, иногда как союзники»¹⁶³. Кылыч Арслан надеялся договориться с крестоносцами и заключить союз, как это сделал позднее другой тюркский предводитель Данышменд и норманнский предводитель Первого крестового похода Боэмунд¹⁶⁴.

К. Каэн в 1940 г. впервые издал монографию об Антиохийском княжестве в Северной Сирии в эпоху крестовых походов¹⁶⁵. Одну из главных задач своей

¹⁵⁵ Cahen C. La premiere penetration turque en Asie Mineure (second moitie du XIe siecle) // Byzantion. 1948. Т. 18. P. 5—67.

¹⁵⁶ Ibid. P. 22—23.

¹⁵⁷ Ibid. P. 33.

¹⁵⁸ Ibid. P. 60.

¹⁵⁹ Cahen C. La Turquie pré-ottomane. Istanbul, 1988.

¹⁶⁰ Ibid. P. 11—12.

¹⁶¹ Ibid. P. 12.

¹⁶² Ibid. P. 12, 13.

¹⁶³ Ibid. P. 17.

¹⁶⁴ Ibid. P. 18—19.

¹⁶⁵ Cahen C. La Syrie du Nord a l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche. P., 1940.

работы Каэн видел в изучении завоеваний норманнов и приспособления их институтов к Сирийским условиям¹⁶⁶.

Французский историк П. Виймар в монографии «Крестовые походы»¹⁶⁷ прямо заявляет, что норманны «играли определяющую, если не главную роль в мире Средиземноморья во времена крестовых походов»¹⁶⁸. Поэтому он считает необходимым уделить им достаточно внимания на страницах своего труда. Проблема осложняется крайне пёстрой политической, этнической, социально-экономической картиной средневекового Востока, «мозаикой Леванта»¹⁶⁹. У Боэмунда изначально существовал план обосноваться на Востоке «с помощью политики, защищающей интересы местных христиан»¹⁷⁰.

П. Виймар обращает внимание на то, что норманны «проникли в Южную Италию приблизительно в эпоху первых турецких набегов на Восточную Анатолию»¹⁷¹. Методы, с помощью которых норманны основывали свои «маленькие феодальные княжества», были «очень похожи на приёмы турецких кочевников»¹⁷². Наконец, он прямо говорит, что «процесс развития их власти напоминает продвижение турок в Анатолии»¹⁷³.

Виймар считал, что одной из главных задач, которую должны были решить правители Латинских государств на Востоке, был захват Анатолийского плато. Это был единственно возможный вариант сухопутного пути для подкреплений из Западной Европы. Норманнам удалось продвинуться в этом направлении дальше остальных, но «византийцы и турки, сменяя друг друга, всё же изгнали их из Сирии»¹⁷⁴. Виймар заявляет, что Первый крестовый поход был единственным и последним предприятием, в ходе которого удалось преодолеть «Анатолийскую преграду». Все последующие армии крестоносцев

¹⁶⁶ Ibid. P. 203.

¹⁶⁷ Виймар П. Крестовые походы. Миф и реальность священной войны. СПб., 2006.

¹⁶⁸ Там же. С. 35.

¹⁶⁹ Там же. С. 38.

¹⁷⁰ Там же. С. 53.

¹⁷¹ Там же. С. 35.

¹⁷² Там же. С. 36.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же. С. 35.

исчезали в Малой Азии под ударами турок-сельджуков. По этой причине никогда впредь не могли существовать полноценные государства крестоносцев на Востоке¹⁷⁵.

Французский исследователь М. Баливе в своей работе «Норманны и турки»¹⁷⁶ отметил удивительную симметрию в действиях столь непохожих друг на друга народов-завоевателей: норманнов и турок-сельджуков в Восточном Средиземноморье XI—XII вв. Сами источники дают возможность утверждать, что, будучи врагами, норманны и турки-сельджуки относились друг к другу с восхищением, как к равным и даже как к братьям¹⁷⁷.

Автор считает, что в основе этих отношений лежала некая «функциональная симметрия»: выдающаяся роль, которая принадлежала норманнам и туркам соответственно в христианском и мусульманском сообществах; избрание многими представителями этих народов карьеры наёмников¹⁷⁸; хронология завоеваний в Средиземноморском регионе; стремление быть столпами веры: у турок верно служить халифам, а у норманнов поддерживать власть римского папы¹⁷⁹; стремление под прикрытием идеалов «священной войны» совершать военные походы; создание могущественных в военном отношении государств, чьи правители носили претенциозно высокие титулы; Византия традиционно является для норманнов и турок как работодателем, так и жертвой¹⁸⁰; на покорённых территориях устанавливается строгий порядок и вводится эффективное управление, а также развивается культурный эклектизм; обе группы верили в свою особую миссию и обладали чувством идентичности «*”turbite” et “normanite”*»¹⁸¹; стремление к легитимации территориальных приобретений¹⁸²; похожие военно-тактические

¹⁷⁵ Там же. С. 160—161.

¹⁷⁶ Balivet M. Normands et Turcs en Méditerranée médiévale : deux adversaires “symétriques”? // *Turcica*. 1990. Vol. 30. P. 309—329.

¹⁷⁷ Ibid. P. 309—310.

¹⁷⁸ Ibid. P. 311.

¹⁷⁹ Ibid. P. 313.

¹⁸⁰ Ibid. P. 315.

¹⁸¹ Ibid. P. 317.

¹⁸² Ibid. P. 319.

приёмы и представление о военной доблести; забота о репутации непобедимых воинов¹⁸³; свойственный обоим народам «дух великой культурной открытости, и даже синкретизма» в отношении культуры других народов¹⁸⁴; признание современниками специфичности и оригинальности этих двух групп.

Подобную симметрию Баливе считает уместной только для периода XI—XII вв. Постоянный приток туркмен из Средней Азии привёл к образованию в Малой Азии настоящего «Средиземноморского Туркестана»¹⁸⁵. Напротив, крайне малочисленные норманны не могли рассчитывать на нечто подобное, и к XIII в. под ударами мамлюков совершенно утратили свои позиции в Сирии. В то время как норманны оставались жить только в памяти последующих поколений европейцев, турки были грозной реальностью для христианского мира. Османская империя пережила бурный расцвет в XVI—XVII вв. и была близка к тому, чтобы превратить «древнее внутреннее море римлян в турецкое озеро»¹⁸⁶.

Французский византист Жан-Клод Шейнэ в своих работах обращается к истории пришельцев из Нормандии в Малой Азии. В одной из них он исследовал роль и судьбы норманнских наёмников в византийской армии перед Первым крестовым походом¹⁸⁷. В другой Шейнэ интересовал вопрос, когда иноземные офицеры византийской армии, в том числе и норманны, становились византийцами¹⁸⁸. Более подробно вопросы, связанные с проникновением норманнов в Малую Азию до Первого крестового похода, Шейнэ рассматривает в отдельной работе¹⁸⁹. В итоговой работе по истории

¹⁸³ Ibid. P. 321.

¹⁸⁴ Ibid. P. 324.

¹⁸⁵ Ibid. P. 325.

¹⁸⁶ Ibid.

¹⁸⁷ Cheynet J.-C. Le rôle des Occidentaux dans l'armée byzantine avant la Première Croisade // *Byzanz und das Abendland im 10 und 11. Jahrhundert*. Cologne, 1997. P. 111—128.

¹⁸⁸ Cheynet J.-C. Les officiers étrangers dans l'armée byzantine aux Xe—XIIe siècle // *Guerre et société. Byzance — Occident, (VIIIe — XIIIe siècle)*. P., 2010. P. 42—60.

¹⁸⁹ Cheynet J.-C. L'implantation des Latins en Asie Mineure avant la Première Croisade // *Migrations et diasporas méditerranéennes (Xe—XVIe siècles)*. P., 2002. P. 115—124.

Византии Ж.-К. Шейне отмечал значительное преимущество армий наёмников, в частности норманнов, над «национальным» ополчением стратиотов в XI в.¹⁹⁰

В 2007 г. вышла книга специалиста по истории крестовых походов Ж. Флори¹⁹¹, которая в русском переводе получила название «Боэмунд Антиохийский. Рыцарь удачи»¹⁹². Французского исследователя Боэмунд интересовал как «исторический миф», идеологический образ, являвшийся отражением своего времени¹⁹³. Флори по-новому интерпретирует широко известные события, связанные с жизнью и карьерой «хитроумного норманна»¹⁹⁴. В представлении Флори история Первого крестового похода становится историей идеологических баталий между Боэмундом и другими предводителями крестоносцев, византийцами. Норманнский предводитель предстаёт, в первую очередь, талантливым пропагандистом. Даже свои поражения ему удаётся обращать себе на пользу путём умелой пропаганды. Например, освобождение из турецкого плена послужило основой для создания образа Боэмунда в Западной Европе как олицетворения рыцарского поведения. В то же время прославлявшая Боэмунда пропаганда была направлена против Византии¹⁹⁵.

Вопрос о пребывании норманнов в Малой Азии в большей или меньшей степени затрагивался в трудах крупных западных учёных-византинистов англо-американской школы.

Американский историк-византинист и арменист Питер Харанис (1908—1985) рассматривает отношения Византии и норманнов в статье «Византия, Запад и происхождение Первого крестового похода»¹⁹⁶ и считает, что после 1071 г. византийцы стремились изгнать турок-сельджуков и восстановить свои позиции в Малой Азии с помощью норманнов из Южной Италии¹⁹⁷.

¹⁹⁰ Шейне Ж.-К. История Византии. М., 2006. С. 88, 111—112.

¹⁹¹ Flori J. Bohémond d'Antioche. Chevalier d'aventure. Paris, 2007.

¹⁹² Флори Ж. Боэмунд Антиохийский. Рыцарь удачи. СПб., 2013.

¹⁹³ Ibid. P. 9.

¹⁹⁴ Ibid. P. 27—28.

¹⁹⁵ Ibid. P. 225.

¹⁹⁶ Charanis P. Byzantium, the West and the origin of the First Crusade // Byzantion. 1949. T. 19. P. 17—36.

¹⁹⁷ Ibid. P. 17.

В статье «Культурное разнообразие и падение власти Византии в Малой Азии»¹⁹⁸ Питер Харанис среди причин поражения византийцев и утраты позиций в регионе называет два основных фактора: упадок византийской армии и «сомнительную роль наёмников»¹⁹⁹. В то время, когда византийцы стремились быть «адвокатами или юристами», армии Анатолийских фем состояли из иноземных наёмников, «которые были чужды культурным традициям империи и более склонялись к преследованию собственных интересов, чем интересов империи»²⁰⁰. Среди этих наёмников, от которых вреда было больше, чем пользы, П. Харанис называет норманнов и турок-сельджуков²⁰¹.

В свою очередь, «эти два фактора стали результатом гораздо более фундаментального процесса: утрата сплочённости народом Малой Азии»²⁰² или, вернее, потеря «культурной сплочённости византийской Малой Азии»²⁰³, которая наряду с энергичными внешними вторжениями, изменениями в социальной структуре региона, ухудшением фемных армий, отсутствием «агрессивного руководства» привела к падению власти Византии в Малой Азии²⁰⁴.

Британский историк-медиевист, византинист С. Рансимен (1903—2000) в первом томе истории крестовых походов рассматривает ранние связи норманнов с Малой Азией: активное участие в паломничестве к Святым местам Южной Италии и Палестины с начала XI в.²⁰⁵

Рансимен считает, что завоевания норманнов в первой половине XI в. в Южной Италии «дали византийцам представление о будущей норманнской

¹⁹⁸ Charanis P. Cultural diversity and the breakdown of Byzantin power in Asia Minor // *Dumbarton Oaks Papers*. 1975. Vol. 29. P. 1—20.

¹⁹⁹ *Ibid.* P. 17—18.

²⁰⁰ *Ibid.*

²⁰¹ *Ibid.*

²⁰² *Ibid.*

²⁰³ *Ibid.* P. 20.

²⁰⁴ *Ibid.*

²⁰⁵ Runsimen S. A history of the crusades : The First Crusade and the foundation of the kingdom of Jerusalem. New York, 1995. Vol. I. P. 46.

экспансии на Восток»²⁰⁶. Мотивы норманнов Рансимен объясняет тем, что «только несколько поколений отделяло их от кочевых флибустьеров»²⁰⁷.

Норманны составляли элитное подразделение тяжёлой кавалерии в византийской армии, которое находилось под командованием своих соотечественников: Жерве Франкопулоса, Роберта Криспина и Русселя де Баллиоля²⁰⁸. По мнению Рансимена, нежелание Русселя де Баллиоля участвовать в сражении при Манцикерте в 1071 г. обеспечило решающий перевес туркам-сельджукам²⁰⁹.

Поражение в битве при Манцикерте стало не только величайшей катастрофой в истории Византии, но, с точки зрения Западной Европы, лишило её титула защитника христианства и легализовало вторжения с Запада²¹⁰. По этой причине Рансимен недоумевает, почему Михаил VII Дука вновь доверяет Русселю де Баллиолю, который является «более опасным врагом, чем турки»²¹¹.

Руссель лелеял мечту о создании «норманнского государства в Анатолии» по примеру своих соотечественников в Южной Италии. Он имел три тысячи хорошо вооружённых и тренированных, но, главное, преданных ему людей. В битве один на один ни византийцы, ни сельджуки не могли противостоять ему²¹². С помощью сельджуков византийцам удалось подавить мятеж Русселя, который научил их недоверчиво относиться к норманнским наёмникам, т.к. «их амбиции не ограничивались пределами Южной Италии, но они стремились к созданию государств на Востоке»²¹³.

Этот инцидент объясняет последующую политику Византии по отношению к крестоносцам и подозрительность в отношении норманнских наёмников, жертвами которой стали невинные наёмники-скандинавы.

²⁰⁶ Ibid. P. 56—57.

²⁰⁷ Ibid. P. 92.

²⁰⁸ Ibid. P. 62.

²⁰⁹ Ibid. P. 63, 66.

²¹⁰ Ibid. P. 64.

²¹¹ Ibid. P. 66.

²¹² Ibid.

²¹³ Ibid. P. 67.

Несмотря на страх перед норманнами, Михаил VII Дука продолжал искать заступничества у герцога Роберта Гвискара и папы Григория VII²¹⁴.

С. Рансимен постоянно обращается к участию норманнов в подготовке и осуществлению Первого крестового похода. Для византиниста Рансимена очень важен вопрос восприятия византийцами норманнов. По своему опыту они знали, что Боэмунд выступает во главе «воинственных и амбициозных врагов, коварных и беспринципных»²¹⁵. С. Рансимен характеризует войско Боэмунда почти в тех же словах, как ранее говорил об трёхтысячном отряде Русселя де Баллиоля: «хорошо организованное, хорошо оснащённое и хорошо дисциплинированное; полностью преданное ему»²¹⁶. Самого Боэмунда Рансимен описывает как «уверенного в себе, но не всегда мудрого» стратега, но в то же время как «тонкого и убедительного дипломата и выдающегося политика»²¹⁷.

Во втором томе «Крестовых походов»²¹⁸ Рансимен признаёт, что большое влияние на его исследование оказали работы К. Казна, и в особенности его «великая монография о Северной Сирии»²¹⁹. По мнению Рансимена, Антиохийское княжество представляло собой небольшое по территории, но самое богатое и безопасное государство на Латинском Востоке²²⁰.

Дж. Рейли-Смит в монографии «Первый крестовый поход и идея Крестового похода» отмечает, что движение крестоносцев было разнородным по «национальному» признаку. Провансальцы и норманны верили в то, что принадлежали к различным народам и вспоминали об этом каждый раз, когда дело доходило до дележа добычи²²¹.

²¹⁴ Ibid. P. 68.

²¹⁵ Runsimen S. A history of the crusades : The First Crusade... P. 157.

²¹⁶ Ibid.

²¹⁷ Ibid.

²¹⁸ Runsimen S. A history of the crusades : The kingdom of Jerusalem and the Frankish East, 1100—1187. New York, 1995. Vol. II.

²¹⁹ Ibid. P. xii.

²²⁰ Ibid. P. 20.

²²¹ Ibid. P. 86.

Работа Рейли-Смита представляет интерес в вопросах идеологии движения норманнов-крестоносцев. К сожалению, автор использует в основном латинские нарративные источники и сравнительно мало обращается к мусульманским.

Дж. Рейли-Смит выпустил работу «Мотивы ранних крестоносцев и заселение Латинской Палестины 1095—1100 гг.»²²², в которой по латинским источникам проследил карьеры норманнов. В общей сложности он рассмотрел судьбы десяти норманнских предводителей из Южной Италии и Сицилии, которые решили остаться на Востоке. Как правило, это были «Гвискардиды», такие как Боэмунд и Танкред, а также те, кто находился у них на службе. Рейли-Смит локализовал место в Палестине первоначального расселения норманнов: Галилея²²³.

Американский учёный греческого происхождения Спирос Врионис²²⁴ в своём фундаментальном исследовании по истории Малой Азии особое внимание уделяет деятельности норманнских предводителей на византийской службе²²⁵. В частности, он пришёл к выводу о том, что Руссель де Баллиоль попытался создать в Армении «маленькую Нормандию»²²⁶.

В начале 90-х гг. XX в. увидел свет Оксфордский словарь Византии, о создании которого мечтал Д. Моравчик ещё в 1948 г. Ведущие византилисты внесли свой вклад в создание словаря. Значительное место в этом справочном пособии по истории Византии уделено норманнам, что является подтверждением растущего интереса к данной тематике среди учёных. Редактор А.П. Каждан написал ряд статей, которые мы рассматриваем в разделе отечественной историографии. Ч. Брандт является автором статей о двух предводителях норманнов на имперской службе: Жерве Франкопулосе²²⁷ и

²²² Riley-Smith J. The motives of the earliest crusaders and the settlement of Latin Palestine, 1095—1100 // The English historical review. 1983. Oct., № 389. P. 721—736.

²²³ Ibid. P. 726.

²²⁴ Vrionis Sp. The decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the process of Islamization from the 11 through the 15 century. Berkeley, 1971.

²²⁵ Ibid. P. 76, 91.

²²⁶ Ibid. P. 58.

²²⁷ Brand C.M. Herve Francopoulous // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York, 1991. Vol. II. P. 922.

Русселе де Баллиоле²²⁸, а также о норманнских вождях Первого крестового похода Боэмунде²²⁹ и Танкреде²³⁰. Данные работы являют собой пример блестяще оформленного справочного материала.

Дж. Шепард в «Кембриджской истории Византийской империи» очень точно называет норманнов «маленькой группой чужеродных хищников, чья энергичность, алчность и организационные способности изматывали византийские власти с середины одиннадцатого столетия»²³¹.

М. Анголд в главе «Византийская империя, 1025—1118» в многотомной «Новой Кембриджской истории средних веков» разбирает историю XI в. Союз между норманнами и папством надолго предопределил политику Запада в отношении Византии²³². Он считает, что поражение Византии при Манцикерте не было катастрофой «в военном отношении»²³³. В то время угроза исходила не от турок-сельджуков. Катастрофическими по своим последствиям стала гражданская война, вызванная поражением при Манцикерте. Этой войной воспользовался Руссель де Баллиоль, который обосновался в Амасии и вскоре овладел почти всей фемой Армениак²³⁴.

Гражданская война в империи и необходимость найти управу на мятежных норманнов привели к прямому вмешательству турок-сельджуков²³⁵. В последующем, чем ожесточённее норманны нападали на Византию в 1082—1085 гг. и в 1106—1107 гг., тем прочнее обосновывались в Малой Азии турки-сельджуки. Необходимость в отражении норманнских вторжений заставили Алексея Комнина смириться с потерей Малой Азии²³⁶.

²²⁸ Brand C.M. Roussel de Bailleul // Ibid. P. 1814—1815.

²²⁹ Brand C.M. Bohemund I // Ibid. P. 301—302.

²³⁰ Brand C.M. Tancred // Ibid. P. 2009.

²³¹ The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500—1492 / ed. by J. Shepard. Cambridge, 2008. P. 559.

²³² Angold M. The Byzantine empire 1025—1118 // New Cambridge medieval history... P. 233.

²³³ Ibid. P. 238.

²³⁴ Ibid. P. 239.

²³⁵ Ibid. P. 239—240.

²³⁶ Ibid. P. 252.

Маквин в статье «Отношения между норманнами и Византией 1071—1112 гг.»²³⁷ задался целью доказать, «что норманны являлись идеалом военной аристократии»²³⁸ в глазах византийцев. Также Маквин надеялся «показать, как анализ политических, военных и социальных отношений между двумя группами людей может пролить свет на характер и структуру их обществ»²³⁹. Благодаря постановке этих задач работа Маквина приобретает новаторский характер. Автор стремится не просто описать в хронологическом порядке события и факты, но и приблизиться к пониманию отношений норманнов и византийцев.

В заключении к своей работе Маквин делает выводы о том, что причиной активного проникновения норманнов на территорию Византии в период между 1071—1112 гг. была «нестабильность»²⁴⁰ норманнского общества в Южной Италии, которая, в свою очередь, была обусловлена «базовой ментальностью наёмника»²⁴¹ и, независимо от социального положения, была характерна для всех норманнов. Единственным стабилизирующим фактором для норманнского мира являлась постоянная нужда Византии в подготовленных воинах-наёмниках, которых она привлекала предоставлением даров и титулов²⁴².

Большое внимание уделяет Маквин судьбе Боэмунда. Он считает, что Боэмунд до самой смерти не расставался с надеждой покорить Византию, и видит в архитектуре мавзолея Боэмунда в Венозе символ не воплотившихся в реальность «восточных амбиций»²⁴³ правителя Антиохии.

Профессор Оксфорда Дж. Шепард является автором одного из самых важных исследований по истории норманнских наёмников на византийской службе²⁴⁴. Его интересует ответ на вопрос: почему норманнские наёмники

²³⁷ Mcqueen W.B. Relation between the Normans and Byzantium 1071—1112 // *Byzantion*. 1986. Vol. 56. P. 427—476.

²³⁸ Ibid. P. 427—428.

²³⁹ Ibid. P. 428.

²⁴⁰ “instability” (Ibid. P. 467).

²⁴¹ “basic mercenary mentality” (Ibid. P. 468).

²⁴² Ibid.

²⁴³ Ibid. P. 473.

²⁴⁴ Shepard J. The uses of Franks in eleventh century Byzantium // *Anglo-Norman Studies: Proceedings of the XV Battle Conference*. 1993. Vol. XV. P. 275—307.

начинают активно использоваться в византийской армии с 1038 г.? По какой причине они так быстро завладевают вниманием византийских хронистов в ущерб другим солдатам удачи? И так ли «доблестны» были эти «франки», чьим боевым навыкам и военному снаряжению нельзя было ничего противопоставить?

По мнению Шепарда, наёмники прибывали в Византийскую империю с IV в. н.э.²⁴⁵, но только с XI в. термин «наёмник» становится общим в византийских источниках для обозначения иноземных солдат удачи, которые до этого воспринимались как «союзные силы», направленные на имперскую службу их собственными правителями²⁴⁶.

Шепард находит разительные отличия норманнов «франков» от «руссоскандинавов» и прочих «союзников» империи. В византийских и латинских хрониках XI в. появление норманнов внезапно: они служат самим себе, материалисты-прагматики, для которых вопрос оплаты стоял на первом месте, готовые устроить мятеж в случае неудовлетворённости денежными выплатами. Итало-норманнские хроники в противопоставлении «франков» и «греков» полны чёрно-белых клише. В них норманнские предводители соперничают с византийским императором и всегда готовы восстать против него. Напротив, скальды в своих сагах лояльны и преданы императору²⁴⁷.

Шепард считает, что ключ к пониманию мятежной сущности норманнов, их готовности взбунтоваться из-за несправедливого дележа или недостаточной части добычи лежит в наёмническом духе, который отличал их от всех других «союзников» империи. Их поведение было продиктовано тем, что они прибывали принципиально другим путём на византийскую службу. Привечавшие и снабжавшие поначалу норманнов лангобардские правители, чьи владения граничили с Византией, не были из их народа, и поэтому норманны изначально приходили к ним в качестве наемников. Деньги и

²⁴⁵ Ibid. P. 278.

²⁴⁶ Ibid. P. 281.

²⁴⁷ Ibid.

материальное вознаграждение имело для них такое огромное значение, которое византийцы раньше не встречали среди солдат удачи. В отличие от “руссо-скандинавов”, которые не стремились задерживаться в Византии дольше определённого срока, норманны связали свою удачу с местом, где деньги представляли большую ценность для приобретения товаров и услуг²⁴⁸.

С 1048—1049 гг. византийское правительство использует норманнские контингенты для обороны восточных рубежей империи от сельджукских набегов (например, в Манцикерте). Местом зимних квартир для норманнов являлась фема Армениак, где их предводители имели земельные владения и даже замки²⁴⁹. Шепард считает, что у имперского правительства были все основания доверять норманнским наёмникам, т.к. все финансовые потоки стекались в столицу и только император обладал звонкой монетой. Поэтому норманны крайне неохотно принимали участие в военных переворотах «и только треть из них представляла серьёзную угрозу для правительства, и только в чрезвычайных политических и военных обстоятельствах»²⁵⁰. Среди последних Шепард кратко останавливается на карьерах трёх выдающихся норманнских предводителей: Жерве Франкопулоса, Роберта Криспина и Русселя де Баллиоля²⁵¹.

В конце концов, византийцы научились обращаться с норманнскими наёмниками, и первый, кому удалось овладеть этим искусством в совершенстве, был император Алексей Комнин²⁵². В годы его правления империя достаточно окрепла, чтобы вовремя пресекать попытки норманнов поднять мятеж. Этому способствовал ряд мер: во главе норманнских наёмников стоял человек, которому Алексей мог доверять (такой, как Константин Умбертопул), увеличивать количество западных наёмников за счёт выходцев из других регионов Европы (например, Фландрии). Наконец, он попытался

²⁴⁸ Ibid. P. 284.

²⁴⁹ Ibid. P. 287—288.

²⁵⁰ Ibid. P. 296.

²⁵¹ Ibid. P. 296—302.

²⁵² Ibid. P. 303—304.

изменить отношения с норманнами, а через них и с другими представителями западноевропейских воинов, делая упор на принесение ими клятвы верности. Тем самым из наёмников он пытался сделать их своими «верными» вассалами или хотя бы добиться их лояльности и расположения дружеским обращением и щедрыми дарами.

П. Магдалино сделал ряд ценных наблюдений относительно пребывания норманнов в Малой Азии во второй половине XI в.²⁵³ В византийской армии норманны «составляли значительный и самостоятельный элемент», в общем количестве до 3000 человек в 1071 г. с явной тенденцией к постоянному увеличению²⁵⁴.

За период с 1050 г. Малая Азия стала домом для норманнских наёмников, и в особенности фема Армениак. Именно расселённые в этой области «франки» послужили основой для мятежей трёх норманнских предводителей: Жерве Франкопулоса, Роберта Криспина и Русселя де Баллиоля²⁵⁵. Последний мятеж имел все шансы на успех: образование норманнского государства в Малой Азии. Вместе с тем, сын Роберта Гвискара Боэмунд учёл более чем полувековой опыт отношений норманнов с империей и, счастливо обойдя все уловки Алексея I Комнина, основал независимое княжество в Антиохии.

А. Симпсон написала специальную работу о мятежах трёх норманнских предводителей в Малой Азии в XI в.²⁵⁶ Вслед за С. Врионисом она полагает, что норманнские наёмники сыграли видную роль в коллапсе Византийской системы управления в Малой Азии. По сути, они воспользовались ситуацией царившего хаоса, но в то же время это не было причиной конкретных мятежей норманнов, а только фоном²⁵⁷. Со ссылкой на Шепарда и Жанена Симпсон

²⁵³ Magdalino P. The Byzantine background to the First Crusade. Toronto, 1996.

²⁵⁴ Магдалино в сноске № 23 со ссылкой на Шепарда даёт разбивку по возможному количеству норманнов на византийской службе. Всего в византийской армии было три «тагматы» по 500 человек в каждой, из которых две «тагматы» базировались в Малой Азии, а одна в Константинополе. Магдалино считает, что Шепард не учёл ещё 500 человек, базировавшихся в Армениаке.

²⁵⁵ Ibid.

²⁵⁶ Simpson A.J. Three sources of military unrest in eleventh century of Asia Minor: the Norman chieftains Herve Francopoulos, Robert Crispin and Roussel de Bailleul // *Mésogeios*. 2000. № 9—10. P. 181—207.

²⁵⁷ Ibid. P. 181.

говорит, что византийцы использовали норманнов в Анатолии для борьбы с турками и для охраны границ империи²⁵⁸. Симпсон делает вывод о том, что под «неверностью» наёмников надо понимать поведение командиров «тагмат», а не их подчинённых. Общее в восстаниях норманнских наёмников было обусловлено временем политической нестабильности и беззащитностью Малой Азии перед вторжением турок-сельджуков²⁵⁹.

Британский медиевист Э. Джеймисон (1877—1972) составила «Несколько замечаний» по поводу участия норманнов в Первом крестовом походе²⁶⁰. В частности, Джеймисон подробно останавливается на карьере не только Боэмунда и его племянника Танкреда, но и других южно-италийских норманнов: двоюродного брата Боэмунда Ричарда Салернского²⁶¹, Германа Каннского²⁶², Вильгельма Грантмесниля и Джофрея Монтекалиозо²⁶³ и других.

Специалист по просопографическим исследованиям государств крестоносцев А. Мюррей идентифицировал представителей нескольких норманнских фамилий и проследил судьбы норманнской аристократии на Востоке²⁶⁴. В частности, он установил, что ядро правящей верхушки Антиохийского княжества составляли итальянские норманны²⁶⁵.

Дж. Франс написал специальную работу с целью оценить вклад норманнов в Первый крестовый поход²⁶⁶. Он считает, что необходимо разделять норманнов на тех, кто пришёл с герцогом Робертом из Нормандии, и тех, кто явился с Боэмундом из Италии²⁶⁷. Если первые, по мнению Франса, были мало знакомы с реалиями Востока и ничего не приобрели, то итальянские

²⁵⁸ Ibid. P. 182.

²⁵⁹ Ibid.

²⁶⁰ Jamison E.M. Some notes on the Anonymi Gesta Francorum with special reference to the Norman contingent from south Italy and Sicily in the First Crusade // *Studies on the history of medieval Sicily and South Italy*. Manchester, 1939. P. 195—204.

²⁶¹ Ibid. P. 197.

²⁶² Ibid. P. 198.

²⁶³ Ibid. P. 199.

²⁶⁴ Murray A.V. How Norman was the principality of Antioch? Prolegomena to a study of the origins of the nobility of a crusader state // *Family Trees and the Roots of Politics: The Prosopography of Britain and France from the Tenth to the Twelfth Century* / ed. K.S.B. Keats-Rohan. Woodbridge, 1997. P. 349—360.

²⁶⁵ Ibid. P. 359.

²⁶⁶ France J. The Normans and crusading // *The Normans and their adversaries at war: essays in memory of C. Warren Hollister* / ed. Richard P. Abels, Bernard S. Bachrach. Woodbridge, 2001. P. 87—101.

²⁶⁷ Ibid. P. 91.

норманны, которые имели давние и глубокие связи с Византией, видели смысл своей жизни в территориальной экспансии на Востоке²⁶⁸.

Изначальной целью Боэмунда было создание норманнского государства в Малой Азии, т.к. он просил у Алексея Комнина титул доместика Востока — командующего всеми византийскими войсками Анатолии, включая и отряды крестоносцев²⁶⁹.

Вслед за Альбертом Ахенским Франс утверждает, что успех Боэмунда был во многом обеспечен не только военным мастерством норманнского предводителя, но и репутацией, которая была завоевана норманнами в Малой Азии²⁷⁰. В то же время предводители итальянских норманнов были разобщены и преследовали собственные цели: герцог Апулии Рожер Борса и граф Сицилии Рожер не поддерживали Боэмунда в его стремлении на Восток²⁷¹. Созданное Боэмундом Антиохийское княжество очень быстро утратило свою норманнскую идентичность²⁷².

Франс признаёт, что норманны внесли огромный вклад в крестоносное движение, но вместе с тем «Первый крестовый поход ознаменовал собой последний импульс норманнской экспансии и грядущий конец норманнской идентичности во многих государствах»²⁷³.

В работе, посвящённой «Норманнским поселениям в латинском королевстве Иерусалима»²⁷⁴, А. Мюррей выражает полное согласие с Франсом в том, что каждый норманнский предводитель зачастую действовал в соответствии со своими личными интересами. То же можно было сказать и о возглавляемых ими контингентах, которые не представляли собой монолита. В поисках лучшего удела любой рыцарь мог покинуть войска Боэмунда или Роберта Норманнского и ради провианта, финансов или покровительства пойти

²⁶⁸ Ibid. P. 92—93.

²⁶⁹ Ibid. P. 94.

²⁷⁰ Ibid. P. 95.

²⁷¹ Ibid. P. 96.

²⁷² Ibid. P. 97.

²⁷³ Ibid. P. 101.

²⁷⁴ Murray A.V. Norman settlements in Latin kingdom of Ierusalem // *Arhivio Normanno-Svevo*. 2008. Vol. 1. P. 61—85.

на службу к другим вождям крестоносцев²⁷⁵. А. Мюррей пришёл к выводу о довольно значительной доле норманнов как светского, так и духовного звания не только в составе войска Готфрида Бульонского²⁷⁶, но и среди населения Иерусалимского королевства²⁷⁷.

Большой интерес представляет монография Т. Асбриджа «Создание Антиохийского княжества 1098—1130 гг.»²⁷⁸. Асбриджа в первую очередь интересует политическая история Антиохийского княжества, а также отношения норманнских правителей с Византией и мусульманами. Он отмечает присущее населению Антиохии норманнское самосознание или “Normannitas”²⁷⁹. В отдельной главе Асбридж проанализировал развитие институтов Антиохийского княжества, которые представляли собой уникальный для всего латинского Востока сплав элементов, привнесённых из Нормандии и имевших местное происхождение²⁸⁰.

Профессор Королевской военной Академии, специалист по средневековым войнам М. Беннет в особой статье рассмотрел активность норманнов в Средиземноморье, уделив внимание участию норманнов в Первом крестовом походе и созданию Антиохийского княжества²⁸¹. Беннет попытался дать ответ на вопрос о том, насколько «норманнскими» по характеру были наследование владений и распоряжение ими, а также сбор войск, налогов и управление созданными государствами²⁸². Он считает, что для всех норманнских образований в Средиземноморье была характерна «франкская» модель создания монархий, которые только номинально были византийскими или восточными, что само по себе было данью латинских иммигрантов формам

²⁷⁵ Ibid. P. 64.

²⁷⁶ Murray A.V. The army of Godfrey of Boullion, 1096—1099: Structure and dynamics of a contingent of the First Crusade // *Revue belge de philologie et d'histoire. Histoire médiévale, moderne et contemporaine — Middeleeuwse, moderne en hedendaagse geschiedenis*. 1992. Tome 70. Fasc. 2. P. 301—329.

²⁷⁷ Murrey A.V. Norman settlements... P. 84—85.

²⁷⁸ Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch 1098—1130. Rochester, 2000.

²⁷⁹ Ibid. P. 163—168.

²⁸⁰ Ibid. P. 193.

²⁸¹ Bennet M. The Normans in the Mediterranean // *A companion to the Anglo-Norman World*. Woodbridge, 2003. P. 87—103.

²⁸² Ibid. P. 93.

репрезентации власти на покорённых территориях²⁸³. Также норманны не пытались насадить феодальные институты и отношения в подвластных им обществах²⁸⁴. М. Беннет не верит в смешение культурных традиций под норманнским господством, но в то же время, признаёт что созданные норманнами государственные образования надолго пережили их династии²⁸⁵.

Ч. Дэвид в 1920 г. издал биографию старшего сына Вильгельма Завоевателя, одного из вождей Первого крестового похода, герцога Нормандии Роберта «Короткие штаны»²⁸⁶. Благодаря исследованию Дэвида можно получить представление о недостаточно изученном участии англо-норманнов (The northern Normanns) в Первом крестовом походе, в отличие от итало-норманнов (The southern Normanns) во главе с Боэмундом.

Р. Эвердейл²⁸⁷ написал книгу «Боэмунд I, принц Антиохии», в которой подробно описал важные события биографии Боэмунда и его деяния, используя при этом широкий круг источников. В заключении он говорит о том, что целью Боэмунда было создание мощной Азиатско-европейской державы от Антиохии до Италии²⁸⁸. Но и на этом он бы не остановился, используя завоёванные византийские территории, Боэмунд двинулся бы на Восток. Идея крестовых походов служила ему лишь средством для достижения собственных целей. Он всегда оставался политиком и завоевателем. Он был типичным норманном: храбрым, алчным, беспринципным, склонным к демагогии²⁸⁹. В качестве подтверждения своей логики Эвердейл ссылается на то, что из всех государств крестоносцев на латинском Востоке основанное Боэмундом Антиохийское княжество оставалось самым стабильным и жизнеспособным²⁹⁰.

Во второй половине XX в. появляются работы, в которых предметом исследования становятся карьеры и судьбы отдельных норманнских рыцарей во

²⁸³ Ibid. P. 102.

²⁸⁴ Ibid.

²⁸⁵ Ibid.

²⁸⁶ David C.W. Robert Curthose Duke of Normandy. Cambridge, 1920.

²⁸⁷ Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch. Princeton, 1917.

²⁸⁸ Ibid. P. 135.

²⁸⁹ Ibid. P. 136.

²⁹⁰ Ibid. P. 138.

время Первого крестового похода на Востоке. Благодаря этим исследованиям мы больше узнаём не только о лидерах норманнов Боэмунде или Танкреде, но и об их более скромных товарищах по оружию. Это работа С. Эджингтон об англо-норманнском рыцаре Пагане Превеле²⁹¹ и статья Дж. Биич о Ричарде Салернском²⁹².

В ряде работ зарубежных авторов, посвящённых истории норманнов в Западной Европе, также рассматриваются вопросы пребывания норманнов на Востоке. Общий характер данных исследований позволяет выявить сходные и особенные черты, присущие деятельности норманнов в Западной Европе и Малой Азии.

Американский историк-медиевист Чарльз Гомер Хаскинс (1870—1937) рассматривал участие норманнов в Первом крестовом походе как продолжение норманнской экспансии в Западной Европе²⁹³. Движимые «норманнским духом приобретений», норманны оказывались в различных уголках Европы и Азии в качестве паломников или наёмников²⁹⁴.

Хаскинс последовательно рассматривает участие норманнских предводителей в Крестовых походах, начиная с Роберта Нормандского и заканчивая Ричардом Львиное Сердце и Фридрихом II Гогенштауфеном. «Настоящими норманнскими героями» Первого крестового похода Хаскинс считает Боэмунда и Танкреда. Боэмунду удалось закрепиться в Антиохии, которая была выгодно расположена в стратегическом и торговом отношении. Он объединил греков, сирийцев и армян в своём новом государстве. Но в конце концов Византийская империя и турки-сельджуки оказались для него слишком сильными. Его преемник Танкред продолжил дело Боэмунда в Сирии, которое было уже безнадежно проиграно²⁹⁵.

²⁹¹ Edgington S.B. Pagan Peverel : An Anglo-Norman Crusader // *Crusade and Settlement : Papers read at the First Conference of the Society for the Study of the Crusades and the Latin East and presented to R.C. Smail / ed. by Peter W. Edbury, Susan B. Edgington* . Cardiff, 1985. P. 90—93.

²⁹² Beech G.T. A Norman-Italian Adventurer in the East : Richard of Salerno, 1097—1112 // *Anglo-Norman Studies: Proceedings of the XV Battle Conference*. 1993. Vol. 25. P. 25—40.

²⁹³ Haskins C.H. *The Normans in European history*. Boston ; New York, 1915.

²⁹⁴ *Ibid.* P. 195—196.

²⁹⁵ *Ibid.* P. 213—215.

Антиохийское княжество оставалось единственным норманнским государством на Востоке, но оно также очень быстро утратило свой норманнский характер. В отличие от франков и итальянцев, норманны не преследовали ни торговых, ни колонизационных целей в крестовом походе. Для этого им вполне хватало завоёванных земель в Англии и Италии. В то же время с ролью посредника между культурами Востока и Запада вполне успешно справлялось Сицилийское королевство²⁹⁶.

Британские специалисты в области изучения средневековой военной истории и вооружения Д. Николь и К. Граветт совместно подготовили монографию, в которой они рассмотрели некоторые аспекты пребывания норманнов на Востоке²⁹⁷. В частности, Д. Николь и К. Граветт считают, что норманны с середины XI в. составляли многочисленные контингенты в Малой Азии, расположенные в Мелитене и Эдессе²⁹⁸. После поражения Византии при Манцикерте в 1071 г. норманны активно помогали туркам-сельджукам уничтожать армянские государства Тарон и Сасун²⁹⁹. Норманнские рыцари играли важную роль в государстве Филарета Варажнуни (1071—1084/1086 гг.): составляли ядро его армии, служили в гарнизонах замков и городов³⁰⁰.

По предположению Д. Николь и К. Граветта, после сельджукского завоевания государства Филарета в 1085 г. норманны могли составлять часть городской милиции Антиохии и Эдессы, «тюркизироваться» и благополучно дожить до начала Первого крестового похода³⁰¹. В течение XII в. Византийская империя продолжала зависеть от иноземных наёмных контингентов. Значительную часть она стала получать из Антиохийского княжества³⁰².

Несмотря на научно-популярный характер работы Д. Николь и К. Граветта, это — попытка выявить присутствие норманнов в Малой Азии и

²⁹⁶ Ibid. P. 216.

²⁹⁷ Nicolle D., Gravett C. *The Normans: Warrior knights and their castles*. L., 1987.

²⁹⁸ Ibid. P. 61.

²⁹⁹ Ibid. P. 62.

³⁰⁰ Ibid. P. 63.

³⁰¹ Ibid. P. 64.

³⁰² Ibid. P. 64.

проследить за развитием их военных и культурных традиций в этом регионе на протяжении XI—XII вв.

Учёный-медиевист М. Чибнел³⁰³ (1915—2012) в отдельной главе своей монографии рассмотрела экспансию норманнов в Восточном Средиземноморье. Она считает очень символичным перенос мощей святого Николая в 1087 г. из Миры Ликийской в Бари (в котором в то время правил Боэмунд). В глазах современников это событие выглядело как оставление святым владений византийского императора, который неспособен был защитить его мощи, и передача их под покровительство норманнов³⁰⁴.

М. Чибнел отмечает знание предводителями южно-италийских норманнов арабского языка³⁰⁵, а также их хорошую и разностороннюю осведомлённость о мусульманах, византийцах, административном делении империи³⁰⁶. М. Чибнел считает Антиохийское княжество изначально норманнским, каковым оно оставалось на протяжении, по крайней мере, трёх поколений завоевателей³⁰⁷.

В серии изданий «Манчестерские средневековые источники» Э. ван Хоутс опубликовала сборник документов по истории норманнов³⁰⁸. В пятой главе этого сборника Э. ван Хоутс приводит переводы отрывков из византийских авторов об активности норманнов в Малой Азии, а также выдержки из латинских источников об участии норманнов в Первом крестовом походе.

В предисловии британский исследователь признаёт наиболее интересными вопросами историографии проблему норманнской «однородности», или идентичности, а также причины их успехов в различных регионах Европы и Азии³⁰⁹. По мнению Э. ван Хоутс, данные источников

³⁰³ Chibnall M. The Normans. Oxford, 2006.

³⁰⁴ Ibid. P. 95.

³⁰⁵ Ibid. P. 97.

³⁰⁶ Ibid. P. 96.

³⁰⁷ Ibid. P. 100.

³⁰⁸ Van Houts E.M.C. The Normans in Europe. Manchester ; New York, 2000.

³⁰⁹ Ibid. P. 8.

позволяют рассматривать норманнов на Востоке в качестве особой группы, которая отличалась от «франков» и обладала «особенными норманнскими характеристиками»³¹⁰, что, в свою очередь, даёт возможность искать различия и сходства в истории различных групп норманнов в регионах Европы и Азии³¹¹.

Болгарский учёный И. Дуйчев в статье «Норманны и Восток Византии»³¹² описывает экспансию норманнов на территории Византийской империи. Его работа была призвана дать представление об основных событиях и этапах великой экспансии норманнов, которые, по его мнению, подготовили завоевание крестоносцами Константинополя в 1204 г. В то же время славист Дуйчев большее внимание уделяет влиянию взаимоотношений норманнов и византийцев на судьбы славянских народов Балканского полуострова.

Византинисты Греции проявляют очень сильный интерес к участию норманнов в исторических событиях, происходивших в Малой Азии во второй половине XI в. В особенности это относится к мятежу норманнского предводителя Русселя де Баллиоля. В данном ряду можно упомянуть монографию К. Мекиоса, изданную в Афинах на немецком языке³¹³. Небольшая по объёму работа имеет описательный характер, в которой исследователь крайне мало использует научную литературу и не привлекает некоторые византийские, а также латинские источники.

Большой интерес представляет монография Г. Левениотиса «Восстание норманна Урселия (Русселя де Баллиоля) в Малой Азии (1073—1076)»³¹⁴. Исследователь использовал огромный круг исторических источников не только для того, чтобы рассмотреть жизнь и деятельность Русселя де Баллиоля, но общие условия существования Византийской империи (и в особенности

³¹⁰ Ibid. P. 11.

³¹¹ Ibid.

³¹² Dujcev I. Normani de Oriente Bizantino // Atti del Congresso internazionale di studi sulla Sicilia normanna. Roma, 1977. P. 105—131.

³¹³ Mekios K.M. Der fränkische Krieger Ursel de Bailleul. Athen, 1939.

³¹⁴ Λεβενιώτης Γ. Α. Το στασιαστικό κίνημα του Νορμανδού Ουρσελίου (Ursel de Bailleul) στη Μικρά Ασία (1073—1076). Θεσσαλονίκη, 2004.

Анатолии) в смутные годы, а также проанализировать причины, которые привели к образованию «эфемерного государства норманнов в Малой Азии»³¹⁵.

Г. Левениотис определяет мятеж Русселя как наиболее разрушительное движение для имперской власти в Малой Азии в период с 1071 по 1081 гг. Норманны, по его мнению, являлись самой замечательной и опасной этнической группой из всех, кто когда-либо служил византийцам³¹⁶. С 1060 г. они занимают высокие посты при дворе и армии, владеют землями и замками в стратегически важных географических точках Анатолии, их лидеры пользовались значительной властью и влиянием³¹⁷. Г. Левениотис считает, что мятеж Русселя де Баллиоля пользовался поддержкой населения Ликаонии, Галатии и особенно Армениака; он позволил впервые туркам-сельджукам вмешаться во внутренние дела империи; он привёл к ослаблению византийского могущества в Малой Азии после сражения при Манцикерте³¹⁸.

Неудачу мятежа Русселя Г. Левениотис объясняет отсутствием у него национального, или этнического основания в Армениаке, в отличие, например, от мятежа Филарета Варажнуни на юго-востоке Малой Азии³¹⁹. Трудно себе представить дальнейшую судьбу этого региона, если бы государство Русселя де Баллиоля просуществовало до прихода Бозмунда во главе Первого крестового похода. Византийцы в дальнейшем относились к норманнам с недоверием и с большой охотой приглашали их противников — англосаксов, которые должны были заменить первых при дворе и в армии³²⁰.

Г. Левениотис считает, что норманнское общество, будучи по своей сути феодальным и агрессивным, в то же время, отличалось творческим подходом и высокой адаптивностью к существующим условиям. Норманнские предводители стремились к приобретению вассалов, вооружённых сил и территорий для их содержания. Потомкам викингам удалось создать

³¹⁵ Ibid. P. 7.

³¹⁶ Ibid. P. 39.

³¹⁷ Ibid. P. 40.

³¹⁸ Ibid. P. 41.

³¹⁹ Ibid. P. 212—213.

³²⁰ Ibid. P. 221—222.

«фрагментарную» империю от Британии до Сирии, связанную племенными и кровнородственными узами. Все военные кампании норманнов базировались на общем этническом происхождении и традициях, амбициях и военном превосходстве³²¹. По этой причине Левиниотис помещает Руссея де Баллиоля в один ряд с Вильгельмом Завоевателем и Робертом Гвискаром³²². Причину мятежа Руссея Левиниотис усматривает в личных амбициях, связанных с его норманнским происхождением³²³.

Г. Левениотис продолжил рассмотрение вопросов, связанных с пребыванием норманнов в Малой Азии, в своей последующей монографии «Политический крах Византийской империи на Востоке. Восточная граница и центральная Малая Азия во второй половине XI в.»³²⁴. В частности, он подтвердил свой вывод о том, что действия Руссея де Баллиоля привели к потере контроля Константинополя над восточными провинциями центральной и северо-западной части Малой Азии. В результате разрушительных действий амбициозных наемников была перерезана связь столицы с регионами Феодосополя, Мелитены, Эдессы и Антиохии³²⁵. Восстание Руссея стало одной из причин проникновения турок-сельджуков в западные районы Малой Азии и предоставило им возможность прочно обосноваться в Вифинии, феме Ираклион и области Севастии — Кесарии.

В турецкой историографии первоначально вопрос о пребывании норманнов в Малой Азии практически не затрагивался. Историк Абдуллах Тахсин Йылмаз Озтуна в многотомной истории Турции рассматривает политическую историю региона, не обращая внимания на участие в описываемых событиях норманнов³²⁶. В книге Османа Турана «История

³²¹ Ibid. P. 205.

³²² Ibid. P. 206.

³²³ Ibid. P. 208.

³²⁴ Λεβενιώτης Γ.Α. Η πολιτική κατάρρευση του Βυζαντίου στην Ανατολή. Το ανατολικό σύνορο και η κεντρική Μικρά Ασία κατά το β' ήμισυ του 11^{ου} αι. Θεσσαλονίκη, 2007.

³²⁵ Ibid. P. 591.

³²⁶ Öztuna T.Y. Başlangıcından Zamanımıza Kadar Türkiye Tarihi. 2. baskı. Ankara, 1963. Cilt 1. Türklerden Önce Anadolu ve Anadolu'ya Gelmeden Önce Türkler.

сельджуков и тюркско-исламская цивилизация»³²⁷ в общем историческом контексте норманны предстают «примитивным и варварским» народом, которые, тем не менее, извлекли пользу из знаний и культуры мусульман Сицилии³²⁸ и действовали разумно, «... властвуя над исламской цивилизацией и оберегая мусульманское население...»³²⁹. Говоря о Русселе де Баллиоле, Осман Туран признаёт, что мятеж норманнского наёмника послужил причиной первого вмешательства в византийские дела тюркского бея Артука и предоставил ему возможность далеко продвинуться в Малой Азии³³⁰.

Ибрахим Кафесоглу ограничивается упоминанием поддержки «франкскими наёмниками» византийских войск Исаака Комнина при отражении туркмен во главе с Артуком и Тутаком³³¹. В другой работе он высказал мысль о том, что «... Огузы и сельджуки мигрировали, — подобно германцам и упоминаемым Идриси, во дворце которых он писал свое сочинение, норманнам, — но кочевниками они не были ...»³³². Таким образом, И. Кафесоглу практически не затрагивает вопросы, связанные с пребыванием норманнов в Малой Азии.

Историк-социалист Доган Авджыоглу в пятитомной турецкой истории прямо говорит о стремлении Русселя де Баллиоля основать «новое норманнское государство в Анатолии» по примеру своих соотечественников в Нормандии и Сицилии³³³. Однако Артук взял его в плен вместе с дядей византийского императора. Руссель попытался вновь основать небольшое государство в Никсаре, но снова потерпел неудачу.

В совместной работе турецких исследователей Али Севима и Эрдогана Мерчила, посвящённой истории государственных образований тюрк-

³²⁷ Turan O. Selçuklar Tarihi ve Türk-Islam medeniyeti. İstanbul, 1969.

³²⁸ Ibid. S. 329.

³²⁹ Ibid. S. 352—353.

³³⁰ Ibid. S. 213.

³³¹ Kafesoglu I. A history of the Seljuks / ed. and trans. by G. Leiser. Carbondale ; Edwardsville, 1988. P.50.

³³² «...Oğuzlar ve Selçuklular göç etmişlerdir. Cermenler ve adı geçen İdrisi'nin, saraylarında eserini yazdığı Normanlar gibi-, fakat göçebe olmamışlardır...» (Kafesoglu İ. [Ред. на:] Prof. Dr. Osman Turan : Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti. Neşreden: Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü, Ankara, 1965 // Tarih Dergisi. 1965. Cilt 15. Sayı 20. S. 184).

³³³ Avcioğlu D. Türklerin Tarihi. İstanbul, 1978. C. 1. S. 1932—1933.

сельджуков, норманны предстают грозными противниками, с которыми приходилось считаться в Малой Азии и византийцам, и туркам-сельджукам³³⁴.

Во введении турецкие исследователи отмечают, как в первой половине XI в. начинается экспансия норманнов на территории Византии, которая началась с оккупации Южной Италии³³⁵. Особое внимание уделено деятельности норманнских наёмников на византийской службе в Малой Азии во второй половине XI в. При описании похода великого сельджукида Тогрула в 1054—1055 гг. говорится о поступке некоего норманнского воина, который в одиночку поджёг гигантскую катапульту, вследствие чего султан был вынужден снять осаду с города Манцикерта³³⁶. В битве при Манцикерте в 1071 г «известный благородный норманн» Руссель де Баллиоль командует значительным отрядом из узов и франков, отправленных перед началом сражения в Ахлат³³⁷. Подробно освещается мятеж Русселя, его попытка захватить Константинополь, а затем обосноваться в Амасии. Обе попытки оказались неудачными благодаря совместным усилиям византийцев и турок-сельджуков³³⁸. В главе «Борьба с крестоносцами» подробно рассматриваются перипетии борьбы норманнских правителей Антиохии: Боэмунда, Танкреда³³⁹ и Рожера³⁴⁰ с сельджуками.

В последнее время появляются специальные работы на турецком языке, в которых затрагиваются отношения норманнов и империи на протяжении XI в.³⁴¹ Турецкий исследователь из университета Фракия Караджа рассмотрела в небольшой статье основные этапы взаимоотношений норманнов и византийцев в Южной Италии, Балканах и Малой Азии и пришла к выводу о том, что военная поддержка норманнов дорого обошлась Византии и в конечном счёте

³³⁴ Sevim A., Merçil E. Selçuklu devletleri tarihi. Siyaset, teşkilat ve kültür. Ankara, 1995.

³³⁵ Ibid. S. 7.

³³⁶ Ibid. S. 37.

³³⁷ Ibid. S. 61.

³³⁸ Ibid. S. 88—90.

³³⁹ Ibid. S. 388, 411.

³⁴⁰ Ibid. S. 198—199.

³⁴¹ Karaca G.S. Overview of Byzantine-Norman Relations in XI century // Tarih İncelemeleri Dergisi. 2012. XXVII. I. S.101—118.

их участие в делах империи оказалось более губительным, чем вторжение турок-сельджуков³⁴².

На современном этапе можно наблюдать интерес турецких исследователей к изучению вопросов участия норманнов в Первом крестовом походе и создания Антиохийского княжества. С. Шахин считает, что свершения норманнов в Малой Азии и Сирии были продолжением норманнской экспансии в Европе, начавшейся в VIII в.³⁴³, а участие норманнов в Первом крестовом походе он признаёт очень эффективным³⁴⁴.

В 2013 г. вышла специальная работа Г. Бахадира по истории Антиохийского княжества³⁴⁵. Г. Бахадир также является автором раздела об участии норманнов в Первом крестовом походе и их доминировании в общей работе «История Хатая» с древнейших времён до нового времени³⁴⁶. Работа Г. Бахадира хорошо фундирована западными и восточными источниками, он также принимает в расчёт современную историографию.

Представитель итальянской исторической школы, медиевист Рауль Манселли (1917—1984) в 1940 г. выпустил в свет работу об участии итальянских норманнов в Первом крестовом походе³⁴⁷. Поводом для написания этого произведения послужило отсутствие, по мнению Манселли, и во французской и в немецкой историографии, полного отражения норманнского взгляда на Первый крестовый поход³⁴⁸.

Главный акцент Манселли сделал на рассмотрении карьеры Боэмунда на Востоке на основании латинских и византийских источников. В целом работа Манселли носит описательный характер и изобилует фактическим материалом, который нуждается в последующей интерпретации.

³⁴² Ibid. S. 113.

³⁴³ Şahin S. Norman istilası'nın I. haçlı seferi'ne yansımaları (Antalya'nın işgaline kadar I. Bohemund ve Tancred'in faaliyetleri) // *Capadocia journal of history and social sciences*. Ed. Prof. Dr. İlyas Gökhan. 2013. Vol. 1. Ahlen. S. 42—52.

³⁴⁴ Ibid. P. 51—52.

³⁴⁵ Bahadır G. Antakya haçlı prensliği (1098—1126). Hatay, 2013.

³⁴⁶ Hatay tarihi. Hatay, 2013.

³⁴⁷ Manselli R. Normanni d'Italia alla prima crociata: Boemondo d'Altavilla // *Japigia*. 1938. XI. P. 45—79, 147—184.

³⁴⁸ Ibid. P. 203.

Э. Понтиери (1896—1980) в статье «Норманны Южной Италии и Первый крестовый поход»³⁴⁹ уделил большое внимание обстоятельствам, связанным с осадой Амальфи графом Сицилии Рожером. Понтиери рассмотрел интересы и мотивы поведения предводителей южно-италийских норманнов, определившиеся в ходе начала движения крестоносцев. В течение тридцати лет при поддержке римских пап граф Рожер возглавлял «свой» крестовый поход против мусульман Сицилии, фактически создавая уникальное по терпимости к иным религиям государство³⁵⁰. Тем не менее, Рожер не смог воспрепятствовать уходу большинства италийских норманнов, которые составляли основу его войска, в Первый крестовый поход во главе Боэмундом. Понтиери считает, что Рожер не мог забыть своему племяннику этой сцены под стенами Амальфи, когда он в одночасье лишился всего «своего племени», и проигнорировал просьбы Боэмунда о его выкупе из плена³⁵¹.

Вслед за Р. Мансели и Е. Понтиери Б. Фиклиоло написал работу с характерным для итальянской историографии названием: «Ещё раз о норманнах из Италии в Первом крестовом походе»³⁵². Ему удалось идентифицировать двадцать шесть норманнов, которые отправились с Боэмундом на Восток³⁵³. Все они были молодыми людьми и принадлежали к роду Гвискардидов, некоторые из них были вассалами Боэмунда или Рожера Сицилийского. Только трое из них вернулись в Италию, девять (включая Боэмунда) остались на Востоке, восемь погибли на Востоке, а об остальных не осталось сведений³⁵⁴.

В своей статье Фиклиоло приводит новые источники (в том числе опубликованные впервые): грамоты, подтверждающие дарения норманнских

³⁴⁹ Pontieri E. I Normanni dell'Italia meridionale e la Prima Crociata // Archivio Storico Italiano. 1956. T. 114. P. 3—17.

³⁵⁰ Ibid. P. 7—13.

³⁵¹ Ibid. P. 17.

³⁵² Figliuolo B. Ancora sui Normanni d'Italia all Prima Crociata // Archivio Storico per le Province Napolitane. 1986. 104. P. 1—16.

³⁵³ Ibid. P. 5.

³⁵⁴ Ibid. P. 5—6.

сеньоров монастырям Южной Италии³⁵⁵. На основе этих данных, Фиклиоло приходит к выводу, что Первый крестовый поход был «внутренним делом норманнского рыцарства», а точнее, той его части, которая состояла из молодых, беспокойных и не очень богатых рыцарей³⁵⁶.

Итальянский исследователь Л. Руссо провёл анализ историографии по вопросу участия норманнов в Первом крестовом походе и пришёл к ряду интересных выводов³⁵⁷. В частности, он опровергает распространённое мнение о «материальных» устремлениях норманнов в крестовом походе, что, якобы, в отличие от других лидеров крестоносцев, ими двигала только жажда территориальных приобретений³⁵⁸.

На самом деле крестовый поход как «рыцарское» мероприятие подразумевал наличие у его участников сложных мотивов, в число которых входили не только достижение некоего духовного идеала, но и вполне земные цели: обретение владений, богатства и высокого социального статуса³⁵⁹. Поэтому в своих устремлениях норманнские лидеры не отличались от предводителей провансальцев или лотарингцев. Участие норманнов в Первом крестовом походе не принесло им никаких плодов хотя бы отдалённо напоминающих результаты их деятельности в Южной Италии и Сицилии. Норманнский характер Антиохийского княжества, столь яркий в самом начале, очень быстро сошёл на нет и вследствие всеобщего отчуждения ни к чему не привёл³⁶⁰.

Большинство специальных исследований посвящено участию в Первом крестовом походе норманнов из Южной Италии, а не из Нормандии. Этим объясняется традиционное внимание к этой теме со стороны итальянских

³⁵⁵ Ibid. P. 7—9.

³⁵⁶ Ibid. P. 9—10.

³⁵⁷ Russo L. I Normanni e il movimento crociato. Una revisione // Il Papato e i Normanni. Temporale e Spirituale in età normanna, a cura di E. D'Angelo, C. Leonardi. Firenze, 2011. P. 163—174.

³⁵⁸ Ibid. P. 163.

³⁵⁹ Ibid. P. 166.

³⁶⁰ Ibid. P. 174.

медиевистов. Данные работы очень важны для понимания роли норманнов в Первом крестовом походе.

Академик В.Г. Васильевский (1838—1899) в 1874—1875 гг. в работе «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI—XII вв.»³⁶¹ рассматривает ряд аспектов деятельности некоторых норманнских предводителей на византийской службе. Он отмечает, что в сравнении с вождями варягов, которые прославились в Скандинавии, каждый из командиров «франко-норманнской дружины» отличался «беспредельной энергичностью и беспокойной предприимчивостью» и «все они играют видную роль в истории византийской XI в.»³⁶².

Н.А. Скабаланович (1848—1918) считал, что «французские норманны занимали первое место в ряду иностранных наёмников Византии»³⁶³. «Византийцы называли их франками», — пишет он³⁶⁴, и, говоря о предводителях норманнов, даёт им следующую характеристику: «Эти вожди, собиравшие вокруг себя дружины смельчаков, представляют конкретные примеры той необузданности, переменчивости и своекорыстия, которыми отличались отчаянные воители, избравшие их своими вожаками: они не рассуждали о том, за кого сражаться, заботились только о выгоде и поэтому не задумывались принимать сторону всех соперничавших между собой претендентов, или даже, помимо претендентов, сражаться на свой собственный счёт и риск»³⁶⁵.

В своём фундаментальном исследовании по истории Византии академик Ф.И. Успенский (1845—1928) отмечал, что не в центре империи, а на её восточных и западных окраинах «... возникали новые общественные

³⁶¹ Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI—XII вв. // Труды Васильевского В.Г. СПб, 1908. Т.I. С. 177—377.

³⁶² Там же. С. 319.

³⁶³ Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI веке. Кн. II. Спб., 2004. С. 49.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Там же. С. 51.

организации и нарождались идеи, которым предстояло влиять на настроения и психологию общественных деятелей в средние века»³⁶⁶.

Таким «новым политическим элементом»³⁶⁷, по мнению Ф.И. Успенского, в истории были норманны, которые «... являются не только разрушительно-завоевательным народом, но вместе с тем творческим и созидательным элементом. Ряд даровитых деятелей появляется на небольшом пространстве времени, которые с замечательным искусством использовали современное политическое положение и придали небольшой группе авантюристов, начавших селиться в Южной Италии, громадное историческое значение. В занимающее нас время из южно-итальянских норманнов происходили первые политические деятели, которым принадлежала руководящая роль в Европе и в Азии»³⁶⁸.

Ф.И. Успенский мельком упоминает «норманнских вождей»³⁶⁹, которые служили императорам на восточной границе Византийской империи, но очень обстоятельно рассматривает вопрос о роли норманнов в Первом крестовом походе. В течение двух лет крестоносцы с боями продвигались через Малую Азию, занятую турками-сельджуками. И всё это время первыми следовали норманны во главе с Боэмундом³⁷⁰. Именно ему, по мнению Ф.И. Успенского, принадлежит честь победы над султаном Кылыч Арсланом в битве при Дорилее³⁷¹. Боэмунд основал, как изначально и планировал, самое мощное государство крестоносцев в Азии³⁷².

Ф.И. Успенский считает, что Боэмунд в Азии следовал по пути Роллона и Роберта Гвискара: стремился «к осуществлению исторической задачи норманнского народа»³⁷³. Он также оценивает деятельность Боэмунда на

³⁶⁶ Успенский Ф.И. История Византийской империи XI—XII вв. Восточный вопрос. М., 1997. С. 11.

³⁶⁷ Там же. С. 20.

³⁶⁸ Там же. С. 129.

³⁶⁹ Там же. С. 41.

³⁷⁰ Там же. С. 108.

³⁷¹ Там же. С. 109.

³⁷² Там же. С. 106, 116.

³⁷³ Там же. С. 117.

Востоке как крайне опасную и идущую вразрез с целями движения крестоносцев и Византии³⁷⁴.

Более подробно вопросы, связанные с участием норманнов в Первом крестовом походе, а также отношения Боэмунда с Данишмендидами Ф.И. Успенский рассматривает в отдельных работах³⁷⁵.

Византинист П.В. Безобразов (1859—1918) является автором первого в отечественной и зарубежной историографии автобиографического исследования, посвящённого вождю Первого крестового похода — Боэмунду³⁷⁶. П.В. Безобразов отмечает, насколько разительно отличались завоевательные походы Боэмунда от походов его отца Роберта Гвискара. Боэмунд ведёт себя, в первую очередь, как «государственный человек и дипломат»³⁷⁷ и стремится к созданию норманнского государства на Востоке. В своём стремлении покорить Византию Боэмунд ошибся только в одном: он недооценил могущество турок-сельджуков³⁷⁸.

Югославский учёный русского происхождения, историк-византинист Г.А. Острогорский (1902—1976) в обобщающей работе по истории Византийской империи³⁷⁹ применительно к периоду XI—XII вв. часто упоминает норманнов, которые, как некогда готы во времена императора Ираклия, «представляли в византийском войске наиболее ценный элемент»³⁸⁰ и совершенно заменили собой «старые византийские гвардейские полки»³⁸¹.

В качестве основной причины поражения при Манцикерте Острогорский называет «разнородную и недисциплинированную наёмную армию», состоявшую из «печенегов, узов, норманнов и франков»³⁸². Крайне «показательным» «для отношений этого времени» Острогорский считает

³⁷⁴ Там же. С. 120.

³⁷⁵ Успенский Ф.И. История крестовых походов. М., 2005; Он же. Мелик Гази и Дзуль-Нун Данишменды // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. 1879. Т. XI. С. 229—268.

³⁷⁶ Безобразов П.В. Боэмунд Тарентский // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Т. 226. С. 37—119.

³⁷⁷ Там же. С. 117.

³⁷⁸ Там же. С. 118.

³⁷⁹ Острогорский Г.А. История Византийского государства. М., 2011.

³⁸⁰ Там же. С. 412.

³⁸¹ Там же. С. 413.

³⁸² Там же. С. 425.

восстание «склонного к авантюрам кондотьера» Русселя де Баллиоля, которого, впрочем, византийцы очень ценили как «хорошего воина»³⁸³.

Острогорский называет Боэмунда «предводителем норманнов»³⁸⁴ и считает его продолжателем политики Роберта Гвискара. Основанное норманнами Антиохийское княжество «непосредственно затрагивало жизненные интересы византийского государства», также оно являлось «бельмом на глазу» для турок-сельджуков³⁸⁵. На протяжении XII в. борьба за подчинение Антиохийского княжества стала основной задачей византийцев на Востоке³⁸⁶.

Историк-медиевист О.А. Добиаш-Рождественская (1874—1939) отмечает, что в конце XI в. только две «организованные силы» Западной Европы были способны возглавить движение крестоносцев на Восток: католическая церковь и «норманнские кланы»³⁸⁷. Норманнскому рыцарю как «одной из самых деятельных фигур» Первого крестового похода отдаёт она пальму первенства. Этот «воинственный и благочестивый сын далеко разбросавшейся по западному миру норманнской семьи», был ли он родом из Нормандии или Южной Италии, оставался потомком «скандинавских викингов»³⁸⁸.

Большое внимание О.А. Добиаш-Рождественская уделяет норманнской идеологии, которая сформировалась в Южной Италии под влиянием нескончаемой борьбы с мусульманами, торгово-экономического соперничества с Венецией и Византией и союза с папством³⁸⁹. Среди основных задач этой «церковно-политической программы» на Востоке были завоевания «схизматической Византии и безбожной Сирии»³⁹⁰. Эта «итало-нормандская идея» оказала огромное влияние на крестоносное движение в целом и противоречила планам папы Урбана II. Она предусматривала создание

³⁸³ Там же. С. 429.

³⁸⁴ Там же. С. 447.

³⁸⁵ Там же. С. 449.

³⁸⁶ Там же. С. 463.

³⁸⁷ Добиаш-Рождественская О.А. Эпоха крестовых походов. М., 2003. С. 17.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Там же. С. 18.

³⁹⁰ Там же.

«сильной восточно-латинской державы» с центром в Антиохии, во главе с норманнами и при поддержке святого престола³⁹¹.

Ученик О.А. Добиаш-Рожественской А.С. Бартенев (1906—1942), которого она называла «своим ближайшим сыном»³⁹², в 1937 г. защитил кандидатскую диссертацию в Ленинграде на тему «Образование Нормандского герцогства»³⁹³. Данная работа стала первым специальным исследованием в советской историографии по истории норманнов в Нормандии. В бытность заведующим кафедрой истории средних веков Саратовского государственного университета, А.С. Бартенев поручил своему первому в жизни и в истории кафедры аспиранту, будущему историку реформации В.А. Ермолаеву (1909—2000) работу по своей специальности над темой «Развитие феодальных отношений в Южной Италии»³⁹⁴. К сожалению, конец развитию данного начинания положила война. А.С. Бартенев погиб в блокадном Ленинграде от голода, а за годы военной службы в Германии научные интересы В.А. Ермолаева совершенно изменились³⁹⁵.

В послевоенную эпоху задачи, поставленные А.С. Бартеневым, были решены в работах М.Л. Абрамсон (1918—2010), посвящённых изучению социально-экономической истории Южной Италии X—XIII вв.³⁹⁶ Г.А. Ртищева продолжила изучение социально-экономической истории и вопросы норманнской субкультуры острова Сицилия³⁹⁷.

³⁹¹ Там же. С. 30.

³⁹² Галямичев А.Н. Судьба медиевиста в России XX века: жизненный и научный путь В.А. Ермолаева // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века : науч. докл. / редкол. А.В. Гладышев, Т.В. Андреева, В.Г. Вовина-Лебедева [и др.]. СПб., 2006. С. 44.

³⁹³ Главы из данной работы были опубликованы в следующих изданиях: Бартенев А.С. Образование герцогства Нормандского // Ученые записки Саратовского университета. Саратов, Серия Исторического факультета. 1939. Т. 1 (14). С. 167—202; Его же. Из истории крестьянского восстания в Нормандии в конце X века // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. М.Н. Покровского. 1940. Т. 5. Вып. 1. С. 117—128.

³⁹⁴ Галямичев А.Н. Судьба медиевиста в России XX века... С. 44.

³⁹⁵ Там же. С. 45.

³⁹⁶ Абрамсон М.Л. О некоторых особенностях развития феодальных отношений в Южной Италии в XII—XIII вв. // Средние века. 1954. Вып. V. С. 59—85; Ее же. Формирование феодальных отношений в Южной Италии X—XII вв. М., 1967.

³⁹⁷ Ртищева Г.А. Сицилийский город под властью норманнов // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпоху. Горький, 1989. С. 106—122; Ее же. Официальная субкультура норманнской Сицилии // Средневековая городская культура. Тверь, 1991. С. 4—9.

Советский востоковед-тюрколог В.А. Гордлевский (1876—1956) в монографии «Государство Сельджукидов Малой Азии» приводит норманнов как первых «франкских» союзников сельджуков³⁹⁸, которые оказали значительное влияние на расстановку политических сил в Малой Азии³⁹⁹.

Советский учёный, историк-тюрколог А.Д. Новичев (1902—1987) начинает историю Турции с основания Сельджукского султаната в Малой Азии⁴⁰⁰. Он считает, что организованные римским папой и «крупными феодалами» крестовые походы для обретения власти и богатств на Востоке отсрочили на время падение Константинополя и угрозу тюркских нашествий на Западную Европу⁴⁰¹. Более того, противостоящие «неминуемому вторжению сельджуков» крестоносцы «почти целое столетие заставили их держаться в пределах границ той территории Малой Азии, на которую они были оттеснены»⁴⁰².

При этом из всех «четырёх главных крестовых походов» (1096—1204) только Первый (1096—1099) «имел для Сельджукидов тяжёлые последствия»⁴⁰³. В течение XII в. сельджуки пребывали на востоке Малой Азии, где вели нескончаемые войны с мелкими тюркскими княжествами и крупным государством Данышмендидов. А.Д. Новичев считает, что Византия чрезмерно увлеклась борьбой за господство в Сирии и пропустила усиление могущества сельджуков в Малой Азии⁴⁰⁴.

Советский историк-медиевист М.А. Заборов (1920—1987) представляет крестовые походы не только как движение народов Запада на Восток, но и как «рыцарские» войны, а также как феодальную экспансию⁴⁰⁵. В этом ключе, он представляет норманнов как «мелких и крупных феодальных хищников», которые устремились на завоевание «плодородных областей» Испании, Южной

³⁹⁸ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М. ; Л., 1941. С. 154.

³⁹⁹ Там же. С. 28.

⁴⁰⁰ Новичев А.Д. История Турции в 4-х томах. Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.). Л., 1963. Т. 1. С. 5.

⁴⁰¹ Там же. С. 8.

⁴⁰² Там же. С. 10.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980. С. 21.

Италии и Сицилии. «А в 1073 г. норманнский авантюрист Руссель де Байэль, находившийся до этого на службе у Византии, обосновался со своими воинами в самом центре Малой Азии. Здесь возникло норманнское княжество — прообраз того, которое южноитальянские норманны создадут в Сирии четверть века спустя»⁴⁰⁶. Саму попытку создания «норманнского государства в Малой Азии» советский медиевист считает «симптоматичной» в свете формирования предпосылок «рыцарских захватов» на Востоке⁴⁰⁷.

М.А. Заборов отмечает, что у норманнов был особый интерес для участия в Первом крестовом походе. «Уже десятки лет они были непосредственно связаны с Византией — и в качестве пиратов-торговцев, и в качестве наёмников-воинов. Кто мог лучше них оценить богатства Константинополя?»⁴⁰⁸. Одним из мотивов «рыцарской агрессии» была ревность к туркам-сельджукам, в руки которых уплывали богатства империи.

Советский и американский историк-византист А.П. Каждан (1922—1997) проанализировал состав правящих родов Византии и пришёл к выводу о том, что наибольшее число иммигрантов из «латинян» дали Византийской империи норманны⁴⁰⁹. В статье «Норманны», опубликованной в Оксфордском словаре Византии, А.П. Каждан останавливается на основных вехах проникновения норманнов на территорию Восточной империи⁴¹⁰. По мнению исследователя византиста, успехи норманнов в значительной мере зависели от того, что они «... некогда овладели военными технологиями рыцарства. Норманнская настороженность и применяемые ими уловки зачастую впечатляли их противников»⁴¹¹. В статьях «Франгополы»⁴¹², «Рогерии»⁴¹³,

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ Там же. С. 22.

⁴⁰⁸ Там же. С. 33.

⁴⁰⁹ Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. С. 214

⁴¹⁰ Kazhdan A.P. Normans // The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. III. P. 1493—1494.

⁴¹¹ Ibid. P. 1493.

⁴¹² Kazhdan A.P. Phrangopoulos // The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. III. P. 1671.

⁴¹³ Kazhdan A.P. Rogerios // Ibid. P. 1802.

«Петралифы»⁴¹⁴ и «Раули»⁴¹⁵ А.П. Каждан рассмотрел исторические судьбы византийских аристократических родов, которые основали норманны.

В другой работе А.П. Каждан проследил употребление византийскими авторами XI—XII вв. этнонима «франк» и установил, что под этим термином преимущественно речь шла о норманнах⁴¹⁶. А.П. Каждан пришёл к следующим выводам: с середины XI в. норманны занимали лидирующее положение в армии; были в значительной степени независимы; стремились к приобретению высоких титулов и территорий⁴¹⁷. Путём включения норманнов в правящую верхушку посредством смешанных браков и эллинизации правителям из династии Комнинов удалось подчинить «независимый норманнский дух»⁴¹⁸. Но к концу XII в. в правление Андроника I и Ангелов начался обратный процесс, в результате которого на смену «рыцарству Комнинов» в управлении империей опять вернулись евнухи⁴¹⁹.

Представитель Уральской школы византиноведения В.П. Степаненко в своей работе «Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071—1176 гг.)»⁴²⁰ рассматривает внешнюю политику империи по отношению к туркам-сельджукам и крестоносцам. Касаясь крестоносцев, основное внимание он уделяет отношениям империи с норманнами Антиохии, которые оформились в эпоху Первого крестового похода в виде Константинопольского соглашения и Девольского договора, проследил их развитие на протяжении длительного периода истории. В ряде специальных работ автор рассматривает судьбы некоторых малоазиатских регионов, находившихся под властью норманнов⁴²¹.

⁴¹⁴ Kazhdan A.P. Petraliphai // Ibid. P. 1643.

⁴¹⁵ Kazhdan A.P. Raul // Ibid. P. 1771.

⁴¹⁶ Kazhdan A.P. Latins and Franks in Byzantium: Perception and Reality from the Eleventh to the Twelfth Century // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / ed. by A.E. Laiou and R.P. Mottahedeh. Washington, 2001. P. 90—91.

⁴¹⁷ Ibid. P. 99.

⁴¹⁸ Ibid. P. 100.

⁴¹⁹ Ibid. P. 100.

⁴²⁰ Степаненко В.П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071—1176 гг.). Свердловск, 1988.

⁴²¹ Степаненко В.П. Мараш и графство Эдесское в Девольском договоре 1108 г. // Византийский Временник. 1987. Т.48 (73). С. 53—63; Его же. Равнинная Киликия во взаимоотношениях Антиохийского

В совместной монографии учёных-тюркологов Д.Е. Еремеева и М.С. Мейера «История Турции: в средние века и новое время»⁴²² отмечена роль «вождя франкских наёмников» в быстром продвижении тюркских завоевателей вглубь Малой Азии⁴²³.

С.П. Карпов в монографии «История Трапезундской империи», в главе «Понт до образования Трапезундской империи» утверждает, что мятежи «командиров “франкских” тагм» были прямым следствием «нарастания сепаратистских сил как на Понте, так и вокруг него»⁴²⁴. С.П. Карпов считает, что мятежи норманнских наёмников происходили с опорой на города и крепости Малой Азии. Роберт Криспин опирался на мощную крепость Колонею в Армениаке, а Руссель де Баллиоль на Амасию и Неокесарию⁴²⁵.

О.С. Апанович⁴²⁶ предприняла попытку рассмотреть ряд вопросов, связанных с пребыванием латинских наёмников в Малой Азии в период с XI по XIV вв.: командование, финансирование, взаимоотношение с властями, а также дислокация⁴²⁷. О.С. Апанович уделяет внимание норманнам в Малой Азии как «первым латинским волонтёрам в Анатолии»⁴²⁸, которые «быстро нашли общий язык с тюркскими эмирами»⁴²⁹. В качестве примеров такого рода сотрудничества Апанович рассматривает кратковременные союзы Жерве Франкопулоса с Самухом⁴³⁰ и Русселя де Баллиоля с Тутахом⁴³¹. Автор делает вывод о прочном закреплении норманнских наёмников на территории Малой

княжества и княжества Рубенидов в 10—40 годах XII в. // Византийский Временник. 1988. Т.49 (74). С. 119—126; Егоже. Цицилия, «дама Тарса и сестра короля»: (Равнинная Киликия в составе Антиохийского княжества, 1108—1137 гг.) // Византийский Временник. 1990. Т. 51 (76). С. 119—123.

⁴²² Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992.

⁴²³ Там же. С. 47.

⁴²⁴ Карпов С.П. История Трапезундской империи. М., 2007. С. 73.

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Апанович О.С. Наемные и вассальные христианские контингенты на службе у анатолийских сельджуков // Причерноморье в средние века. СПб., 2009. Т. 7. С. 72—117.

⁴²⁷ Там же. С. 78.

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ Там же. С. 80.

⁴³⁰ Там же. С. 81.

⁴³¹ Там же. С. 82.

Азии во второй половине XI в., которые продолжали свою службу «у правителей новых государственных образований, возникших в Анатолии»⁴³².

Данная работа является очень интересной и содержит богатый справочный материал, базирующийся на доступных автору источниках и литературе. О.С. Апанович не делает попыток идентифицировать норманнских наёмников именно как «норманнов» и предпочитает относить их к «итальянцам», не выделяя их из общего числа «латинян».

Большой интерес представляет монография В.М. Запорожца «Сельджуки»⁴³³, в которой особое внимание уделяется раннему периоду становления господства турок-сельджуков в Малой Азии. Общие выводы автора не оставляют сомнений, например, в том, что «именно турки-сельджуки, а не арабы нанесли европейским рыцарям, и, в том числе, тяжёлой рыцарской кавалерии настолько сильные поражения, что после Второго крестового похода христиане отказались от мысли воевать с мусульманами-сельджуками, отобравшими земли у христианской Византии, и шли в Иерусалим, главным образом, морским путём»⁴³⁴.

С другой стороны, автор умалчивает о значении крестового похода 1101 г. в Малую Азию, победа над которым, как утверждал Рансимен, вернула сельджукам веру в собственные силы и способность противостоять вторжениям с Запада. Балканский поход 1107 г. Боэмунда также не был первой попыткой «свергнуть византийского императора и уничтожить византийское государство»⁴³⁵. Ему предшествовали походы герцога Роберта Гвискара и Боэмунда, предпринятые в 1081—1085 гг.

В последнее время в российской историографии появились специальные работы, посвящённые вопросам проникновения норманнов на территорию Византии, с последующей интеграцией и ассимиляцией.

⁴³² Там же. С. 83.

⁴³³ Запорожец В.М. Сельджуки. М., 2011.

⁴³⁴ Там же. С. 5.

⁴³⁵ Там же. С. 188.

В этой связи необходимо отметить статью М.А. Курышевой, в которой проводятся исследования межэтнических отношений: симбиоза норманнов и византийцев по данным антропониимии⁴³⁶. Очень интересны наблюдения автора, сделанные в процессе изучения актового материала православных монастырей: отличное знание италийскими норманнами греческого языка⁴³⁷; попытки норманнов сохранить латинские имена при полной ассимиляции⁴³⁸.

Некоторые патронимы просуществовали очень долго. Например, Петралифы были известны вплоть до середины XIII в.⁴³⁹, а Раули, просуществовали до первой половины XV в.⁴⁴⁰ На основании вышесказанного автор приходит к обоснованному выводу, что норманны в Византии не спешили забывать о своих предках и даже в той или иной степени гордились своим происхождением от норманнских рыцарей⁴⁴¹.

В одном из договоров купли-продажи на Сицилии М.А. Курышева обнаружила принадлежащий одному из свидетелей патроним норманнского происхождения: «Иоанн, сын Рауля Малакуруны»⁴⁴². Исследователь считает данный патроним «Μαλοκουρουνα» странным и выдвигает предположение о его арабском происхождении⁴⁴³. Но скорее всего, этот патроним является калькой с латинского прозвища “Mala Corona”, который встречается в норманнских хрониках⁴⁴⁴.

⁴³⁶ Курышева М.А. Византийцы и норманны: проблемы симбиоза // Византийский Временник. 2006. Т.65 (90). С. 150—162.

⁴³⁷ Там же. С. 153.

⁴³⁸ Там же. С. 154.

⁴³⁹ Там же. С. 159.

⁴⁴⁰ Там же. С. 158.

⁴⁴¹ Там же. С. 162.

⁴⁴² Там же. С. 161.

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ В «Церковной истории» Ордерика Виталия прозвище «Mala Corona» носит один из норманнских баронов Рауль Монтевилль, прозванный так за его пристрастие в юном возрасте к «рыцарским занятиям и другим фривольностям» («Hic et Mala Corona vocabatur, eo quod in juventute sua militaribus exercitiis et levitatibus detinebatur» Ord. Vitalis. III, 5. P. 240). У анонимного историографа Первого крестового похода так именуют одного из сержантов Боэмунда во время взятия Антиохии (Anonim, Gesta VIII, 9). М.А. Заборов переводит это прозвище, как «Дурная башка». Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах : Учеб. пособие для вузов по специальности «История». М., 1977. С. 95.

Е.А. Серен⁴⁴⁵ в небольшой по объёму работе рассмотрел некоторые вопросы, связанные с «эмиграцией» норманнов в Византию: судьбы норманнских предводителей, социальный и количественный состав норманнских наёмников, периодизацию «процесса миграции»⁴⁴⁶.

Таким образом, в отечественной историографии можно выделить три периода изучения проблем, связанных с пребыванием норманнов в Малой Азии. Первый период условно можно назвать дореволюционным, когда видные представители отечественной школы византиноведения полагали «норманнский вопрос» одним из важнейших в истории Византии и Первого крестового похода. В советский период история норманнов на Востоке не получала должного внимания со стороны исследователей. Современный период российской историографии характеризуется возрождением интереса к «норманнской тематике».

* * *

С второй половины XX в. исследователей всё больше начинают интересовать следующие вопросы: кем были норманны? Куда они потом исчезли? Как норманнов воспринимали их соседи: враги и союзники; как норманны воспринимали самих себя на различных по культуре и истории территориях? Данное направление историографии изначально имело интернациональный характер. Среди главных приоритетов этого направления выделяется изучение самосознания норманнов и создателей норманнских хроник.

Родоначальником этого направления считается американский исследователь Ч. Хаскинс, который заявлял, что норманны являлись «отважной, властной, беспринципной нацией, стремящейся к опасностям и готовой к любого рода приключениям, которая нуждается более в узде, чем шпорах и понуканиях»⁴⁴⁷. За пределами Нормандии их неизбежно ждала потеря

⁴⁴⁵ Серен Е.А. Эмиграция норманнов в Византию и "Тагмы франков" (XI в.) // Античная древность и средние века. 2001. Вып. 32. С. 163—174.

⁴⁴⁶ Там же. С. 171.

⁴⁴⁷ Haskins C.H. The Normans in European history... P. 15.

идентичности. Они не представляли собой народ, но лишь небольшую группу энергичных предводителей, которые сыграли роль «закваски в тесте» того региона, куда они приходили. Их удивительная предприимчивость, способность к адаптации и ассимиляции приводили их к неизбежной гибели, но в качестве вознаграждения они получили «большой удельный вес в общем развитии цивилизации»⁴⁴⁸.

Л. Бем⁴⁴⁹ на конференции в Сполетто в 1965 г. представила доклад под названием «*Nomen gentis Normannorum*. Подъём норманнов в зеркале норманнской историографии», в котором рассмотрела проблему самосознания (*Selbstverständnis*) норманнов и осознание ими своей истории (*Geshichtsbewusstsein*). По своей сути этот доклад является первой работой, где систематически рассматриваются основополагающие темы и структурные компоненты в хрониках норманнских авторов: самоназвание, происхождение, сознание своей племенной принадлежности, идея мирового господства, идеал норманнского правителя, норманнское христианство и духовно-культурный облик норманнов.

Итало-американский медиевист Р.С. Лопес (1910—1986) говорил о том, что в представлении современников норманны являлись лучшими воинами своего времени, которые, благодаря своим успехам в Англии, Испании, Италии и Греции, стали прототипами легендарных героев эпических произведений и рыцарских романов, которые развивались в данную эпоху. Р.С. Лопес считает, что норманны в реальности вполне соответствовали литературному образу как «авантюристы, бесстрашные, ненасытные, недисциплинированные, полные внимания по отношению к дамам, готовым принять ухаживания и относящиеся к ним с настороженностью; безразличные к страданиям крестьян и трусливых

⁴⁴⁸ Ibid. P. 247.

⁴⁴⁹ Boehm L. *Nomen gentis Normannorum. Der aufstieg der Normannen im spiegel der Normannischen historiographie // I Normanni e la loro espansione in Europa nell'alto medioevo*. Spoleto, 1969. P. 623—704.

горожан; непоколебимые в своей преданности Христу, хотя и не всегда выполняющие его заповеди»⁴⁵⁰.

Английский историк Р. Браун (ум. 1989) в обобщающей работе «Норманны и норманнское завоевание»⁴⁵¹ отмечает превосходство норманнов в искусстве войны, «которое сделало их господами собственного мира от Ирландского канала до восточных берегов Средиземного моря и далее»⁴⁵². В другой работе, которую Браун лаконично назвал «Норманны»⁴⁵³, он отстаивает перед «клеветниками» тезис о военном превосходстве норманнских рыцарей, доказывая, что средневековье не было временем «обычных людей», и поэтому плохо поддаётся изучению методами статистического исследования⁴⁵⁴.

Английский историк Ральф Генри Чарльз Дэвис (1918—1991) в книге «Норманны и их миф»⁴⁵⁵ развивает идею о том, что норманны, которые завоевали Англию, Италию и Антиохию были разрозненными и не связанными между собой группами людей. При обращении к норманнским историкам он больше внимания уделял не следованию ими исторической истине, но относился к их сочинениям как к «доказательствам, которые упрочивали веру и надежду норманнов на тот момент, когда они писали»⁴⁵⁶.

Дэвис считает, что норманны не были единым народом, но осознавали себя таковым. «Если народ сформирован не на основе общего происхождения и языка, а на основе политической общности, военного или эмоционального опыта, он может составлять единую общность только до тех пор, пока опыт будет жить, передаваемый от поколения к поколению. Альтернативный вариант — если народ оказался без истории, то единственным путём для создания народа может быть только создание мифа»⁴⁵⁷. Другими словами, норманны

⁴⁵⁰ Lopes R.S. La Sicilia nel tempo della conquista normana // *Richere storico ed economiche in memoria di Corrado Barba*. Napoli, 1970. Vol. II. P. 170—121.

⁴⁵¹ Brown R.A. *The Normans and the Normans conquest*. Woodbridge, 1994.

⁴⁵² Ibid. P. 277.

⁴⁵³ Brown R.A. *The Normans*. Woodbridge, 1984.

⁴⁵⁴ Ibid. P.173.

⁴⁵⁵ Davis R.H.C. *The Normans and their Myth*. L., 1976. P. 15

⁴⁵⁶ Ibid. P. 15

⁴⁵⁷ Ibid. P. 15—16.

существовали как единый народ до тех пор, пока идентифицировали себя со своим мифом. В другом месте Дэвис говорит: «Не существует народа без образа или мифа, с которым он себя идентифицирует. Этот образ мог быть представлен легендой или историей, поэзией, фольклором, или тем, что мы обычно называем «традицией». Раскрыть этот образ, значит понять норманнов»⁴⁵⁸.

Английский учёный Д. Дуглас (1898—1982) рассматривает историю норманнов во Франции, Англии, Южной Италии и Сирии как поступательное движение с севера Европы на Восток одного народа. По его мнению, не миф, но сам «характер норманнов сформировался под влиянием процессов, которые шли в Нормандии в течение X и XI вв. Сила норманнов состояла в феодальной аристократии и реформированной церкви»⁴⁵⁹.

Г.А. Лоуд⁴⁶⁰ считает, что главной темой норманнской историографии было не единство и масштаб завоеваний норманнов, а своеобразные и особенные качества “gens normannorum”, что само по себе доказывало принадлежность к особому народу⁴⁶¹. Миф об особом народе: “gens normannorum”, созданный норманнскими интеллектуалами на основе «Этимологий» Исидора Севильского и античной традиции, с успехом заменил для норманнов реальную историю, в которой они не являлись народом с общим происхождением, ибо реальная история представлялась им довольно сомнительной и запутанной⁴⁶².

М. Беннет в вопросе исследования норманнской идентичности не пожелал следовать за Дэвисом или за Лоудом, но предложил свой собственный, свободный от «потасканых обобщений»⁴⁶³ подход. В фокусе исследований Беннета оказались произведения устной традиции: песни, поэмы, поговорки,

⁴⁵⁸ Ibid. P. 49.

⁴⁵⁹ Douglas C.D. Norman achievement 1050—1100. Berkely ; Los Angeles, 1969. P. 27.

⁴⁶⁰ Loud G.A. “The ‘Gens Normannorum’ : Myth or Reality?” // Anglo-Norman studies. 1981. Vol. 4. P 104—116.

⁴⁶¹ Ibid. P. 111.

⁴⁶² Ibid. P. 114.

⁴⁶³ Bennett M. Stereotype Normans in Old French Vernacular Literature // Anglo-Norman Studies. 1987. Vol. 9. P. 25—42.

легенды, в которых он поставил цель выявить стереотип поведения норманнов⁴⁶⁴, который наилучшим образом инкапсулирует идею “Normannitas” как популярного и широко распространённого в массовом сознании образа норманнов⁴⁶⁵. На этом основании Беннет выделяет основные стереотипы поведения норманнов: норманнское коварство⁴⁶⁶, норманны завоеватели⁴⁶⁷, участие в реконкисте⁴⁶⁸ и крестовых походах⁴⁶⁹, боевые навыки⁴⁷⁰ и тому подобное. В результате Беннет находит очень мало соответствий «общеизвестному» стереотипу норманнов в народной литературе и на этом основании предостерегает современных историков от стремления увидеть образ, который не существовал. По его мнению, прежде чем переходить к идентификации норманнов, необходимо идентифицировать в источнике те моменты, в которых эта идентификация выражалась, и попытаться объяснить причины её появления в данном источнике и в данный момент⁴⁷¹.

Британский учёный Д. Бэйтс⁴⁷² считает, что исследования Дугласа, Дэвиса и Лоуда имеют значение только при условии, что рассмотрение данного вопроса будет происходить с точки зрения того, «как Нормандия стала, а затем перестала быть центром завоевательного движения, колонизации и доминирования: проблемы «возвышения и падения»»⁴⁷³. В начале XI в. норманны пребывали в состоянии социального движения, которое было характерно для Северной Франции в целом⁴⁷⁴. В район Средиземноморья мигрировали не только норманны, но и представители аристократических фамилий севера Франции⁴⁷⁵.

⁴⁶⁴ Ibid. P. 26.

⁴⁶⁵ Ibid. P. 27.

⁴⁶⁶ Ibid. P. 28.

⁴⁶⁷ Ibid. P. 29.

⁴⁶⁸ Ibid. P. 30.

⁴⁶⁹ Ibid. P. 34.

⁴⁷⁰ Ibid. P. 36.

⁴⁷¹ Ibid. P. 42.

⁴⁷² Bates D. The rise and fall of Normandy, c. 911—1204 // England and Normandy in the Middle Ages. London, 1994. P. 19—35.

⁴⁷³ Ibid. P. 20.

⁴⁷⁴ Ibid. P. 26.

⁴⁷⁵ Ibid. P. 27.

Вслед за Дугласом Бэйтс признаёт существование описанного у Ордерики Виталия «норманнского мира», в рамках которого «отдельные личности продвигались и делали карьеры»⁴⁷⁶. Но уже при жизни Ордерики Виталия в первой половине XII в. общее происхождение и единство «gens Normannorum» становится иллюзорным⁴⁷⁷.

Бэйтс продолжил развивать свои идеи в итоговой монографии, которую он недвусмысленно озаглавил «Норманны и империя»⁴⁷⁸. Ссылаясь на норманнских авторов XII в. Вильгельма Мальмсберийского и Ордерики Виталия, Бэйтс осторожно заявляет о существовании в представлении современников некой «норманнской империи»⁴⁷⁹.

При этом ядром этой империи являлась Нормандия, которая, в сочетании с периферией, представляет собой психологический, физический и географический феномен⁴⁸⁰. По мнению Бэйтса, «норманнская империя» представляла собой «различные версии ядра и периферии как господствующего, эксплуатирующего, политического, фамильного и личного, которые формируют ощущение бесконечного разнообразия связей, поддерживающих, а иногда разрушающих империю»⁴⁸¹.

Бэйтс предлагает рассматривать понятие “Normannitas” как некий «эталон ценностей», как «продукт органических процессов, характерный для истории империй», которые возникают, стремятся к территориальной экспансии, а затем пребывают в состоянии относительной стабильности, сопровождаемой борьбой за единство империи⁴⁸².

Бэйтс считает ошибочным сформировавшийся в историографии подход, в соответствие с которым принято изучать норманнские образования в «чёрно-

⁴⁷⁶ Ibid. P. 30.

⁴⁷⁷ В качестве точного времени заката «норманнского мира» Бэйтс называет 1144 г., когда умер Ордерики Виталий (Ibid. P. 31).

⁴⁷⁸ Bates D. The Normans and Empire. Oxford, 2013.

⁴⁷⁹ Ibid. P. 128.

⁴⁸⁰ Ibid. P. 129.

⁴⁸¹ Ibid.

⁴⁸² Ibid. P. 178.

белых терминах»⁴⁸³. Так, например, ответ на вопрос: «насколько норманнскими были княжества Южной Италии, Сицилии и Антиохии», по версии Бэйтса, звучал бы: «исключительно норманнские и совершенно не норманнские»⁴⁸⁴.

С точки зрения Бэйтса, в этих княжествах на первых этапах преобразований господствовали выходцы из Нормандии и других областей Северной Франции, но как только были установлены «новые союзы власти», потомки норманнских «мигрантов» стали демонстрировать свою идентичность с новыми сообществами и стали менее доброжелательно относиться к пришельцам с севера. Новых мигрантов следующие поколения зачастую воспринимали как разрушительную силу, но при этом активно поддерживали инфраструктуру, которая значительно облегчала социальное движение и делала новое сообщество открытым для всех⁴⁸⁵.

Бэйтс говорит, что норманны в силу своей имперской идеологии были «запрограммированы на исчезновение»: их заботило совершить акт завоевания, которое укрепило бы память о них и социальные связи с Нормандией⁴⁸⁶.

Американская исследовательница профессор Е. Альбю посвятила целый ряд специальных работ описанию норманнской исторической традиции, которую она подробно проследила от работ норманнских хронистов в Нормандии, Южной Италии и Сицилии до норманнских хронистов Первого крестового похода⁴⁸⁷. Несмотря на откровенный панегирический характер норманнских авторов, Альбю усматривает и наличие критического отношения к норманнам, которое со временем только усиливается. Если Дудо из Сен-Кантена в начале XI в. ограничивается тонкими намёками и оговорками, то последующие авторы в мягкой или жёсткой форме прямо заявляют о склонности норманнов к насилию, жадности, раздорам и необычайному

⁴⁸³ Ibid. P. 182.

⁴⁸⁴ Ibid.

⁴⁸⁵ Ibid.

⁴⁸⁶ Ibid.

⁴⁸⁷ Albu E. The Normans and their Myths // The Haskins Society journal. 2003. Vol. 11. P. 123—136; Eadem. Probing the passions of a Norman on Crusade : the Gesta Francorum et aliorum Hierasolimitanorum // Anglo-Norman studies. 2005. Vol. 27. P. 1—15; Eadem. The Normans in their Histories: Propaganda, Myth and Subversion. Woodbridge, 2001.

коварству. Очевидно, что данный подход едва ли может считаться правильным в отношении всех норманнских хронистов, и исследования Альбю имели бы большую ценность при более широком обращении к историческому контексту и реалиям той эпохи.

Профессор Кембриджа Марджори Чибнел в монографии “The Normans”⁴⁸⁸ рассматривает «норманнский миф» как динамичное явление, который менялся вместе с норманнами на протяжении XI—XII вв. от Англии до Сирии. Изнанку этого мифа составляло следующее: «военное умение, сильное правление и безжалостное принуждение к исполнению закона было характерно для норманнов и их сторонников, которые обосновались на столь различных территориях»⁴⁸⁹.

Н. Веббер в монографии «Эволюция норманнской идентичности 911—1154 гг.»⁴⁹⁰ рассмотрел каждого норманнского хрониста по отдельности. При этом он часто обращается к историческому контексту (в Нормандии, в Южной Италии и Сицилии, а также в Англии после 1066 г.) с целью определить этническую принадлежность норманнов, которую условно разделяет на «внутреннюю» и «внешнюю» идентичность. Он также привлекает хроники крестовых походов. В результате Веббер пришёл к выводам о том, что, с точки зрения хронистов, норманнов отличала военная доблесть, благочестие, а также способность сплачивать разнородные этнические группы в единый народ.

А.В. Якуб в работе «Образ «норманна» в западноевропейском обществе IX—XII вв.: становление и развитие историографической традиции»⁴⁹¹ проанализировал трансформации норманнской идентичности в Нормандии на протяжении трёх столетий. В качестве основных источников он использовал работы норманнских (Дудо из Сен-Кантена, Вильгельм Жюмьежский) и англо-норманнских авторов (Ордерик Виталий, Роберт де Торины).

⁴⁸⁸ Chibnall M. The Normans. Oxford, 2006.

⁴⁸⁹ Ibid. P. 177.

⁴⁹⁰ Webber N. The Evolution of Norman Identity, 911—1154. Woodbridge, 2005.

⁴⁹¹ Якуб А.В. Образ «норманна» в западноевропейском обществе IX—XII вв. : становление и развитие историографической традиции. Омск, 2008.

По мнению Якуба, “Normannitas” переводится на русский язык как «Норманность» и «по сути дела сводится к проблеме самоидентификации норманнов в иноэтнической среде»⁴⁹². При этом в норманнской историографии «смена территории влекла за собой изменение, а иногда и качественную трансформацию самого образа «норманна»»⁴⁹³.

Норманнское завоевание неизбежно сопровождалось «разного рода контактами с другими этническими и социально-политическими компонентами данного пространства», что приводило к «появлению взаимной надобности понять друг друга и определить место каждого из этих компонентов, как старых, так и новых в условиях развёртывающегося процесса амальгамизации конкурентных культур»⁴⁹⁴.

Таким образом, в Нормандии было сформировано новое общество, отличное от своих скандинавских и франкских корней. Это общество «не желало существовать без памяти о своих истоках», что, в свою очередь, привело к созданию исторических хроник⁴⁹⁵.

В 2008 г. на базе Ланкастерского университета в Великобритании был запущен проект «Норманнская окраина: идентификация и создание государств на границах Европы»⁴⁹⁶. В рамках данного проекта профессор К. Стрингер, профессор А. Йотунский, А. Меткаф и другие учёные занимаются пересмотром сложившихся представлений о «политической онтологии норманнского мира» в Англии, Южной Италии и латинском Востоке в период с 1050 по 1200 гг⁴⁹⁷.

В фокусе их исследований находятся связи внутри сообществ, образованных норманнами в различных регионах с местными элитами; процесс создания отношений внутри этих сообществ и значение, которое это имело для развития Европы. Таким образом, авторы проекта признают существование

⁴⁹² Там же. С. 49.

⁴⁹³ Там же. С. 456.

⁴⁹⁴ Там же. С. 55.

⁴⁹⁵ Там же. С. 56.

⁴⁹⁶ The Norman Edge : Identity and State-Formation on the Frontiers of Europe // <http://www.lancaster.ac.uk/normanedge/Links/homepage.htm> (дата просмотра: 25.09.2014).

⁴⁹⁷ Ibid.

«норманнского мира», искусственно созданного средневековыми хронистами, и рассматривают, насколько глубоко во взаимодействии с местными элитами повлияли идеи “Normannitas” на политическое развитие норманнских государств⁴⁹⁸.

По результатам работы данного проекта в свет вышел сборник статей «Норманнская экспансия»⁴⁹⁹. Безусловным преимуществом опубликованных в этом сборнике работ может считаться введение в оборот новых данных о пребывании норманнов на «окраинах» Западного мира. В то же время подход к изучению поставленных проблем был осуществлён авторами в рамках традиционных для английской историографии категорий и методов исследования.

В настоящее время учёные Западной Европы: С. Буркхардт, Т. Фоерестер, Г. Лоуд, С. Соннесин приходят к переосмыслению «Норманнского мифа»⁵⁰⁰. В частности, профессор Гейдельбергского университета С. Буркхардт и Т. Фоерестер считают самой важной особенностью всех норманнских завоеваний культурную адаптацию: способность пренебрегать собственной культурной традицией ради интеграции, а точнее, традиции норманнов были достаточно гибкими, чтобы обеспечить успех интеграции⁵⁰¹. Именно через подобную «адаптивность» норманнской культуры они предлагают рассматривать «достижения норманнов»⁵⁰².

Под традицией С. Буркхардт и Т. Фоерестер понимают некую «память социальной группы», которая отвечает за интеграцию и идентификацию (обычаи, идеалы, закон, язык, общий опыт), может быть постоянной и непостоянной, иметь форму и не обладать таковой. Наследие представляет

⁴⁹⁸ Ibid.

⁴⁹⁹ Norman Expansion: Connections, Continuities and Contrasts / ed. by K.J. Stringer and A. Jotischky. Farnham, 2013.

⁵⁰⁰ Различные аспекты культурных взаимовлияний были рассмотрены на международном симпозиуме «Норманнская традиция и транскультурное наследие», который проводился в Гейдельберге в апреле 2010 года. По итогам работы симпозиума был издан сборник: Norman tradition and transcultural heritage. Exchange of cultures in the ‘Norman’ peripheries of medieval Europe / ed. T. Foerster, S. Burkhardt. Farnham, 2013.

⁵⁰¹ Foerester T., Burkhardt S. Tradition and heritage : The Normans in the transcultural Middle Ages // Norman tradition and transcultural heritage Exchange of cultures in the ‘Norman’ peripheries of medieval Europe. Farnham, 2013. P. 3.

⁵⁰² Ibid. P. 4.

собой память другого рода: «окаменевшую» традицию, не способную к моделированию и изменению, имеющую региональные границы. Именно из смешения традиции и локального наследия возникали новые структурные образования в обществах с участием норманнов⁵⁰³.

Редакторы сборника полагают, что норманны были «воображаемым сообществом»⁵⁰⁴, т.е. хронисты в Нормандии создали то, что принято именовать “Normannitas” — некую культуру храбрости и завоевания. Откуда последующие поколения понесли свою “Normannitas” в различные части света⁵⁰⁵. Но, по мнению авторов, это была уже не в чистом виде “Normannitas”, а лишь «различные аспекты норманнских традиций — которые являлись норманнскими потому, что они пришли из Нормандии, а не потому, что были особенно воинственными»⁵⁰⁶.

Смешение норманнских традиций с местным наследием привело к образованию новых культурных форм. На севере Европы возникла англо-норманнская общность, которая продолжила экспансию в Ирландии, Шотландии и Уэльсе. На юге возникло итало-норманнское сообщество, которое также продолжило экспансию в районе Средиземноморья. И на вновь приобретаемых территориях продолжился процесс смешения вновь образованных традиций с местным наследием. И вновь хронисты заняты конструированием новых идентичностей, нового «мифа»⁵⁰⁷.

В этом процессе образования новых традиций “Normannitas” очень быстро сходит на-нет, за исключением гибридных, полиэтнических сообществ, в которых этническая идентичность основывается на происхождении и наличии инаковости⁵⁰⁸.

⁵⁰³ Ibid. P. 7.

⁵⁰⁴ Ibid. P. 14.

⁵⁰⁵ Ibid.

⁵⁰⁶ Ibid.

⁵⁰⁷ Ibid. P. 16—17.

⁵⁰⁸ Ibid. P. 18.

Приведённые выше общие исследования наглядно демонстрируют, что образ норманнов не оставался неизменным. На протяжении столетий он постоянно претерпевал трансформации и превращения.

Дж. Херманс⁵⁰⁹ предложил взглянуть на «норманнов и их миф» глазами византийских авторов XI—XII вв., рассматривая свою работу как дополнение к книге Р. Дэвиса. Он считает, что византийцы представляли норманнов превосходными всадниками; хитроумными политиками; умелыми мореходами; непобедимыми в военных предприятиях; при этом необычайно жестокими⁵¹⁰. Поэтому византийцы испытывали постоянный страх перед норманнскими вторжениями⁵¹¹.

В заключении Херманс делает вывод о том, что византийцы знали о норманнах крайне мало. В то же время: «норманнам была отведена крайне важная роль в игре, но это была византийская игра, которая имела ещё меньше связей с реальностью, чем «норманнский миф»!»⁵¹².

В отличие от Херманса, византинист П. Магдалино⁵¹³ более обстоятельно подошёл к вопросам восприятия норманнов византийцами в своей книге, в которой он отмечает следование византийскими авторами при описании норманнов доктринам экуменизма и «Romanitas». Согласно этим доктринам, латинский Запад и норманны рассматривались византийцами как часть империи и как естественный компонент защиты против реальных врагов: турок-сельджуков. Возможно, что унаследованная византийцами традиция побуждала хрониста Михаила Атталиата призывать «облечь военной властью и поручить освобождение от захватчиков восточных областей»⁵¹⁴ Русселю де Баллиолу.

⁵⁰⁹ Hermans J. The Byzantine view of the Normans. Another Norman myth? // *Anglo-Norman studies*. 1979. Vol. 2. P. 78—92.

⁵¹⁰ Ibid. P. 91.

⁵¹¹ Ibid. P. 92.

⁵¹² Ibid.

⁵¹³ Magdalino P. *The Byzantine background to the First Crusade*. Toronto, 1996.

⁵¹⁴ Attaliota Michael. P. 207.

Перелом в сознании византийских авторов произошёл в ходе Первого крестового похода и образования Антиохийского княжества. Анна Комнин продолжает восхищаться норманнскими предводителями Робертом Гвискарсом и Боэмундом, но в её представлении, это уже не равные византийцам «ромеи», а чужаки и варвары.

К. Потс считает, что Анна Комнин видела в норманнах «хищных, ненадёжных, войнолюбивых варваров»⁵¹⁵. Независимо от того, была ли у норманнов хорошая или плохая репутация, после завоеваний в Англии, Южной Италии, Малой Азии она неоднократно увеличилась⁵¹⁶.

По мнению Брауна⁵¹⁷, поход норманнов во главе с Боэмундом на Антиохию являлся «аристократической колонизацией и (в современной терминологии) захватом»⁵¹⁸. Участие в Первом крестовом походе снимало массу противоречий в сознании современников и позволяло объединить путь рыцаря и монаха⁵¹⁹. Идеалы “Normannitas” легли в основу концепции священной войны, были задействованы в движении крестоносцев и получили наивысшее развитие в деятельности военных орденов тамплиеров и госпитальеров⁵²⁰. В Антиохии норманнам не удалось интегрироваться в местное сообщество, подобно тому, как это было в Англии и Италии⁵²¹.

Таким образом, по мнению Брауна, норманнских рыцарей можно было узнать по их способностям к военному делу и благочестию. Он отстаивает идею о том, что Боэмунд в Первом крестовом походе вёл себя очень благочестиво и в соответствии со взятым на себя обетом⁵²².

Алан Мюррей в статье «Насколько норманнским было княжество Антиохийское? Прологомены к изучению происхождения аристократии

⁵¹⁵ Potts C. Normandy, 911—1144 // A companion to the Anglo-Norman World. Woodbridge, 2003. P. 19—42.

⁵¹⁶ Ibid. P. 36

⁵¹⁷ Brown R.A. The Normans. Woodbridge, 1994.

⁵¹⁸ Ibid. P.136.

⁵¹⁹ Ibid. P.135.

⁵²⁰ Ibid. P.160.

⁵²¹ Ibid. P.157.

⁵²² Ibid. P. 165.

государства крестоносцев»⁵²³ приходит к выводу о том, что норманны составляли «основной элемент аристократии Антиохии»⁵²⁴.

В то же время Мюррей отмечает, что среди средневековых хронистов нет единства в вопросе определения правящей верхушки норманнского княжества: Вильгельм Жюмьежский и Ордрик Виталий продолжают именовать их “gens Normannorum”, а авторы Латинского Востока (Фульхерий Шартрский, Вальтер Канцлер) предпочитают относить их к “gens Francorum”⁵²⁵. Мюррей предположил, что в условиях существования на Востоке норманны Антиохии, «...сохраняя прочные связи со своими отечествами, были готовы увидеть концепцию отдельной расы норманнов, включённой в общую национальность франков»⁵²⁶.

Н. Хадгсон выдвинула тезис об изменении самоидентификации норманнов в ходе Первого крестового похода на Восток⁵²⁷. В качестве основного источника она использовала хронику норманнского автора Рауля Канского «Деяния Танкреда». Хадгсон совершенно справедливо говорит о недостаточном внимании исследователей к вопросам идентификации норманнов на Востоке⁵²⁸, а равно и к изучению важного, с её точки зрения, источника, посвящённого «Деяниям Танкреда»⁵²⁹.

Н. Хадгсон подошла к изучению норманнского мифа о “gens Normannorum”, опираясь на работы Г. Лоуда⁵³⁰. В соответствие с этим подходом она выделяет ряд присущих норманнам качественных характеристик, которые нашли отражения в хрониках крестовых походов: «амбиции, агрессивность, щедрость, алчность, храбрость и коварство»⁵³¹.

⁵²³ Murray A.V. How Norman was the principality of Antioch? Prolegomena to a study of the origins of the nobility of a crusader state // *Family Trees and the Roots of Politics : The Prosopography of Britain and France from the Tenth to the Twelfth Century* / ed. K.S.B. Keats-Rohan. Woodbridge, 1997. P. 349—360.

⁵²⁴ Ibid. P. 359.

⁵²⁵ Ibid.

⁵²⁶ Ibid.

⁵²⁷ Hodgson N. Reinventing Normans as crusaders? Ralf of Caen's *Gesta Tancredi* // *Anglo-Norman studies*. 2007. Vol. 30. P. 117—132.

⁵²⁸ Ibid. P. 117.

⁵²⁹ Ibid. P. 124.

⁵³⁰ Ibid. P. 119.

⁵³¹ Ibid. P. 120.

Когда Боэмунд как истинный норманн предпочитает остаться в Антиохии, то его племянник Танкред, в представлении Рауля, уже выбирает путь в Иерусалим, как “*miles Christi*”⁵³². Но это не означает, что Танкред был начисто лишён «тёмной стороны» “*Normannitas*”: алчности, жажды добычи и территориальных приобретений, склонности к насилию и коварству⁵³³. Напротив, у Рауля Танкред, как и Боэмунд, предстаёт носителем вышеперечисленных «традиционных "норманнских" характеристик»⁵³⁴.

Проповедь крестового похода имела огромное значение для юных норманнских рыцарей, т.к. позволяла объединить два пути: мирской и духовный⁵³⁵. Рауль видит свою задачу в том, чтобы показать трансформацию норманнского рыцаря Танкреда «в новый тип христианского воина, готового к новым завоеваниям — крестоносца»⁵³⁶.

Среди опубликованных в сборнике статей «Норманнская экспансия» внимания заслуживает статья Лин Ни Клейриг «*Gesta Normannorum? Норманны в латинских хрониках Первого крестового похода*»⁵³⁷. В ней рассматривается вопрос о том, насколько «норманнскими» являлись авторы, которые описывали участие норманнов в походе на Восток. Автор приходит к выводу о том, хроники крестовых походов ставили своей целью прославление не норманнов, но христиан-франков, которых они именовали “*Franci*” или “*Francigena*” и которые говорили на одном языке. Единственным исключением являлось произведение Рауля Канского, который видел свою задачу не в прославлении крестового похода, но в описании «Деяний Танкреда» и полагал своей целевой аудиторией правящую верхушку Антиохийского княжества⁵³⁸.

⁵³² Ibid. P. 121.

⁵³³ Ibid. P. 127.

⁵³⁴ Ibid. P. 128.

⁵³⁵ Ibid. P. 129.

⁵³⁶ Ibid. P. 132.

⁵³⁷ Ni Chleirigh L. *Gesta Normannorum? Normans in the latin chronicles of the First crusade* // *Norman Expansion: Connections, Continuities and Contrasts* / ed. by K. J. Stringer and A. Jotischky. Farnham, 2013. P. 207—226.

⁵³⁸ Ibid. P. 113.

Глава 2. НОРМАННЫ В МАЛОЙ АЗИИ ПЕРЕД ПЕРВЫМ КРЕСТОВЫМ ПОХОДОМ

2.1. ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОРМАННОВ И ВИЗАНТИЙЦЕВ ПО ДАННЫМ НОРМАННСКИХ И ВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ XI—XII вв.

Основными нашими источниками по вопросу представлений норманнов о византийцах служат сочинения итало-норманнских авторов, которые были созданы во второй половине XI в: «История норманнов» Амато⁵³⁹, монаха бенедиктинского монастыря Монтекассино, «Деяния графа Калабрии и Сицилии Рожера и брата его герцога Апулии Роберта Гвискара» Готфрида Малатерры⁵⁴⁰ и поэма Вильгельма Апулийского⁵⁴¹ «Деяния Роберта Гвискара».

Представления норманнов о византийцах формировались на основе существовавшей на Западе культурно-исторической традиции. Свои первые знания о Византии они могли получить уже в Нормандии вместе с новой религией, языком и приёмами ведения боя. Вместе с легендарными сведениями об истории «греков» и их месте среди других народов норманны могли получить представления о Малой Азии.

Общие представления о географии существующего мира у западноевропейских авторов сложились в раннее средневековье и практически не менялись на протяжении столетий. Центром мироздания традиционно

⁵³⁹ Amatus di Montecassino. *Storia dei normanni di Amato di Montecassino* / ed. V. de Bartholomeis. Roma, 1935.

⁵⁴⁰ Malaterra G. *De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius* // *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani*. Bologna, 1928. T. 5.

⁵⁴¹ Guillelmi Apuliensis. *Gesta Roberti Wiscardi* / ed. R. Wilmans // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in Folio* / ed. R. Köpke. Hannover, 1851. T. IX. P. 239—298.

считался Иерусалим, который, как правило, размещался в центре «круглых» карт. И всё, что находилось на границах, а зачастую и внутри этого очерченного сознанием круга, было неопределённым и загадочным для людей средневекового Запада.

В Нормандии норманны переняли обычай уходить в длительные путешествия по святым местам. Первым важным этапом пути к Иерусалиму был город Рим. Южнее Рима в Италии начинались владения Византии, известные норманнам и скандинавам как Апулия. Эта часть Южной Италии была известна западноевропейским народам по святилищу архангела Михаила на горе Гаргана. Данный культ был особенно популярен в Нормандии.

Именно через Апулию пролегал путь норманнских паломников, которые следовали из Нормандии через Центральную Европу в Рим, а затем в Иерусалим. Таким образом, Малая Азия лежала на пути норманнских паломников. По версии монаха Амато, в начале XI в. несколько норманнских паломников проходили мимо города Салерно на юге Италии в тот момент, когда город оказался в окружении мусульманских пиратов, требовавших выкуп. Норманны были изумлены тем фактом, что горожане предпочитали заплатить выкуп, вместо того, чтобы дать сражение. Они попросили у правителя Салерно коней и оружие, а затем разгромили мусульманский отряд. Это событие, по мнению Амато, послужило поводом для приглашения в Южную Италию норманнов⁵⁴².

Адемар Шабанский (989—1034) не склонен идеализировать норманнов. Он сообщает, что вооружённые норманны во главе с Раулем пришли сначала в Рим, а затем, при попустительстве римского папы Бенедикта VIII (980—1024), отправились в Апулию, уничтожая всё на своём пути. Только «племени русов» (*gente russorum*) удалось остановить продвижение норманнов, «обратив их в ничто» (*ad nihilum redacti*). Многие из них были уведены в Константинополь, где до конца дней своих подвергались мучениям в узилище. Отсюда пошла

⁵⁴² Amato I, 17—18, P. 21—23.

поговорка: «Грек на повозке поймал зайца» (*Grecus cum carruca leporem capit*). По всей видимости, данная поговорка является модификацией латинской поговорки «Рак поймал зайца» (*Cancer leporem capit*) и означает свершение чего-либо невозможного. В результате на три года были закрыты дороги на Иерусалим, а разгневанные на норманнов «греки» хватали паломников и бросали в темницу⁵⁴³.

Рауль Глабер (985—1047) более лояльно описывает действия «храбрейшего» и «искуснейшего в военном деле» норманна Рауля, который был изгнан из Нормандии и по поручению Бенедикта VIII при поддержке италийцев вёл борьбу с «греками» как «чужеземными захватчиками»⁵⁴⁴.

Э. ван Хоутс крайне критично отнеслась к сообщениям средневековых латинских источников, свидетельствующих о контактах норманнов и Византии на протяжении XI в. Она считает, что нельзя говорить о тесных контактах норманнов и византийцев до середины XI в., а количество норманнских наёмников на византийской службе было крайне незначительным, как и их влияние на состояние дел в империи⁵⁴⁵.

К. Циггаар⁵⁴⁶, в отличие от Э. ван Хоутс, отнеслась с большим доверием к латинским источникам и предположила наличие тесных связей Нормандии и Византии уже с 1035 г.⁵⁴⁷, когда Константинополь посетил герцог Нормандии Роберт Великолепный (1028—1036).

Во второй половине XI в. в Нормандии возникла легенда о паломничестве норманнского герцога Роберта Великолепного в Иерусалим около 1035 г. Эта легенда появилась сразу после данного события в виде

⁵⁴³ Ademar S. Cibardi monachus. *Historiarum libri tres* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. P., 1853. T. 141. P. 66.

⁵⁴⁴ Rodulfus Glaber Clunniacensis monachus. *Historiarum libri quinque* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. P., 1853. T. 142. P. 643—644.

⁵⁴⁵ Van Houts E.M.C. *Normandy and Byzantium in the eleventh century* // *Byzantion*. 1985. Vol. 55. P. 556.

⁵⁴⁶ Ciggaar K.N. *Byzantine Marginalia to the Norman conquest* // *Anglo-Norman Studies*. 1986. Vol. IX. P. 43—69.

⁵⁴⁷ *Ibid.* P. 44.

устного сказания⁵⁴⁸, которое у Вильгельма Жюмьежского приобрело следующий вид:

«Достигнув города Константинополя, (Роберт — *В.П.*) приказал, чтобы с мула, который был нагружен золотом и обычно шёл впереди, при вступлении в город было рассыпано золото. Это было сделано для того, чтобы греки, которые прежде галлов алчными до золота обычно называли, сами случайно были уличены в алчности, так называть их впредь не могли. Удивились, конечно, греки и шёпотом между собой переговаривались, каким образом племя, которое обычно чужое золото других народов хватало и грабило, ныне по доброй воле своё собственное не бережёт и разбрасывает.

Представ перед императором⁵⁴⁹, сел рядом с ним без приглашения. Тот император, также воссев, и дивясь его достойному виду и стройным формам, через толмача спросил: не является ли тот королём франков Робертом⁵⁵⁰, который, столь учтиво и царственно ведя рыцарские отряды, пожелал отправиться на поклонение гробу Господа Христа.

На это тот ответил, что он не король, но один происходит из первейших и знатнейших правителей франков, и к нему явился за тем, чтобы под покровительством Христовым и его святыми милостями в Константинополе оказавшись, что и сам может увидеть и уловить, чтобы не заслужить обвинений в надменности, если сочтёт ниже своего достоинства получить разрешение на прохождение через Азию и побеседовать с императором.

Услышав такое, император приказал своим слугам, чтобы те так долго ему прислуживали, сколько бы тот ни захотел в городе оставаться. Но герцог, считая, что только нищим и беднякам впору пользоваться такими милостями и заподозрив в этом унижение, от предложения императора отказался и золота, дорогих одежд, достойных желания сосудов не принял.

⁵⁴⁸ Van Houts E.M.C. Normandy and Byzantium in the eleventh century // Byzantion. 1985. Vol. 55. P. 547; Louis R. Les ducs de Normandie dans les chanson de geste // Byzantion. 1958. Vol. 28. P. 390—419.

⁵⁴⁹ Михаил IV Пафлагоник (1034—1041) (Ibid. P. 546).

⁵⁵⁰ Второй представитель династии Капетингов на королевском престоле Роберт II Благочестивый (996—1031).

Когда услышал об этом император, понял, что его презрение против него обернулось. И по этой причине запретил им продавать и покупать, чтобы, таким образом, нуждаясь в необходимом пожелали своё отношение к нему пересмотреть. И когда это было объявлено слугами императора герцогу, что никоим образом не найдут дров необходимых для приготовления пищи, поскольку ходить на городской рынок или обращаться к торговцам им запрещено, тотчас принялся скорлупу орехов и миндаля, имевшейся в достатке, бросать в огонь, чтобы приготовить пищу себе и своим людям.

Когда императору было доложено об этом, то движимый справедливостью, он разрешил его войску делать покупки и продавать, говоря, что франки во всяком деле сведущи, и неосмотрительно пытаться с ними каким-либо образом бороться»⁵⁵¹.

По свидетельству анонимного автора XII в., Роберт во время паломничества в Иерусалим проявлял чудеса смирения⁵⁵². Когда Роберт платил дань за посещение святых мест «musellas», некий «язычник» ударил его палкой по спине. Сопровождавшие Роберта норманнские рыцари пожелали отомстить за нанесённое их герцогу оскорбление, но он остановил их со словами: «Не делайте ему ничего плохого, поскольку ради спасения ваших душ мне приятнее получить удар по спине, чем если бы он вернул все деньги»⁵⁵³.

В июле 1036 г. Роберт Великолепный умер в Никее и был там похоронен в базилике Святой Марии⁵⁵⁴. По мнению К. Цигаар, Михаил IV Пафлагоник предложил норманнским рыцарям из свиты герцога Роберта поступить на имперскую службу⁵⁵⁵.

Ламберт Герсфельдский (1028—1082/1085) сообщает, что между 1050 и 1060 гг. некие норманны предлагали через послов графу Фландрии Роберту I Фризу (1035—1093), который направлялся в Иерусалим, идти в

⁵⁵¹ Guillame de Jumege. *Gesta Normannorum ducum*. P. 112—113.

⁵⁵² *Brevis relatio de Willelmo nobilissimo comite Normannorum, quis fuit et unde originem duxit et quo haereditario jure Angliam sibi armis acquisivit. Scriptores rerum gestarum Willelmi Conquestoris*. I.A. Giles. L., 1845.

⁵⁵³ *Ibid.* P. 2—3.

⁵⁵⁴ *Willelmus Calculus. Historiae Normannorum*. P. 846.

⁵⁵⁵ Ciggaar K.N. *Bizantine Marginalia...* P. 44.

Константинополь, где они обещали вручить ему власть над «всем Греческим государством»⁵⁵⁶. Но «Константинопольский император», проведав об этом заговоре, приказал охранять «все потоки, через которые можно было переправляться в Грецию», чтобы изловить и убить Роберта Фриза.

Таким образом, с 1036 г. на службе у византийских императоров появляются первые контингенты норманнских рыцарей. Циггаар считает важным сообщением Вильгельма из Пуатье о том, что в 1070 г. норманны защитили Константинополь в качестве подтверждения непрерывных связей Нормандии с её «колониями»⁵⁵⁷.

К. Циггаар считает, что норманны приходили в Византию как пилигримы, как наёмники и как шпионы⁵⁵⁸. Норманнский епископ Иво де Белём собирал в Константинополе среди норманнов деньги на строительство храма в Нормандии. Одо, сын Стиганда (1036—1062), в свои 26 лет успел три года прослужить при дворе византийского императора в чине протоспафария и при этом владел греческим и обладал способностью исцелять не только людей, но и животных: лошадей, ловчих птиц⁵⁵⁹. Одо был знаком с Жерве Франкопулосом, который был выше его по званию и всячески содействовал его продвижению по службе⁵⁶⁰. По мнению К. Циггаар, Вильгельм Завоеватель специально направлял норманнских юношей в Византию для изучения византийских военных технологий, как, например, изготовление транспортных судов для перевозки лошадей⁵⁶¹.

Для названия Византии в целом Малатерра пользуется не только распространённым на Западе термином “Graecia”, но и собственно

⁵⁵⁶ Lamperti monachi Hersfeldensis Opera: accedunt Annales Weissenburgenses / recognovit O. Holder-Egger. Accedunt Annales weissenburgenses. Hannoverae, 1894. S. 122.

⁵⁵⁷ Ibid. P. 45.

⁵⁵⁸ Ibid. P. 46.

⁵⁵⁹ Ibid. P. 48.

⁵⁶⁰ Ibid. P. 51.

⁵⁶¹ Ibid. P. 54. Среди норманнских рыцарей, служивших некоторое время в Византии, К. Циггаар называет брата Одо Роберта Мезидона (Ibid. P. 54) и рыцаря по имени Деда (Ibid. P. 55—56). Исследование К. Циггаар и привлечение ею дополнительных латинских источников для изучения судеб норманнов в Византии послужило отправной точкой для Е. Амселлем, которая рассмотрела связи норманнского семейства Стигандов и Византии в XI в. (Amsellem E. Les Stigand: Des Normands à Constantinople // Revue des études byzantines. 1999. T. 57. P. 283—288; [Robert Wace]. Le Roman de Rou et des ducs de Normandie / par Robert Wace; avec des notes pour servir à l'intelligence du texte par F. Pluquet, A. Le Prevost, E.H. Langlois. Rouen, 1827. T. I. P.401— 414).

византийским самоназванием “*Romania*”. Столицу Византии он называет то Константинополем, то Византием. Норманнские авторы были склонны видеть перед собой не отдельные провинции империи, а государства и народы, находившиеся в разной степени зависимости от «греков». Амато, повествуя о свершениях Русселя де Баллиоля в Византии, никогда не называет её общим названием, а предпочитает употреблять названия отдельных областей, где прославился его герой: Словения (“*d’Esclavonnie*”)⁵⁶², Армения (“*Hermenie*”)⁵⁶³.

Вильгельм Апулийский использует классические названия для народов и мест в своей поэме. Норманнов он называл «галлами» (*galli*). Для обозначения византийцев, помимо распространённого термина «греки» (*greci*), Вильгельм использует названия, взятые из античной традиции: «аргивяне» (*argi*), «данайцы» (*danai*), «ахейяне» (*achivi*), «пеласги» (*pelasgii*).

Что же скрывалось для норманнских авторов за титулом “*imperator Constantinopolitanus*”⁵⁶⁴? Вероятно, титулы «император», «король», «герцог» определяли для норманнских авторов не столько и не только носителя верховной власти, высшее лицо в государственной иерархии чинов и титулов, а верховного военного вождя данного народа, который способен вести свой народ к добыче и славе. Поэтому большое значение имела личность правителя, который должен был быть в первую очередь отличным воином.

Вильгельм Апулийский с сочувствием рассказывает о судьбе императора Романа Диогена, который потерпел крупное поражение в войне с турками и лишился власти в гражданской войне.

Крайне негативно автор оценивает Михаила и Константина — сыновей Константина Дуки, «правление которых для греков было губительно, т.к. они всегда отдавали предпочтение безделью перед военными занятиями, предаваясь в погоне за роскошью и обманчивыми соблазнами позорному бездействию»⁵⁶⁵.

⁵⁶² Amato I, 9, P. 16—17.

⁵⁶³ Amato I, 14, P. 19—20.

⁵⁶⁴ Malaterra I, 7, P. 10.

⁵⁶⁵ Guil. Apul. III, 1—6. P. 265.

Этим «бездеятельным» (*ignavia*) правителям Вильгельм противопоставляет их отчима Романа Диогена, который «приняв правление, а также военные дела, завещал безделье (*otia*) пасынкам», начал войну с турками⁵⁶⁶. Хотя поход Романа Диогена закончился плачевно для Византии, тем не менее Вильгельм ни одного дурного слова не говорит о Романе. Он с сочувствием пишет о том, как Роман боролся, используя военную силу и хитрость, но безуспешно⁵⁶⁷. «Пасынки» Романа Диогена — Михаил и Константин — захватили власть. Вильгельм отмечает, что их нисколько не заботила защита родины⁵⁶⁸. «Пасынки, видя себя неспособными оказывать сопротивление, стремились его соблазнить обманным договором»⁵⁶⁹. К Роману Диогену было направлено посольство из двенадцати епископов с целью завлечь его в западню⁵⁷⁰. В составе посольства Вильгельм упоминает итальянского норманна Жоселина, которого Роман очень любил и полностью ему доверял. В результате Роман, поверив послам, был схвачен и пострижен в монахи⁵⁷¹.

Вильгельм не равнодушен к судьбе Романа Диогена и считает его более достойным правителем, чем Михаил и Константин Дуки. Его безуспешные попытки освободить Малую Азию он ценит выше, чем «бездеятельность» пасынков. Поражение Романа в междоусобной войне он расценивает как преступление со стороны Михаила и Константина. Вильгельм говорит, что их «тирания не оставалась совершенно безнаказанной», т.к. сын Романа в союзе с армянами и турками продолжал опустошать восточные провинции империи⁵⁷². Вильгельма совершенно не обескураживает тот факт, что Роман в данном случае направляет турок против византийцев⁵⁷³.

Однако самое интересное, что крестоносцы, выступающие у Вильгельма в роли мстителей за страдания христиан, несут возмездие не только туркам, но

⁵⁶⁶ Guil. Apul. III, 13—20. P. 266.

⁵⁶⁷ Guil. Apul. III, 21—49. P. 266.

⁵⁶⁸ Guil. Apul. III, 73—76. P. 267.

⁵⁶⁹ Guil. Apul. III, 80—81. P. 267.

⁵⁷⁰ Guil. Apul. III, 82—88. P. 267.

⁵⁷¹ Guil. Apul. III, 88—92. P. 267.

⁵⁷² Guil. Apul. III, 94—97. P. 267.

⁵⁷³ Guil. Apul. III, 77—79. P. 267; III, 95—97.

и тем византийцам, которые были врагами Романа Диогена: «Те несчастные, по совету которых был ослеплён столько совершивший муж, были схвачены, связаны и в застенки брошены, неся заслуженное наказание. В наказание виновных в том, что они невиновного наказывать советовали, приказали различными пытками истязать»⁵⁷⁴.

Главным героем четвёртой и пятой книги наряду с Робертом Гвискаром становится Алексей Комнин. Алексей отличался «зрелым изворотливым умом и был деятельным в военном деле, он имел доблестную душу и происходил от знаменитых родителей. С первого цвета юности он провёл много лет своей жизни в военных занятиях. Он не колебался предпринять что угодно, как бы это ни было трудно, если святая империя нуждалась в этом»⁵⁷⁵. Вильгельм подробно останавливается на том, как: «Враги империи, Васибеки и Вриенний, выдающиеся греки, могучие в делах войны, этим вождём побеждены были»⁵⁷⁶. Вриенний был побеждён военным искусством Алексея, а Васибеки - хитростью⁵⁷⁷. Свой рассказ о подвигах Алексея Вильгельм заканчивает следующей оценкой: «Неутомимый и осторожный победитель Алексей превзошёл многих врагов империи оружием и хитростью»⁵⁷⁸.

Вильгельм оправдывает мятеж Алексея против Никифора Вотаниата, который, в свою очередь, сверг свояка Роберта Гвискара Михаила Дуку. Вотаниат представлен Вильгельмом как «старик», «бездеятельный (бессильный) в военных делах, однако имел изобретательный и проницательный ум; против тайной опасности надёжно ограждённый, в войне боясь сверх того, насколько должно бояться»⁵⁷⁹. В то же время Алексей в расцвете лет, «деятельный в военном деле», уже сокрушивший много врагов империи, выглядит в глазах Вильгельма более достойным императорского трона, чем Никифор Вотаниат. «Воитель гневный Алексей сверг его, и поделом,

⁵⁷⁴ Guil. Apul. III, 106—109. P. 267—268.

⁵⁷⁵ Guil. Apul. IV, 82—87. P. 281.

⁵⁷⁶ Guil. Apul. IV, 88—90. P. 281.

⁵⁷⁷ Guil. Apul. IV, 91—119. P. 281—282.

⁵⁷⁸ Guil. Apul. IV, 120—121. P. 282.

⁵⁷⁹ Guil. Apul. IV, 77—80. P. 281.

поскольку забыл тот о товарище, который настолько увеличил силы империи, столько побед над врагами одержал»⁵⁸⁰.

А вот как Вильгельм описывает Балканский поход Роберта Гвискара. Он называет «прозорливым врагом» византийского императора Алексея, т.к. он позаботился укрепить проходы в горах, ожидая нападения Роберта Гвискара. «По императорскому указу, ибо зная, что не избегнет грядущей опасности прозорливый враг, предосторожности устраивал, все проходы через горы и реки были укреплены, овладеть таким образом беспечным врагом надеялся Алексей, и непобедимого герцога превзойти скрытым нападением»⁵⁸¹. В битве под Диррахием «Был побеждён Алексей, а также спину показал свою»⁵⁸², чуть ниже: «Проливал слёзы Алексей, оплакивая своё поражение от врага, который ни количеством народа, ни значением (положением) ему не равнялся; сам раненый отступал, усугублялось это ещё и тем, что заставляло проливать его слёзы — так это бесславное его возвращение. Слава, которая у него была, напрасно ожидала очередного триумфа»⁵⁸³. В сражении под Лариссой: «Норманны, обычную вспомнив доблесть, к оружию быстро поспешили; Арги, об обычном бегстве помышляя, усердно работая ногами, поспешно направились к городским укреплениям Лариссы, в которых заперся Алексей, и от которых не отваживался далеко отходить, будучи уже столько раз разбитым»⁵⁸⁴.

Когда Вильгельм говорит о Романе Диогене и Алексее, он прибегает к одному и тому же приёму: возвеличивает и прославляет отдельных героев — византийских императоров, чтобы на их фоне ещё более возвеличить и прославить норманнов. Вильгельм в очередной раз использует свою осведомлённость, чтобы угодить норманнским правителям.

⁵⁸⁰ Guil. Apul. IV, 143—146. P. 282.

⁵⁸¹ Guil. Apul. IV, 317—321. P. 285.

⁵⁸² Guil. Apul. IV, 413—414. P. 287.

⁵⁸³ Guil. Apul. IV, 420—424. P. 287.

⁵⁸⁴ Guil. Apul. V, 65—69. P. 292.

Вильгельм демонстрирует прекрасное знакомство с административным устройством империи. «Что значит катепан у греков, мы тотчас всё расскажем. Всякий у данайцев кто вследствие исполняемой им почётной должности, распорядитель для народа всё организует, всё ему обеспечивает, и равным образом то, что подобает, ему будет предоставлено (от народа), весь (народ) прислуживает»⁵⁸⁵.

В XI в. Византия была феодальным государством, но ещё с античной эпохи она сохранила традиции сильной центральной власти. По этой причине Византии был присущ ряд особенностей, отличавших её от стран Западной Европы. Наличие единой вертикали власти, мощного бюрократического аппарата, централизованный сбор и распределение налогов, концентрация власти в одних руках. За свою службу военные и имперские чиновники получали жалования, титулы и денежные вознаграждения из рук императора⁵⁸⁶. В этом они целиком зависели от воли императора, и степень их отличия также зависела от близости к персоне императора. В то же время западную знать отличали их территории, образ жизни, родовитость и военные успехи⁵⁸⁷.

Малатерра переносит свои представления о власти феодального сеньора на власть византийского императора. По его мнению, узы верности связывают жителей Бари с императором Византии⁵⁸⁸. О перешедшем на византийскую службу норманне Жоселине де Коренхо Малатерра говорит, что тот «во дворце был вторым после императора, т.к. был на войне деятельным и в совете разумным»⁵⁸⁹.

В отличие от византийских авторов, главным символом императорской власти в представлении Малатеры является не «скипетр» или «трон», а «дворец» (*palatium*) — резиденция правителя⁵⁹⁰. Вильгем Апулийский

⁵⁸⁵ Guil. Apul. I, 87—90. P. 243.

⁵⁸⁶ Никифор Вриенний 4,1, С.139.

⁵⁸⁷ Каждан А.П., Заборов М.А. Гийом Тирский о составе господствующего класса в Византии (конец XI—XII вв.) // Византийский Временник. 1971. Т. 32. С. 51.

⁵⁸⁸ Malaterra II, 40.

⁵⁸⁹ Malaterra II, 43.

⁵⁹⁰ Malaterra III, 13.

сообщает, что Роман Диоген при Манцикерте посылает многочисленных «графов» (*comites*) для защиты городов.

В качестве основания для владения и управления территориями, принадлежавшими Византии, выдвигался тезис о «превосходстве норманнов» над византийцами. Этот тезис встречался у всех норманнских хронистов, которые создавали эпические картины завоевания норманнами Южной Италии и Сицилии. Тезис о «превосходстве норманнов» над византийцами был лишь частью антивизантийской идеологии. Они создавали свои труды с целью придать легитимность завоевателям Южной Италии и Сицилии⁵⁹¹.

Суть этой идеологии сводилась к тому, что «греки», в силу своих личных качеств, не были достойны управлять другими народами. Амато называет их «женственными», «изнеженными», «слабыми», «оккупировавшими богатую и обширную территорию»⁵⁹².

В войне норманнов и византийцев за Апулию Вильгельм представляет последних как «племя ленивое, бездеятельное» (*ignavia*)⁵⁹³, «женоподобное» (*quasi foemina graecus*)⁵⁹⁴, «трусливое»⁵⁹⁵, которое «больше предпочитает рядиться в роскошные одежды, чем носить оружие и доспехи»⁵⁹⁶. Византийцы совершенно аморальны: «погрязли в пьянстве»⁵⁹⁷, «безобразно алчные»⁵⁹⁸, «жестокие»⁵⁹⁹. Сама манера одеваться претит Вильгельму и становится объектом его нападок⁶⁰⁰.

Норманны в битве с византийцами при Оливенто, подобно соколу, приученному охотиться на более малых птах, атакуют лебедя, чтобы продемонстрировать свою силу⁶⁰¹. Граф Вильгельм, пытаясь принудить к битве византийского полководца, словно заклинатель змей использовал любую

⁵⁹¹ Wolf K.B. Making history. The Normans and Their Historians... P. 175

⁵⁹² Amato II, 17, P. 75—76.

⁵⁹³ Guil. Apul. I, 31, P. 242.

⁵⁹⁴ Guil. Apul. I, 212, P. 246; I, 225, 246.

⁵⁹⁵ Guil. Apul. I, 77—79, P. 242; II, 227.

⁵⁹⁶ Guil. Apul. II, 228, P. 258.

⁵⁹⁷ Guil. Apul. II, 226—227, P. 258.

⁵⁹⁸ Guil. Apul. II, 210—211, P. 258.

⁵⁹⁹ Guil. Apul. I, 20, P. 241; I, 450, P. 251.

⁶⁰⁰ Guil. Apul. I, 14—16, P. 241.

⁶⁰¹ Guil. Apul. I, 297—301, P. 247.

возможность, чтобы побудить «змею» покинуть её убежище⁶⁰². В другом месте византийцы «беспорядочно» бежали перед норманнами, «как птицы, не отваживаясь противостоять орлу, разлетались, и словно зайцы, побуждаемые робостью, разбегались, пока в когти орлу не попадут, не избегнув участи стать кормом для хищного клюва»⁶⁰³.

Во всех перечисленных случаях критериями для оценки византийцев служат норманны. Норманны являются образцом победителей, а византийцы — побеждённых. Вместе с тем, Вильгельм очень много знает о византийцах, чтобы ограничиться только сравнениями с норманнами. В поэме византийский полководец накануне сражения с норманнами при Монтепилозо упрекает своих воинов в малодушии и, чтобы их вдохновить на новую битву, обращается к героическому прошлому греков: «Мужи, ваше благоразумие мужественным уговором укрепив, не позволит вам иметь женское сердце! Откуда такая бездеятельность (малодушие) которая заставляет вас всегда искать бегства? Вспомните о своих предках, которые были настолько деятельны, что покорили себе весь мир. Гектор был поражён оружием могущественного Ахилла. Пала Троя, сожжённая огнём ярости Микен. Индия узнала на себе, насколько велика была энергичность Филиппа. Разве не подчинил себе его сын Александр сильнейшие королевства пеласгов? А слава греков в Западных краях наполняла ужасом весь мир. Какой народ, услышав имя греков, отважился бы встретиться с ними на поле сражения, когда едва мог защитить свои замки, крепости или города от сил его противников? Стойте крепко, я умоляю вас. Помните о доблести ваших предков»⁶⁰⁴.

Вильгельм через противопоставление древних греков и современных ему византийцев выводит идею о том, что современные ему «греки» уже не те, какими они были во времена Гомера и Александра Великого. И в этой военной речи критерием для оценки византийцев служит их собственная история!

⁶⁰² Guil. Apul. I, 552—554, P. 253.

⁶⁰³ Guil. Apul. V, 179—183, P. 294.

⁶⁰⁴ Guil. Apul. I, 359—371, P. 249.

Вильгельм показывает не только своё знакомство с византийскими традициями, но и способность взглянуть на византийцев их собственными глазами. Вильгельм использует свою осведомлённость, чтобы лучше услужить норманнским правителям и лишить византийцев права на их культурное наследие.

По мнению Амато, малочисленность отрядов норманнов по сравнению с большими войсками «греков» была ещё одним доказательством превосходства норманнов над византийцами⁶⁰⁵. Он утверждал, что небольшой отряд норманнов стоит целой армии «греков»⁶⁰⁶.

Малатерра говорит о возникновении родственных связей между норманнами и византийцами. Автор представляет помолвку одной из дочерей Роберта Гвискара с сыном императора Михаила VII Дуки как уже заключённый брак. Он называет дочь Гвискара, получившую в Византии при крещении имя Мария, «законной императорской женой»⁶⁰⁷.

Для Малатерры очевидно, что этот брак был более выгоден норманнам, чем византийцам. Он открыто говорит о намерениях Роберта Гвискара через этот брак или путём военного вторжения захватить императорскую власть и править Византией «под именем Михаила»⁶⁰⁸.

Эти намерения не составляли секрета для византийцев, поэтому все их действия, направленные на предотвращение этого брака: свержение и принятие монашеского пострига Михаилом VII, осклопление и изгнание его сына, изоляция дочери Роберта Гвискара, объясняются автором стремлением греков избежать возникновения норманнской партии при императорском дворе и последующего установления норманнского владычества в Византии. «Одним словом, испугались греки, что если наследники, рождённые от жены из нашего племени, во дворце вырастут, то их присутствие будет способствовать привлечению туда нашего племени и племя, по обычаю предпочитающее

⁶⁰⁵ Amato II, 28, P. 91—92.

⁶⁰⁶ Amato II, 8, P. 66—68.

⁶⁰⁷ Malaterra III, 13, P. 64—65.

⁶⁰⁸ Ibid.

удовольствия и наслаждения военным занятиям, благодаря деятельному характеру наших, под ярмом (норманнов — *В.П.*) окажется»⁶⁰⁹.

Таким образом, в Южной Италии перед Первым крестовым походом сформировалась крайне враждебная по отношению к византийцам идеология, основной задачей которой было дать обоснование территориальным захватам норманнов. В этой связи Малая Азия, как и другие владения империи, рассматривались итальяскими норманнами в первую очередь как объекты для последующих завоеваний.

Византийские авторы для названия норманнов пользовались терминами: «франк» (φραγγος), «кельт» (κελτος), «латинянин» (λατινος). Под «латинянином» и «кельтом» византийцы подразумевали человека с Запада. В то же время этноним «франк» изначально использовался для обозначения германских племен, заселивших Галлию, затем собственно население Галлии и в конечном счёте итальяских норманнов⁶¹⁰. В силу античной традиции византийские авторы применяли названия эпохи Римской империи в отношении современных им народов. В основном норманны прибывали в Византию из Южной Италии, где успели обзавестись значительными владениями. Поэтому византийские авторы для их определения привлекали термин «италиец» (ιταλος)⁶¹¹.

Норманны воспринимались византийцами как христиане. Раскол церкви на Западную и Восточную (схизма 1054 г.) мало что изменил в отношении византийцев к норманнам. Воины Русселя де Баллиоля, «попадая в засаду, почти все были забираемы в плен живыми. Убивать же их Алексей (Комнин — *В.П.*) считал преступным, так как они были христиане»⁶¹². Анна Комнина считала войну с христианами «несправедливой»⁶¹³. Византийский император

⁶⁰⁹ Malaterra III, 13, P. 64.

⁶¹⁰ Kazhdan A.P. Latins and Franks in Byzantium : Perception and Reality from the Eleventh to the Twelfth Century // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / ed. by A.E. Laiou and R.P. Mottahedeh. Washington, 2001. P. 90—91, 99.

⁶¹¹ Михаил Пселл. С.144; Анна Комнина. I, 5, С. 63; Никифор Вриенний. I, С. 45.

⁶¹² Никифор Вриенний. II, 20, С. 94.

⁶¹³ Анна Комнина. I, 12, С.80.

Иоанн Комнин, по словам Никиты Хониата, питал «крайнее отвращение к войне с христианами»⁶¹⁴.

Вероятно, следовало бы поставить вопрос о том, какими христианами считали византийцы норманнов? Так, Георгий Кедрин, говоря о предводителе норманнов Жерве Франкопулосе, утверждал, будто бы он уговаривал своих соплеменников не доверять мусульманам, ибо они были для них людьми «чужой веры и народа, и, уговаривая их, искренне мучился из-за того, что множество христиан может погибнуть»⁶¹⁵, тем самым он признавал его благочестивым человеком.

При описании осады Манцикерта сельджукским султаном Тогрул-беком Михаил Атталиат с восхищением рассказывает о подвиге одного «латинянина», о котором более подробно говорят амяноязычные авторы: Аристакэс Ластивертци и Матфей Эдесский. В связи с этим большой интерес представляет то, как данное событие оценил византийский автор. Сельджуки пытались разрушить стены города с помощью различных машин, но византийский командующий Василий Апокавк активно и небезуспешно руководил обороной города и разрушал катапульты сельджуков. Но была одна огромная машина, которая могла бросать целые скалы и была надёжно защищена от любой хитроумной атаки византийцев. Атталиат подчёркивает, что византийский военачальник ничего не мог придумать для того, чтобы противостоять этому орудию⁶¹⁶. Тогда Бог, «который всегда защищает племя христиан», вдохновил одного «латинянина» придумать блестящий план: поджечь катапульту с помощью горючей смеси, после чего тот не замедлил его исполнить и невредимым вернулся в город. Атталиат полагает, что сельджукский султан был взбешён этим поступком и обвинил своих подчинённых в глупости, т.к. они считали «ромеев» трусами (*ανανδρία*), а они, напротив, показали себя

⁶¹⁴ Никита Хониат. I, С. 50.

⁶¹⁵ Georgius Cedrenus, Ioannus Scylitza. II, P. 618—619.

⁶¹⁶ Attaliota Michael. P. 46.

настоящими храбрецами⁶¹⁷. В данном случае «латинянин» предстаёт орудием Господа, но пользу от его действий приобретают «ромееи».

Михаил Атталиат, повествуя о мятеже Роберта Криспина, сообщает о том, что посланный против него вестарх Самуил Алузиан во главе пяти «тагмат» врасплох напал на норманнов в святой для всех христиан праздник Пасхи⁶¹⁸. Но Алузиану не удалось воспользоваться преимуществом внезапного нападения. Его солдаты начали спотыкаться о растяжки шатров, пока окончательно не запутались в них и тем самым обнаружили себя перед противником. По этой причине норманнам легко удалось не только отбить атаку на их лагерь, но и, быстро оседлав коней, перейти в контрнаступление, в ходе которого многие византийцы погибли или попали в плен. После этого «латинский предводитель» (λατίνων ἑξάρχων) сел и обратился с речью, проклиная византийцев за «нечестие» (ἀσέβεια)⁶¹⁹. За то, что они «в такой важный и удивительный день», который является «праздником праздников» с оружием в руках напали на христиан, хотя в этот день «православным» надлежит кротко воздерживаться от убийства не то что христиан, но даже поганых⁶²⁰. В то же время Роберт Криспин обошёлся очень мягко с пленными византийцами. Считая их достойными сочувствия, освободил, а раненых по деревням разместил, проявив о них безупречную заботу⁶²¹.

Таким образом, византийские авторы считали норманнов не только христианами, но и очень благочестивыми людьми, а в особых случаях и орудием Господа, действующем в интересах «ромеев».

Если норманны воспринимались византийскими авторами как христиане, то это не означало, что византийцы считали их равными себе во всём. Так, довольно часто они называют норманнов «варварами».

⁶¹⁷ Ibid. P. 47.

⁶¹⁸ Ibid. P. 123.

⁶¹⁹ Ibid.

⁶²⁰ Ibid. P. 124.

⁶²¹ Ibid.

Какое значение византийские авторы вкладывали в этот термин? Как видно из сочинения Анны Комнины, «варвар» отличался от византийца в первую очередь поведением. Так, «латинянин» Иоанн Итал, не чуждый «эллинской образованности»⁶²² (он был учеником Михаила Пселла), по мнению византийской принцессы, вёл себя с «варварской дерзостью»⁶²³ и «варварской необузданностью»⁶²⁴. Георгий Кедрин считал Жерве Франкопулоса «варваром» потому, что тот был «неспособен обуздать свой гнев, не знал меры в унижениях, не сведущий в том, что о нём думают ромеи»⁶²⁵. Ему вторит Анна Комнина, утверждавшая, что византиец «лучше варвара владеет собой и способен до времени не показывать гнева»⁶²⁶. Помимо этого, Анна говорит, что «варвары всегда рады устроить резню и начать войну»⁶²⁷, что «варвары обладают непостоянным нравом и по природе своей неспособны соблюдать договоры»⁶²⁸.

Таким образом, под «варваром» византийцы понимали человека, воспитанного в чуждой для них традиции, который придерживался иной, чем византийцы системы ценностей и совершенно не делал попыток к овладению византийской системой ценностей.

Противоположным по значению термину «варвар» являлся термин «ромей», который служил самоназванием византийцев. Термин «ρῶμαι», по мнению Григория Григорьевича Литаврина⁶²⁹, до конца X в. не носил в себе никакого этнического значения. Для этой цели употреблялся термин «эллины» (Ἕλληνες). Термин «римляне» (Ῥωμαῖους) содержал в себе исключительно конфессиональный и политический смысл. Но это не значило, что любой человек независимо от этнического происхождения, если он был подданным византийского императора и христианином, становился «ромеем» в глазах

⁶²² Анна Комнина. V, 8, С.172.

⁶²³ Там же.

⁶²⁴ Там же.

⁶²⁵ Georgius Cedrenus, Ioannus Scylitza. II, P. 618.

⁶²⁶ Анна Комнина. VII, 9, С.222 и сл.

⁶²⁷ Там же. IX, 3, С. 251.

⁶²⁸ Там же. VII, 6, С. 215

⁶²⁹ Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 206 и сл.

византийцев. В XI—XII вв. для того, чтобы стать в глазах византийцев «ромеем», необходимо было в полной мере «уподобиться по мироощущению греку»⁶³⁰. В качестве примеров такой метаморфозы Г.Г. Литаврин приводит сведения Михаила Атталиата о некоем Ливелии, происходившем из Антиохии, говорит, что он предпочёл «ассирийскому» воспитанию «ромейское» и стал «ромеем»⁶³¹. Правитель Атталии Алдебрандин, родом италиец, по воспитанию и складу ума являлся «ромеем»⁶³².

Стереотипы занимали главное место в оценке «кельтов», когда речь шла о противопоставлении их «ромеям». Когда Жерве Франкопулос не получил желаемого звания магистра, он стал смеяться и издеваться над «ромеями», «поскольку был бесчеловечен и тяжёл в общении»⁶³³. Анна Комнина говорит, что «кельты» не желают слушать советы⁶³⁴, они «болтливые»⁶³⁵, «пустословы»⁶³⁶, «крючкотворы»⁶³⁷, не обращают внимания на реакцию своих собеседников⁶³⁸. Вероятно, что более естественным для византийцев считалось в разговоре с собеседником сохранять «сдержанность»⁶³⁹ в проявлении чувств, «кротость»⁶⁴⁰ и «мягкость»⁶⁴¹.

«Природным качеством» всех западноевропейских рыцарей Анна Комнина считает «непостоянство»⁶⁴². Смысл этого замечания Анна раскрывает в следующих словах: «... как один и тот же человек то хвастает, что потрясёт всю землю, то раболепствует и падает ниц, особенно когда встречает людей более твёрдого характера»⁶⁴³.

⁶³⁰ Там же.

⁶³¹ Там же.

⁶³² Там же.

⁶³³ Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae. II, P. 616.

⁶³⁴ Анна Комнина. XI, 3, С. 299.

⁶³⁵ Там же. XIV, 4, С. 385.

⁶³⁶ Там же.

⁶³⁷ Там же.

⁶³⁸ Там же.

⁶³⁹ Анна Комнина. X, 3, С. 270.

⁶⁴⁰ Там же.

⁶⁴¹ Там же.

⁶⁴² Анна Комнина. X, 11, С. 291.

⁶⁴³ Анна Комнина. XIII, 10, С. 361.

Традиционному «варварскому» «непостоянству» противопоставляется «непоколебимость»⁶⁴⁴ и «твёрдость»⁶⁴⁵ византийцев. «И в самом деле, наряду с другими свойствами племя кельтов отличается своеволием и нежеланием слушать советы; Оно никогда не придерживается ни дисциплины, ни военной науки. Во время боя гнев рычит в них, и все они — рядовые воины и предводители делаются неукротимыми, врываясь во вражескую фалангу. Они неустойчивы, если только их противник хоть немного дрогнет, но если неприятель устроит засады по правилам военной науки и искусно будет с ними бороться, их отвага переходит в другую крайность. В общем, первый натиск кельтов неустойчив, но затем их очень легко одолеть из-за их тяжёлого оружия и бешеного, безрассудного нрава»⁶⁴⁶.

В чём же видела Анна Комнина превосходство византийцев над «храбрыми»⁶⁴⁷, «горячими»⁶⁴⁸, «быстрыми»⁶⁴⁹, «неустойчивыми в натиске»⁶⁵⁰, но столь «непостоянными»⁶⁵¹ «кельтами»?

Оно заключалось в традиционных качествах «римлян»: «дисциплине»⁶⁵² и «знании военной науки»⁶⁵³. Никита Хониат осуждает «латинян» за то, что во время боя ими движет «слепая страсть»⁶⁵⁴, а не «разумное мужество»⁶⁵⁵. Он добавляет к списку «ромейских» доблестей, помимо «военного искусства» и «дисциплины», превосходство византийцев в «красноречии и образованности, как людей искусных в словах и не имеющих недостатка в умственных способностях»⁶⁵⁶. По мнению Анны, причиной побед Русселя де Баллиоля над «ромеями» была «порочность ромеев»⁶⁵⁷.

⁶⁴⁴ Анна Комнина. XIII, 7, С. 358.

⁶⁴⁵ Там же.

⁶⁴⁶ Анна Комнина. XI, 6, С. 305.

⁶⁴⁷ Анна Комнина. X, 5, С. 277.

⁶⁴⁸ Там же.

⁶⁴⁹ Там же.

⁶⁵⁰ Анна Комнина. X, 5, С. 275.

⁶⁵¹ Там же.

⁶⁵² Анна Комнина. XI, 6, С. 305.

⁶⁵³ Там же.

⁶⁵⁴ Никита Хониат. II, С. 437.

⁶⁵⁵ Там же.

⁶⁵⁶ Никита Хониат. II, С. 198.

⁶⁵⁷ Анна Комнина. I, 10, С. 74.

Таким образом, называя норманнов «варварами», византийцы, по всей видимости, воспринимали их как людей, воспитанных в чуждой для византийцев традиции и придерживающегося в своих действиях другой, чем византийцы, системы ценностей. В таком случае возникает вопрос о том, выходят ли византийцы при оценке норманнов за рамки античной традиции? Ответ на этот вопрос можно найти, сравнивая описания двух народов: норманнов и варягов, сделанное с натуры Михаилом Пселлом.

Своим обликом норманны и варяги вызывали у Пселла смешанные чувства ужаса и восхищения: «они были страшны видом своим, и наружностью, те и другие имеют светло-голубые глаза, но одни подделывают цвет (краску) и обнажают поверхность своих щёк, другие сохраняют их в природном виде»⁶⁵⁸. В данном случае Пселл имеет ввиду то, что у норманнов было принято брить бороды, а викинги придерживались обратного, т.е. не брили их вовсе.

Интересен перевод Михаила Пселла В.Г. Васильевским о норманнском обычае «подделывать цвет (краску)» на лице. Ключ к пониманию этого отрывка В.Г. Васильевский находит у Анны Комнины, которая, увидев безбородого Бозмунда, говорит о синей краске на его лице⁶⁵⁹. В.Г. Васильевский предполагает, что такой взгляд византийцев на норманнов продиктован античной традицией: упоминанием в записках Цезаря о галльской войне об обычае кельтской знати раскрашивать свои тела в синий цвет⁶⁶⁰. Но возможно, что в данном случае упоминание о синей краске на лицах норманнов не послушное следование античной традиции, но, скорее, риторический оборот, который использовали византийские авторы, чтобы дать читателю-византийцу представление о выбритых до синевы подбородках норманнов.

Михаил Пселл создал целую сравнительную характеристику боевых качеств норманнов и варягов, считавшихся одними из самых лучших воинов в

⁶⁵⁸ Цит. по: Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина... С. 327.

⁶⁵⁹ Там же. С. 329.

⁶⁶⁰ Там же.

мире. «Италийцы и тавроскифы⁶⁶¹, ... <...>; они ужасны в натиске, легко подвижны и стремительны, другие яростны, но медлительны; одни неудержимы в первом порыве их нападения, но скоро насыщают свою страстность, другие же не так стремительны, но зато не щадят своей крови и презирают свои раны (букв.: не обращают внимания на куски мяса, теряемые в сражении). Они заключали собой цикл кругов, нося продолговатые копья и с одной стороны заострённые топоры»⁶⁶². Из этой характеристики нам становится ясно то, насколько сильно отличались норманны от варягов в глазах византийцев. Пселл не просто сравнил боевые качества двух разнородных отрядов: свойства норманнской кавалерии и варяжской пехоты, а осознано сравнивал два различных народа.

Но так ли воспринимали предводителей норманнов византийские авторы? Как вообще они воспринимали предводителей норманнов: социальную организацию, обычаи, цели, ресурсы? Наконец, как они воспринимали отдельных предводителей, какие качества норманнских рыцарей заслуживали восхищения византийцев?

Первых норманнских предводителей, пришедших в Византию, византийцы называли «архонтами франков». Иоанн Скилица говорит, что норманны, захватив владения Византии в Италии, разделили их между собой и стали называть себя «графами» (κομητας)⁶⁶³, а своего предводителя «герцогом» (δουκα)⁶⁶⁴. Таким образом, термин «граф» в представлении византийцев означал некое звание, служившее для обозначения предводителей «кельтов».

Внимание византийцев привлекали «кельтские» обычаи, такие как судебный поединок и клятва верности. Анна Комнина говорит, что после того, как был раскрыт заговор «трёх знатных графов, собиравшихся перейти на сторону императора»⁶⁶⁵, те «согласно кельтскому закону должны были

⁶⁶¹ Т. е. варяги (Там же. С. 327).

⁶⁶² Цит. по: Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина... С. 327.

⁶⁶³ Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae. II, P. 724.

⁶⁶⁴ Там же.

⁶⁶⁵ Анна Комнина. V, 5, С. 165.

оправдаться в бою»⁶⁶⁶. Один граф был побеждён и ослеплён Боэмундом, другого он отправил к своему отцу Роберту, чтобы тот его ослепил⁶⁶⁷. В данном случае Анна истолковывает мало понятный ей «кельтский закон», чтобы продемонстрировать бессмысленность и жестокость поступков норманнов.

Другой обычай также был для византийцев в диковинку, когда в сражении между Алексеем Комниным и Никифором Вриеннием «франки» стали сходить с коней и в «знак верности, по отечественному обычаю»⁶⁶⁸, протягивать правые руки Вриеннию, то всё его войско сбегалось посмотреть на это зрелище⁶⁶⁹. Вероятно, этот случай произвёл большое впечатление на Алексея Комнина, от которого «франки» перебежали к Вриеннию, и он стал по-иному воспринимать традиционную для норманнов клятву верности. Алексей Комнин воспользовался клятвой верности, чтобы подчинить себе вождей Первого крестового похода.

Какими бы дикими и жестокими ни казались византийцам обычаи «кельтов», они прекрасно сознавали, что использование их это единственный способ контролировать западноевропейских рыцарей, не имевших ни малейшего понятия о «дисциплине». На смену «дисциплине» в отношениях между византийским императором и «кельтами» приходит принцип личной верности. Так, характеризуя одного из норманнских советников Алексея Комнина Петра Алифу, Анна Комнина отмечает, что тот «отличался непоколебимой верностью самодержцу»⁶⁷⁰.

Как оценивали византийцы ресурсы норманнов? Кедрин сообщает, что Жерве Франкопулос имел дом в феме Армениак⁶⁷¹. Михаил Атталиат говорит о

⁶⁶⁶ Там же.

⁶⁶⁷ Там же.

⁶⁶⁸ Никифор Вриенний. 4,10, С. 151—152.

⁶⁶⁹ Там же.

⁶⁷⁰ Анна Комнина. XIII, 4, С. 349.

⁶⁷¹ «τοῦ Ἀρμενιάκου οἰκία αὐτοῦ, τῇ Δαβαραβῇ» (Ioannis Scylitzae synopsis historiarum / ed. J.Thurn. Berlin, 1973. P. 485). Название места, где располагался дом Жерве, у Кедрина существенно отличается: «Δαβαραβῇ» (Georgius Cedrenus, Ioannus Scylitza. II, P. 617).

том, что Роберт Криспин и Руссель распоряжались замками в той же феме Армениак⁶⁷².

«Франки» неоднократно упоминаются в актовом материале XI в., освобождающем монастыри от постоя и содержания наёмных сил империи⁶⁷³. Подобная практика расквартирования чужеземных наёмников на территории Византии обозначалась термином «ιτατον»⁶⁷⁴, а также «φραγγοιτατον»⁶⁷⁵. Но существование подобного рода повинности не объясняет факт владения норманнами земельной собственностью в Армениаке, а также их тесные связи с этим регионом Малой Азии⁶⁷⁶.

Однако данные источников не позволяют дать ясный ответ на поставленный вопрос. П. Магдалино рассмотрел его по аналогии с другими «союзными силами»: армянскими князьями, узами и печенегами, которые получали в XI в. земли от императоров в различных частях империи в обмен на несение военной службы⁶⁷⁷. Все пожалования такого рода давались на «обширных и ценных» землях фиска, которые были отвоёваны у арабов или конфискованы у фамилий магнатов и были призваны обеспечить своих держателей всем необходимым взамен наличных платежей⁶⁷⁸. Общим для этих владений было то, что они располагались в удалённых от Константинополя

⁶⁷² Под управлением Роберта Криспина находился неприступный Чёрный замок (Μαυροκάστρου) (Attaliota Michael. P. 125). Руссель возвращается в свой замок (αυτου κάστρος) и укрепляет его после неудачного похода на Константинополь (Attaliota Michael. P. 199).

⁶⁷³ Actes de Lavra / Édition diplomatique et critique par G. Rouillard et P. Collomp d'après les descriptions, photographies et copies de Gabriel Millet et Spyridon de Lavra. P., 1937. Vol. I. P. 198; Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana collecta / ed. F. Miklosich et I. Müller. Vindobonae, 1887. Vol. V. P. 137, 143; Каждан А.П., Фонкич Б.Л. Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения // Византийский Временник. 1973. Вып. 34. С. 49.

⁶⁷⁴ Bartusis M.C. Mitaton // The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. II. P. 1385; Oikonomidès N. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe—XIe s.). Athènes, 1996. P. 91—92, 264—267.

⁶⁷⁵ Λεβενιώτης Γ. Α. Το στασιαστικό κίνημα του Νορμανδού Ουρσελίου... P. 69.

⁶⁷⁶ Shepard J. The uses of Franks... P. 287—288. Theotokis G. Rus, Varangian and Frankish Mercenaries in the service of the Byzantine emperors (9th—11th c.). Numbers, organisation and battle tactics in the operational theatres of Asia Minor and the Balkans // Βυζαντινά Σύμμεικτα. 2012. Vol. 22. P. 146—147; Λεβενιώτης Γ. Α. Το στασιαστικό κίνημα του Νορμανδού Ουρσελίου... P. 83.

⁶⁷⁷ Magdalino P. The Byzantine Army and the Land : from stratotikon ktema to military pronioia // Το εμπόλεμο Βυζάντιο (9ος—12ος αι.) / επ. Κ. Τσικνάκης. Αθήνα, 1997. P. 29.

⁶⁷⁸ Ibid. P. 30.

территориях, которые не имели выхода к морю и важного значения с точки зрения снабжения столицы продовольствием⁶⁷⁹.

По мнению П. Магдалино, Константин Мономах (1042—1055) стал расселять норманнов в Армениаке с 1047 г., преследуя следующие стратегические цели: противодействие экспансии турок-сельджуков; охранение коммуникаций с восточными регионами империи; усиление фемных войск Армениака⁶⁸⁰. П. Магдалино предположил, что норманны во главе с Жерве Франкопулосом поселились на землях, которые были конфискованы Константином Мономахом у рода Далассинов⁶⁸¹.

П. Магдалино связывает появление владений иноземных наёмников на территории империи с развитием института пронии, который стал ответом Константинопольского правительства на следствия тяжёлого кризиса: территориальные утраты, нехватка наличных денег и проблемы с беженцами⁶⁸².

Ж.-К. Шейне поддержал гипотезу П. Магдалино⁶⁸³ и сделал ряд ценных замечаний: заселение «латинян» в Армениак, а также переселение армянских князей в Каппадокию проводилось императорами Македонской династии с целью ослабления позиций малоазийской знати; в военном отношении этот шаг давал возможность объединить рыцарскую конницу с армянской пехотой⁶⁸⁴. Другим аспектом заселения франков в Армениак была необходимость обороны серебряных рудников, располагавшихся вблизи Амасии и Мерсифона⁶⁸⁵.

Никифор Вриенний, говоря о мятеже Русселя де Баллиоля в Малой Азии, описывает рост могущества норманна в следующих словах: «Руссель свободно проходил по сёлам и городам между Галатией и Ликаонией, и одни опустошал,

⁶⁷⁹ Ibid.

⁶⁸⁰ Ibid. P. 31.

⁶⁸¹ Ibid. P. 32.

⁶⁸² Ibid. P. 36.

⁶⁸³ Cheynet J.-C. Le rôle des Occidentaux dans l'armée byzantine avant la Première Croisade // *Byzanz und das Abendland im 10 und 11 Jahrhundert* / ed. E. Konstantinou. Cologne, 1997. P. 120.

⁶⁸⁴ Ibid. C. 121.

⁶⁸⁵ Ibid. C. 122. Pitarakis B. Mines anatoliennes exploitées par les Byzantins : recherches récentes // *Revue numismatique*. 1998. Vol. 153. 6e série. P. 158—161.

другие убеждал к покорности, а с иных брал деньги. Через это он стал силён и неудержим в своём стремлении»⁶⁸⁶.

Описание действий Русселя в Малой Азии у Никифора Вриенния очень сильно напоминает действия другого норманнского предводителя в Южной Италии, которому византийские авторы уделили гораздо больше внимания. В самом начале своей карьеры, как отмечает Анна Комнина, Роберт Гвискар «вместе с несколькими всадниками (всего их было пять конных и тридцать пеших) покинул Нормандию. Выйдя за пределы отечества, он обосновался в нагорьях, пещерах Лонгивардии, во главе разбойничьего отряда нападал на путников и захватывал коней, имущество и оружие»⁶⁸⁷. Анна рисует картину возвышения Роберта Гвискара: как он из разбойника и конокрада превратился в герцога Апулии, Калабрии и Сицилии — богатейших византийских провинций. От мелкого разбоя на дорогах и денежных вымогательств⁶⁸⁸ он перешёл к захвату городов и целых провинций. «С каждым днём увеличивалось его могущество, росло властолюбие. Роберт присоединял к уже завоёванным городам новые города, а к имеющимся богатствам — новые богатства. В короткое время достиг он герцогской власти и был провозглашён герцогом всей Лонгивардии, что возбудило всеобщую зависть»⁶⁸⁹.

Способны ли были византийские авторы воспринимать личности предводителей норманнов, исходя не из античной традиции, а из реальности? Могли ли они увидеть в «чужом» для них норманнском предводителе нечто «своё», нечто общее для норманнов и византийцев? Ответ на этот вопрос покажет, насколько успешным было взаимодействие норманнов и византийцев с точки зрения последних.

Георгий Кедрин называл Жерве Франкопулоса «варваром», в то же время с явным сочувствием рассказывал о его мятеже. В Армениаке Жерве собрал отряд из 300 франков и заключил союз с турками против «ромеев». По мнению

⁶⁸⁶ Никифор Вриенний. II, 14, С. 81—82.

⁶⁸⁷ Анна Комнина. I, 11, С. 75 и сл.

⁶⁸⁸ Анна Комнина. I, 11, С. 78.

⁶⁸⁹ Там же.

Кедрина, «этот союз просуществовал бы дольше, если бы между турками и франками не началась вражда, поскольку эти два народа строили друг против друга козни». Турки-сельджуки вероломно напали на отряд Жерве, но, благодаря его настороженному отношению к «союзникам», были разбиты. После этой победы франки Жерве окончательно утратили осторожность, несмотря на увещания и просьбы своего предводителя, предались «попойкам и пиршествам». После того, как франки заснули, турки вновь напали на них и на этот раз многих перебили, а многих, в том числе и самого Жерве, схватили⁶⁹⁰. В этом эпизоде противостояния франков христиан и коварных мусульман симпатии Кедрина на стороне побеждённых франков. Но ещё больше он симпатизирует Жерве Франкопулосу, который ведёт себя более благоразумно, чем его товарищи, руководствуясь при этом благочестивыми побуждениями.

Михаил Атталиат, описывая мятеж Роберта Криспина, отмечает, что, занимаясь грабежами, Криспин воздерживался от убийства «ромеев»⁶⁹¹. Он с сочувствием пишет о попытках Криспина оправдаться перед Романом Диогеном за поднятый мятеж, заявляя о том, что вынужден был к этому нападшими на него «ромеями». Признание Криспина было благосклонно принято императором, т.к. оно исходило от «человека храброго» и «полезного в делах войны и сражений», который дерзал выступать против великого множества «турок» и совершал великие дела⁶⁹². А при личной встрече с императором он во всём уподоблялся рабу и явился в сопровождении только двоих своих воинов⁶⁹³.

В другом отрывке Атталиат высказывается ещё более красноречиво: «Его же благороднейшего в деяниях и сильнейшего, ибо для самого взыскательного взгляда на него была очевидна доблесть во всём им ранее совершённом, большое усердие пробуждал в воинах во время перенесения ими воинских

⁶⁹⁰ Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae. II, P. 616—619

⁶⁹¹ Attaliota Michael. P. 123.

⁶⁹² Ibid. P.124

⁶⁹³ Ibid. P. 125.

трудов»⁶⁹⁴. Таким образом, Атталиат, говоря о Криспине, не видит перед собой «варвара», но чужеземца, который внимательно изучает чуждые для него обычаи. Также Атталиата восхищают военные доблести Криспина.

Не менее высоких оценок заслужил у византийцев другой норманнский предводитель: Руссель де Баллиоль. Никифор Вриенний, не выходя за рамки античной традиции, отмечает его «храбрость и полезность ромеям». Анна Комнина называет Русселя человеком «благородным и настоящим героем». Последнюю оценку можно было бы счесть всего лишь риторическим оборотом, если бы не позиция Михаила Атталиата в отношении пленённого Русселя, в соответствие с которой он порицает византийского императора за жестокое отношение к мятежнику варвару, за недостаток «терпимости и великодушия». Более того, Атталиат считает, что Русселя «можно было бы облечь военной властью и поручить освобождение от захватчиков восточных областей, поскольку такое решение сразу приходит на ум при рассмотрении его предшествующих побед и отважных подвигов»⁶⁹⁵.

Если византиец в конфликте между императором и «иноплеменником» становился на сторону «иноплеменника» и порицал действия императора, то это означало, что «иноплеменник» действительно заслуживал в его глазах высокой оценки. Другими словами, по мнению Атталиата, возвышение Русселя над «ромеями» было вызвано необходимостью, которую Атталиат прекрасно осознавал, а следовательно, при оценке Русселя как заслуживающего власти полководца он исходит из реальности, а не из античной традиции.

Сочинению Анны мы обязаны появлению настоящих литературных психологических портретов итальянских норманнов: Роберта Гвискара и его сына Боэмунда. Анна создаёт классический для византийской литературы образ злодея, составными чертами которого являлись «мерзкая душа»⁶⁹⁶ Роберта

⁶⁹⁴ Ibid. P. 171.

⁶⁹⁵ Attaliota Michael. P. 207.

⁶⁹⁶ Анна Комнина. I, 10, С. 75—76.

Гвискара, лелеющего чудовищные замыслы, «злонравного»⁶⁹⁷, «коварного»⁶⁹⁸, «вероломного»⁶⁹⁹ и «злокозненного»⁷⁰⁰, движимого «властолюбием»⁷⁰¹.

Вместе с тем Анна признаёт Роберта Гвискара великим человеком⁷⁰², «выдающимся полководцем», упорным в достижении поставленной цели⁷⁰³ и упоминает, что он имел «внешность, достойную владыки»⁷⁰⁴. Более того, по полководческим качествам и дарованиям Анна Комнина находила возможным поставить его в один ряд со своим отцом и императором Византии Алексеем I⁷⁰⁵. Таким образом, в представлении византийской принцессы «злокозненный» тиран Роберт Гвискар, претендовавший на трон византийской империи, получает признание как великий полководец и правитель.

При описании сына Роберта Анна говорит, что «не было подобного Боэмунду варвара или эллина во всей ромейской земле — вид его вызывал восхищение, а слухи о нём — ужас»⁷⁰⁶. Она подчёркивала его исключительность и отличие его поведения от поведения других участников первого крестового похода, в том числе и норманнов. Так, в споре Танкреда и Георгия Палеолога он занял сторону Палеолога, а не своего племянника Танкреда, которому заявил, что «не подобает бесстыдно нападать на родственников императора»⁷⁰⁷. В этом случае, в глазах Анны Комнины, Боэмунд ведёт себя в соответствии с византийскими стандартами. Без тени удивления и беспокойства Анна Комнина говорит о том, как не оправдался расчёт византийского императора на «варварскую природу»⁷⁰⁸ Боэмунда, когда Алексей Комнин рассчитывал с помощью подложных писем перессорить Боэмунда с другими военачальниками.

⁶⁹⁷ Там же.

⁶⁹⁸ Там же.

⁶⁹⁹ Там же.

⁷⁰⁰ Там же.

⁷⁰¹ Анна Комнина. III, 9, С. 133

⁷⁰² Анна Комнина. I, 10, С. 75

⁷⁰³ Анна Комнина. IV, 8, С. 155.

⁷⁰⁴ Анна Комнина. VI, 8, С. 187.

⁷⁰⁵ Анна Комнина. V, 1, С. 157.

⁷⁰⁶ Анна Комнина. XII, 10, С. 362.

⁷⁰⁷ Анна Комнина. XI, 2, С. 298.

⁷⁰⁸ Анна Комнина. XIII, 4, С. 350.

Боэмунд, «не выходя из палатки, мучительно раздумывал, что ему следует делать. Он мысленно перебирал различные варианты. Вызвать коннетаблей и высказать своему брату Гвидо подозрения, имеющиеся на его счёт? И, наконец, кого назначить вместо них коннетаблями? Все они были людьми знатными, Боэмунд понимал, какой ущерб принесёт их опала, и поэтому решил дело соответственно обстоятельствам (я думаю также, что он заподозрил скрытый смысл писем), приветливо обошёлся с ними и смело позволил им сохранить своё прежнее положение»⁷⁰⁹. В обоих случаях Боэмунд действует не с «варварской необузданностью», а напротив, проявляя византийскую «сдержанность» и «осторожность».

Воспевая полководческие дарования своего отца, Анна говорила, что «полководец не должен во всех случаях стремиться оружием одержать победу, но иногда, когда время и обстоятельства это позволяют, может для завоевания полной победы прибегнуть к хитрости. Насколько мне известно, полководцы часто обращаются к помощи не только мечей и сражений, но и мирных договоров. Да и вообще бывают случаи, когда врага лучше одолеть коварством»⁷¹⁰.

Таким образом, Анна не считает зазорным пользоваться «хитростью» и «коварством» для достижения своих целей, наоборот, она видит в этом необходимое качество любого полководца. Не исключением для неё был и Боэмунд, который заявлял, что «не все победы бог даёт одержать нам, полководцам, оружием. И не всегда они добываются в сражении. То, что не даёт бой, нередко дарит слово, и лучшие трофеи воздвигает приветливое и дружеское обхождение»⁷¹¹.

Во всех приведённых случаях Боэмунд думает и говорит как византиец. Возможно, это явилось следствием того, что пытаясь воссоздать в своём сочинении исторические события с участием Боэмунда Анна вынуждена

⁷⁰⁹ Там же.

⁷¹⁰ Анна Комнина. XIII, 4, С. 348.

⁷¹¹ Анна Комнина. XI, 4, С. 301.

вставать на его место, т.е. вживаться в придуманный ей образ и выдавать свои мысли и чувства за мысли Боэмунда. Так или иначе, в этих случаях Анна Комнина «забывает» о той границе, которая отделяет византийца от «варвара» и подсознательно наделяет Боэмунда чертами «ромея».

Анна Комнина обращает внимание на идеальное сложение и телесную крепость Роберта Гвискара⁷¹², подробно останавливается на физических данных Боэмунда⁷¹³. Описывая внешность Боэмунда, Анна отмечала прежде всего «большой рост»⁷¹⁴, «широкие плечи»⁷¹⁵, «обширную грудь»⁷¹⁶ и «сильные руки»⁷¹⁷, «могучие руки, твёрдая походка, крепкие шея и спина»⁷¹⁸. Она говорила, что в облике Боэмунда было что-то «звероподобное»⁷¹⁹, в то же время она сравнивала Роберта Гвискара с «диким вепрем»⁷²⁰, а Руссея де Баллиоля с «рыкающим львом»⁷²¹. В то же время в тех же словах Анна описывает своего отца Алексея: «Широкие плечи, крепкие руки, выпуклая грудь — весь его героический облик вселял в большинство людей восторг и изумление»⁷²².

Таким образом, византийские авторы оценивали предводителей норманнов как людей «благородных», т.е. обладавших военной доблестью, известных своими победами и подвигами. Достойных высокого положения в империи. Анна Комнина считала их настоящими героями, сравнимыми по своим доблестям с императором Византии, её отцом Алексеем I. Из этого следует, что византийские авторы не всегда слепо доверялись античной традиции в оценке «иноплеменников», а при оценке качеств предводителей норманнов исходили из действительной эффективности действий последних. По своим качествам предводители норманнов не только не противопоставляются византийцам, а наоборот, оцениваются как совершенно

⁷¹² Анна Комнина. I, 10, С. 75.

⁷¹³ Анна Комнина. XIII, 10, С. 363.

⁷¹⁴ Анна Комнина. XIII, 10, С. 362.

⁷¹⁵ Там же.

⁷¹⁶ Там же.

⁷¹⁷ Там же.

⁷¹⁸ Там же.

⁷¹⁹ Там же.

⁷²⁰ Анна Комнина. I, 10, С. 75.

⁷²¹ Анна Комнина. I, 3, С. 69.

⁷²² Анна Комнина. III, 3, С. 121

им равные. «Благородство», «военная доблесть», «известность», «великие свершения», «героическая внешность» в такой же мере присущи византийцам, как и предводителям норманнов. Между норманнами и византийцами ставится знак равенства.

Вероятно, что подобное отношение к норманнам было характерно не для всего византийского общества, а только для провинциальной византийской знати, к которой принадлежал Алексей Комнин.

Ценности, обычаи, манера боя и поведения норманнов получили распространение в замкнутом военном сословии. Величайшей похвалой для профессионального византийского военного было сказать про него, что он владеет оружием и конём как прирождённый норманн. «И в самом деле, Никифор по-настоящему умел владеть копьём и прикрываться щитом. Видя Никифора на коне, можно было принять его за уроженца Нормандии, а не ромея»⁷²³.

Норманны воспринимались византийскими авторами как христиане. Таким образом, между норманнами и византийцами отсутствовал самый непреодолимый, с точки зрения многих культур, религиозный барьер. При этом византийцы смотрели на норманнов через призму античной традиции и воспринимали их как «варваров» и иноплеменников. Эта была, прежде всего, проблема общения и воспитания. Византийцу крайне тяжело было добиться взаимопонимания с человеком, воспитанным не в античной, а в совершенно иной традиции.

В то же время византийцы были способны воспринимать норманнов, исходя из действительности, а не всегда только античной традиции. Они выделяют норманнов из сонма варваров, противопоставляя их туркам-сельджукам и варягам. Византийцы видели социальную организацию, с большим вниманием относились к обычаям норманнов. Выделяли предводителей и их личные цели. Они видели и стремились к тому, чтобы

⁷²³ Анна Комнина. X, 3, С. 270.

знать: какова реальная угроза от того или иного предводителя, какими он располагал ресурсами для достижения собственных целей.

У некоторых византийских авторов ясно намечается тенденция высоко оценивать личные качества и способности предводителей норманнов, при этом они не только не противопоставляют их «ромеям», а наоборот, ставят их на один уровень. Византийцы остро нуждались в помощи норманнов против турок-сельджуков. Это обеспечило признание норманнов в узкой среде византийской провинциальной знати, в глазах которой норманны за свои военные доблести становились образцом для подражания.

2.2. ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ НОРМАННОВ И ТУРОК-СЕЛЬДЖУКОВ В МАЛОЙ АЗИИ

С XI в. Малая Азия стала объектом завоеваний кочевников огузов и туркоманов. Этому в немалой степени способствовала политика султанов из династии Великих Сельджуков (1037—1157), которые стремились отправлять кочевников, вносящих смуту в уклад завоёванных оседлых государств, на границы для набегов и борьбы с христианскими государствами. В результате разгрома сельджуками византийской армии Романа IV Диогена при Манцикерте (тур. *Малазгирт*) в 1071 г., огузские и туркоманские орды устремились вглубь Малой Азии, где стали возникать первые государства с тюркскими династиями во главе: Иконийский султанат, эмират Данышмендидов в Сивасе, Салтукидов в Эрзеруме и т.д.

Норманны, призванные византийцами противодействовать вторжению сельджуков, не только успешно воевали, но и охотно заключали с ними союзы. В 1057 г. Жерве Франкопулос какое-то время действовал совместно с Самухом — эмиром Хорасанского салара Йакути ибн Чагры Бека⁷²⁴. Осенью 1062 г. Жерве совместно с дукой Эдессы Давнатосом разбил салара Хорасана, а в следующем году под Эрзерумом совершенно истребил отряд тюрок и убил возглавлявшего его эмира Юсуфа⁷²⁵. В 1073 г. Руссель де Баллиоль попал в плен к тюркскому предводителю Артуку⁷²⁶, а позднее объединился с тюркским эмиром Тутахом⁷²⁷.

⁷²⁴ Cahen C. La premiere penetration turque... P. 18, 22—23; Апанович О.С. Наемные и вассальные христианские контингенты... С. 81.

⁷²⁵ Armenia and the Crusades... P. 99—101; Cahen C. La premiere penetration turque... P. 22—23.

⁷²⁶ Каэн предполагает, что это был Артук ибн Эксеб, основатель династии Артукидов и вождь тюркского племени догер, который в это время находился на службе у сельджукского султана Малик-Шаха (Cahen C. La premiere penetration turque... P. 33).

⁷²⁷ Тюркский эмир, которого традиционно идентифицируют с Артуком (Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Die byzantinischen Quellen der Geschichte de Türkenvölker. T. 2. S. 72, 328).

География первых контактов норманнов и сельджуков очень разнообразна и включает в себя многие регионы Малой Азии. Если до 1071 г. они имели место на восточной границе империи в районе Эдессы, Харпута, Эрзерума, Мелитены и Ахлата, то после они встречались под Константинополем в Вифинии.

В 1068 г. Никсар захватил Афшын-бей. Руссель де Баллиоля и Роман Диоген отбили город. После битвы при Манцикерте в 1071 г. владельцем Никсара стал Артук ибн Эксеб. В 1073 г. город перешёл в руки Русселя де Баллиоля. К моменту проникновения в регион Никсара тюркского эмира Данышменда Ахмеда Гази — в период с 1075 по 1085 гг. — город находился под властью норманнов с 1073 по 1076 гг.⁷²⁸

Перед Первым крестовым походом норманнские авторы Южной Италии лучше других средневековых латинских хронистов были осведомлены о положении дел в Малой Азии.

Амато рассказывает о том, как византийский император отправил Русселя де Баллиоля против турок-сельджуков. «Но так судил Господь, что турки одержали победу и учинили великое избиение христиан. И Август, и Руссель попали в плен, а с ними все их рыцари»⁷²⁹. Очевидно, что Амато в данном случае говорит о сражении при Манцикерте. Амато отмечает, что предводитель турок “Duc de li Turc” обращался с пленниками достойно⁷³⁰, а затем “Roy de Thurqui” «с почестями» отпустил императора и Русселя⁷³¹.

В разгоревшейся вслед за этим гражданской войне «немалая часть империи запросила помощи у турок»⁷³². Амато сообщает, что «греки» обратились к туркам против Русселя, и те, за щедрое вознаграждение, охотно выполнили их просьбу⁷³³.

⁷²⁸ Λεβενιώτης Γ.Α. Η πολιτική κατάρρευση του Βυζαντίου στην Ανατολή. Το ανατολικό σύνορο και η κεντρική Μικρά Ασία κατά το β' ήμισυ του 11ου αι. Θεσσαλονίκη, 2007. Ρ. 467—468, 591.

⁷²⁹ Amato I, 9, Ρ. 17.

⁷³⁰ Ibid.

⁷³¹ Ibid. I, 11, Ρ. 18—19.

⁷³² Ibid.

⁷³³ Ibid. I, 15, Ρ. 20.

Амато крайне сдержанно реагирует на проникновение турок-сельджуков в Малую Азию. Он с готовностью осуждает «греков» за «предательство» норманнского наёмника, нежели сельджуков за «великое избиение христиан».

Вильгельм Апулийский с сочувствием пишет о византийском населении Малой Азии, которому выпало на долю испытать ужасы сельджукского завоевания: «Тем временем напуганное нашествием турок с востока на запад бежало племя христиан, которые роскошные места Романии населяли. Большая часть их пала под ударами нечестивых турецких мечей, и народ всех захваченных городов, платя дань, служил им»⁷³⁴.

Он говорит, что в результате междоусобиц «коварное племя турок»⁷³⁵ стало устраивать в Малой Азии убийства и грабежи, и ни одному правителю не было под силу изгнать их⁷³⁶. И после этого Вильгельм обращается к племени «Галлов» (под которыми он понимает не только норманнов, но и участников Первого крестового похода): «И никакая власть не смогла бы их изгнать до тех пор, когда сильнейшее из всех племён — племя галлов, направляемое повелением свыше, силой оружия над врагом восторжествовало и свободу возвратило; и вдохновлённое Богом стремится открыть пути к святому животворящему гробу, которые уже долгое время были закрыты»⁷³⁷.

Норманнские предводители в Малой Азии, не имея достаточных сил, вынуждены были заключать союзы с турками-сельджуками против Византии. Однако продолжительность такого рода союзов была крайне недолговечна. У Кедрина мы находим следующий рассказ:

«Добившись разрешения от императора отправиться домой, (Жерве Франкопулос — *В.П.*) переправился на Восток и отправился в Дабарам провинции Армениак, где находился его дом. Договорившись с некими франками, размещёнными на зимовку, из трёхсот своих приверженцев составил отряд в Мидии, и тогда же заключил союз для ведения войны против ромеев с

⁷³⁴ Guil. Apul. III, 7—12, P. 265—266.

⁷³⁵ Guil. Apul. III, 98, P. 267.

⁷³⁶ Guil. Apul. III, 98—100, P. 267.

⁷³⁷ Guil. Apul. III, 100—105, P. 267.

Самухом. Этот союз просуществовал бы дольше, если бы между турками и франками не началась вражда, поскольку эти два народа строили друг против друга козни. Так, Самух делал вид, что придерживается союза, а Жерве, будучи всегда подозрительным, ожидал внезапного нападения со стороны турок. Поэтому и своих всегда побуждал быть начеку и спать вооружёнными. Между тем, сколько бы Самух не скрывал своих намерений, его коварство вскоре обнаружилось. Однажды он со всеми своими вооружёнными турками во время завтрака на франков напал, но поскольку те что-то подобное ожидали, тотчас на коней, которых их предводитель приказывал держать наготове, вскочили и навстречу туркам выехали. И случилась жестокая битва с турками, самая жестокая из всех бывших, в которой турки были разбиты. Большая часть их была перебита, а оставшиеся пешими и беззащитными в Ахлат бегством спаслись. Жерве, возвратившись из погони за врагами, уговаривал своих в лагерь отступить. Они же настаивали на том, чтобы в город войти, (ибо тамошний эмир был с ними в союзе и мире), в бане силы восстановить и смыть с себя кровь после битвы. Жерве страстно их от этого отговаривал и настойчиво умолял их отложить своё желание, чтобы слишком не доверяли клятве людей чужой веры и народа. И так уговаривая, сам искренне мучился тем, что множество христиан погибнет. Но когда убедился, что поёт песни глухим, стал часто их предупреждать, чтобы, войдя в город, хранили бдительность и всегда держали оружие под рукой. Но франки, войдя в Ахлат, увещеваниями Жерве пренебрегли, и омовениям, попойкам и пиршествам предались. Между тем, эмир города Апонасар, дело с Самухом и соплеменниками обсудив, приказал, чтобы по данному им сигналу, чужеземных гостей схватить, а если это не удастся, то перебить. После того, как франки, пресытившись наслаждениями, легли спать. По данному сигналу одни из них были перебиты, другие схвачены, некоторые, которым удалось спрыгнуть со стены, убежали. Жерве был схвачен и связан. Лишь только это случилось, эмир императору через послов сообщил о

своём к нему расположении, и что сам, такие коварные дела совершив, готов их умертвить, а предводителя их держать в плену»⁷³⁸.

Авторство этого отрывка предположительно принадлежит Иоанну Скилице⁷³⁹. Он описывает раздоры между врагами империи: норманнами и тюрками. Но он симпатизирует не «коварным» тюркам, а норманнам-христианам. Как византийский чиновник он ясно видел противоречия между враждебно настроенными друг против друга норманнами и турками. Поэтому в этом конфликте мятежных норманнов и тюрок он занимает сторону норманнов как единоверцев.

Ахлат с VIII в. находился в зоне влияния мусульманского мира⁷⁴⁰. С середины XI в. он стал частью империи великих Сельджуков. Понятно, почему разбитые Жерве турки-сельджуки искали убежище в Ахлате. Это также объясняет обоснованные сомнения Жерве по поводу «гостеприимства» эмира. Удивительно, что норманны рассчитывали на гостепреимство в стенах города, который находится под властью мусульман.

Насир Хосров (1004—1088) в «Книге путешествия» писал, что город Ахлат располагается «на границе между мусульманами и армянами» и в нём «говорят на трёх языках: по-арабски, персидски и армянски. Я полагаю, что по этой причине город и назван Ахлат», что в переводе с арабского означает «смеси, соединения»⁷⁴¹. Он также отмечал, что в городе Ван на противоположном берегу озера Ван от Ахлата, на базаре продавали свинину наряду с бараниной, а мужчины и женщины открыто пили вино⁷⁴².

Византийцы считали норманнов образцом для подражания в военном искусстве верховой езды и владения копьём⁷⁴³. Они также считали ношение копья отличительным признаком норманнских всадников в противоположность

⁷³⁸ Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae. P. 616—619.

⁷³⁹ Ioannis Scylitzae synopsis historiarum / ed. J.Thurn. Berlin, 1973. P. 484—486.

⁷⁴⁰ Ter-Ghewondyan A. The Arab Emirates in Bagratid Armenia / transl. Nina G. Garsoïan. Lisbon, 1976. P. 32, 144.

⁷⁴¹ [Насир-и Хусрау]. Сафар-наме. Книга путешествия / пер. и вступ. статья Е.Э. Бертельса, под общ. ред. В.А. Гордлевского, И.Ю. Крачковского, илл. Е.Я. Хигер. М. ; Л., 1933. С. 38.

⁷⁴² Там же.

⁷⁴³ Анна Комнина. X, 3, С. 270.

«вооружённых секирами»⁷⁴⁴ и «носящих мечи на плечах»⁷⁴⁵ варягам. Никита Хониат в ряду типичных представителей Антиохии, помимо «прожорливого сирийца», «разбойника исаврийца», «пирата киликийца», называет «италийского всадника копыеносца» и особо отмечает, что норманны Антиохии очень гордились своим искусством владения копьём⁷⁴⁶.

Для византийской принцессы Анны Комнины норманнские и сельджукские конники представлялись источником бедствий империи в период правления её отца Алексея I. Она очень образно описала их в «Алексиаде»: «пришёл в движение и показал острие своего копья кельт, натянул тетиву лука исмаилит⁷⁴⁷, на тысячах колесниц ринулись на нас все кочевые и скифские племена»⁷⁴⁸.

Именно сочинению Анны мы обязаны лучшим сравнительным описанием тактики и вооружения как норманнской, так и сельджукской конницы. «Боевой порядок турок строится не так, как у других народов, не как у Гомера «щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком», а правый, левый фланги и центр турецкого строя расположены на определенном расстоянии друг от друга, и фаланги стоят как бы разорванно. Если враг нападает на правый или левый фланг, на него обрушивается центр и часть строя, расположенная за ним, и они, как ураган, сметают противника. Что же касается вооружения, то турки, не в пример кельтам, мало пользуются копьями, а стараются окружить врага со всех сторон и обстрелять его из луков; защищаться турки предпочитают издали. Когда турок преследует, он захватывает свою жертву при помощи лука; когда его преследуют самого, одолевает врага при помощи стрел; турок мечет

⁷⁴⁴ Анна Комнина. II, 9, С. 108; Михаил Пселл. С. 145.

⁷⁴⁵ Анна Комнина. II, 9, С. 108.

⁷⁴⁶ Niceta Choniata. III, 3, P. 141—142.

⁷⁴⁷ По замечанию Я.Н. Любарского, «под исмаилитами часто имеются в виду вообще мусульмане, и в том числе турки» (Анна Комнина. Алексиада. С. 670, прим. 964). Термин «скифы» кажется ещё менее определённым, т. к. «на античный манер писательница часто называет всех кочевников скифами» (Любарский Я.Н. [Предисловие] // Анна Комнина. Алексиада. С. 21). В данном случае, судя по контексту, Анна Комнина говорит скорее всего не о мусульманах вообще, а о мусульманах-кочевниках, т. е. о турках-сельджуках.

⁷⁴⁸ Анна Комнина. XIV, 7, С. 390.

стрелу, и стрела на своем лету поражает коня или всадника; пущенная сильной рукой, она пронзает тело насквозь. Вот какие искусные лучники турки»⁷⁴⁹.

В другом месте Анна описывает стычку византийцев с норманнской конницей: «Император щедро снабжал воинов стрелами и приказывал не жалеть их, но метать не в кельтов, а в их коней. Ведь император знал, что из-за своих панцирей и кольчуг кельты почти неуязвимы, а попусту расходовать стрелы Алексей считал совершенно бессмысленным.

Кельтские доспехи представляют собой железную кольчугу, сплетенную из вдетых друг в друга колец, и железный панцирь из такого хорошего железа, что оно отражает стрелы и надежно защищает тело воина. Кроме того, защитой кельту служит щит — не круглый, а продолговатый, широкий сверху, а внизу заканчивающийся острием; с внутренней стороны он слегка изогнут, а внешняя его поверхность гладкая, блестящая, со сверкающим медным выступом. Стрела, безразлично какая — скифская, персидская или даже пущенная рукой гиганта, отскакивает от этого щита и возвращается назад к пославшему ее. Поэтому-то, думается мне, император, знакомый с кельтским вооружением и стрельбой наших лучников, и приказал им, пренебрегая людьми, поражать коней и «окрылять» их стрелами, чтобы заставить кельтов спешиться и таким образом сделать их легко уязвимыми. Ведь на коне кельт неодолим и способен пробить даже вавилонскую стену; сойдя же с коня, он становится игрушкой в руках любого»⁷⁵⁰.

Эту мысль Анна высказывает неоднократно всякий раз, когда пишет о столкновениях византийцев с норманнами под руководством Алексея I, который, по мнению его дочери, был автором передовой тактики борьбы с конницей «кельтов». «Ведь любой кельт, пока он сидит на коне, страшен своим натиском и видом, но стоит ему сойти с коня, как из-за большого щита и

⁷⁴⁹ Анна Комнина. XV, 3, С. 405.

⁷⁵⁰ Анна Комнина. XIII, 8, С. 356.

длинных шпор он становится неспособным к передвижению, беспомощным и теряет боевой пыл»⁷⁵¹.

Византийский военачальник Никифор Вриенний с военной точностью описал сражение норманнов во главе с Русселем де Баллионом и сельджуков эмира Артука, произошедшее в 1074 г. в Вифинии. Зная о многочисленности неприятеля, в качестве места сражения Руссель избрал ровную и узкую долину у подножия горы Софон. Артук начал обстреливать стрелами с окрестных высот и, разделив войско на три части, попытался окружить норманнов. Отряд Русселя терял лошадей до тех пор, пока норманны не «решились наконец выйти против неприятелей, чтобы поразить их быстрым натиском конницы»⁷⁵². Никифор констатирует, что в результате этой стремительной атаки погибло много врагов, но сами норманны попали в окружение и большей частью были взяты в плен⁷⁵³.

Данное описание битвы вполне можно было бы назвать «классическим» для сражений, в которых принимали участие норманны и сельджуки. В соответствии с традиционной тюркской тактикой, Артук стремится измотать противника стрельбой из луков и окружить. Руссель группирует силы в заранее выбранном месте и под обстрелом ожидает момента для решительной конной атаки. И хотя численный перевес был не на стороне Русселя, он явно надеялся на победу.

В какой степени можно доверять византийским авторам при описании вооружения и тактики норманнов и сельджуков? Очевидно, что эти описания полны стереотипов, ведь в соответствии с античной традицией византийцы называют норманнов «кельтами», а тюрок «скифами». В то же время их нельзя упрекнуть в невнимательном отношении к врагам империи, которых они очень хорошо знали.

⁷⁵¹ Анна Комнина. V, 6, С.167—168.

⁷⁵² Никифор Вриенний. С. 90—92.

⁷⁵³ Там же.

Матфей Эдесский с особым вниманием относится деятельности норманнов в Малой Азии с момента их появления в качестве наёмников на византийской службе: с середины XI в. А.Э. Достуриан поясняет, что в «Хронографии» этноним «франк» (*p'rang*) в этот период служил как для обозначения «европейцев», так и норманнов⁷⁵⁴.

Матфей описывает смелый поступок некоего «франка» при осаде султаном Тогрулом города Манцикерт в 1054—1055 гг. Когда сельджукский султан уже отчаялся взять город, он послал в Багдад за «внушавшей ужас и благоговение» катапультой⁷⁵⁵.

Поначалу защитникам города удавалось ответными выстрелами противостоять ударам этого оружия, но вскоре сельджуки окружили катапульту валами и обезопасили её от попаданий камней. Тогда византийский военачальник Василий Апокавк предложил тому, кто уничтожит катапульту щедрую награду, почести и высокий титул от императора. «Тогда франк выступил вперёд и сказал: «Я пойду и сожгу эту катапульту, и сегодня моя кровь прольётся за всех христиан, и поскольку у меня нет ни жены, ни детей, то некому будет оплакивать меня». Он попросил сильного и непугливого коня, надел кольчугу и возложил шлем на голову. Взяв письмо, он приладил его к наконечнику копья, положил три бутылки с нефтью за пазуху, двинулся вперёд так, как если бы он был гонцом»⁷⁵⁶.

«Сопровождаемый молитвами всех христиан и Божьей помощью, он направился к неверным. Когда неверные увидели письмо на наконечнике его копья, они приняли его за гонца и ничего не сказали. Был полдень и, поскольку было очень жарко, все спали в своих шатрах. Достигнув катапульты, франк остановился перед ней. Неверные подумали, что он был поражён огромными размерами машины, однако, в то же время он достал одну бутылку с нефтью и бросил её в катапульту. Затем, подобно орлу, он двинулся вокруг катапульты и

⁷⁵⁴ Armenia and the Crusades... P. 308.

⁷⁵⁵ Ibid. P. 87.

⁷⁵⁶ Ibid.

бросил в неё другую бутылку. И сделав ещё один круг, он поразил машину третьей бутылкой. Катапульта занялась огнём, а франк сбежал. Когда все в лагере неверных увидели то, что он натворил, они стали его преследовать, но франк достиг города невредимым»⁷⁵⁷.

Катапульта сгорела к немалой радости жителей Манцикерта, а византийский император Константин Мономах пожаловал «франку» высокий титул. «Даже султан сильно дивился содеянному франком и пожелал увидеть того, кто был способен совершить столь доблестный подвиг, чтобы одарить его, но франк отказался придти»⁷⁵⁸.

Армяноязычный историк XIII в. Смбат Спарпет внёс свои коррективы в рассказ Матфея Эдесского о подвиге «франка», которого он называет «греческим франком» или просто «франком»⁷⁵⁹. В частности, он именует Василия Апокавка «пароном», т.е. заимствованным термином западноевропейского происхождения «барон».

Та же история приводится у Аристакэса с той разницей, что вместо «франка» он сообщает о «ромейском военачальнике», который «приготовил из нефти и серы горючую смесь, залил ее в стеклянный сосуд, сел на благородного коня и, будучи храбрым и мужественным, прикрыл спину только щитом»⁷⁶⁰.

Почему Аристакэс не говорит об этнической принадлежности этого «военачальника», который совершил столь славное деяние под стенами Манцикерта? В то же время Аристакэс упоминает о сражении между сельджуками и «врангами» (варягами)⁷⁶¹ у Баберда, а также о стычке «эрузов» (русских и варягов) с армянами⁷⁶². Но при этом неоднократно повторяет, что варяги у Баберда являлись «отрядом из ромейского войска»⁷⁶³.

⁷⁵⁷ Ibid. P. 88.

⁷⁵⁸ Ibid.

⁷⁵⁹ Смбат Спарпет. Летопись / пер. с древнеарм., предисл. и прим. А.Г. Галстяна. Ереван, 1974. С. 30—31.

⁷⁶⁰ Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци. С. 92—93.

⁷⁶¹ Там же. С. 88.

⁷⁶² Там же. С. 56.

⁷⁶³ Там же. С. 88.

Вероятная причина этого кроется в том, что в отличие от Матфея Аристакэс более терпимо относится к византийцам⁷⁶⁴, т.к. не хочет лишний раз говорить об их неспособности противостоять сельджукской экспансии и не питает надежд, связанных с появлением в Малой Азии норманнов.

Аристакэс добавляет важную деталь при описании вооружения «франка», которое даёт Матфей Эдесский. Помимо «сильного и непугливого коня», кольчуги, шлема и копья, Аристакэс упоминает щит, который прикрывал спину всадника. Оба автора рисуют образ тяжеловооружённого всадника.

Основное внимание Аристакэс в «Повествовании» и при описании осады Манцикерта Тогрулом уделяет туркам-сельджукам⁷⁶⁵. Он подробно описывает катапульту и приводит её название на тюркском языке, а также количество obsługi, вес снаряда и её разрушительную мощь⁷⁶⁶.

Благодаря Аристакэсу многое становится известно о действиях в Малой Азии тюркского эмира Самуха, который некоторое время был союзником норманнского наёмника Жерве Франкопулоса⁷⁶⁷.

Матфей говорит о норманнах, как о защитниках его родного города Эдессы. Он сообщает о стычке между отрядами «злого персидского предводителя» «салара Хорасана»⁷⁶⁸ и «франков» в 1064—1065 гг., которые в количестве двухсот всадников составляли гарнизон крепости Севаверак. «Франки вступили в битву с турками и сначала разбили их и обратили в бегство. Однако, когда неверные получили подкрепление, они заставили франков бежать и убили пятнадцать человек»⁷⁶⁹. В другом месте Матфей не забывает упомянуть о храброй смерти норманнского наёмника, который прикрывал отступление четырёх тысяч «ромейских войск» в Эдессу. «В этот

⁷⁶⁴ Там же. С. 28—29.

⁷⁶⁵ Там же. С. 29—31.

⁷⁶⁶ Там же. С. 92.

⁷⁶⁷ Там же. С. 108, 116—118.

⁷⁶⁸ По мнению Достуриана, этот термин означает «генерал Хорасана» (Armenia and the Crusades... P. 311).

⁷⁶⁹ Ibid. P. 107—108.

момент франк развернулся лицом к туркам и, рыкая словно лев, ранил и убил многих и этим остановил их и дал возможность уйти беглецам»⁷⁷⁰.

Матфей приводит примеры коварства норманнов. В 1062 г. Михаил VII Дука направил в район города Амида «знатного вельможу Франкопулоса» во главе шеститысячного отряда⁷⁷¹. За взятку в десять тысяч дахеканов от мусульман Амида Франкопулос оставил в бою дуку Эдессы Даванатоса. После того, как Даванатос погиб в битве с мусульманами, один из его людей явился к Франкопулосу и стал его обвинять в гибели Даванатоса. «Когда Франкопулос услышал это, то напал на неверных и жестоко избивал их у ворот города, и перебил их до пятнадцати тысяч человек»⁷⁷².

В Эрзеруме Франкопулос уничтожил отряд Юсуфа, «захватил неисчислимую добычу и освободил множество пленных»⁷⁷³. Тем не менее, героические деяния не спасли Франкопулоса от наказания за предательство Даванатоса. Михаил VII Дука вызвал его в Константинополь и приказал бросить в море с камнем на шее.

В 1065 г. «франкские отряды Эдессы» во главе с «коварным» командиром оставляют в бою с турками дуку Антиохии Хачатура. Они сделали это по приказу дуки Эдессы Никиты Пегонита, который позавидовал успехам своего армянского визави. За этот проступок с командира норманнов заживо содрали кожу, а Никита Пегонит лишился своего поста⁷⁷⁴.

Благодаря Матфею становится известно о том, что норманны составляли ударную силу в войсках Филарета Варажнуни, который после поражения Византии при Манцикерте в 1071 г. становится фактически независимым правителем территории, в которую входили Киликия, Антиохия, Эдесса и Мелитена. Перед решающей битвой с Филаретом в области Амида правитель армянского Сасуна Торник Мамиконян, который собрал «пятьдесят тысяч

⁷⁷⁰ Ibid. P. 109.

⁷⁷¹ Ibid. P. 99.

⁷⁷² Ibid. P. 100.

⁷⁷³ Ibid. P. 100—101.

⁷⁷⁴ Ibid. P. 108.

пехоты и шесть тысяч конницы», «более всего опасался франков» (количество которых в войске Филарета составляло около восьми сотен человек)⁷⁷⁵.

Во главе этого норманнского отряда стоял «count Rmbaghat»⁷⁷⁶. Именно такой перевод на английский язык предлагает А.Э. Достуриан. Вслед за Дюлорье, он именуется норманнского предводителя «графом». Данный термин, по мнению переводчиков, наиболее точно передаёт значение слова, которое в оригинале означало «предводителя», «правителя провинции» и «военачальника»⁷⁷⁷.

А.Э. Достуриан считает невозможным в данном случае точно установить имя норманна. В то же время на французском языке вероятным вариантом этого имени следует рассматривать имя Рембо (Raimbaud или Rimbaud)⁷⁷⁸.

Правитель Сасуна Торник Мамиконян построил свои войска для битвы таким образом, чтобы нейтрализовать конную атаку норманнов и добился в этом успеха. «Армяне взяли в плен всех их командиров и даже захватили их графа»⁷⁷⁹. С нотками сожаления Матфей говорит, что «в этот день погибли многие франки и другие христиане»⁷⁸⁰.

Норманны для Матфея являются в первую очередь христианами. В сражениях с мусульманами они проявляют чудеса храбрости. Отдельных «франков» Матфей сравнивает с «орлами» и «львами». Он очень высоко оценивает их военные способности и представляет отряды норманнов как тяжелооружённую конницу. Но вместе с тем Матфей пишет о «коварстве» их предводителей, указывая на их жадность и предательство единоверцев.

Арабоязычные авторы были осведомлены о набегах викингов, которых в Испании и Магрибе знали под именем «ал-маджус» и «ал-урдуманийа»⁷⁸¹, а на

⁷⁷⁵ Ibid. P. 138.

⁷⁷⁶ Ibid. P. 138.

⁷⁷⁷ Chronique de Matthieu d'Edesse. P. 417.

⁷⁷⁸ Armenia and the Crusades... P. 315.

⁷⁷⁹ Ibid. P. 138.

⁷⁸⁰ Ibid.

⁷⁸¹ Melvinger A. al-Madjus // The Encyclopedia of Islam. New edition. Prepared by a number of leading orientalists / ed. by C.E. Bosworth, E. van Donzel, B. Lewis, Ch. Pellat. Leiden, 1986. Vol. V. P. 1118—1121; Dozy R. Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le moyen age. Leide, 1881. T. II; Seippel A. Rerum normannicarum fontes arabici e libris quum typis expressis tum manu scriptis collegit et sumptibus Universitatis

востоке мусульманского мира наряду с «ал-маджус» использовали термин «ар-рус»⁷⁸².

Для нас большое значение имеет мнение, высказанное шведским ориенталистом А. Мельвингером о том, что термин «ал-маджус» в подавляющем числе случаев использовался для обозначения викингов, в то время, как термин «ал-урдуманийа», т.е. «норманны» упоминается лишь однажды в сочинении Ибн Хаййана (987/988—1076) при описании событий 971 г. «al-Mayus al-Urdumaniyyun»⁷⁸³. Мельвингер отмечает, что в переводе на испанский Е. Гомеса первоначально упоминаются «los Mayus»⁷⁸⁴ и «los Mayus Normandos»⁷⁸⁵, а в дальнейшем только «los Normandos»⁷⁸⁶. На этом основании Мельвингер делает вывод о том, что «los Mayus» в данном случае употребляется как дань давно прошедшему, а сами захватчики пришли непосредственно из Нормандии⁷⁸⁷.

В 960 г. герцог Нормандии Ричард I заключил союз против графа Шартрского Тибо с пришлыми данами. Этих данов после удачного разрешения конфликта в 970 г. Ричард вместе с норманнами с полуострова Котантен отправил в набег на Испанию⁷⁸⁸. Именно смешанным составом викингов-язычников и норманнов-христиан объясняет Мельвингер двойное название «al-Mayus al-Urdumaniyyun», приведённое у Ибн Хаййана⁷⁸⁹. В то же время уже только термин «al-Urdumaniyyun» используется Ибн Изари (вторая половина XIII— начало XIV вв.) при описании захвата Барбасто в 1064 г. войсками

Christianensis. Osloae, 1896. fasc. I; 1928. fasc. II; Семенова Л.А. Русы в «Книге стран» ал-Йа'куби (из истории изучения) // Арабский Восток. Сборник статей / отв. ред. Б.Г. Сейранян, А.О. Филоник. М., 1997. С. 118—134.

⁷⁸² Калинина Т.М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье / отв. ред. Г.В. Глазырина, отв. секретарь С.Л. Никольский, [отв. ред. сер. Е.А. Мельникова]. М., 2001. С. 208.

⁷⁸³ Melvinger A. Al-Madjus... P. 1119.

⁷⁸⁴ Melvinger A. Al-Madjus... P. 1119; *Anales palatinos del Califa de Córdoba al-Hakam II, por 'Isā ibn Ahmad al-Rāzī (360—364 H. = 971—975 J.C.) / traducción de un Ms. árabe de la Real Academia de la Historia por E.G. Gómez. Madrid, 1967. P. 76.*

⁷⁸⁵ Melvinger A. Al-Madjus... P. 1119; *Anales palatinos...* P. 88, 101.

⁷⁸⁶ Melvinger A. Al-Madjus... P. 1119; *Anales palatinos...* P. 116—117.

⁷⁸⁷ Melvinger A. Al-Madjus... P. 1119.

⁷⁸⁸ Dozy R. *Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le moyen age...* P. 286—288.

⁷⁸⁹ Melvinger A. Al-Madjus... P. 1119.

христиан, среди которых был отряд норманнов во главе с Робертом Криспином⁷⁹⁰.

Таким образом, арабоязычные авторы Испании и Магриба хорошо понимали разницу между скандинавами-викингами «ал-маджусами» и норманнами из Нормандии «ал-урдуманийа», которые начинают совершать походы в этот регион во второй половине X в. В то же время на востоке мусульманского мира, в Малой Азии, норманны стали известны арабоязычным авторам под именем «франков» («ал-ифрандж», «фирандж»)⁷⁹¹, также как скандинавы чаще именовались «ар-рус». Подобное разделение присутствует в XIV в., когда норманны уже сошли с исторической сцены, и нашло отражение в сочинении Ибн ал-Хатиба (1313—1374), который повествует о нападении викингов на Севилью в 844 г.: «... а маджусы — это те, которых сегодня христиане Кастилии называют инклиш (англы), а народ Машрика — фиранджами (франками) и инклисирами (англичанами)»⁷⁹².

Термин «ал-ифрандж» попадает в арабский мир через Византию и служит для обозначения народов, обитающих на территории континентальной Европы и Британских островов, что во многом было обусловлено большой популярностью среди арабоязычных авторов географического сочинения Птолемея в переводе ал-Хорезми (780—850)⁷⁹³. Необходимо отметить, что в Испании термин «ал-ифрандж» не получил такого распространения, как на востоке мусульманского мира, и гораздо чаще употреблялся термин «Rum»⁷⁹⁴.

С XI в. термин «ал-ифрандж» приобретает в арабо-исламской историографии совершенно иной смысл и значение вследствие нарастания западно-христианской экспансии на мусульманские земли. Вследствие возросшей интенсивности контактов знания о «франках» из области науки

⁷⁹⁰ Melvinger A. Al-Madjus... P. 1119; Dozy R. Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le moyen age... P. 348—353.

⁷⁹¹ Lewis B. Ifrandj // The Encyclopedia of Islam. New edition. Prepared by a number of leading orientalists / ed. by B. Lewis, V.L. Ménqge, Ch. Pellat, [J. Shhacht]. Leiden, 1986. Vol. III. P. 1044—1046.

⁷⁹² Цит. по: Калинина Т.М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г.... С. 198.

⁷⁹³ Lewis B. Ifrandj / B. Lewis, J.F.P. Hopkins... P. 1044.

⁷⁹⁴ Ibid. P. 1046.

переходят в область практических интересов, затрагивающих насущные проблемы политики, войны, торговли и дипломатии⁷⁹⁵. В этой связи географический термин «ал-ифрандж» становится синонимом «латинско-христианского экспансионизма», этнонимом для обозначения народов, сообществ и правителей Западной Европы⁷⁹⁶. А поскольку норманны являлись авангардом латинского христианства в Испании, Южной Италии, Сицилии и Малой Азии, то вполне естественно было в рамках мусульманской традиции именовать их «ал-ифрандж»⁷⁹⁷.

При описании похода Алп Арслана на Византию под 1068 г. в «Зубдат ат-таварих» говорится о неких «франках» (ал-фарандж) в «округе Шаки»⁷⁹⁸. По мнению Садр ад-Дина, «самыми храбрыми из воинов ар-Рума были франки (ал-фарандж) и пешие воины из Шаки»⁷⁹⁹. Вслед за этим он сообщает, что в ставку султана прибыли «повелитель франков (малик ал-фарандж) и [владелец] Шаки Акситан с некоторым числом всадников»⁸⁰⁰. Переводчик и комментатор «Зубдат ат-таварих» З.М. Бунятов полагает, что в данном случае речь идёт о варягах, которые находились на службе у Баграта IV⁸⁰¹.

С другой стороны, приведённые отрывки из «Зубдат ат-таварих» позволяют заключить, что, в противоположность пехотинцам из Шаки, «франки» представляли собой конный отряд. Косвенным подтверждением этого предположения может быть упоминание о франках, которое относится к более позднему периоду. Противник крестоносцев Менгю-Барс заслужил у Садр ад-Дина лестную характеристику как «знаток построения войск и способов ведения войны»⁸⁰². В числе его достоинств хронист называет то, что «если он был в армии или в [отдельном] конном отряде, ни один из франков

⁷⁹⁵ Ibid. P. 1045.

⁷⁹⁶ König D.G. Arabic-Islamic Views of the Latin West: Tracing the Emergence of Medieval Europe. Oxford, 2015. P. 229.

⁷⁹⁷ Ibid.

⁷⁹⁸ Ахбар ад-Даулат ас-седжукийя... С. 54. З.М. Бунятов указывает, что «Шаки» это «совр. Шеки в Азербайджанской ССР» (Там же. С. 192).

⁷⁹⁹ Там же. С. 54.

⁸⁰⁰ Там же. С. 55. З.М. Бунятов идентифицирует правителя Шаки, как «Агсартана (Ахсартана), II сына Гагика — царя Кахетии (1058—1084)» (Там же. С. 192).

⁸⁰¹ Там же. С. 192.

⁸⁰² Там же. С. 120.

(ал-фарандж) не мог противостоять ему из-за его мужества и силы»⁸⁰³. В данном случае Садр ад-Дин имеет ввиду крестоносцев и косвенно указывает на противостояние «франкской» коннице.

Арабоязычные авторы упоминают франков при описании Манцикертского сражения. В переводе З.М. Бунятова Садр ад-Дин упоминает франков среди «головорезов ар-Рума»: «армян, персов, печенегов, гузов и франков — народов, один вид которых устрашал взоры, а христиане видели в них возвышение своих основ»⁸⁰⁴. В.Р. Розен переводит этот отрывок следующим образом: «И вывели греки против султана лучшие свои силы, а земля (их) выпустила из своих недр несметное количество всего необходимого и собралось к этому царю разной сволочи из греков и армян и персов и баджнаков и гузов и фиренджов»⁸⁰⁵.

Имад ад-дин, ал-Бундари и Ибн ал-Асир при перечислении племён, которые были в составе византийской армии при Манцикерте, упоминают «русов» и «франков»⁸⁰⁶. Имад ад-дин сообщает, что Роман Диоген выслал в Ахлат (Хелат) «военачальников из русов с 20000 всадников; при них находился также крепчайший их глава и главнейший их крест»⁸⁰⁷. Каэн считает, что в данном отрывке у Имад ад-дина речь идёт о «закованных в броню» «русах», упоминание о которых обыгрывается арабским автором в значении «голова» и

⁸⁰³ Там же. С. 119.

⁸⁰⁴ Там же. С. 57.

⁸⁰⁵ Розен В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. III. / Садр-эд-Дин ал-Хусейни ; пер. бар. В.Р. Розен // Записки Восточного отделения русского археологического общества / под ред. бар. В.Р. Розена. 1887. Т. I. Вып. IV. Р. 248. В турецком переводе А. Севима и Ф. Сюмера данный отрывок выглядит иначе: «Bizans İmparatoru, Rum, Ermeni, Rus, Peçenec, Guz ve Frenç» (Цит по: Sümer F., Sevim A. *İslam kaynaklarına göre malazgirt savaşı (metinler ve çevirileri)*. Ankara, 1988. S. 7). Получается, что в тексте, который использовали А. Севим и Ф. Сюмер, вместо «персов» упоминаются «русы». В известных нам публикациях текста лондонской рукописи «Ахбар ад-Даулат ас-седжукийя», за исключением упомянутых турецких авторов, термин «русы» не упоминается (Ахбар ад-Даулат ас-седжукийя... С. 76/л. 276 (араб. текст); Розен В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. III. / Садр-эд-Дин ал-Хусейни... С. 245).

⁸⁰⁶ Sümer F., Sevim A. *İslam kaynaklarına göre malazgirt savaşı...* S. 19, 24; Розен В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. I. / Ибн-ал-Атир; пер. бар. В.Р. Розен // Записки Восточного отделения русского археологического общества / под ред. бар. В.Р. Розена. 1886. Т. I. Вып. I. С. 20; Его же. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. II. / Имад-эд-дин Исфаханский; пер. бар. В.Р. Розен // Записки Восточного отделения русского археологического общества / под ред. бар. В.Р. Розена. 1886. Т. I. Вып. III. С. 198.

⁸⁰⁷ Розен В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. II. / Имад-эд-дин Исфаханский... С. 198. По мнению В.Р. Розена, перевод последних двух фраз не точен и речь идёт о «присутствие в русском отряде какой-нибудь особенно чтимой святыни» (Там же).

собственно название народа⁸⁰⁸. В сообщении Ибн ал-Асира присутствует упоминание «начальника русов», который во главе нескольких тысяч «греков» ведёт бой под Ахлатом с турками-сельджуками⁸⁰⁹. В обоих случаях предводитель «русов» терпит поражение и попадает в плен, после чего султан приказывает отрезать ему нос⁸¹⁰.

В.Г. Васильевский сравнил сообщения Ибн ал-Асира и непосредственного очевидца событий Михаила Атталиата, который нигде прямо не говорит об участии «русов» в битве при Ахлате или Манцикерте, но зато упоминает «франков» во главе с Русселем де Баллионом, отправленного Романом Диогеном к Ахлату⁸¹¹. На этом основании он пришёл к выводу о том, что арабские авторы могли ошибочно смешать «русов» и «Руссея», имя которого неоднократно упоминается в византийских источниках⁸¹². В.Г. Васильевский справедливо признаёт «шаткость» своей гипотезы, которая базируется только на сведениях норманнского хрониста Амато и противоречит данным византийских авторов, свидетельствующих о том, что Руссель во время этой кампании избежал плена⁸¹³.

Вместе с тем, выдвинутое В.Г. Васильевским предположение не кажется таким абсурдным, если допустить возможность знакомства арабских авторов с событиями, изложенными в византийских источниках. В тексте Михаила Атталиата после сообщения об отправке отряда «франков» во главе с Русселем в Ахлат⁸¹⁴ говорится об одном происшествии. Некий воин украл осла и предстал перед императором. Роман Диоген отказался решить дело денежным штрафом и приказал отрезать нос преступнику. Приговорённый молил о пощаде, предлагал выплатить любой штраф и обращался к заступничеству особо почитаемой иконы Богоматери Влахернской, которая обычно

⁸⁰⁸ Cahen C. La campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes // Byzantion. 1934. Т. 9. Р. 629—630.

⁸⁰⁹ Розен В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. I. / Ибн-ал-Атир... С. 20.

⁸¹⁰ Там же.

⁸¹¹ Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина... С. 338.

⁸¹² Там же.

⁸¹³ Там же. С. 339.

⁸¹⁴ Attaliota Michael. P. 148—149.

сопровождала византийских императоров в походы и служила им в качестве непобедимого оружия. Но даже это не поколебало решимости императора и приговор был приведён в исполнение. Данное событие произвело очень тягостное впечатление на Атталиата, а возможно, и на других воинов византийской армии и убедило в неминуемости Божьей кары⁸¹⁵.

Данный рассказ имеет некоторые черты сходства с сюжетами, приведёнными у арабских авторов. Возможно, что события, изложенные у очевидца и историка Михаила Атталиата, стали частью устной традиции, в которой слились события под Ахлатом, некий «военачальник русов», сюжет жестокой казни с участием почитаемой святыни накануне сражения.

В «Данышменднаме» представлена целая галерея образов «франков», союзников византийцев и врагов мусульман⁸¹⁶. Каждый из них является отражением определённой эпохи, а также имеет свои общие и особенные черты. По мнению И. Меликофф, собирательным образом для обозначения норманнских наёмников в Малой Азии перед Первым крестовым походом в турецком эпосе послужил Турсувар франк⁸¹⁷. В соответствии с «Данышменднаме», этот «разбойник» обитал в некой долине, возглавлял «банду из четырёхсот воров» в которую входили «греки», а также «франки», и грабил мусульман⁸¹⁸.

Данный образ вполне согласуется с арабоязычной исторической традицией. Ибн ал-Асир сообщает о некоем «афранжи», который владел крепостью в окрестностях Харпута со времён Филарета Варажнуни (1071—1085). Этот франк разбойничал на дорогах и нес смерть и гибель мусульманам. Туркменский вождь Чубук прислал ему подарки и предложил союз. Франк ответил согласием и некоторое время они действовали заодно. После того, как между ними установились доверительные отношения, Чубук

⁸¹⁵ Attaliota Michael. P. 152—153.

⁸¹⁶ Гарбузова В.С. Сказание о Мелике Данышменде. М., 1959; Mélikoff I. La geste de Melik Dānişmend. Étude critique du Dānişmendnāme. P., 1960. Vol. II.

⁸¹⁷ Mélikoff I. La geste... P. 135.

⁸¹⁸ Ibid. P. 371.

пригласил франка принять участие в очередной совместной вылазке. Когда франк и его люди прибыли к Чубуку, он связал франка и отправился с ним к крепости. Чубук предложил христианам в крепости открыть ворота добровольно и пригрозил в обратном случае убить всех. Христиане сдали крепость Чубуку, который приказал содрать кожу с франка, захватил его богатства и оружие. По мнению Ибн ал-Асира, благодаря этой победе Чубук получил большое влияние в регионе и укрепил положение своей династии в Харпуге⁸¹⁹.

В.С. Гарбузова отмечает, что в тексте «Данышменднаме» отсутствует описание внешности врагов мусульман, но отмечается, что «неверные были тяжёлым войском», а это, по-мнению Гарбузовой, означает, что «воинов Данышменда, имевших лёгкое и подвижное вооружение, поражала тяжёлая броня европейских воинов»⁸²⁰. «Кроме того, по-видимому, сразу бросалось в глаза изображение креста на броне и вооружении — обычай, как известно, распространённый среди европейского рыцарства»⁸²¹.

И. Меликова считает, что большое влияние на турецкий эпос оказали события, последовавшие за сражением при Манцикерте: мятеж Русселя де Баллиоля в Армениаке; поход на Константинополь и провозглашение императором кесаря Иоанна Дуки; привлечение Михаилом VII Артука ибн Эксеба для подавления мятежа; освобождение Русселя и его возвращение в Армениак. Руссель де Баллиоль стал одним из прообразов главного врага Данышменда правителя Амасии Шаттата⁸²².

В мусульманской исторической традиции норманны в Малой Азии перед Первым крестовым походом обозначаются термином «франк» и предстают христианами, союзниками византийцев и армян, тяжеловооружёнными всадниками. Как и Амато, мусульманские авторы не воспринимают

⁸¹⁹ Ibn al-Athir. Extrait de la chronique intitulee Kamel-Altevarykh... P. 244—245.

⁸²⁰ Гарбузова В.С. Сказание... С. 119.

⁸²¹ Там же. С. 120.

⁸²² Mélikoff Irène. La geste... P. 137.

норманнских предводителей в Малой Азии в качестве борцов за веру, а только как разбойников и грабителей.

Глава 3. НОРМАННЫ В МАЛОЙ АЗИИ В ЭПОХУ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

3.1. УЧАСТИЕ НОРМАННОВ В ПЕРВОМ КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ ГЛАЗАМИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛАТИНСКИХ АВТОРОВ И ВИЗАНТИЙСКИХ ХРОНИСТОВ

Латинские авторы не были едины в освещении участия норманнов в Первом крестовом походе. Для значительной части латинских хроник Первого крестового похода характерна норманнская направленность. Помимо Анонима, Рауля Канского и других норманнских авторов отголоски норманнских идей можно встретить в сочинениях авторов не норманнов: Петра Тудебода, Гвиберта Ножанского, Бодри Дольского. Причиной подобного влияния некоторые исследователи считают активную пропагандистскую деятельность Бозмунда, который повсюду раздавал сочинения Анонима во время своего пребывания в Западной Европе после возвращения с Востока⁸²³.

В то же время ряд латинских авторов придерживались иного взгляда на участие норманнов в Первом крестовом походе и находились под влиянием других предводителей крестоносцев. Среди этих авторов необходимо упомянуть прежде всего Раймунда Ажильского, Фульхерия Шартрского, Альберта Ахенского и других. Византийская точка зрения на участие норманнов в Первом крестовом походе отражена в сочинении Анны Комнины.

Даже в среде норманнских авторов отсутствует единодушное отношение к кампаниям норманнских предводителей на Востоке. Анонимный автор

⁸²³ Nicholas L.P. A Warlord's Wisdom: Literacy and Propaganda at the Time of the First Crusade // *Speculum*. 2010. Vol. 85. № 3. P. 534—566.

хроники «Деяния франков и других иерусалимцев»⁸²⁴, которая представляет собой записи рыцаря-крестоносца, вероятно, итало-норманнского происхождения, который в начале крестового похода служил Боэмунду, а затем перешёл на службу к Раймонду Сен-Жильскому.

Именно книгу южно-италийского рыцаря Ордерики Виталия использовал в качестве основного источника для написания четвёртой книги «Церковной истории». Также это сочинение послужило основой для создания хроник ряда других западноевропейских авторов XII—XIII вв.: «История Иерусалимского похода» священника Сервейского Петра Тудебода, «Деяния Бога через франков» Гвиберта Ножанского, «Иерусалимская история» Бодри Дольского и многих других⁸²⁵. При этом высокообразованный хронист и знаток латыни архиепископ Бодри Дольский отмечал, что «неотёсанный» полуграмотный норманнский рыцарь выпустил в свет «чересчур мужицкую книжонку», которую он исправил и дополнил по своему усмотрению⁸²⁶.

Несмотря на недостатки стиля анонимного автора и «мужицкую» латынь, «Деяния франков» являются самым правдоподобным и реалистичным отчётом о Первом крестовом походе: географически точное описание местности и населённых пунктов, сражения крестоносцев с мусульманами, осады городов, финансовые затраты⁸²⁷.

Другим норманнским автором был Рауль Канский, оставивший после себя произведение, воспевающее подвиги соратника Боэмунда Танкреда «Свершения князя Танкреда в походе на Иерусалим»⁸²⁸. Рауль родился около 1080 г. в нормандском городке Кан и в крестовый поход отправился совсем юным. Первоначально он служил у капеллана герцога Нормандии, наставника

⁸²⁴ Histoire anonyme de la premiere croisade, texte etabli et traduit par L. Brehier. P., 1924.

⁸²⁵ Jamison E. Some notes on the Anonymi Gesta Francorum with special reference to the norman contingent from South Italy and Sicily in the First Crusade // Studies in french language and medieval literature. Manchester, 1939. P. 183—184.

⁸²⁶ Цит по: Заборов М.А. Введение в историографию крестовых походов. С. 63—64.

⁸²⁷ Там же. С. 90—100.

⁸²⁸ Radulfus Cadomensis. Gesta Tancredi principis in expedicione Hierosolyminata // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. P., 1854. T. 155. P. 189—590; The Gesta Tancredi of Ralph of Caen: A History of the Normans on the First Crusade / ed. and trans. Bernard S. Bachrach, and David S. Bachrach. Aldershot, 2005.

дочери Вильгельма Завоевателя Цецилии Арнульфа, который после Первого крестового похода стал епископом, а затем занял пост патриарха Иерусалимского. Именно к нему, как к «корректору» своего сочинения, обращается Рауль в «Деяниях Такреда». Очевидно, что тесные отношения, которые возникли до 1096 г., сохранились между двумя людьми до смерти Иерусалимского патриарха в 1118 г.⁸²⁹

Благодаря своим высоким связям при англо-норманнском дворе, Рауль в 1107 г. присоединился к походу на Балканы Боэмунда против Византии в качестве капеллана. Но если Рауль мечтал о карьере историка при дворе Антиохийского князя, то этим мечтам не суждено было сбыться. Сложное положение христиан на Востоке заставило его оставить научные занятия и обратиться к изучению военных дисциплин. В последующем он продолжил службу под знамёнами норманнского правителя Антиохии Танкреда⁸³⁰.

К написанию хроники Рауль, приступил после смерти Танкреда. В отличие от Анонима Рауль получил классическое образование: знал Библию, читал Овидия, Вергилия и Горация, был знаком с историческими трудами Тита Ливия, Юлия Цезаря, Саллюстия и других⁸³¹. Рауль и сам являлся поэтом, и поэтому целые главы его хроники написаны стихами. Издатели и переводчики «Деяний Танкреда» считают, что таким образом Рауль сигнализировал читателю, когда речь шла о малоизвестных ему деяниях крестоносцев не норманнов, прибегал к поэзии, но когда оперировал информацией, полученной от Танкреда и его офицеров, он переходил на прозу⁸³².

«Деяния Танкреда» являются важным, но в значительной степени недооцененным историческим источником по истории Первого крестового похода и образования Антиохийского княжества в период с 1096 по 1105 гг.

⁸²⁹ The Gesta Tancredi of Ralph of Caen : A History of the Normans on the First Crusade / ed. and trans. Bernard S. Bachrach, and David S. Bachrach. P. 1—4.

⁸³⁰ Ibid.

⁸³¹ Ibid. P. 4—5.

⁸³² Ibid. P. 7.

Это также уникальный источник для изучения норманнской кампании в Киликии с 1097 по 1108 гг.

Оба автора, в отличие от всех прочих хронистов-клириков, являются светскими людьми, принадлежащими к рыцарскому сословию. Вероятно, что этим и объясняется светский характер их повествований. М.А. Заборов во «Введении в историографию крестовых походов»⁸³³ отмечал, что хрониках «авторов-рыцарей» Анонима и Рауля Канского присутствует «в меньшей степени элемент чудесного»⁸³⁴. Обоих авторов отличает трезвый и реалистичный взгляд на вещи, как, например, при описании необычайных небесных явлений, которые воспринимаются и описываются без излишнего восторга⁸³⁵.

В хрониках Анонима и Рауля Канского преобладает реалистический подход к изложению фактического материала. Однако, по мнению исследователей, Рауль проигрывает Анониму в точности и достоверности описания сражений Первого крестового похода. Этот факт объясняется тем, что Рауль не был непосредственным участником событий и преимущественно излагал точку зрения Боэмунда и Танкреда, которые едва ли помнили каждое сражение с турками-сельджуками, в котором принимали участие, за исключением отдельных деталей⁸³⁶.

Для произведений Анонима и Рауля Канского характерна антивизантийская направленность. Если у Рауля Канского антивизантийская риторика и пронорманнская ориентация остаются неизменными в течение всего повествования, то Аноним изменяет им после взятия Антиохии. Американский исследователь Э. Альбу объясняет эту метаморфозу некой трансформацией, которая начинается с момента обретения чуда святого копья, найденного в Антиохии провансальцами⁸³⁷. Это происшествие придавало легитимность

⁸³³ Заборов М.А. Введение в историографию крестовых походов. Латинская хронография XII—XIII вв. М., 1966.

⁸³⁴ Там же. С. 76.

⁸³⁵ Там же. С. 80.

⁸³⁶ Там же. С. 105—106.

⁸³⁷ Albu E. Probing the passions of a Norman on Crusade. P. 9.

притязаниям Раймунда Сен-Жильского на владение Антиохией. Поэтому Боэмунд и Танкред заняли резко отрицательную позицию по отношению к произошедшему «чуду». По этой причине Рауль Канский, со слов норманнских предводителей, всячески высмеивает и изобличает обман⁸³⁸.

Умолчание Анонима об этом инциденте Альбю расценивает как растущее неприятие хронистом позиции Боэмунда, который не желал следовать общим интересам Первого крестового похода⁸³⁹. С этого момента Аноним начинает относиться к Боэмунду с иронией и никогда больше не называет его «dominus». Он переходит на службу к Раймунду Сен-Жильскому и начинает именовать его «vir venerabilis». Для Рауля Канского провансальцы остаются «немного женоподобными» и олицетворяют собой полную противоположность норманнам в «обычаях, характере, культуре и кухне»⁸⁴⁰.

Кардинально меняется отношение Анонима к византийскому императору Алексею Комнину. Если изначально это отношение было крайне враждебным, то после захвата Антиохии и перехода к Раймунду византийский император никогда более не именуется Анонимом как «iniquissimus» и «infelix». По мнению Альбю, подобную трансформацию пережил другой автор из Южной Италии — Вильгельм Апулийский при описании «Деяний Роберта Гвискара», где по ходу повествования бравурный тон первых двух книг сменяется неодобрением похода норманнского предводителя на Византию. Это сопоставление даёт основание утверждать, что Аноним и Вильгельм Апулийский принадлежали к той группе италийских норманнов, которые критически относились к амбициозной политике Роберта Гвискара и Боэмунда⁸⁴¹.

Редкое для хронистов Первого крестового похода благодушие демонстрирует автор «Деяний франков» по отношению к туркам-сельджукам. Например, сельджукский военачальник Кербога обращается к одному из своих

⁸³⁸ Ibid. P. 10.

⁸³⁹ Ibid.

⁸⁴⁰ Ibid. P. 11—12.

⁸⁴¹ Ibid. P. 13.

эмиров как к «честному, благородному и миролюбивому», «вернейшему», а следовательно, под Антиохией только норманнский предводитель может быть клятвопреступником, предателем интересов своего народа, в то время как сельджукский предводитель остаётся честным и верным⁸⁴². Таким образом, Аноним на основе пережитого опыта произвёл переоценку ценностей, в соответствие с которой он сменил норманнского господина на провансальского и стал более лояльно относиться к византийскому императору, восточным христианам и мусульманам⁸⁴³.

Альбю считает, что «Деяния франков» отрицают “Normannitas”, т.к. написаны не по заказу норманнских правителей и не для норманнской аудитории. Аноним находится в оппозиции к амбициям предводителей норманнов. Но отрицание “Normannitas” делает «Деяния франков» «норманнской историей» и связывает с общей норманнской исторической традицией, которую представляет Ордерик Виталий⁸⁴⁴.

Выводы, сделанные Альбю, позволяют сделать предположение о том, что Аноним был родом из Апулии и, возможно, являлся лангобардом по происхождению. На это косвенно указывает отсутствие всякого намёка на высокомерие в «Деяниях франков», в отличие от Рауля Канского, который изображает лангобардов как менее воинственных и подневольных людей.

С другой стороны, Аноним упоминает лангобардов как верных помощников Боэмунда, которые проявили себя при осаде Антиохии. Так, в эпизоде захвата Антиохии, когда Боэмунд не решался подняться на башню, пока «некий слуга лангобард спустился вниз и поспешил как можно быстрее к Боэмунду, сказал: «Чего ждёшь, достопочтенный муж? По какой причине медлишь? В наших руках уже три башни»»⁸⁴⁵. Таким образом, у Анонима

⁸⁴² Ibid.

⁸⁴³ Ibid. P. 14.

⁸⁴⁴ Albu E. The Normans in their Histories: Propaganda, Myth and Subversion. P. 179.

⁸⁴⁵ Anonymi Gesta Francorum, VI, 20, P. 106. “... quidam serviens Langobardus deorsum et cucurrit quantocius ad Boamundum, dicens: “Quid hic stas, vir prudens? Quamobrem huc venisti? Ecce nos jam tres turres habemus!” Motus est ille cum aliis et omnes gaudentes pervenerunt ad scalam”.

лангобарды выступают наравне с норманнами и даже превосходят их в храбрости и решительности.

Рауль свысока говорит о лангобардах, которые отправились в крестовый поход из Южной Италии. «Сначала, конечно, Нормандия предоставила ему (Бозмунду — *В.П.*) рыцарей, а Лангобардия пешее войско: норманны, которые побеждают, лангобарды, которые количеством поддерживают и увлекаются в войну. Из этого народа один воюющий, другой идёт прислуживать. Впрочем, и оба были воинственными, хотя они составляли только две группы, и крайне немногочисленные».⁸⁴⁶ Для Рауля Танкред был вскормлен в Калабрии, но остаётся норманном по происхождению⁸⁴⁷.

Танкред и Бозмунд принадлежат к правящему в Южной Италии роду Гвискардидов. В Первом крестовом походе участвовали многие представители этого рода. Так, Рауль сообщает, что «к Гвискардидам присоединились братья Танкреда Вильгельм и Роберт, подобные отвагой финикийским львам, имеющие с Бозмундом общее происхождение и одинаковое рвение к войне»⁸⁴⁸.

В 1097 г. от армии крестоносцев, продвигавшейся через Малую Азию, отделилась часть во главе с Робертом Нормандским, Бозмундом и Танкредом. По мнению Рауля Канского, норманнские предводители составили авангард войска крестоносцев: «как единоплеменники, с единой мыслью о том, чтобы распространить славу единой своей родины» Нормандии⁸⁴⁹.

Неподалёку от города Дорилеи норманнский отряд был атакован объединёнными силами сельджукского султана Кылыч-Арслана I и эмира Гази ибн Данышменда. Рауль Канский даёт более сложное и подробное описание битвы при Дорилее, в котором приводится как традиционное для латинских авторов описание тактики сельджуков, так и отличное от всех остальных. В одном месте он говорит, как отряд конных тюркских «стрелков» обошёл отряд тяжеловооружённых всадников и напал на многочисленную, но плохо

⁸⁴⁶ Gesta Tancredi. P. 499.

⁸⁴⁷ Ibid. P. 498.

⁸⁴⁸ Ibid. P. 499.

⁸⁴⁹ Ibid. P. 508.

вооружённую толпу крестоносцев, которых сначала обстреляли из луков, а затем стали истреблять мечами. Норманнский автор считает, что сельджуки воспринимали происходящее не как битву с врагами, а как наказание «осуждённых за тяжкие преступления»⁸⁵⁰.

Поэтому они отложили луки и «отважно» схватились за мечи, в то время как норманны «потрясали копьями». Рауль говорит, что в этом противостоянии «наконечники копий оказали огромную услугу» норманнам, в то время как меч показался Раулю менее эффективным оружием. «Что против этого меч? Я считаю, что мечом можно убить ближнего и пощадить дальнего, проткнуть в ближнем бою и угрожать издалека. Если в нескольких словах сказать о его свойствах, то длина меча определяет его возможности. На расстоянии обнажённым мечом можно только угрожать, но поразить невозможно»⁸⁵¹.

Очень символично Рауль представляет военное противостояние норманнов и турок-сельджуков как противостояние лука и копья. Он описывает, как отряд Танкреда попал в засаду, устроенную тюрками под Артахом. У последних было преимущество во внезапности, в знании местности, а также в количестве. По словам Рауля, на каждое латинское копьё приходилось по десять тюркских луков. «При первом столкновении копьё действовало энергично, пробивало и выбивало. Но вскоре от подобной нагрузки утомилось настолько, что было не способно пробивать как щиты, так и броню на груди и животе. И потому, что у одной лошади ослабла подпруга седла, у другого был срезан наконечник копья, или турок мечом разрубил копьё пополам, то можно было подумать, что этот потрясающий дротиком человек — скорее, вооружённый дубинкой пехотинец, а не рыцарь с копьём. В то же время более скромный лук наносит гораздо большее количество ран. Лук стреляет всегда и часто становится причиной ранений. Лучника почти невозможно достать, и он начинает страдать от ран в самый последний момент сражения. Лук полезен как с близкого расстояния, так и с дальнего, при наступлении и

⁸⁵⁰ Ibid. P. 510.

⁸⁵¹ Ibid. P. 511.

при отходе. Даже когда с помощью лука нельзя добиться желаемого успеха, он редко становится причиной разочарования»⁸⁵².

Рауль сообщает ценные подробности о гибели правителя Антиохии Яги Сияна, которого он именует «*princeps Cassianus*»⁸⁵³. Во время бегства из Антиохии Яги Сиян получил тяжёлые ранения: «мечём в голову, в спину копьём, дротиком в ногу»⁸⁵⁴. Ему удалось добраться до окрестностей городка Рубеи, где силы его оставили. Он решил сойти с коня, спрятаться в тени, в надежде, что случайный путник поможет ему. В этих обстоятельствах Рауль сравнивает Яги Сияна с «зайчонком, который вырвался из пасти щенков и скрылся в терновнике». С сочувствием к судьбе сельджукского правителя, Рауль восклицает: «О мирская слава! Кто несчастней его? Ещё вчера он был правителем Антиохии, господином Сирии и Финикии, ужасом Ассирии, самым могущественным из царей Востока, уступавший одному султану, который правил Персидским царством»⁸⁵⁵.

В то же время косвенно он осуждает убийство Яги Сияна «деревенщиной» (*rustica*), который совершил его не из высших убеждений «как друг Христа» ради «бессмертной славы», но из низменных побуждений, желая завладеть царственными одеждами, конём и заслужить благодарность новых завоевателей. Очевидно, что Роудульф не видит ничего достойного похвалы в убийстве «измождённого, обескровленного, полумёртвого, одинокого, безоружного» Яги Сияна⁸⁵⁶.

Рауль Канский отмечает особое отношение к норманнам со стороны как христианского, так и мусульманского населения Малой Азии и Северной Сирии. Он говорит, что некий принявший мусульманство армянин, которому была поручена охрана башни двух сестёр в Антиохии, когда отважился передать город крестоносцам, то прямо отправился к Боэмунду, т.к. «народ

⁸⁵² Ibid. P. 525.

⁸⁵³ Ibid. P. 539.

⁸⁵⁴ Ibid.

⁸⁵⁵ Ibid.

⁸⁵⁶ Ibid.

Востока среди прочих почитал его князем над князьями. С тех пор, когда вместе с Гвискарсом он подчинял Грецию, слава Боэмунда, добытая во многих сражениях с греками, страшила народ. Вследствие этого он стал известен в Азии, а сейчас считается господином всего здесь»⁸⁵⁷.

Одним из самых оригинальных англо-норманнских историков был монах монастыря Святого Эвруля Ордерик Виталий. Как он сам о себе рассказывает, он родился в 1075 г. в Англии в селении Эттингем, расположенном на границе Уэльса и Мерсии⁸⁵⁸. Когда Ордерик исполнилось одиннадцать лет, его отправили в Нормандию. Он очень тяжело переживал своё «изгнание», утрату «родных и близких», потерю «друзей и знакомых»⁸⁵⁹. Когда «изгнанник прибыл в Нормандию, где был для всех чужой и никого не знал. И слыша чужой язык, словно Иосиф в Египте, нисколько не понимал»⁸⁶⁰. Однако «по Божьей милости» он встретил среди «чужаков» милостивый и дружеский приём. Он стал монахом монастыря Святого Эвруля и получил новое имя «Виталий», т.к. его англосаксонское имя «показалось норманнам неблагозвучным»⁸⁶¹. В монастыре Святого Эвруля Ордерик жил «любимый и почитаемый» братьями, служил Богу сначала в чине субдьякона, затем дьякона и, наконец, священника. В этом монастыре Ордерик и встретил свой конец вскоре после 1143 г. на шестьдесят восьмом году жизни⁸⁶².

В прологе к «Церковной истории» Ордерик говорит, что заниматься созданием этого многотомного труда его побуждали аббаты монастыря Святого Эвруля⁸⁶³. Сначала его побуждал взяться за работу Рожер де Саппо, который возглавлял монастырь с 1096 по 1123 гг., а вслед за ним Гварин де Эссартис, стоявший во главе обители с 1123 по 1137 гг.

⁸⁵⁷ Gesta Tancredi. P. 536.

⁸⁵⁸ Orderici Vitalis. P. 10.

⁸⁵⁹ Ibid. P. 11—12.

⁸⁶⁰ Ibid. P. 13—14.

⁸⁶¹ Ibid.

⁸⁶² Ibid. P. 11—12.

⁸⁶³ Ibid. P. 16.

В начале третьей книги Ордерик формулирует цели и задачи своей работы. Главную цель своего труда он видит в прославлении Бога, а задачу в написании истории церкви в жизнеописаниях наиболее выдающихся её деятелей, которых он называет святыми и «друзьями Христа»⁸⁶⁴. Эти святые уже давно пребывают на небесах среди ангелов за то, что они «последовали по следам Спасителя по тяжёлой дороге доблести, и оставили пример спасения для нас»⁸⁶⁵. Ордерик говорит, что «с радостью поведает о некоторых из этих друзьях Христа по повелению моих начальников, ибо размышлять или говорить о них занятие очень хорошее и полезное для души, и наилучшее лекарство от душевных треволнений»⁸⁶⁶. Вслед за этим он говорит: «А теперь ещё мои начальники возложили на меня другой труд, поставили передо мной задачу описать деяния норманнов, поскольку они, сами из Дании происходившие, больше стремились овладеть оружием, чем грамотой и вплоть до времени Вильгельма Незаконорожденного, больше предпочитали воевать, чем читать и писать книги»⁸⁶⁷.

Как видно из высказываний самого Ордерика, ему как монаху гораздо ближе и интереснее заниматься жизнеописаниями святых, чем описывать деяния воинственных, но неграмотных норманнов. Ордерик задумывает свой труд именно как «Церковную историю», и только обет послушания заставляет его обратиться к истории норманнов, разговор о делах которых вряд ли можно было бы назвать хорошим и полезным для души занятием. Одним словом, Ордерика как монаха больше интересовали деяния святых, чем воинов.

В начале пятой книги Ордерик рассказывает, что с момента основания монастыря монахи побуждали друг друга взяться за написание подобного труда. Но никто из них не хотел за него приниматься, т.к. каждый из них «больше предпочитал молчать, чем говорить», предаваться созерцательной жизни или заботиться о нуждах монастыря. Всем этим они предпочитали

⁸⁶⁴ Ibid. P. 229.

⁸⁶⁵ Ibid.

⁸⁶⁶ Ibid.

⁸⁶⁷ Ibid. P. 230.

заниматься вместо того, чтобы взяться за перо и самим написать историю своей родины. Только ему, «англичанину, в десятилетнем возрасте привезённому из краёв Мерсии, варвару, чужаку и пришельцу, жившему среди более знающих местных обитателей, по Божьей воле, пришлось описывать деяния норманнов и судьбу Нормандии»⁸⁶⁸.

Итак, у нас есть ещё одно свидетельство самого Ордерика, что он по принуждению и с крайней неохотой взялся за описание деяний норманнов, но уже не только как монах, а как англичанин по происхождению, для которого Нормандия до конца так и не стала родиной.

Норманны, в представлении Ордерика, не являются идеалом. Он считает норманнов «непокорным народом». По его мнению, они являются людьми «великой доблести» только при сильной власти. Во всех остальных случаях они способны на любое коварство⁸⁶⁹. «Если бы норманнское племя следовало бы Божьему закону и было бы заодно с добрым правителем, как халдеи под Навуходоносором, как персы и мидяне под Киром и Дарием, как македонцы под Алесандром, то они были бы непобедимыми, как о об этом свидетельствуют частые победы, одержанные ими в Англии, Апулии и Сирии»⁸⁷⁰.

Это «коварство», по мнению Ордерика, испытали на себе и другие народы. Не случайно он называет их «коварными норманнами, у которых не принято было возвращать власть союзникам. Вместо этого они отбирают её у них и с утончённой жестокостью, лишив достоинства и власти, подчиняют себе тех, кого они должны были освободить и помочь восстановиться им в своих законных правах»⁸⁷¹.

Победы, одержанные над другими народами, Ордерик не приписывает их доблести, а считает следствием того, что: «во всех сообществах они стремятся доминировать и часто становятся врагами правды и законности из-за своих

⁸⁶⁸ Ibid. P. 374.

⁸⁶⁹ Ibid. P. 544.

⁸⁷⁰ Ibid. P. 946.

⁸⁷¹ Ibid. P. 519.

амбиций. Это часто ощущали сопредельные народы: франки и бретонцы, фландрийцы и многие другие. Это послужило причиной того, что в полной мере испытали горечь поражения италийцы и лангобарды, англй и саксы»⁸⁷².

Ордерика очень сильно обескураживает тот факт, что за многие годы со времени основания герцогства норманны так и не перешли к мирным занятиям, т.к. «до сих пор в этом племени процветает природная жестокость и бушует врождённая страсть к войне»⁸⁷³. Он также отмечает, что норманны всегда с охотой отправляются за пределы Нормандии, т.к. постоянно сильно желают посмотреть чужие страны⁸⁷⁴.

Первый крестовый поход оказал такое большое влияние на Ордерика, что он спешит наделить чертами крестоносца тех предводителей норманнов, которым он симпатизирует. Он приписывает Роберту Гвискару намерение не только завоевать Константинополь, но вкладывает в уста лежащего на смертном одре предводителя норманнов следующие слова: «И если так пожелает Бог, то воинам католического духа покорится Господний святой город Иерусалим, занятый турками. Покорятся неверные и раздвинутся границы христианской империи. Это великое дело и рискованное предприятие я обязался довести до конца. Но непостижимая воля Всемогушего правит всем. Давид надеялся построить Божий храм в Иерусалиме, но Господь пожелал, чтобы завершил это дело его сын Соломон с величайшим триумфом. Я заявляю, что моя работа будет закончена в будущем. Плоды моего труда однажды появятся и наша великая доблесть будет воодушевлять наших потомков»⁸⁷⁵.

По этой же причине Ордерик уделяет так много внимания на страницах своей хроники Боэмунду, сыну Роберта Гвискара, которого он предпочитает называть именем, данным ему при крещении — Марком⁸⁷⁶. Ордерик сравнивает

⁸⁷² Ibid. P. 654.

⁸⁷³ Ibid. P. 655.

⁸⁷⁴ Ibid. P. 528.

⁸⁷⁵ Ibid. P. 526.

⁸⁷⁶ Ibid. P. 659.

его с Эпаминондом, «фессалийским рыцарем Ахиллом и франкским Роландом»⁸⁷⁷.

Таким образом, критериями в оценке отдельных предводителей норманнов для Ордерика является их отношение к монахам монастыря Святого Эвруля и их роль в распространении влияния Римско-католической церкви на Востоке.

Ордерик приводит случаи, когда норманны оказывались в Малой Азии задолго до Первого крестового похода. «Храбрый рыцарь» и «опытный боец» Гуго Бунель вместе со своими братьями отправился в Апулию и Сицилию, а затем перешёл на службу к императору Алексею. Впоследствии он был вынужден покинуть «латинский мир и, разуверившись в христианах, стал жить среди почитателей Аллаха. Двадцать лет он изучал их обычаи и язык. Но после того, как его принял герцог Нормандии, он смог сослужить великую службу своим землякам, объясняя им обычаи язычников и их лукавые стратагемы и ловушки, которые те применяли против верных»⁸⁷⁸. Вместе с Гуго Буннелем на помощь христианам, осаждавшим Иерусалим, явился и некий «Косан, благородный и могущественный герой из рода турок». Ордерик сообщает, что «Косан» принял христианство и различными способами помогал взять город⁸⁷⁹.

Альберт Ахенский родился не позднее 1080 г. и, как следует из его имени, жил в окрестностях Ахена в Рейнланде. Автор хорошо знаком с населением, географией этих мест и с большим вниманием относился к тем, кто отправился в крестовый поход из этой области. Он был современником описываемых им событий, но не принимал непосредственное участие в Первом крестовом походе и никогда не был на Востоке. Как и большинство латинских авторов, Альберт был клириком и получил образование в монастыре. Нельзя сказать, кем он являлся по своей языковой принадлежности, т.к. он всё время использует латинский язык, но, учитывая то, что он пользовался устными

⁸⁷⁷ Ibid. P. 527.

⁸⁷⁸ Ibid. P. 704—705.

⁸⁷⁹ Ibid. P. 705.

сообщениями очевидцев, Альберт владел диалектами Северной Франции, Фландрии и Рейнской области⁸⁸⁰.

«Иерусалимская история» представляет собой очень красочное и подробное описание судеб и обстоятельств Первого крестового похода, и охватывает период с 1096 по 1119 гг. Хроника создавалась между 1120 и 1130 гг. Издатель и переводчик С. Эджингтон считает, что Альберт при написании своей работы пользовался в основном устными источниками и не привлекал другие хроники Первого крестового похода. На этом основании произведение Альберта можно признать уникальным и оригинальным сочинением⁸⁸¹.

В отличие от авторов первой половины XII в.: Роберта Монаха, Гвиберта Ножанского, Бодри Дольского, которые рассматривали крестовый поход как исключительно предприятие «франков», Альберт придерживается другой точки зрения. Он сознательно принижает роль папства. Из всех предводителей похода основное внимание Альберт уделит Готфриду Бульонскому и его сторонникам, т.к. тот активно поддерживал германского императора Генриха IX в его борьбе с римскими папами⁸⁸².

В представлении Альберта войско крестоносцев составляли не только «francigeni», «galli», т.е. «франки», но различные народы (gens), среди которых он выделяет лотарингцев (lotaringi), алеманов (alemanni), баварцев (bawarii), выходцев из Фландрии (flandrienses), бургундцев (burgundienses), британцев (britannii), тевтонцев (tevtonici), а также норманнов (nortmanni)⁸⁸³. Альберт называет Боэмунда «правителем Сицилии и Калабрии, норманном по происхождению»⁸⁸⁴.

Он представляет Боэмунда как «мужа высоких устремлений и удивительно изобретательного, а равно в рыцарской доблести и делах войны очень способного, с неисчерпаемыми ресурсами»⁸⁸⁵. Племянника Боэмунда

⁸⁸⁰ Albert of Aachen. *Historia Ierosolimitana*. P. xxiv—xxv.

⁸⁸¹ Ibid. P. xxvii.

⁸⁸² Ibid. P. xxviii.

⁸⁸³ *Historia Ierosolimitana*. III, 1, P. 138.

⁸⁸⁴ *Historia Ierosolimitana*. II, 21, P. 94.

⁸⁸⁵ Ibid.

Танкреда называет «благородным юношей»⁸⁸⁶. Роберт Коротконогий предстаёт у него как «правитель Нормандии, сын короля англов, отважный с оружием в битве и очень богатый»⁸⁸⁷. Данные оценки можно признать крайне лаконичными. В некоторой степени они являются справедливыми, т.к. Альберт не стремится превозносить или очернять норманнов, а говорит о них без всяких предубеждений.

Альберт лишён предубеждений и в отношении византийцев. Он именует Алексея Комнина «христианнейшим императором»⁸⁸⁸, «великолепным и славнейшим»⁸⁸⁹. «Движимый милосердием» император оказывает помощь и поддержку ополчению Петра Отшельника и Вальтера Голяка⁸⁹⁰. Даже в конфликте Готфрида Бульонского и Алексея Комнина автор возлагает вину на обе стороны⁸⁹¹. Благодаря Альберту, становится понятно, что основным источником антивизантийских настроений среди крестоносцев были норманны.

Он сообщает о норманнах, которые находятся на службе у византийского императора. В качестве послов императора к Готфриду Бульонскому приходят Рауль Пельделау и Рожер, сын Дагоберта, которого он представляет людьми «очень красноречивыми, по земле и родству франками»⁸⁹². В данном случае Альберт говорит о двух братьях, которые служили у Роберта Гвискара в Италии: Рауле Волчья шкура и Рожере, а затем перешли на службу к византийцам и стали основателями знатнейших византийских родов⁸⁹³.

Неслучайно в связи с этим посольством Альберт говорит о «тайном» появлении в лагере Готфрида «незнакомцев из земли франков», которые предупреждают герцога опасаться ловушек и отравленных одеяний от императора. А также не верить его обещаниям, избегать личной встречи под любые гарантии с его стороны в Константинополе, оставаясь в безопасности за

⁸⁸⁶ Ibid.

⁸⁸⁷ *Historia Ierosolimitana*. II, 22, P. 96.

⁸⁸⁸ *Historia Ierosolimitana*. I, 15, P. 30.

⁸⁸⁹ *Historia Ierosolimitana*. I, 13, P. 28.

⁸⁹⁰ *Historia Ierosolimitana*. I, 15, P. 30.

⁸⁹¹ *Historia Ierosolimitana*. II, 10—11. P. 76—78.

⁸⁹² *Historia Ierosolimitana*. II, 9, P. 74.

⁸⁹³ Marquis de la Force. *Les conseillers latins d'Alexis Comnen* // *Byzantion*. 1936. Vol. XI. P. 160—163.

стенами города. Автор хроники сообщает, что Готфрид последовал совету незнакомцев, чем немало разгневал императора⁸⁹⁴. Очевидно, что здесь речь идёт о неких норманнах, которые также находились на службе у Алексея Комнина.

В то время, когда Алексей Комнин ласково уговаривал Готфрида явиться к нему лично и разрешить все спорные вопросы, к герцогу Бульонскому явилось ещё одно посольство от «богате́йшего правителя Сицилии и Калабрии» Боэмунда. В свою очередь, он призывал герцога ни в коем случае не заключать мир с императором, но отойти на зимние квартиры на Балканах и ожидать прибытия самого Боэмунда с войском в марте, чтобы совместно напасть на империю⁸⁹⁵. Готфрид размышлял над предложением Боэмунда в течение суток, а после совета со своими людьми он ответил, что покинул свою родину не для того, чтобы нападать на христианские земли, но чтобы во имя Христа держать путь в Иерусалим. Ради этой цели он готов следовать наставлениям императора, если тот явит ему свою милость и добрую волю⁸⁹⁶.

Когда под стенами Константинополя появился Боэмунд во главе своей армии (десять тысяч конных и множество пеших), Готфрид, с разрешения императора, уговаривал норманна встретиться лично с Алексеем. Но сначала Боэмунд отказывался под предлогом того, что «он боится императора, т.к. считает его хитрым и коварным человеком»⁸⁹⁷. Но под воздействием уговоров и обещаний Готфрида Боэмунд согласился встретиться с Алексеем, и через «поцелуй мира» он обрёл милость и почести от императора, а затем стал его человеком, а также заключил договор о том, что не захватит для себя какой-либо части империи без разрешения Алексея⁸⁹⁸.

Альберт сообщает очень важные и интересные подробности конфликта, который разгорелся между Танкредом и братом Готфрида Бульонского

⁸⁹⁴ *Historia Ierosolimitana*. II, 9, P. 74.

⁸⁹⁵ *Historia Ierosolimitana*. II, 14, P. 82.

⁸⁹⁶ *Ibid.*

⁸⁹⁷ *Historia Ierosolimitana*. II, 18, P. 88.

⁸⁹⁸ *Ibid.*

Балдуином за обладание Тарсом. Действуя от лица Боэмунда, угрозами и посулами Танкред принуждал жителей и сельджукский гарнизон сдать город ему⁸⁹⁹. Они даже согласились вывесить личный штандарт Танкреда над городской цитаделью, не позволяя при этом норманнам занять сам город⁹⁰⁰.

В разгар переговоров появился Балдуин во главе войска лотарингцев, которого норманны и жители Тарса первоначально приняли за приближающуюся армию турок-сельджуков⁹⁰¹. Когда Балдуин увидел знамя Танкреда над цитаделью, он пришёл в ярость «в словах едких и крамольных...», он с презрением говорил о хвастовстве и потугах на лидерство Танкреда и Боэмунда, сравнивал их с грязью и отбросами⁹⁰². Наконец, стороны договорились узнать мнение жителей города, которые не заставили ждать и сообщили, что они желают подчиниться Танкреду. «Они также говорили, что идут на это не по зову сердца, но из-за страха перед нападением Боэмунда. И это неудивительно, т.к. незадолго до этой экспедиции в областях Греции, Романии и Сирии, сотрясаемых войной, гремела слава Боэмунда. Имя же герцога Готфрида они слышат впервые»⁹⁰³.

В ответ на это заявление Балдуин обратился к жителям города и сельджукскому гарнизону с речью о том, что настолько почитаемые и внушающие страх Боэмунд и Танкред не являются наиболее великими и могущественными предводителями крестоносцев. Во всяком случае, они не равня его брату герцогу и предводителю войска всей Галлии Готфриду или кому-либо из его родственников, т.к. «по наследственному праву своих благородных предков он является герцогом царства великого и первого императора римлян Августа». После представления Балдуин перешёл к угрозам и пообещал уничтожить город, если они не сдадут его Готфриду. После этого

⁸⁹⁹ *Historia Ierosolimitana*. III, 6, P. 146.

⁹⁰⁰ *Ibid.*

⁹⁰¹ *Historia Ierosolimitana*. III, 6, P. 148.

⁹⁰² *Historia Ierosolimitana*. III, 8, P. 150.

⁹⁰³ *Ibid.*

турки-сельджуки и жители Тарса заключили союз с Балдуином и сняли с башни цитадели знамя Танкреда⁹⁰⁴.

Свидетельства Альберта дают представление о существовавших противоречиях в войске крестоносцев как между норманнами и провансальцами, так и между норманнами и лотарингцами. Под Антиохией хронист упоминает о споре между Готфридом и Робертом Фландрским, с одной стороны, и Боэмундом, с другой, из-за шатра, подаренного вождям крестоносцев армянскими правителями Киликии. Боэмунда обвинили в краже шатра и принудили вернуть его ради единства в войске⁹⁰⁵.

С. Пайнтер в первом томе «Истории крестовых походов» под редакцией К.М. Сеттона утверждал, что из восьми предводителей Первого крестового похода четверо были норманнами, а пятый — Стефан Блуасский был женат на дочери Вильгельма Завоевателя⁹⁰⁶. Если о норманнском происхождении Роберта Коротконового и Боэмунда хорошо известно, то мало кто знает, что Готфрид Бульонский и Балдуин были сыновьями норманнского графа Евстахия II, который принял деятельное участие в завоевании Англии 1066 г. Однако, если верить Альберту, то Готфрид и Балдуин предпочитали об этом не вспоминать.

Накануне прибытия армии эмира Кербоги под стены Антиохии «разумный и хитрый» Боэмунд сообщает Готфриду, Роберту Фландрскому и Раймунду свой секрет. Поскольку укрепления Антиохии оказались неприступны, то в течение семи месяцев он вёл переговоры с неким предателем, который пообещал ему сдать город. Этот предатель принёс клятву верности. Поскольку он был «из рода турок», то принял христианство и взял имя своего крёстного отца, т.е. Боэмунда. За предательство Боэмунд обещал ему большую сумму денег, а также возвысить его до положения среди

⁹⁰⁴ Historia Ierosolimitana. III, 9, P. 152.

⁹⁰⁵ Historia Ierosolimitana. IV, 9, P. 262.

⁹⁰⁶ Painter S. Western Europe on the Eve of the Crusades // A history of the Crusades. The first hundred years / ed. K.M. Setton and M.W. Balduwin. Philadelphia, 1969. Vol. 1. P. 21.

норманнов, которое занимает Танкред⁹⁰⁷. В обмен на понесённые затраты и проявленную находчивость Боэмунд потребовал от «столпов и капитанов» армии крестоносцев отдать город ему, на что те ответили согласием⁹⁰⁸.

Альберт порицает Боэмунда за «алчность к собиранию и приобретению», за то, что он стремится отобрать Латакию у византийского императора. Он также именует его, как «правитель коварный и алчный брат» за то, что он не только нападает на христиан-византийцев «*catholicorum grecorum*» (греков-католиков), но и с помощью лжи привлекает на свою сторону других христиан: пизанцев и генуэзцев⁹⁰⁹.

По мнению Альберта Ахенского, Танкред ведёт себя недостойно христианина и «брата» крестоносца в отношении правителя Эдессы Балдуина де Бурга. Последний обвинил правителя Антиохии перед лицом Иерусалимского короля Балдуина в том, что по его «совету и подстрекательству» сельджуки напали на Эдессу⁹¹⁰. Танкред явился к королю во главе полтора тысяч тяжеловооружённых воинов и отверг обвинения Балдуина де Бурга в сотрудничестве с сельджуками. Он также признал, что не оказывал поддержки графству Эдесскому на том основании, что Балдуин де Бург не выказывал ему должного «уважения» и не платил причитающуюся Антиохии ежегодную дань⁹¹¹.

В ответной речи Балдуин заявляет, что подобное поведение больше соответствует «праву язычников» мусульман, а не христиан. «Ты знаешь, как это известно всем христианам, что, когда мы оставили наши земли и родственников ради добровольного изгнания во имя Христа, оставили наследственные владения, мы постановили, что если кто-либо в земле нашего паломничества завоюет что-либо из языческих королевств и земель, то будет владеть ими в мире и свободно; никто не будет причинять ему ущерба

⁹⁰⁷ Historia Ierosolimitana. IV, 15, P. 270.

⁹⁰⁸ Historia Ierosolimitana. IV, 15, P. 272.

⁹⁰⁹ Historia Ierosolimitana. VI, 55, P. 272.

⁹¹⁰ Historia Ierosolimitana. XI, 20, P. 794.

⁹¹¹ Historia Ierosolimitana. XI, 21, P. 794.

вооружённой силой, кроме тех случаев, когда потребуется придти на помощь и пожертвовать жизнью ради своих братьев»⁹¹². По этой причине король Балдуин предложил Танкреду сделать выбор: придерживаться союзов с мусульманами, либо с христианами, но если он выберёт первое, то он не сможет более быть «братом христиан», а следовательно, не сможет в дальнейшем рассчитывать на поддержку других «собратьев-христиан». По мнению Альберта, Танкред признал доводы обвинения справедливыми, раскаялся в содеянном и «он пообещал в дальнейшем быть чистым и верным в соблюдении принципов, которые они поклялись соблюдать в начале пути, оставаться верным союзу с братьями-христианами»⁹¹³.

«Алексиада» Анны Комнины является единственным источником, который наиболее полно и последовательно отражает византийскую точку зрения на участие норманнов в Первом крестовом походе. Другие византийские авторы (Зонара, Михаил Глика, Скутариот) дают несравненно меньше информации⁹¹⁴.

При описании событий Первого крестового похода в тексте «Алексиады», наряду с традиционными терминами для обозначения людей с Запада, таких, как «латиняне» и «кельты», появляется специфический этноним «норманны»⁹¹⁵. Очевидно, что Анна хорошо себе представляла значение данного термина. Например, когда в первой книге она говорит о Роберте Гвискаре, то упоминает, что тот «происходил из Нормандии»⁹¹⁶. В другом месте Анна, восхищаясь умением владеть копьем своего родственника Никифора, говорит, что «на коне можно было принять его за уроженца Нормандии, а не ромея»⁹¹⁷.

При этом Анна использует термин «норманны» при описании двух крупнейших катастроф Первого крестового похода: поражение крестоносцев во главе с Петром Пустынником и Вальтером Голяком в Вифинии, а также почти

⁹¹² Historia Ierosolimitana. XI, 22, P. 794.

⁹¹³ Ibid. XI, 22, P. 796.

⁹¹⁴ Анна Комнина. Алексиада. С. 557 прим. 970.

⁹¹⁵ Там же. С. 277 и сл., 310, 561 прим. 984.

⁹¹⁶ Анна Комнина. I, 10, С. 75.

⁹¹⁷ Анна Комнина. X, 3, С. 270.

полное истребление участников лангобардского крестового похода 1101 г. Никто из латинских авторов не даёт сведений о каком-либо преимущественном участии норманнов в этих предприятиях.

Анна говорит, что Петра Пустынника сопровождали десять тысяч норманнов, и «отделившись от остального войска, они стали грабить окрестности Никеи, обращаясь со всеми с крайней жестокостью. Даже грудных детей они резали на куски или нанизывали на вертела и жарили на огне, а людей пожилых подвергали всем видам мучений»⁹¹⁸.

Войско «норманнов» во главе с братьями Альберто и Гвидо Бьяндраты (предводители лангобардских крестоносцев из Северной Италии), которое составляло около пятидесяти тысяч всадников и сто тысяч пехоты, вели себя немногим лучше. Анна описывает, как на реке Галис жители одного городка, «ромей, и священники, надев священное облачение, неся в руках кресты и евангелия, смело вышли к христианам-норманнам. Но норманны бесчеловечно и жестоко убили не только священников, но и остальных христиан и беззаботно продолжали свой путь по направлению к Амасии»⁹¹⁹.

В соответствие с логикой византийской принцессы, в обоих случаях «норманны» не пожелали слушать советов Алексея Комнина⁹²⁰, вследствие чего почти все стали добычей мечей турок-сельджуков. При этом Анна не скрывает своего злорадства по поводу гибели такого количества «варваров» в Вифинии, из трупов которых сложили «не холм, не бугор, не горку, а огромную гору, необыкновенную по высоте и толщине»⁹²¹. Описание разгрома похода во главе с братьями Бьяндраты, Анна заканчивает словами: «вот какие подвиги совершили турки в борьбе с норманнами»⁹²².

Таким образом, при описании катастроф, вызванных поведением «латинян», которые не желают слушать ничьих советов, ведут себя крайне

⁹¹⁸ Анна Комнина. X, 6, С. 277.

⁹¹⁹ Анна Комнина. XI, 8, С. 310.

⁹²⁰ Анна Комнина. X, 6, С. 277, XI, 8, 310.

⁹²¹ Анна Комнина. X, 6, С. 278.

⁹²² Анна Комнина. XI, 8, С. 311.

неразумно, необузданно и жестоко, что приводит их к неизбежной гибели, Анна склонна использовать термин «норманны» как наиболее одиозный для византийцев.

Анна связывает начало крестового похода не с Клермонским собором, а с паломничеством Петра Пустынника в Иерусалим, во время которого он вытерпел много страданий со стороны мусульман и не смог из-за этого поклониться гробу Господню⁹²³. По этой причине он обратился ко всем «графам во Франкии», что «божественный глас» повелел им отправиться на освобождение Святой земли от мусульман⁹²⁴. По мнению Анны, «выдумка удалась ему. Пётр как будто покорил все души божественным гласом, и кельты начали стекаться отовсюду, кто откуда, с оружием, конями и прочим военным снаряжением. Общий порыв увлёк их, и они заполнили все дороги. Вместе с кельтскими воинами шла безоружная толпа женщин и детей, покинувших свои края; их было больше, чем песка на берегу и звёзд на небе, и на плечах у них были красные кресты»⁹²⁵.

«Боэмунд и его единомышленники» представлены византийской принцессой отнюдь не благочестивыми паломниками, которые безусловно присутствовали в войске крестоносцев, но обманщиками и притворщиками, стремящимися к наживе и завоеванию земель на Востоке⁹²⁶. Основанием для убеждённости Анны во враждебных настроениях Боэмунда являлась память о прежних войнах норманнов с византийцами на Балканах в 1081—1085 гг.⁹²⁷.

Боэмунд «в угоду своей давнишней ненависти к самодержцу стал смущать души многих благородных людей»⁹²⁸. Под стенами Константинополя «все остальные графы, и особенно Боэмунд, питая старинную вражду к самодержцу, искали только удобного случая отомстить за ту блестящую победу, которую он одержал над Боэмундом, сразившись с ним под Лариссой;

⁹²³ Анна Комнина. X, 5, С. 275 и сл.

⁹²⁴ Анна Комнина. X, 5, С. 276.

⁹²⁵ Там же.

⁹²⁶ Анна Комнина. X, 5, С. 277, X, 6, 279, X, 11, 291.

⁹²⁷ Анна Комнина. X, 5, С. 277, X, 11, 290.

⁹²⁸ Анна Комнина. X, 5, С. 277.

их объединяла одна цель, и им во сне снилось, как они захватывают столицу»⁹²⁹. Таким образом, можно заключить, что предубеждение Анны в отношении норманнов распространялось практически на всех предводителей крестоносцев.

Анна считает, что в отличие от других вождей крестового похода Боэмунд отличался не только враждебностью к византийцам, а также хитростью и коварством. «Этот человек, негодяй по природе, был очень находчив в любых обстоятельствах, а подлостью и бесстрашием настолько превосходил всех прошедших через нашу страну латинян, насколько уступал им в количестве войска и денег»⁹³⁰.

Недостаток ресурсов: незнатное происхождение, отсутствие денег и большого войска, побуждают Боэмунда принести клятву верности византийскому императору⁹³¹. При этом ни сама Анна, ни герой её исторического произведения Алексей Комнин не верят в лояльность Боэмунда. В ответ на просьбу последнего пожаловать ему титул доместика Востока, Алексей Комнин, опасаясь увеличения влияния норманна на предводителей войска крестоносцев, обнадеживает его словами, что «ещё не время, своей энергией и верностью ты достигнешь и этого»⁹³².

В качестве предводителя крестоносцев, который заслуживает доверия, Анна Комнина считает Раймунда Сен-Жильского. Она говорит, что Алексей Комнин «выделил Исангела, которого полюбил за выдающийся ум, за искренность суждений и за чистоту жизни; он знал также, что больше всего Исангел дорожит правдой и не предпочёл ей ничто иное»⁹³³. Ему поручает Алексей противодействовать «коварству» Боэмунда и следить за исполнением им клятвы верности.

⁹²⁹ Анна Комнина. X, 9, С. 283.

⁹³⁰ Анна Комнина. X, 11, С. 291.

⁹³¹ Там же.

⁹³² Анна Комнина. X, 11, С. 292.

⁹³³ Там же.

Анна отмечает посягательства со стороны соратников Боэмунда на императорские символы власти. «Неукротимый» племянник Боэмунда Танкред, не желая приносить клятву верности Алексею, потребовал в обмен на его покорность полную золота императорскую палатку⁹³⁴. Некий «надменный латинянин», как выяснилось впоследствии, из войска Боэмунда или графа Нормандии Роберта⁹³⁵, осмелился сесть на императорский трон в присутствии Алексея Комнина⁹³⁶.

В описании битвы при Дорилеи основную роль Анна отводит Боэмунду. Именно он попросил идти в авангарде крестоносцев и именно его войско, которое турки-сельджуки приняли за всю армию паломников, «исполнившись презрения», атаковали⁹³⁷. Боэмунд вовремя послал за помощью, и победу в этой «тяжёлой и страшной битве» одержало «ромейское и кельтское войско»⁹³⁸. Анна также сообщает ещё об одной битве у Ираклии с войсками «султана Данышменда и Хасана», в которой «турки храбро сражались», но Боэмунд отделился от остального войска и «отважно напал на самого султана Кылыч Арслана — «как лев, могуществом гордый»»⁹³⁹. «Устрашённые турки» обратились в бегство. Анна с удовлетворением отмечает, что «кельты», помня советы императора, далеко не преследовали сельджуков и тем самым обеспечили их полный разгром⁹⁴⁰.

Боэмунд является главным героем Анны при описании взятия Антиохии. Он уговорил передать ему город некоего армянина⁹⁴¹. При приближении войск Кербози он запугал командующего византийским контингентом в армии крестоносцев Татикия и заставил его покинуть осаду Антиохии⁹⁴². Он убедил предводителей крестоносцев попытаться добиться сдачи города «приветливым

⁹³⁴ Анна Комнина. XI, 3, С. 299.

⁹³⁵ Там же.

⁹³⁶ Анна Комнина. X, 10, С. 288 и сл.

⁹³⁷ Анна Комнина. XI, 3, С. 299.

⁹³⁸ Анна Комнина. XI, 3, С. 300.

⁹³⁹ Там же.

⁹⁴⁰ Там же.

⁹⁴¹ Там же.

⁹⁴² Анна Комнина. XI, 4, С. 300 и сл.

и дружеским обхождением» со стражами стен, чтобы временно, до прихода доверенного человека от императора, передать город тому, кто добьётся успеха первым⁹⁴³. Таким образом, «хитрый Боэмунд, который жаждал власти не ради латинян и общего блага, а ради собственного честолюбия»⁹⁴⁴, овладел Антиохией.

Анна даёт противоречивые объяснения поведения Алексея Комнина в Филомилии, куда прибыли беглецы из Антиохии: Вильгельм Грантмесниль, Стефан Блуасский и Пётр Алифа⁹⁴⁵. Выслушав отчёт о приближении Кербogi и бедственном положении крестоносцев, Алексей поверил в скорое падение Антиохии и, «будучи не в состоянии изменить нрав кельтов или добрым советом склонить их к разумным действиям», повернул обратно в Константинополь⁹⁴⁶.

Анна Комнина на страницах своего труда стремится оправдать действия своего отца в отношении крестоносцев. Для этой цели она не брезгует никакими средствами и даже использует свои основательные сведения по истории норманнов, чтобы очернить их в глазах других «латинян».

Таким образом, Первый крестовый поход не был предприятием единой нации «франков» по освобождению Иерусалима. Скорее, это был некий идеал, который не всегда находит подтверждение на практике. Отобранные нами источники говорят о борьбе идей между различными партиями: лотарингцами, провансальцами, норманнами — о будущей судьбе государств крестоносцев на Востоке. Идея единства и сплочения крестоносцев ради выживания приходит позже. В то же время, запущенная норманнами антивизантийская пропаганда очень рано даёт плоды в Западной Европе. Когда после ряда катастроф и поражений на Востоке укреплялась идея единства «франков», на Западе росла ненависть к Византии.

⁹⁴³ Анна Комнина. XI, 4, С. 301.

⁹⁴⁴ Там же.

⁹⁴⁵ Анна Комнина. XI, 6, С. 304 и сл. Вильгельм Грантмесниль был женат на сестре Боэмунда, дочери Роберта Гвискара. Стефан Блуасский был женат на дочери Вильгельма Завоевателя. Пётр Алифа служил Роберту Гвискару в Южной Италии и на Балканах, а после его смерти перешёл на службу к Алексею.

⁹⁴⁶ Анна Комнина. XI, 6, С. 305.

3.2. ВЗГЛЯД С ВОСТОКА: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НОРМАННАХ ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКИХ И МУСУЛЬМАНСКИХ АВТОРОВ XII—XIII вв.

Как воспринимали норманнов на Востоке? Отличали ли их армяноязычные, сирийские и мусульманские хронисты от других крестоносцев, учитывая тот факт, что уже несколько десятилетий норманны в качестве наёмников активно действовали в Малой Азии?

Матфей Эдесский приветствует крестовый поход «доблестной нации, именуемой франками», который предсказал армянский католикос Святой Нерсес Великий⁹⁴⁷. С франками Матфей связывает надежду на избавление от нападений турок-сельджуков: «ибо через них Господь решил биться с персами»⁹⁴⁸.

Буквально армянский хронист называет крестоносцев «римлянами» (Hromayets'ik'), хотя А.Э. Достуриан и Дюлорье (в своём первом переводе хроники Матфея) осторожно переводят это слово как «westerners»⁹⁴⁹ и «occidentaux» («уроженцы Запада») ⁹⁵⁰. В более позднем переводе Дюлорье применяет буквальный перевод: «римляне»⁹⁵¹.

Косвенным подтверждением такого рода прочтения может считаться тот факт, что Матфей сообщает о происхождении одного из вождей Первого крестового похода Готфрида от римских императоров, в то время как его брат Балдуин, по словам летописца, вёз с собой меч и корону императора Веспасиана, «который разрушил Иерусалим»⁹⁵².

⁹⁴⁷ Armenia and the Crusades... P. 59—60.

⁹⁴⁸ Ibid. P. 179.

⁹⁴⁹ Ibid. P. 326.

⁹⁵⁰ Chronique de Matthieu d'Edesse (962—1136) avec la Continuation de Grégoire le prêtre jusqu'en 1162 / l'auteur et traducteur E. Delaurier. P., 1858. P. 212.

⁹⁵¹ Mattieu de Edesse. Extrait de la chronique de Mattieu de Edesse // Recueil des Historiens des Croisades. Documents Armeniens / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. P., 1869. T. I. P. 24.

⁹⁵² Ibid. P. 164.

В географическом описании Западной Европы в «Хронографии» содержится намёк на бывшие пределы Римской империи: «в этот год все народы Италии и Испании, вплоть до границ Африки и даже удалённой франкской нации, пришли в движение»⁹⁵³.

Достуриан достаточно категорично говорит, что термин «римляне» Матфей применяет только в отношении византийцев. Это вполне согласуется с представлениями византийцев о самих себе как о прямых наследниках Римской империи, именовавших себя «ромеями». Одновременно с этим термином Матфей применяет в отношении византийцев этноним «греки»⁹⁵⁴. Дюлорье в комментариях ко второму переводу «Хронографии» признаёт, что Матфей применял термин «римляне» в отношении византийцев и народов Западной Европы, разделяя их на восточных и западных «римлян»⁹⁵⁵.

Матфей не считает «франков» варварами и не разделяет идеи византийской экуменистической доктрины. Матфей мог использовать этот термин просто для обозначения выходцев из Западной Европы аналогично византийскому термину «латиняне», но без уничижительного оттенка. Но более вероятно, что в понимании Матфея франки и греки-византийцы имели равные права на античное наследие и честь именоваться «римлянами».

Как равные «франки» и «греки» сначала вступили в единоборство, а затем заключили союз против мусульман в храме Святой Софии в Константинополе. Алексей Комнин дал крестоносцам щедрые дары, а те, в свою очередь, поклялись передать империи все ранее захваченные у неё сельджуками области, рассчитывая приобрести для себя области «персов и арабов»⁹⁵⁶.

⁹⁵³ Ibid.

⁹⁵⁴ Ibid. P. 283.

⁹⁵⁵ Mattieu de Edesse. Extrait de la chronique de Mattieu de Edesse. P. 7.

⁹⁵⁶ Ibid. P. 27.

Матфей представляет представляет предводителей крестоносцев как «знатных», «благочестивых» и «могущественных мужей и воинов, идущих во главе грозных армий, многочисленных, как звёзды на небе»⁹⁵⁷.

Киракос Гандзакечи в «Истории Армении»⁹⁵⁸ несколько иначе описывает начало Первого крестового похода, когда «римляне через Фракию выступили в сторону Азии, чтобы отомстить за мучения христиан скифам и персам»⁹⁵⁹. Он сразу сообщает о том, как «нечестивец», «коварный» и лживый христианин Алексей Комнин отравляет еду и питьё франков, а также «хитро помогает варварам» истреблять христиан. Те «франки», которые остались в живых, смогли захватить Антиохию и Иерусалим. Это совершили «два потомка царского рода — Маймун и Тангрил и семь графов»⁹⁶⁰.

Матфей предоставляет малосодержательную информацию о продвижении крестоносцев через Малую Азию. Он пространно описывает сражения под Никеей и при Дорилее⁹⁶¹. Более подробно Матфей повествует о перипетиях борьбы за Антиохию, «которую ранее захватили армяне»⁹⁶².

Матфей сообщает о помощи, которую оказывали крестоносцам армянские князья и духовенство, во время трудного, полного лишений продвижения к Антиохии⁹⁶³. С другой стороны, он ничего не говорит ни о происхождении, ни об этнической принадлежности горожан и жителей округи Антиохии, которые помогали крестоносцам взять город⁹⁶⁴ и расправиться с эмиром Яги Сияном⁹⁶⁵. В то же время Матфей утверждает, что «великий эмир страны Рума» Данышменд был по происхождению армянином и представляет

⁹⁵⁷ Armenia and the Crusades... P. 164—165.

⁹⁵⁸ Киракос Гандзакечи. История Армении / пер. с древнеарм., пред. и комм. Л.А. Ханларян, отв. ред. М.О. Дарбинян-Меликян. М., 1976.

⁹⁵⁹ Там же. С. 90.

⁹⁶⁰ Там же. Очевидно, что в данном случае речь идёт о Боэмунде и Танкреде. Л.А. Ханларян считает, что под Маймуном в «Истории Армении» Киракоса Гандзакечи подразумевался Раймунд Сен-Жильский (там же. С. 273). Маймуном называет Боэмунда Усама ибн Мункыз (Усама ибн Мункыз. Книга назидания. С. 125).

⁹⁶¹ Armenia and the Crusades... P. 166.

⁹⁶² Ibid. P. 171.

⁹⁶³ Ibid. P. 167.

⁹⁶⁴ Речь идёт о Фирузе, который по некоторым данным был армянином (Ibid. P. 170).

⁹⁶⁵ Ibid. P. 171.

его «добрым человеком, благодетелем людей, сочувственно относившимся к христианской вере»⁹⁶⁶.

«Хронография» даёт ценный и уникальный материал о пленении Боэмунда под Мелитеной. Матфей сообщает, что «Персидский эмир» Данышменд, «господин Севастии и всей страны Рума» выступил против города Мелитены «с огромным количеством конницы»⁹⁶⁷. Правитель Мелитены Гавриил обратился к Боэмунду с просьбой оказать ему помощь с условием передачи города под власть норманнов. В ответ на это Данышменд отправился навстречу войскам Боэмунда в долину Мелитены, разместив множество засад по дороге.

Норманны оказались совершенно не готовы к встрече с турками-сельджуками. «Их войска отложили оружие и шли одетые, подобно женщинам, сопровождающим похоронную процессию, ибо они отдали своё военное снаряжение слугам, чтобы те несли его. Кроме этого, эти воины, лишённые оружия, допустили возможность стать пленниками»⁹⁶⁸. В этой ожесточённой битве погибли все отряды франков и армян, а также два армянских епископа, сопровождавших войска Боэмунда, который «относился к ним с величайшим почтением»⁹⁶⁹.

Это событие имело большой резонанс: христиан эта новость повергла в уныние, а мусульмане, напротив, очень обрадовались, т.к. «неверные почитали Боэмунда за истинного короля франков, и весь народ Хоросана дрожал при упоминании его имени»⁹⁷⁰. Причину происшедшего Матфей объясняет тем, что франки пренебрегли «дорогой Господа» и встали на путь греха. Если Бог помогал франкам во время Первого крестового похода под Антиохией⁹⁷¹, то

⁹⁶⁶ Ibid. P. 194.

⁹⁶⁷ Ibid. P. 176.

⁹⁶⁸ Ibid. P. 176—177.

⁹⁶⁹ Ibid. P. 177.

⁹⁷⁰ Ibid.

⁹⁷¹ Ibid. P. 168, 170, 171, 172.

после того, как они стали владыками земель на Востоке, они «забыли Божьи заповеди и возжелали то, чего Бог не хотел»⁹⁷².

Матфей выражает своё разочарование и отчуждённость по отношению к «франкам», которых он обвиняет в разрухе и повреждении христианской морали. «Причиною всего этого было буйство франков, ибо славные князья этой нации прожили недолго, а власть попала в руки людей недостойных. Из-за того, что франки руководствовались жадностью, они принесли множество бед и страданий христианам»⁹⁷³.

Исключение составляли только отдельные «франки», среди которых был Танкред. При описании периода с 1104 по 1113 гг., когда Танкред был независимым правителем Антиохии, Матфей называет его не иначе как «храбрый защитник Господа»⁹⁷⁴. В борьбе против графа Эдессы Балдуина Танкред предстаёт как «набожный муж» и «воин Христов»⁹⁷⁵. При этом Матфей приводит случай, когда арабы-мусульмане ищут у Танкреда защиты от «тюрок»⁹⁷⁶.

В отличие от других «франков», которые несут только беды христианам, Танкред остаётся в представлении Матфея «храбрым воином Христовым»⁹⁷⁷ на протяжении всего повествования. По поводу смерти норманнского правителя Матфей разражается настоящим панегириком о «наиболее благочестивом верующем в Бога» Танкреде, который, в его представлении, «был святым и набожным человеком и имел добрую и сострадательную душу, проявлявший заботу о всех христианах; более того, он демонстрировал величайшее смирение в отношениях с людьми и справедливость в исполнении приговоров и божьих законов»⁹⁷⁸.

⁹⁷² Ibid.

⁹⁷³ Ibid. P. 198.

⁹⁷⁴ Ibid. P. 199.

⁹⁷⁵ Ibid. P. 201.

⁹⁷⁶ Ibid. P. 202.

⁹⁷⁷ Ibid. P. 206.

⁹⁷⁸ Ibid. P. 212.

Матфей положительно оценивает преемника Танкреда на престоле Антиохии Рожера Салернского, в первую очередь, как «храброго человека и доблестного воина»⁹⁷⁹. При описании вторжения «кровожадного и жестокого»⁹⁸⁰ атабека Мосула Мадуды, Матфей описывает, как войска Иерусалимского королевства, «пыхтя от гордости», поспешили начать бой с «тюрками», дабы заслужить репутацию храбрецов больших, чем «антиохийцы». Бог заставил заплатить «франков» за «высокомерие»: иерусалимские войска были разбиты и обращены в бегство. И только Господь пришёл на помощь королю, когда подоспели войска Антиохии и Триполи. «Когда Рожер увидел положение франков, рыкая подобно льву, он немедленно бросился в сражение, обратил в бегство полчища тюрок и тем самым спас короля и всё иерусалимское войско»⁹⁸¹.

Крайне прозаично Матфей описывает успехи Рожера в борьбе с преемником Мадуды атабеком Мосула Борсуком, который в 1114 г. вторгся в область Антиохии. Как об обычном деле, вскользь говорит армянский хронист о том, как Рожеру впервые удалось собрать коалицию против Борсука, в которую входили не только христианские правители, но и мусульмане: правители Дамаска, Алеппо и Артукиды. Так же буднично Матфей описывает, как Рожер, практически в одиночку, разбил Борсука в битве при Сармине в 1115 г.⁹⁸²

Матфей говорит, что для армянского князя Леона, сына Константина, являлось наивысшей похвалой получить признание храбрости в глазах Рожера. Леон присоединился к Рожеру в экспедиции против Алеппо. Накануне битвы норманнский князь заявил Леону, что в битве он испытает «доблесть армянских войск». Всю ночь «воин Христа» Леон готовился к битве, воодушевлял своих людей, а на следующий день он, «яростно рыкая словно лев», набросился на мусульман во главе своего отряда и обратил их в бегство. В этот день Леон

⁹⁷⁹ Ibid.

⁹⁸⁰ Ibid.

⁹⁸¹ Ibid. P. 214.

⁹⁸² Ibid. P. 219.

заслужил звание «храбреца» среди «франков», а Рожеру стали нравиться армянские воины⁹⁸³.

Матфей представляет конфликт Рожера и Ильгази как личную вражду, которая возникла из-за того, что Рожер успешно расширял свои владения и влияние за счёт Алеппо. «Эти двое были по-настоящему близкими друзьями, но теперь стали врагами, т.к. Азаз и Алеппо принадлежали тюркскому эмиру Ильгази, сыну Артука. Так Ильгази воспылил гневом»⁹⁸⁴.

По мнению Матфея, Ильгази обладал огромным авторитетом среди туркмен, который позволял ему собирать огромные армии, поскольку он имел с ними общее происхождение и «тюрки внимали его призыву». Во главе «грозной армии» из восьми тысяч туркмен Ильгази четыре дня безрезультатно осаждал Эдессу, а затем переправился через Евфрат и, «подобно бешено скачущей лошади», уничтожая «все области, занятые франками» на своём пути, направился к Антиохии. «Эмир захватывал крепости, деревни и монастыри, а также убивал всех на своём пути, включая стариков и детей»⁹⁸⁵.

Поражение Рожера в битве Матфей объясняет его «высокомерием и гордыней», самонадеянностью и неосторожностью. «Более того, сознавая превосходство своего народа, он с презрением относился к войску тюрков»⁹⁸⁶. Армянский летописец утверждает, что Рожер не озаботился сбором достаточных сил и средств для отражения Ильгази. Правитель Антиохии «беспечно отправился на битву против тюрков, имея только шесть сотен франкских всадников. Под командованием Рожера были также пять сотен армянских всадников, четыреста человек пехоты и толпа в десять тысяч [наскоро собранных] человек»⁹⁸⁷. Учитывая, что ранее Рожер разбил Борсука в битве при Сармине, имея, по сведениям самого Матфея, только семьсот всадников, войско Антиохии кажется довольно внушительным.

⁹⁸³ Ibid. P. 223.

⁹⁸⁴ Ibid.

⁹⁸⁵ Ibid. P. 223.

⁹⁸⁶ Ibid.

⁹⁸⁷ Ibid. P. 224.

Напротив, Ильгази располагал не только «грозной армией», но и лучше подготовленной, с размещением засад в различных местах. «Бесчисленное количество персидских войск» позволило окружить «христиан», и началась повальная резня. Матфей не сообщает ярких подробностей этого сражения, подчёркивая только его ожесточённый характер. В результате «почти вся армия франков была полностью уничтожена»⁹⁸⁸.

С большим воодушевлением говорит о появлении на Востоке в 1127 г. Боэмунда II «сына Боэмунда, сына Роберта», который прибыл из «страны франков» и привёл с собой «много юных и знатных людей из Рима». Иерусалимский король Балдуин отдал ему в жёны свою дочь и пообещал сделать его своим наследником, а до этого отдал ему «Антиохию и всю Киликию». Способности Боэмунда управлять государствами франков как наследника семьи Гвискардидов не вызывают у Матфея никаких сомнений. Т.к. Боэмунд обладал «сильным характером и большой властью, он был в состоянии покорить всех франков и подчинить их себе». И хотя он был безбородым юношей двадцати лет, он был «доблестный и мощный воин, высокий, с львиным лицом и белокурый»⁹⁸⁹.

Михаил Сириец по-своему воспринимал различные народы, которые жили в Малой Азии в первой половине XII в. Пятнадцатую книгу он начинает с «начала царства тюрок в землях Персии», в которой он описывает, как жестокие варвары вторгаются в пределы Византии, берут пленных, пытаются, разоряют и уничтожают христиан⁹⁹⁰. В особенности Михаила печалит участь его родного города Мелитены. В то же время византийские императоры: «великодушный и весьма мудрый» Константин IX Мономах и сменивший его «справедливый» Михаил VI «из-сострадания к христианскому населению» высылали повозки и лошадей, чтобы вывезти их в безопасное место. Но из-за

⁹⁸⁸ Ibid.

⁹⁸⁹ Ibid. P. 237.

⁹⁹⁰ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца. С. 26—28.

их «нерадивости тюрки усилились в царстве греков», а увод населения был только «на пользу тюркам, которые нашли там место для поселения»⁹⁹¹.

Таким образом, никто из византийских императоров не смог переломить ход событий, даже Роман IV Диоген, который был «весьма жестоким и свирепым в своих деяниях»⁹⁹², не смог дать отпор «тюркам». При описании сражения при Манцикерте симпатии Михаила скорее на стороне «справедливого»⁹⁹³, известного своими добрыми делами султана Алп Арслана, чем на стороне «сильного и храброго»⁹⁹⁴ Романа IV Диогена, известного своей жестокостью. Оценивая последствия этой битвы, Михаил говорит, что «побежденные тюрками греки более никогда не могли противостоять им. Страх завладел императором Михаилом, который начал править в 1071 г. Он прислушивался к трусливым и изнеженным советникам и пребывал во внутренних покоях своего царского дворца, не выступал против тюрков»⁹⁹⁵.

Михаил описывает становление и быстрый рост тюркских эмиратов в Малой Азии при попустительстве «греков», которые были «обессилены и малочисленны»⁹⁹⁶, были неспособны противостоять сельджукской экспансии. В этой обстановке, когда «империя греков была стеснена со всех сторон, а именно — «румайе», т.е. франки, вышли из земель Рима, пошли против императора Алексея и напали на Константинополь, чтобы отнять его у греков»⁹⁹⁷.

Очевидно, что под терминами «римляне» и «франки» Михаил имеет в виду выходцев из Западной Европы. Но в данном случае речь идёт не о начале Первого крестового похода, о котором Михаил говорит в седьмой главе, а об отголосках норманно-византийской войны на Балканах 1081—1085 гг. Косвенным подтверждением данного предположения может служить

⁹⁹¹ Там же.

⁹⁹² Там же С. 28.

⁹⁹³ Там же С. 29.

⁹⁹⁴ Там же С. 28.

⁹⁹⁵ Там же С. 29.

⁹⁹⁶ Там же С. 30.

⁹⁹⁷ Там же С. 32.

упоминание в «Хронике» того, что сражение с «жителями Константинополя» длилось семь лет⁹⁹⁸, т.е. в течение нескольких лет.

В представлении Абу-л-Фараджа термин «франки» был синонимом значения термина «римляне»⁹⁹⁹. При перечислении римских императоров начиная с Августа Абу-л-Фарадж говорит, что они были «римлянами или франками», что «хотя языком населения городов и законов являлся греческий, правителями и воинами были франки»¹⁰⁰⁰. Соответственно, норманны для Абу-л-Фараджа также являлись «римлянами или франками». Со слов Ибн ал-Асира, Абу-л-Фарадж пишет о норманнском завоевании Сицилии¹⁰⁰¹.

Причины Первого крестового похода в «Хронике» Михаила Сирийца изложены с западноевропейской точки зрения: притеснение христиан-паломников, и «особенно из Рима и страны Италии», взимание джизьи¹⁰⁰². В списке «Хроники» XIII в., переведённой на армянский язык, присутствует популярный для латинских хроник сюжет паломничества «франкского» графа в Иерусалим, который отказался заплатить мусульманам обычную дань при посещении святых мест и за это лишился глаза¹⁰⁰³.

Среди вождей крестоносцев Михаил выделяет «двух королей и семь графов, а именно — короли Бозмунд и Танкред, /а остальные — это/ Рожер, Бозмунд, Балдуин, Жослин, Галеран, Годфрид, Сен-Жиль»¹⁰⁰⁴. Таким образом, Михаил выдвигает на первое место норманнских правителей Антиохии. Он также оригинально трактует «чудо святого копья»: «королю Танкреду было видение», которое позволило крестоносцам обнаружить в церкви Кассиана гвозди с креста и копья, вследствие чего «Бог даровал им победу» над мусульманами¹⁰⁰⁵.

⁹⁹⁸ Там же.

⁹⁹⁹ Bar-Hebraei. Chronicon syriacum. P. 24.

¹⁰⁰⁰ Ibid. P. 90—91.

¹⁰⁰¹ Ibid. P. 272.

¹⁰⁰² Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца ... 1973. С. 32.

¹⁰⁰³ The Chronicle of Michael the Great, Patriarch of the Syrians / Translated from Classical Armenian by Robert Bedrosian. P. 401.

¹⁰⁰⁴ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца ... 1973. С. 32.

¹⁰⁰⁵ Там же С. 33.

Крайне неоднозначно относится автор «Хроники» к армянам. Армянские воины первые показывают спину в битве при Манцикерте, от чего выигрывают «тюрки»¹⁰⁰⁶. Одновременно с «тюрками» «армянские разбойники» во главе с «презренным» Филаретом разоряют и грабят области Мараша¹⁰⁰⁷. В то же время два армянина сдают одну из башен Антиохии Боэмунду и впускают его в город¹⁰⁰⁸. Михаил считает, что правитель Мелитены, «проклятый Габриел», и армяне виновны в пленении Боэмунда эмиром Данышмендом¹⁰⁰⁹. Вероятно, что подобная враждебность была вызвана недружественной политикой отдельных армянских правителей Киликии в отношении сирийцев-яковитов¹⁰¹⁰.

С точки зрения Михаила, армяне играют решающую роль в судьбе норманнского княжества. Сначала они помогают Боэмунду захватить Антиохию. «Армяне были владетелями мест в Киликии и Сирии» со времён Филарета Варажнуни. «Грек Габриеле» трижды обещал Боэмунду передать власть над Мелитеной. Боэмунд поверил правителю Мелитены, т.к. его дочь Морфия была замужем за графом Эдессы Балдуином. «Когда он достиг земель, занятых армянами, те чинили ему всяческие препоны, ибо опасались, как бы он не изгнал их после своего водворения. Армяне тайно послали уведомить /Гази ибн/ Данышменда». Правитель Мелитены всячески тянул время, чтобы задержать Боэмунда до прихода Данышменда, который успел вовремя подойти и захватить правителя Антиохии врасплох. После этого Михаил Сириец делает вывод о том, что «таким образом, по вине Габриеле и армян, тюрки еще более усилились»¹⁰¹¹.

Чрезвычайно интересны комментарии Абу-л-Фараджа при описании битвы у Тель Башира, в которой в октябре 1108 г. сошлись с одной стороны войска Антиохийского князя Танкреда и правителя Алеппо Ридвана, а с другой — Бодуэна Эдесского, его племянника Жоселена и эмира Мосула Джавали. В

¹⁰⁰⁶ Там же С. 28.

¹⁰⁰⁷ Там же С. 30.

¹⁰⁰⁸ Там же С. 33.

¹⁰⁰⁹ Там же С. 34.

¹⁰¹⁰ Там же С. 37 и сл.

¹⁰¹¹ Там же С. 34.

представлении Абу-л-Фараджа, франкские князья оказывали поддержку сельджукским правителям. В результате «франки и турки Ридвана победили, а франки и турки Джавали потерпели поражение». При этом в сражении погибло немало турок, а «франки франков не убивали», но старались в первую очередь поразить копьём лошадь противника¹⁰¹².

Михаил не обходит молчанием роль армянского правителя Киликии Леона I в гибели последнего представителя норманнской династии Антиохии Боэмунда II. Последний и эмир Гази Данышменд одновременно выступили против Леона. «Франки не знали о присутствии тюрок, а эти — о франках, но и те, и другие искали встречи с армянами». В результате они встретились на равнине Аназарбы и в завязавшейся стычке Боэмунд II и весь его отряд погиб. Воины Данышменда забрали голову Боэмунда II, оружие «франков» и ушли. «Со своей стороны, Леон занял дефиле и также уничтожил множество франков»¹⁰¹³.

В приведённых примерах «франки» и «тюрки» предстают как прямые и честные воины, которые состязаются друг с другом за власть и славу. В то же время, киликийские правители выглядят гораздо более сложными натурами, для которых чрезвычайно насущным был вопрос выживания в окружении столь грозных противников. Михаил даёт очень интересную характеристику Филарету Варажнуни: «этот Филарет по происхождению был армянином, по образу действий — франком, а по еретическому вероисповеданию — греком»¹⁰¹⁴.

Основным фактором неудач предприятий народов-завоевателей («тюрок» или «франков») Михаил считает бесконечные раздоры между единоплеменниками. Если в битве при Манцикерте «тюрки благодаря своему хорошему единению одолели греков»¹⁰¹⁵, то бесконечная вражда тюркских эмиров «воодушевляет» Боэмунда I выступить для покорения областей Малой

¹⁰¹² Bar-Hebraei. Chronicon syriacum. P. 297—298.

¹⁰¹³ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца... 1982. С. 14 и сл.

¹⁰¹⁴ Там же С. 23.

¹⁰¹⁵ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца... 1979. С. 28.

Азии¹⁰¹⁶. В течение этого похода предводители «франков» «пререкались между собой относительно того, кому какие земли и города отойдут после того, как они ими завладеют. И пока они бездействовали из-за подобных споров, тюрки выступили для сражения»¹⁰¹⁷. И это, по мнению Михаила, привело к поражению крестоносцев при Харране. С другой стороны, тюрки «в борьбе между собой искали помощи у христиан»¹⁰¹⁸. В заключение автор «Хроники» делает вывод о том, что Боэмунд «тщетно старался подчинить себе всех франков»¹⁰¹⁹.

Таким образом, в представлении сирийских авторов, настоящими правителями Малой Азии являлись турки-сельджуки. Византийцы и армяне были не способны противостоять росту могущества завоевателей с Востока. С появлением крестоносцев ситуация меняется кардинально. «Франки» являются не просто очередными пришлыми завоевателями, но единоверцами, и при описании их борьбы с «тюрьками» симпатии хронистов находятся на стороне христиан. С удовлетворением Михаил отмечает, что перед выступлением крестоносцы «дали обет господу, что если он позволит им войти в Иерусалим, то они будут жить в мире с христианами всех толков и предоставят церкви и монастыри каждому из народов, уверовавших в Христа»¹⁰²⁰.

Ал-Каланиси мало интересуется вопросом о происхождении «франков», из каких стран они прибыли, к каким народам Западной Европы они принадлежали. Очевидно, что этот вопрос выходил за рамки его компетенции, и его взгляд на «франков» в целом являлся отражением общих представлений правящей верхушки Дамаска.

В этом взгляде превалирует враждебность по отношению к «франкам» как «политеистам», «проклятым», «врагам Аллаха»¹⁰²¹. С другой стороны, он

¹⁰¹⁶ Там же С. 36.

¹⁰¹⁷ Там же.

¹⁰¹⁸ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца... 1982. С. 13.

¹⁰¹⁹ Там же.

¹⁰²⁰ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца... 1979. С. 32.

¹⁰²¹ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев. С. 45, 223.

склонен отмечать наличие у отдельных предводителей «франков» «рыцарских качеств», которые они проявляли в столкновениях с турками-сельджуками¹⁰²².

Таким образом, ал-Каланиси относится к «франкам» как к противникам в «священной войне», в которой Бог оказывает помощь мусульманам. Именно к «священной войне» готовится сельджукский правитель Кылыч Арслан I в Анатолии, узнав о приближении «неисчислимой армии франков»¹⁰²³. Подобный взгляд удивительно похож на тот, который прослеживается у христианских авторов Первого крестового похода по отношению к мусульманам.

Усама ибн Мункыз крайне враждебно относится к «франкам», часто называет их «дьяволами»¹⁰²⁴ и использует при описании обычные для средневековых мусульманских авторов формулы: «Да покинет их Аллах»¹⁰²⁵, «Да проклянет их Аллах»¹⁰²⁶, «Да не помилует его Аллах»¹⁰²⁷. Но при этом у него есть друзья из «франков» среди тамплиеров¹⁰²⁸, один из рыцарей называет его братом¹⁰²⁹.

Камал ад-Дин сообщает о приходе в Сирию «многочисленной армии из франков», к появлению которой сельджукские правители отнеслись крайне несерьёзно¹⁰³⁰. Он сообщает, что войско «франков» по подсчётам составило триста двадцать тысяч человек, «и они прибыли со стороны севера»¹⁰³¹. Войска «франков» «причиняли вред, грабили и убивали всякого, кто появлялся»¹⁰³², «разрушали мимбары»¹⁰³³. При приближении «франков» армяне поднимают восстания и нападают на мусульман¹⁰³⁴. Даже арабы из войска Вассаб ибн Махмуда «переписывались с франками и желали их [появления] в Сирии»¹⁰³⁵.

¹⁰²² Там же. С. 64.

¹⁰²³ Там же. С. 32.

¹⁰²⁴ Усама ибн Мункыз. Книга назидания. С. 185.

¹⁰²⁵ Там же. С. 100.

¹⁰²⁶ Там же. С. 229.

¹⁰²⁷ Там же. С. 81.

¹⁰²⁸ Там же. С. 211.

¹⁰²⁹ Там же. С. 208.

¹⁰³⁰ Камал ад-Дин. Зубдат ат-таварих аль-Халеб. С. 123 и сл.

¹⁰³¹ Там же. С. 124.

¹⁰³² Там же.

¹⁰³³ Там же. С. 125.

¹⁰³⁴ Там же. С. 124—125.

¹⁰³⁵ Там же. С. 125.

Только укрепление «франков» под Антиохией заставляет Камал ад-Дина призывать проклятия на их головы¹⁰³⁶.

В отличие от других арабоязычных авторов, для Ибн ал-Асира эпоха Крестовых походов начинается не с вторжения «франков» в Малую Азию или в Сирию с 1096 г., а с момента вторжения их в Андалусию в 1085 г. и завоевания Сицилии в 1091 г.¹⁰³⁷ До Ибн ал-Асира подобную мысль высказывал Али ибн Тахир ал-Сулами (ум. 1107) в «Книге о священной войне» (Kitab al-jihad), для которого норманнское завоевание Сицилии стало первым этапом движения, которое завершилось взятием Иерусалима¹⁰³⁸.

В передаче Ибн ал-Асира, родственник завоевателя Сицилии Рожера Балдуин собрал войско «франков» с целью завоевать Африку. Однако Рожера возможность обрести соседа в лице Балдуина совсем не обрадовала. Рожер «поднял ногу, с шумом выпустил газы» и объяснил своим товарищам, что для сицилийских норманнов предложение Балдуина крайне невыгодно, т.к. они могут утратить доходы с продаж продовольствия и доверие мусульман Африки. В то же время если они откажутся от союза с Балдуином, то в дальнейшем сами смогут овладеть Африкой¹⁰³⁹. По этой причине Рожер предложил «франкам» отправиться за славой в Сирию, а не в Африку, с которой его связывали «клятвы и договоры»¹⁰⁴⁰.

Помимо «норманнского» фактора в лице Рожера, направившего агрессию «франков» в Сирию, Ибн ал-Асир выделяет сельджукскую угрозу, которая побуждала правителей Египта и Византии искать поддержки у христиан. Фатимиды написали послание крестоносцам с призывом прийти в Сирию, а византийский император согласился переправить их через Босфор с условием, что они отдадут ему Антиохию¹⁰⁴¹. При этом византийский император надеялся

¹⁰³⁶ Там же.

¹⁰³⁷ Ali ibn al-Athir. The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil fi'l-Ta'rikh / trans. by D. S. Richards. L., 2008. T. 1. P. 13.

¹⁰³⁸ Chevedden P.E. "A Crusade from the First" : The Norman Conquest of Islamic Sicily, 1060—1091 // Al-Masaq: Islam and the Medieval Mediterranean. 2010. Vol. 22. № 2. P. 201—206.

¹⁰³⁹ Ali ibn al-Athir. The Chronicle. P. 13.

¹⁰⁴⁰ Ibid.

¹⁰⁴¹ Ibid. P. 14.

на истребление крестоносцев, зная о тюркской «жестокости и об их завоеваниях»¹⁰⁴².

Индикатором враждебного отношения к «франкам» у Ибн ал-Асира служит использование им обычных для арабских авторов форм проклятий по отношению к крестоносцам: «да проклянет их Аллах»¹⁰⁴³ и «да покинет их всемогущий Аллах»¹⁰⁴⁴.

При описании осады Антиохии Камал ад-Дин упоминает Боэмунда как одного из «девяти графов-предводителей» войска франков. Он прекрасно осведомлён о том, что Боэмунд является сыном «Гюискара», а Танкред — был его племянником¹⁰⁴⁵.

Камал ад-Дин очень подробно и совершенно бесстрастно повествует о том, как Боэмунд стал владельцем Антиохии благодаря предательству некоего аз-Заррада, который затаил злобу на сельджукского наместника из-за конфискаций денег и зерна. А также вследствие уловок Боэмунда по отношению к другим предводителям крестоносцев, которых он убедил передать Антиохию тому, кто овладеет ей первый¹⁰⁴⁶.

«Франки» в отношении мусульман действуют «хитростью и обманом». Они оповестили правителя Дамаска о том, что они не желают никаких других земель кроме тех, которые находились под властью Византии, с целью предотвратить мусульман от выступления на помощь Антиохии¹⁰⁴⁷. Именно Антиохия является главной целью крестоносцев и главным призом, за обладание которым они заплатили огромную цену.

Захват Антиохии побуждает выступить против крестоносцев сельджукского атабека Кербогу, под знамёна которого собрались многие «высокие эмиры», «тюркские и арабские отряды из Сирии». Однако Кербога своей заносчивостью и стремлением добиться подчинения испортил отношения

¹⁰⁴² Ibid.

¹⁰⁴³ Ibid. P. 38, 74, 93.

¹⁰⁴⁴ Ibid. P. 79.

¹⁰⁴⁵ Камал ад-Дин. Зубдат ат-таварих аль-Халев. С. 126, 133.

¹⁰⁴⁶ Там же. С. 125 и сл.

¹⁰⁴⁷ Ali ibn al-Athir. The Chronicle. P. 79.

с мусульманскими военачальниками, которые в раздражении и озлоблении против него хранили лишь видимость покорности¹⁰⁴⁸.

Напротив, «франки» демонстрируют редкое единство, несмотря на голод и лишения. Ибн ал-Асир перечисляет предводителей крестоносцев и упоминает среди них Боэмунда, которого как правителя Антиохии он считает главным¹⁰⁴⁹. О его руководящей роли в деле под Антиохией арабоязычный хронист больше нигде в тексте не упоминает.

Ал-Каланиси не выделяет норманнских предводителей из вождей Первого крестового похода. Впервые он упоминает «короля франков» Боэмунда, который в 1100 г. по дороге на Мелитену был захвачен в плен эмиром Данышмендом.

Под 1100 г. Ибн ал-Асир сообщает, что Гюмюштекин ибн ал-Данышменд под Малатией разгромил пятитысячную армию «Боэмунда франка, который был одним из франкских предводителей», а его самого взял в плен¹⁰⁵⁰.

С укоризной повествует Ибн ал-Асир об освобождении «Боэмунда франка» из плена Данышмендидов за выкуп в сто тысяч динаров и обещание освободить дочь Яги Сияна. Само возвращение Боэмунда в Антиохию подняло моральный дух «его народа» и привело к обложению данью обитателей Мараша, Киннисрина и соседних поселений. Ибн ал-Асир заключает, что мусульмане пострадали вследствие того, что пришли в упадок «межевые столбы, установленные Данышмендом»¹⁰⁵¹.

Важной вехой в борьбе мусульман с крестоносцами Ибн ал-Асир считает победу мусульман при Харране. Он предваряет описание этого сражения кратким рассмотрением причин крайне удачных завоеваний «франков» земель ислама: постоянная вражда между мусульманскими правителями, отсутствие единомыслия, различные устремления и рассредоточенное богатство¹⁰⁵².

¹⁰⁴⁸ Ibid. P. 16.

¹⁰⁴⁹ Ibid.

¹⁰⁵⁰ Ibid. P. 32.

¹⁰⁵¹ Ibid. P. 60.

¹⁰⁵² Ibid. P. 79.

Вражда была в самом разгаре между тюркскими эмирами Сукманом и Джекермишем, когда они слышали о приближении «франков» к Харрану. Эта новость заставила их на время забыть разногласия и поступить на «службу Аллаху» в надежде на воздаяние в будущем¹⁰⁵³. Сукман располагал семью тысячами туркменов, а у Джекермиша было три тысячи тюрков, арабов и курдов.

Когда к месту сражения подошли войска «правителя Антиохии» Боэмунда и «владыки побережья» Танкреда, армия Балдуина была уже разгромлена. Сам Балдуин оказался в плену. Боэмунду и Танкреду удалось спастись только с шестью рыцарями¹⁰⁵⁴. Сукман воспользовался захваченной амуницией и лошадьми «франков», чтобы под видом возвращающихся с поля боя «товарищей» захватить несколько крепостей¹⁰⁵⁵.

Ал-Каланиси также описывает битву при Харране, в которой «Аллах даровал победу мусульманам». «Это была большая и невиданная ранее победа мусульман, которые смогли напугать франков, уменьшить их численность и возможности к нападению, в то время как сердца мусульман воспылали храбростью и наполнились жаждой победы в войне за веру против еретиков. Народ бурно обсуждал эту радостную весть о победе над франками, верил в их уничтожение и в то, что удача отвернулась от них»¹⁰⁵⁶.

Очевидно, что ал-Каланиси верно оценивает значение победы над норманнами, т.к. вскоре после этого он отмечает, что «Боэмунд, правитель Антиохии, сел на корабль и отправился к франкам, чтобы просить у них помощи и подкрепления в борьбе против мусульман Сирии»¹⁰⁵⁷. Под 1107 г. он сообщает, что Кылыч Арслан «послал одного из своих главных военачальников в Анатолию с большим войском туркмен, чтобы помочь царю Константинополя в его борьбе против Боэмунда и тех франков, которые вместе с ним

¹⁰⁵³ Ibid.

¹⁰⁵⁴ Ibid. P. 80.

¹⁰⁵⁵ Ibid.

¹⁰⁵⁶ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев. С. 45—46.

¹⁰⁵⁷ Там же. С. 49.

направлялись в Сирию. Эти войска шли на соединение с царем греков и греческими армиями, которые он собрал». После того, как «франки потерпели позорное поражение», византийский император устроил торжественный пир для «тюркских войск Кылыч Арслана», наградил их почётными одеждами, распределил трофеи и отправил по домам¹⁰⁵⁸.

На первом месте у Камал ад-Дина находятся отношения крестоносцев с Алеппо и его правителем Ридваном. По его мнению, пленение Боэмунда эмиром Сиваса Данышмендом способствовало ослаблению натиска «франков» на область Алеппо¹⁰⁵⁹. Победа при Харране привела к тому, что «войско Халеба в своих набегах достигало области Антиохии, и Боэмунд обнаружил свою неспособность защитить её. Лишь с небольшим числом лиц он смог ускользнуть от стычки с Сукманом. Он боялся мусульман и отправился морем в свою страну просить помощи у тех, кто прибывал сюда»¹⁰⁶⁰.

В отличие от ал-Каланиси, Камал ад-Дина не интересуется дальнейшая судьба Боэмунда за пределами Сирии, и только смерть норманна была расценена арабским хронистом как избавление мусульман от зла¹⁰⁶¹.

Ал-Каланиси негативно оценивает политику преемника Боэмунда Танкреда. Он считает её «несправедливой» тиранией в отношении армян Артаха, которые предпочли сдаться правителю Алеппо Ридвану. После этого Танкред «собрал всех франков, которые находились на его территории», выбил Ридвана из Артаха и совершил набег на Алеппо, чем посеял «беспокойство и страх» среди мусульман¹⁰⁶². Он сообщает, как Танкред выступает из Антиохии на покорение Тарса «со своим войском и своим проклятым сбродом»¹⁰⁶³.

С другой стороны, он признаёт, что Танкред способен проводить разумную политику. «Танкред осадил ал-Атариб и захватил город после длительной блокады в конце месяца джумаада этого года (1111—1112 — *Прим.*

¹⁰⁵⁸ Там же. С. 59—60.

¹⁰⁵⁹ Камал ад-Дин. Зубдат ат-таварих аль-Халеб. С. 131.

¹⁰⁶⁰ Там же. С. 133.

¹⁰⁶¹ Там же. С. 135.

¹⁰⁶² Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев. С. 52.

¹⁰⁶³ Там же. С. 72.

переводчика). Он пощадил гарнизон города, и кто пожелал, смог остаться, не пожелавшие же ушли. После этого между князем Фахр ал-Мулук Рудваном и Танкредом был заключен договор о дружбе на том условии, что князь будет ежегодно платить ему из доходов Алеппо дань в размере двадцати тысяч динар и десяти лошадей, а также освободит пленников. На этой основе и был заключен мир»¹⁰⁶⁴.

Танкред принял с почётом и обещал защиту сельджукскому принцу, который доводился двоюродным братом султану Гийас ал-Дунйа вал-Дин Мухаммаду. При этом некие «тюрки, которые находились на службе у Танкреда», поспешили примкнуть к этому сельджукскому принцу¹⁰⁶⁵. Ал-Каланиси представляет этого сельджукского принца как «сына Такаша, сына султана Алп-Арслана и брата султана Малик-шаха Справедливого»¹⁰⁶⁶. Некоторое время этот опальный принц оставался при дворе князей Антиохии и выступал вместе с ними в походы против мусульман, но затем предпочёл искать убежище в Египте у ал-Афдала¹⁰⁶⁷.

Камал ад-Дина в большей степени интересуют отношения правителя Антиохии Танкреда и сельджукского правителя Ридвана. В 1105 г. при Артахе Танкреду удалось взять реванш за поражение при Харране. По словам хрониста, «пешие мусульмане устояли, но конница обратилась в бегство»¹⁰⁶⁸. Для норманнов не составило труда истребить пехоту в количестве трёх тысяч человек¹⁰⁶⁹. Эта победа было большим несчастьем для жителей Алеппо, и Танкред начал совершать набеги в восточном направлении от Антиохии¹⁰⁷⁰.

Из прочтения Камал ад-Дина складывается впечатление, что не норманнские правители Антиохии, а именно Ридван предстаёт инициатором нападений. Норманны, зачастую «обескураженные известием о нарушении

¹⁰⁶⁴ Там же. С. 77.

¹⁰⁶⁵ Там же. С. 94.

¹⁰⁶⁶ Там же.

¹⁰⁶⁷ Там же. С. 103.

¹⁰⁶⁸ Камал ад-Дин. Зубдат ат-таварих аль-Халев. С. 134.

¹⁰⁶⁹ Там же.

¹⁰⁷⁰ Там же.

перемирия», стремятся минимизировать ущерб от сельджукских набегов. Когда Ридван предлагает выплатить Танкреду двадцать тысяч динаров за снятие осады ал-Асариба, тот отказывается под предлогом того, что потратил на отражение сельджукской атаки сумму в тридцать тысяч. При этом неизменным требованием норманнского князя является возвращение своих пленных подданных: армян и мусульманских крестьянок из округа ал-Асариба. Также Танкред «успокоил сердца феллахов-мусульман, дав им гарантию безопасности» при разрушении стен ал-Асариба¹⁰⁷¹.

Усама мало что помнит об основателе Антиохийского княжества Бозмунде I, которого он называет «Маймуном». Его первые воспоминания связаны с периодом правления Танкреда, которого он называет «первый властитель Антиохии после Маймуна»¹⁰⁷².

С ранних лет Усама запомнил жестокость правителя Антиохии Танкреда, который во время перемирия был восхищён мастерством мусульманского всадника Хасануна так, что щедро его одарил. А после окончания перемирия, когда Хасанун оказался в плену у Танкреда, он приказал выколоть ему правый глаз, «чтобы он не мог ничего видеть, когда будет нести щит и закроет им левый глаз». Подобная жестокость кажется запредельной, когда Усама говорит, что Танкред за год до этого обещал освободить Хасануна, если тот окажется у него в плену. Причину несоблюдения Танкредом своего обещания Усама усматривает в языковом барьере, существующем между мусульманами и «франками». «Так, по крайней мере, полагал Хасанун, потому что франки говорят только по-франкски, и мы не понимаем, что они говорят»¹⁰⁷³.

Несмотря на то, что ал-Каланиси больше внимания уделял событиям, связанным с отношениями Дамаска и королевства крестоносцев в Палестине, он особо останавливается на наиболее драматическом эпизоде отношений норманнского княжества Антиохии и Алеппо. Битва при Сармаде, известная по

¹⁰⁷¹ Там же. С. 136 и сл.

¹⁰⁷² Усама ибн Мункыз. Книга назидания. С. 125.

¹⁰⁷³ Там же. С. 126.

латинским источникам как сражение на Кровавом поле, в представлении ал-Каланиси имеет огромное значение. «Это была одна из величайших побед, и за все прошлые века никогда больше исламу не оказывалась такая божественная помощь»¹⁰⁷⁴. В качестве «славного знака», символизирующего победу мусульман, ал-Каланиси сообщает о найденных на поле боя трупах нескольких лошадей, которые были так густо утыканы стрелами, что напоминали ежей.

Противостоящие мусульманам норманны Антиохии в терминах священной войны именуются как «неверные и заблудшие»¹⁰⁷⁵, «упрямые неверные»¹⁰⁷⁶, «нечестивый сброд»¹⁰⁷⁷. По сообщению ал-Каланиси, эта «действительно огромная армия, полностью оснащённая и хорошо вооружённая», состояла из франков и армян¹⁰⁷⁸. Но после уничтожения этой армии под ударами туркмен при Сармине ал-Каланиси признаёт, что Антиохия лишилась «своих верных воинов»¹⁰⁷⁹.

Вероятно, что одним из следствий этого сражения явилась долгая полоса мира и спокойствия для жителей Алеппо. Ал-Каланиси с 1120 по 1124 гг. сообщает о регулярном продлении мира между франками и правителями Алеппо¹⁰⁸⁰, что привело к следующим последствиям: «провинции богатели с обеих сторон, и дороги между их территориями стали безопасными для путешественников»¹⁰⁸¹.

Камал ад-Дин сообщает, что жители Алеппо предпочли призвать «франков» Антиохии против Ильгази ибн Артука и туркмен. Войска Алеппо и Антиохии выступали вместе против сельджуков. На предложения последних о сдаче жители Алеппо отвечали, что не желают «никого с Востока»¹⁰⁸². И

¹⁰⁷⁴ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев. С. 115.

¹⁰⁷⁵ Там же. С. 113.

¹⁰⁷⁶ Там же. С. 114.

¹⁰⁷⁷ Там же. С. 115.

¹⁰⁷⁸ Там же. С. 114.

¹⁰⁷⁹ Там же. С. 115.

¹⁰⁸⁰ Там же. С. 116, 118, 119.

¹⁰⁸¹ Там же. С. 119.

¹⁰⁸² Камал ад-Дин. Зубдат ат-таварих аль-Халеб. С. 147.

только «вероломство» франков заставило отчаявшихся жителей Алеппо принять власть Ильгази¹⁰⁸³.

Вероятно, Камал ад-Дин был уверен в возможности существования прочного мира с «франками» и взаимовыгодного процветания Антиохии и Алеппо в том случае, если бы «франки» не так «страстно желали лишить ислам всех его владений»¹⁰⁸⁴. С другой стороны, сельджукские «правители Востока»¹⁰⁸⁵ готовы были «пожертвовать своей жизнью в священной войне»¹⁰⁸⁶ и стремились к уничтожению могущества «франков» в Сирии.

Описание Камал ад-Дином сражения при Сармаде (битва на Кровавом поле) в 1119 г. является оригинальным и содержит некоторые интересные подробности. Он сообщает, что войско Ильгази было огромным и составляло сорок тысяч человек¹⁰⁸⁷. В основном это были туркмены¹⁰⁸⁸, которые откликнулись на призыв Артукида и атабека Нуреддина.

Камал ад-Дин не забывает упомянуть, что посланцы Алеппо побуждали Ильгази «к постоянным набегам на франков»¹⁰⁸⁹. Кади Абу-л-Фадл ибн Хашшаб, сидя «на кобыле с копьём в руке», горячими проповедями поднимал боевой дух мусульман накануне сражения¹⁰⁹⁰. И когда «даровал Аллах победу мусульманам, а франки были побеждены», «вестник победы» явился в Алеппо во время полуденной молитвы¹⁰⁹¹.

Ал-Каланиси крайне немногословен в своих оценках из-за его стремления к объективности и бесстрастности в изложении описываемых событий. Тем не менее, те немногие оценки, которые он даёт, позволяют заключить, что перед нами мусульманин, государственный чиновник высокого ранга и патриот

¹⁰⁸³ Там же. С. 148.

¹⁰⁸⁴ Там же. С. 149.

¹⁰⁸⁵ Там же.

¹⁰⁸⁶ Там же. С. 150.

¹⁰⁸⁷ Там же. С. 149.

¹⁰⁸⁸ Там же. С. 151.

¹⁰⁸⁹ Там же. С. 149.

¹⁰⁹⁰ Там же. С. 150.

¹⁰⁹¹ Там же.

Дамаска. О франках он знает очень немного и совершенно не стремится к этому.

Очевидно, что «франки» Антиохии являются для Камал ад-Дина противниками мусульман, но при этом он относится к ним более-менее терпимо и допускает возможность мирного сосуществования в Сирии. Об этом свидетельствует сухой и спокойный стиль изложения событий. Он практически не использует термины священной войны при описании отношений между крестоносцами и тюркскими правителями. Те и другие, в его представлении, являются завоевателями и принадлежат к кланам военных аристократов, которые ведут между собой нескончаемую борьбу за власть и доходы с земель. Его интересуют отношения завоевателей и их подданных, которые являются важным критерием для оценки правителей сельджуков и норманнов.

Усама ибн Мункыз не испытывает явной ненависти к «франкам», скорее, они для него являются источником раздражения и неудобств. Он признаёт их храбрость и опытность в военном деле, но при этом они кажутся ему странными, а их обычаи и манера поведения диковинными.

Ибн ал-Асир является наиболее информированным из мусульманских авторов. Он ясно осознаёт свой долг как мусульманского историка представлять деяния «франков» наиболее враждебно. Но при этом он не может скрыть своего уважения к хорошим качествам врагов Аллаха и мусульман. В особенности его интересуют «хитрости», к которым прибегают «франки» на войне с мусульманами.

Глава 4. НОРМАННЫ И ТУРКИ-СЕЛЬДЖУКИ В МАЛОЙ АЗИИ, ПО ДАННЫМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛАТИНСКИХ АВТОРОВ

4.1. МИФ О ТРОЯНСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ НОРМАННОВ И ТУРОК-СЕЛЬДЖУКОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ ТРАДИЦИИ XI—XII вв.

В 1097 г. от армии крестоносцев, продвигавшейся через Малую Азию, отделилась часть во главе с Робертом Нормандским, Боэмундом и Танкредом. По мнению норманнского хрониста Рауля Канского, норманнские предводители составили авангард войска крестоносцев «как единоплеменники, с единой мыслью о том, чтобы распространить славу единой своей родины»¹⁰⁹². Неподалеку от Дорилии норманнский отряд был атакован объединенными силами Румского султана Кылыч-Арслана I и эмира Каппадокии и Тавра Гази ибн Данышменда.

Участник Первого крестового похода, норманнский рыцарь, имя которого не сохранилось, так описывал завязку этого сражения: «Турки сразу стали гудеть, свистеть и кричать, произнося высоким голосом неизвестное мне дьявольское слово на своем языке. Муж мудрый Боэмунд, увидев вдали бесчисленных турок, гудящих и вопящих демонским голосом, немедленно приказал всем воинам спешиться и быстро раскинуть шатры. <...> После этого турки уже отовсюду окружили нас, размахивая мечами, метая копья и разя и также удивительным образом стреляя из луков во все стороны. Мы же, хотя не

¹⁰⁹² Gesta Tancredi. P. 508.

могли им ни противостоять, ни выдержать напора такой массы врагов, но, однако же, единодушно выступили туда»¹⁰⁹³.

Несколько часов длилось ожесточенное сражение норманнов и турок, исход которого решило появление арьергарда крестоносного войска, состоявшего из провансальцев и лотарингцев. С их приходом турки обратились в бегство и, как пишет хронист, «мы их преследовали, убивая, весь этот день»¹⁰⁹⁴.

По всей видимости, норманнский рыцарь впервые столкнулся с турками в столь крупной битве, т.к. для него в новинку была манера и «звуковое сопровождение» боя турками. Поэтому он очень эмоционально выражает свое отношение к туркам после первого столкновения: «Кто будет когда-либо настолько мудр или учен, чтобы описать благоразумие, воинственность и храбрость турок? Турок, которые думали утратить народ франков грозой своих стрел, подобно тому, как они утратили арабов, сарацин, армян, сирийцев и греков. Но, если Богу угодно, их сила никогда не сравнится с нашей. Они справедливо говорят, что сами родом от франков, ибо никто не может быть прирожденным воином¹⁰⁹⁵, кроме франков и их. Скажу истину, которой никто не осмелится противостоять. Ведь если они всегда были бы тверды в вере Христовой и святом христианстве... Если бы уверовали они правой верой и разумом в Него, правящего на небе и земле, то не найти было бы никого могущественнее, храбрее и изобретательнее в сражениях, чем они. И вот, однако же, благодаря Богу они были побеждены нашими»¹⁰⁹⁶.

Данный текст совершенно не вяжется с духом Первого крестового похода и приводит в недоумение современного исследователя. Мало того, что Аноним

¹⁰⁹³ Цит. по: Деяния франков и прочих иерусалимцев / Т.Г. Мякин, Г.Г. Пиков, В.Л. Портных. Новосибирск, 2010. С. 161.

¹⁰⁹⁴ Деяния франков. С. 163; *Gesta Francorum*. III, 9, P. 48.

¹⁰⁹⁵ Авторы перевода считают, что существует проблема «адекватного перевода в хронике «Деяния франков» термина “miles”» (Деяния франков и прочих иерусалимцев. С. 116). Они утверждают, что в контексте данной хроники этот термин может быть переведен как «воин» или «конный воин» (Там же. С. 119). На мой взгляд, перевод термина “miles” как «рыцарь» в данном отрывке, повествующем о родстве франков и турок, вполне оправдан.

¹⁰⁹⁶ *Gesta Francorum*. III, 9, P. 50—51.

с известными оговорками восхищается «благоразумием», «воинственностью», «храбростью» и «могуществом» турок, в его хронике сами турки говорят о своем общем с франками происхождении и принадлежности к рыцарскому званию.

Почти слово в слово этот отрывок из сочинения Анонима воспроизводится в хронике «История Иерусалимского похода» священника Сервейского Петра Тудебода¹⁰⁹⁷. До сих пор идут жаркие споры о том, чья хроника появилась первой: Анонима или Петра Тудебода¹⁰⁹⁸.

Аргументом в пользу вторичности хроники Петра Тудебода может быть тот факт, что он вслед за дословным воспроизведением отрывка из хроники Анонима дополнительно высказывает уже свои оригинальные суждения о турках после описания сражения у Дорелеи: «Что еще можно сказать о благоразумии и мужестве турок? Они действительно очень свирепы и носят за плечами колчаны, полные отравленных стрел, от природы они очень воинственны и, как мы говорили выше, похвалялись своим происхождением от франков»¹⁰⁹⁹.

Гвиберт Ножанский¹¹⁰⁰ при написании своего труда где-то между 1104 и 1108 гг.¹¹⁰¹ «Деяния Бога через франков» «использовал сочинения Анонима, которое он дополнил»¹¹⁰²:

«Конечно, сами франки, которые избежали такой опасности [в битве с турками у Дорилеи — *В.П.*], единодушно согласились, что не существует больше нигде среди людей племя, подобное туркам: с настолько подвижной душой и деятельным оружием; т.к. они впервые столкнулись с ними на поле битвы и пришли в замешательство от нового для них оружия. Наши ничего не

¹⁰⁹⁷ Tudebod P. Historia de Hierosolymitano Itinere // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Т. 3. Р., 1866.

¹⁰⁹⁸ Об этом подробно: Деяния франков и прочих иерусалимцев. С. 102.

¹⁰⁹⁹ Tudebod P. Historia... Р. 27—28.

¹¹⁰⁰ Guiberti abbate monasterii Sanctae Mariae Novigenti. Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Р., 1869. Т. 4. Р. 113—221.

¹¹⁰¹ Лучицкая С.И. Образ другого : мусульмане в хрониках крестовых походов. М., 2001. С. 32.

¹¹⁰² Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков / отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек и М.Л. Гаспаров. М., 1972. С. 364.

знали о подвижности их конницы, которая удивительно легко уклонялась от наших атак и ударов: в особенности полной неожиданностью была их способность пускать стрелы во время отступления. Они придерживались того мнения, что являлись соплеменниками франков; и среди прочих народов только одним туркам и франкам принадлежит звание рыцаря»¹¹⁰³.

«Человек большой культуры, поэт и историк»¹¹⁰⁴ Бодри Дольский¹¹⁰⁵ переработал отрывок из хроники Анонима: «Мы посмеем сказать, что турки были воинственны, ибо душа их была полна отваги не менее, чем хитростью, и неизменно они прибегают к оружию. Зачастую враги несут смерть издалека, т.к. пользуются луком и многими другими военными приспособлениями, которые они пытались применять. Но многое было ими позабыто из того, что можно было использовать в сражении, поскольку прошло много времени с тех пор как умели. Они хвастали, что ведут свою родословную от рода франков, а предки их отступили от христианства. Говорили также, что никто другой от природы не может быть рыцарем, кроме них и франков. Если бы только добровольно вернулись бы к христианству, то тогда могли бы похвалиться своим происхождением от рода франков. Это было бы наилучшим решением, т.к., несомненно, мужи они изобретательные, хитроумные и воинственные, но, — О горе! — чуждые Богу. Их благородное происхождение оказалось размытым, поскольку они, как говорят, были исключены из числа тех, кто произошел от истинной оливы, которой является Христос»¹¹⁰⁶.

Несмотря на то, что все приведенные выше отрывки различны в деталях описания турок, в целом они очень похожи. С большой долей вероятности можно утверждать, что именно хроника Анонима ближе всего находится к первоисточнику, если такой существовал. Для нас имеет значение тот факт, что никто из хронистов не выразил удивление по поводу заявлений турок об их

¹¹⁰³ Guiberti... P. 162.

¹¹⁰⁴ Лучицкая С.И. Образ другого... С. 33.

¹¹⁰⁵ Baldrici episcopi Dolensis. Historia Jerosolimitana // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. P., 1869. T. 4.

¹¹⁰⁶ Ibid. P. 35—36.

общем происхождении с франками. Французский византист и переводчик хроники Анонима Луи Брейе комментирует данный отрывок как «любопытный намек»¹¹⁰⁷ на легенду о троянском происхождении франков и турок.

Историк-медиевист С.И. Лучицкая как специалист в области истории средневековых христианских представлений об исламе выражает свое удивление по поводу столь необычного пассажа и объясняет его проявлением особенностей, присущих описанию Другого, миметическим сходством, когда Другой становится тождественным «Я», и граница инаковости нарушается¹¹⁰⁸. «Таким образом, если военные качества мусульман и признаются, то лишь в том случае, когда мусульман преобразуют в христианских рыцарей, обнаруживают общее с ними происхождение и пр., — т.е. “Другого” делают “своим”»¹¹⁰⁹. В то же время нестабильность идентичности христиан компенсируется непоколебимостью религиозного барьера, разделяющего христиан и иноверцев.

С.И. Лучицкая справедливо утверждает, что «хронисты весьма часто с похвалой отзываются о военных доблестях мусульманских воинов» будь то турки-сельджуки Малой Азии, арабы Сицилии или мавры Испании¹¹¹⁰. Но в данном случае из всех мусульманских народов только турки претендуют на кровное родство с франками.

Французский историк А. Боссуа¹¹¹¹ считает, что легенда о троянском происхождении европейских народов для современных историков является абсурдом сродни невероятным басням, а для людей той эпохи, для которых не было разницы между литературой и историей, являла собой подобие расовой теории и имела силу истины, которая служила делу укрепления национального единства¹¹¹².

¹¹⁰⁷ Gesta Francorum. P. 51

¹¹⁰⁸ Лучицкая С.И. Образ другого... С. 213.

¹¹⁰⁹ Там же. С. 214.

¹¹¹⁰ Там же. С. 212.

¹¹¹¹ Bossuat A. Les origines troyennes : leur rôle dans la littérature historique du XVe siècle // Annales de Normandie. T. 8, 1958. P. 187—197.

¹¹¹² Ibid. P. 197.

Легенда о троянском происхождении была очень популярной в Западной Европе с VII по XV вв., т.е. на протяжении всего периода средневековья. Своим троянским происхождением похвалялись не только франки, норманны, бретонцы, но и венецианцы, венгры, жители провинции Эно, Фландрии, Брабанта, правящие дома Бургундии и Австрии, города Тур, Мец, Реймс, Женева, Ксантен и многие другие¹¹¹³.

Жак Пусе считает, что легенда о троянском происхождении в средние века и новое время была неким пережитком Римской империи, тем не менее представляла собой, прежде всего, активно действующую политическую идеологию, которая менялась на протяжении веков в зависимости от различных целей¹¹¹⁴.

В некотором смысле легенда о Трое объединяла народы Европы не в реальной истории, но в воображении, исторической фантазии. Но вместе с тем этот мнимый и исторически ложный миф способен был оказывать сильное влияние на реальную историю. В качестве примера Пусе ссылается на войны эпирского царя Пирра с римлянами, в которых миф о троянском происхождении сыграл большую роль, связанную с сицилийским городом Сегестой, которую якобы основали выходцы из Трои. Говорит Пусе и о большом влиянии этой легенды в средние века на политические и военные отношения Англии и Франции, Шотландии и Франции, между турками и Западом, между Венецией и Падуей и т.д.¹¹¹⁵

Миф о троянском происхождении зачастую служил средством легитимации различных политических и идеологических притязаний¹¹¹⁶. Римляне стремились отмежеваться от эллинистической традиции, возвести свой род к богам и тем самым оправдать претензии на мировое господство¹¹¹⁷.

¹¹¹³ Poucet J. Le Mythe de l'origine troyenne au Moyen Âge et à la Renaissance // Folia Electronica Classica. 2003. N 5, janvier-juin: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/05/anthenor2.html> (дата просмотра: 28.10.2012).

¹¹¹⁴ Ibid.

¹¹¹⁵ Poucet J. Les Troyens aux origines des peuples d'Occident, ou les fantasmes de l'Histoire // Folia Electronica Classica. 2003. N 5, janvier-juin: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/05/anthenor2.html> (28.10.2012).

¹¹¹⁶ Лучицкая С.И. Образ другого... С. 213.

¹¹¹⁷ Bouet P. De l'origine troyenne des Normands // Annales de Normandie. T. 26. 1995. P. 402.

Норманнские герцоги нуждались в придании легитимности завоеванных ими территорий¹¹¹⁸. Правители Бургундии пытались обосновать независимость созданного ими государства¹¹¹⁹.

И.Я. Эльфонд считает, что миф о троянском происхождении являлся династическим мифом, который возводил основание династии «к временам даже более древним, чем эпоха классической античности». Таким образом, «античная традиция служила облагораживанию династического мифа»¹¹²⁰. Он создавался в интересах правящей династии как «le mythe d'anoblissement par excellence» (миф дворянства по преимуществу)¹¹²¹ и оставался таким в сознании современников вплоть до XVI в.

Вместе с тем, по мнению М.Е. Грабарь-Пассек, в XI—XII вв. в средневековой литературе наметился интерес не только к историческим и династическим вопросам, но и к событиям самой войны и ее героям: «В трактовке троянского сюжета ясно намечаются две линии: первая носит характер пессимистической оценки судьбы человека, примыкая к ортодоксальному церковному учению о бренности земной жизни, непрочности земной славы и величия. Произведения с этой тенденцией делают упор на трагический исход Троянской войны. Вторая линия связана непосредственно с исторической обстановкой XII и XIII вв. — временем крестовых походов, со стремлением к выходу за пределы узких феодалов, к знакомству с далекими неведомыми странами, к покорению богатого Востока, сулившему и обогащение, и славу»¹¹²².

Миф о Троянской войне в период расцвета рыцарского эпоса и открытия дороги на Восток во время крестовых походов пробуждали интерес к Азии и

¹¹¹⁸ Ibid. P. 401.

¹¹¹⁹ Асейнов Р.М. Политическая мифология и проблема самоопределения Бургундии в XV в. // Средние века. 2002. Вып. 63 (3). Режим доступа: <http://www.en.srednieveka.ru/journal/cat/110> (дата просмотра: 28.10.2012).

¹¹²⁰ Эльфонд И.Я. Эволюция династического мифа в культуре Франции позднего Средневековья [Электронный ресурс] // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006. Режим доступа: <http://Annales.info/evrope/small/dinmif.htm> (дата просмотра: 2.11.2012).

¹¹²¹ Poucet J. Les Troyens aux origines des peuples d'Occident, ou les fantasmes de l'Histoire // Folia Electronica Classica. 2003. N 5, janvier-juin: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/05/anthenor2.html> (дата просмотра: 28.10.2012).

¹¹²² Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966. С. 199.

Византии¹¹²³. В то же время М.Е. Грабарь-Пассек подчеркивает изначально враждебную политическую направленность Троянского мифа по отношению к Византии: «Не только сам Эней, потомки которого основали Рим, остается как бы идеальным прародителем западных королей, но и другие троянские беглецы, Антенор и его потомки, а также сыновья Гектора, число которых в средневековых легендах все увеличивается, становятся любимыми героями. Гомер не только неизвестен в оригинале, но и не пользуется симпатиями - ведь он стоял за греков, и его наследницей представляется западным хронистам и поэтам ненавистная и враждебная Византия. Именно эту крутую перемену политических симпатий надо всегда иметь в виду при изучении средневековых версий Троянской войны»¹¹²⁴.

Римские историки признавали за некоторыми галльскими племенами право считать себя потомками троянцев. По словам Цезаря, римский сенат «неоднократно именовал эдучей братьями по крови»¹¹²⁵. Корнелий Тацит передает, что эдуи первыми получили право становиться сенаторами, т.к. «они единственные из Галлов именовались братьями Римского народа»¹¹²⁶. Лукан¹¹²⁷ и Аполинарий Сидоний¹¹²⁸ сообщают, что арверны заявляли о своем братском родстве с римлянами по крови и общем происхождении от «илионского народа»¹¹²⁹. Несмотря на столь очевидные свидетельства римских авторов, ни одно из галльских племен так и не обзавелось собственным мифом о троянском происхождении по примеру римлян.

¹¹²³ Там же. С. 197.

¹¹²⁴ Там же. С. 192.

¹¹²⁵ Caesaris Iuli Commentariorum De Bello Gallico [Electronic resource] // : <http://www.thelatinlibrary.com/caesar/gall1.shtml> (дата просмотра: 2.11.2012). I, 33. «Haeduos, fratres consanguineosque saepe numero a senatu appellatos».

¹¹²⁶ Tacitus C. Annales ab excessu divi Augusti [Electronic resource]. Oxford, 1906. : <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.02.0077%3Abook%3D11%3Achapter%3D25> (дата просмотра: 2.11.2012). XI, 25. «... soli Gallorum fraternitatis nomen cum populo Romano usurpant».

¹¹²⁷ Lucanus M.A. Pharsaliae Libri X. [Electronic resource]. Leipzig, 1835: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.02.0133%3Abook%3D1%3Acard%3D396> (дата просмотра: 2.11.2012).

¹¹²⁸ Apollinaris Sidonius. Poems and Letters [Electronic resource]. Vol 1-2. L. ; Cambridge, Massachusetts, 1936.: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:2008.01.0549:book=7:poem=7:section=2&highlight=iliaco> (дата просмотра: 2.11.2012).

¹¹²⁹ Lucanus M.A. Pharsaliae. I, 427—428: «Aruernique ausi Latio se fingere fratres // sanguine ab Iliaco populi...»; Apollinaris, Sidonius Poems and Letters. 7.7.1: «Aruerni audebant se quondam fratres Latio dicere et sanguine ab Iliaco populos computare...».

Источниками создания мифа о троянском происхождении франков послужили две раннесредневековые хроники: составленная в 660 г. «История франков» Фредегара¹¹³⁰ и анонимная хроника *Gesta Regum Francorum*¹¹³¹, или *Liber Historiae Francorum*, датируемая 727 г. По мнению Ж. Пусе, эти две латинские хроники взаимно дополняют друг друга¹¹³².

Из известных нам средневековых авторов Фредегар первый называет Трою родиной франков, а Приама «первым франкским королем»¹¹³³: «Потом, как написано в исторических книгах, их королем был Фрига. После этого они разделились на две части: одна отправилась в Македонию и стала называть себя македонянами — по имени того народа, который принял их к себе. Когда они, соединившись с этим народом, умножились, из их имени произошли позднейшие македоняне, очень храбрые воины. Ведь и впоследствии, во времена Филифа и его сына Александра молва, об их храбрости подтвердилась. Другую их часть, вышедшую из Фригии, заманил в ловушку Одиссей, но не поймал их, а только изгнал, и они с женами и детьми странствовали по многим местам и избрали себе короля по имени Франкион, от его имени они и были названы франками. Франкион был очень храбр и воевал со многими народами, опустошил часть Азии, перешел в Европу и поселился между Рейном и Дунаем. После смерти Франкиона, т.к. они сильно уменьшились в числе, они выбрали из своей среды герцогов. Однако они оставались независимыми и долго жили под началом герцогов до времени консула Помпега, который воевал с ними и с другими германскими племенами, и подчинил их римлянам. Но франки сейчас же вступили в союз с саксами, восстали против Помпега и отказались ему подчиняться. Помпег умер, сражаясь в Испании со множеством племен. С того времени и до сего дня ни один народ не мог победить франков. Так же, как македоняне, принадлежавшие к тому же племени, они, несмотря на многие

¹¹³⁰ Monod G. Études critiques sur les sources de l'histoire mérovingienne : La Compilation Dite de Frédégaire. Vol. 10. P., 1885.

¹¹³¹ *Liber Historiae Francorum* / ed. Bruno Krusch // *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores Rerum Merovingicarum*, II. Hannover, 1888. P. 215—328.

¹¹³² Poucet J. Le Mythe de l'origine troyenne au Moyen Âge et à la Renaissance.

¹¹³³ Monod G. Études critiques. I. IV. P. 35: «Exinde origo Francorum fuit, Priamo primo régi habuerunt».

тяжкие войны, всегда старались быть свободными и не подчиняться чужому владычеству...»¹¹³⁴.

Liber Historiae Francorum более подробно повествует о троянском происхождении франков: «Но другие правители, бывшие в этом городе, Приам и Антенор, взяв с собой оставшуюся часть троянского войска, с двенадцатью тысячами человек поднялись на корабли и прибыли к устью реки Танаис. Потом они попали в болота Меотиды и достигли Паннонии, лежащей недалеко от Меотийских болот. Здесь они остановились, построили город и назвали его Сикамбрией. Они долго оставались там и стали великим народом»¹¹³⁵.

В это время против римского императора Валентиниана восстало «злое племя аланов»¹¹³⁶, которое римлянам удалось разбить, но часть племени бежала за Дунай и скрылась в Меотийских болотах. Римский император призвал выгнать оттуда «этот злобный народ»: «троянцы собрались вместе, тайком подстерегли аланов - на это они были мастера - и изрубили их. Тогда император Валентиниан назвал их франками - это слово аттическое, в переводе оно означает “дикие” - за твердость и исключительную храбрость духа»¹¹³⁷.

После этого Валентиниан отправил к «троянцам» сборщиков податей, которых франки подстерегли и убили, чтобы окончательно освободиться от римлян. В ответ на это разгневанный Валентиниан отправил войско против «троянцев», в битве с которым франки потерпели поражение и погиб их вождь Приам. «Они ушли из Сикамбрии, достигли крайних пределов Рейна и германских областей, поселились там со своими князьями Маркомиром, сыном Приама, и Сунно, сыном Антенора, и жили там долго. После смерти Сунно они

¹¹³⁴ Цит. по: Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. С. 193; Monod G. Études critiques. I. IV—VI. P. 35—36.

¹¹³⁵ *Liber Historiae Francorum*. P. 241—242.

¹¹³⁶ Цит. по: Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. С. 194.

¹¹³⁷ *Liber Historiae Francorum*. P. 243.

решили избрать себе короля, как было принято у других народов. Они избрали Фарамунда, сына Маркомира»¹¹³⁸.

Для нас приведенные выше латинские хроники представляют интерес не только как первоисточники возникновения мифов о троянском происхождении франков и других европейских народов, но и как первое упоминание в латинской традиции о троянском происхождении турок.

Фредегар не только повествует о разделении «троянцев» на македонцев и франков, но и говорит о некоем третьем народе: «Молва утверждает, что третьим по счету того же происхождения было племя торков. Когда продвигавшиеся со множеством сражений франки переправились из Азии в Европу и собрались идти вверх по берегу Дуная (река между Океаном и Тракией), часть из них предпочла остаться и выбрала себе короля по имени Торкот, по этой причине племя получило название турок»¹¹³⁹.

Насколько серьезно можно относиться к сообщению Фредегара о турках? Хроника Фредегара по большей части является компиляцией из работ более ранних авторов, в которой различают несколько наслоений¹¹⁴⁰.

Английский ученый Рансимен¹¹⁴¹ с большим предубеждением относится к авторству Фредегара, тем не менее, сведения самой хроники о троянском происхождении турок Анатолии он не считает фальшивкой, интерполяцией или заблуждением! Более того, Рансимен предполагает, что на Западе было известно о некоем турецком посольстве, которое прибыло в Константинополь в 586 г.¹¹⁴² По его мнению, турки-сельджуки могли узнать о троянском мифе до Первого крестового похода от викингов-скандинавов, которые сохраняли в своей устной традиции предания о троянском происхождении. В XIII в. эта устная традиция нашла отражение в Младшей Эдде: «Из первых глав мы

¹¹³⁸ Цит. по: Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. С. 195; *Liber Historiae Francorum*. P. 244.

¹¹³⁹ Monod G. *Études critiques*. I. IV. P. 36.

¹¹⁴⁰ Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. С. 192.

¹¹⁴¹ Runciman S. *Teucri and Turci* // *Medieval And Middle Eastern Studies: In Honor of Aziz Suryal Atiya*. Leiden, 1972. P. 344—348.

¹¹⁴² *Ibid.* P. 346.

узнаем, что у Юпитера был сын, Дарданус, который стал основателем Трои. Приам был его наследником в пятом поколении; и после падения Трои часть троянцев отправилась на Восток. Через двадцать поколений после Приама их вождем стал Водин или Один, который жил с женой Фригидой, или Фригг в “Tutkland”. Они решили эмигрировать и отправились в Ютландию, где Один основал город-государство, в котором сохранились некоторые институты, существовавшие в Трое и к которым “tyrks” привыкли. Во главе с его наследниками это государство расширилось; и со временем троянский язык стал языком Норвегии, Дании, Саксонии и Англии. Скорее всего, это Северное королевство, имевшее трояно-турецкое происхождение, находилось в Исландии»¹¹⁴³.

Таким образом, скандинавы из Исландии, которые служили в варяжском корпусе при дворе византийских императоров, находились под командованием норманнских авантюристов в Малой Азии, направлялись в паломничество в Иерусалим, участвовали в Манцикертском сражении и попадали в турецкий плен. Одним словом, связи скандинавов с турками-сельджуками могут объяснить, почему последние, по словам хронистов первого крестового похода, «утверждали» и «хвастались» своим троянским происхождением¹¹⁴⁴.

Идеи Рансимена относительно «троянского происхождения турок-сельджуков» очень интересны и оригинальны, хотя они не столько проясняют поставленные ранее вопросы, сколько ставят перед исследователем новые. Безусловно, трудно объяснить столь ранние свидетельства о существовании турок в западной традиции.

Непонятно, почему Рансимен пренебрегает литературной традицией, существовавшей в Западной Европе, в пользу скандинавского эпоса, существовавшего в форме устных сказаний. До сих пор Младшая Эдда остается крайне сложным для изучения и противоречивым источником. Кроме этого,

¹¹⁴³ Ibid. P. 347.

¹¹⁴⁴ Ibid.

миф о троянском происхождении франков возник на несколько столетий раньше первых попыток записать предания скандинавов.

Логичнее было бы предположить, что турки-сельджуки могли узнать о Троянском мифе не от скандинавов, а от норманнов, которые не только приобщились к культуре Западной Европы в Нормандии, но и сохранили память о своем скандинавском происхождении. Вместе с тем, почти синхронно с турками-сельджуками норманны появляются на территории Византии, а с середины XI в. начинают активно проникать в Малую Азию в качестве наемников византийских императоров.

Очевидно, что традиция троянского мифа не только не угасала в Западной Европе, но только набирала обороты вплоть до XVI в. Благодаря норманнским хронистам она расцветает в Нормандии в XI—XII вв.

Основатель норманнской историографической традиции, хронист франко-норманнского происхождения Дудо из Сен-Кантена между 1015 и 1025 гг. пишет историю первых норманнских правителей, чтобы облагородить происхождение тех, кого еще не так давно именовали «пиратами»¹¹⁴⁵: «Даки, прозванные так от данаев или данов, похвалялись своим происхождением от Антенора, который, после разрушения Трои, ускользнул из гущи ахейцев и достиг берегов Иллирии вместе со своими соратниками. Эти же Даки, как известно, изгнанные из своей земли, во главе с вождем Гастингсом со временем заволокли и свирепо стали захватывать Францию»¹¹⁴⁶.

Дудо удалось невозможное: пользуясь игрой слов, фонетическим сходством первого слога, он объединяет в одно целое датчан из Скандинавии (dani), данайцев из эпоса Гомера (danai) и даков из Иллирии (daci). Пьер Буэ¹¹⁴⁷ считает, что в данном случае Дудо под влиянием хроники Фредегара и *Liber Historiae Francorum* «творчески» переработал текст «Энеиды» Вергилия о странствии Антенора: перенес место высадки троянцев из долины реки По (где

¹¹⁴⁵ Dudonis Sancti Quintini. De moribus et actis primorum Normanniae ducum. Caen, 1865. P. 130.

¹¹⁴⁶ Ibid. P. 130.

¹¹⁴⁷ Bouet P. Dudon de Saint-Quentin et Virgile: l'« Énéide » au service de la cause normande // Annales de Normandie. T. 23. 1990. P. 215—236.

находился «залив Иллирии»¹¹⁴⁸, по Вергилию) на Дунай в Дакию, тем самым произвел «данов» от «даков», нисколько не смущаясь тем, что «данайцы» Вергилия были «греками»¹¹⁴⁹. Эта модель троянского происхождения норманнов в дальнейшем применялась многими средневековыми авторами для создания новых генеалогий, в том числе Саксоном Грамматиком, который выводил датчан (данов) от «данайцев», ссылаясь при этом на хронику Дудо¹¹⁵⁰.

Продолжатель Дудо Вильгельм Жюмьежский¹¹⁵¹ подошел к вопросу происхождения норманнов более основательно с исторической точки зрения. В 1070 г. он закончил работу над своей хроникой, в которой он дополнил данные Дудо, взятые из «Энеиды» Вергилия и *Liber Historiae Francorum*. Вильгельм был уверен, что норманны, или “*dani*”, произошли от готов из Сканзы¹¹⁵². Он выводит происхождение «троянцев» от библейского Ноя, через его сына Яфета, от которого произошло мифическое племя «магогов», которые путем этимологических ухищрений, благодаря иллюзорному этимологическому сходству, становятся «готами из Сканзы». Модель превращения «магогов» в «готов» Вильгельм позаимствовал у Исидора Севильского¹¹⁵³, а саму идею происхождения норманнов от готов, по всей видимости, взял из «Гетики» Иордана¹¹⁵⁴.

«Готы из Сканзы» (Скандинавии) во главе со своим королем Беригом (*Berig*) первоначально отправились в Германию, затем в болота Меотиды, а после этого заняли Дакию (*Datia*), которая также была известна как Данмарка (*Danamarcam*). Таким образом, Вильгельм вернулся предложенной Дудо версии и поставил знак равенства между «*dani*» и «*daci*». Вильгельм считал, что и «троянцы» произошли от «готов», поэтому он создает вторую генеалогическую линию, в соответствие с которой после падения Трои «две тысячи рыцарей и

¹¹⁴⁸ Современный «Венецианский» залив.

¹¹⁴⁹ Bouet P. *Dudon*. P. 228.

¹¹⁵⁰ Poucet J. *Le Mythe de l'origine troyenne au Moyen Âge et à la Renaissance*.

¹¹⁵¹ Guillaume de Jumege. *Gesta Normannorum ducum* / ed. J. Marx. Rouen, P., 1914.

¹¹⁵² Ibid. I. 4.

¹¹⁵³ Bouet P. *De l'origine troyenne des Normands*. P. 407.

¹¹⁵⁴ Ibid. P. 408.

пятьсот мужей»¹¹⁵⁵ во главе с Антенором отправились в Германию, а затем в Дакию (Datia), которую они переименовали в Данмарку (Danamarcum) по имени своего короля Даная¹¹⁵⁶.

Ордерики Виталий предложил свой вариант происхождения норманнов от троянцев: «По своему происхождению троянцы, как говорят, берут начало от отважного племени скифов. После разграбления Трои фригиец Антенор добрался до Иллирии, где долгое время скитался вместе с товарищами по изгнанию в поисках места для поселения. В результате он поселился на берегу океана на севере и стал владеть прибрежными землями вместе со своими соратниками и потомками. От его сына Дана этот народ, происходивший от троянцев, стал называться данами. Они изначально были жестокими и воинственными людьми и управлялись сильными королями, но они отвергали веру в Христа очень долгое время»¹¹⁵⁷.

По мнению П. Буэ, Ордерику удалось весьма оригинальным образом объединить версии троянского происхождения норманнов Дудо и Вильгельма Жюмьежского: троянцы происходят от скифов/готов, Антенор приводит их Иллирию, откуда они мигрируют на север в Германию/Дакию и там становятся данами/данайцами¹¹⁵⁸. В основе идентификации норманнов-троянцев-скифов лежит воинственный, отважный дух этих племен, который Ордерики в отличие от своих предшественников рассматривает как дефект их характера.

Легенда о троянском происхождении данов и норманнов в той или иной из приведенных выше вариаций находит свое отражение в трудах многих норманнских и англо-норманнских хронистов XII в.: Вильгельма Малмсберрийского, Роберта из Торины, Генриха Хантингтонского (ум. 1160), Жерве Кентерберрийского (ум. 1210), в национальном эпосе Нормандии «Романе о Роллоне» поэта Васа и в «Романе о Трое» Бенуа де Сен-Мора.

¹¹⁵⁵ Guillaume de Jumege. Gesta. I. 4.

¹¹⁵⁶ Ibid.

¹¹⁵⁷ Orderici Vitalis. IX. 4. P. 654—655.

¹¹⁵⁸ Bouet P. De l'origine troyenne des Normands. P. 409.

В одной из дошедших до нас редакции «Истории деяний в заморских землях» Вильгельм Тирский говорит о троянском происхождении турок-сельджуков: «С самого начала племя турок или туркоманов (ибо оба они происходят от одного рода) было северным. Как они сами утверждают, и это содержится в наших хрониках, что они были названы по имени их вождя Турка, который после падения Трои вывел их в области Гипербореи, где они отказались от использования оружия и бродили в заботе о стадах овец и рогатого скота. Племя совершенно нецивилизованное, не имевшее постоянного местопребывания»¹¹⁵⁹.

Французский хронист Ригор (1150—1209) в соответствии с канонической версией Фредегара и *Liber Historiae Francorum* считает, что после разрушения Трои Франсион и Турк отправились во Фракию, где какое-то время жили на берегах Дуная. «Но после некоторого времени Турк со своими людьми, отделившись от своего кровного родственника Франциона, перебрался в нижнюю Скифию и правил там. От него ведут свое происхождение остроготы, ипоготы, вандалы и норманны»¹¹⁶⁰. По всей видимости, Ригор не хотел сказать, что турки являлись предками норманнов и что в данном случае произошла накладка при переписывании старой легенды на новый лад.

Альберт из Любека, который в 1172 г. сопровождал герцога Саксонии и Баварии Генриха Льва во время его паломничества в Иерусалим, говорит о приеме, оказанном в Малой Азии сельджукским султаном Кылыч Арсланом II: «И так они прошли к городу, который на языке турок называется Ракилеи, на нашем языке Эраклия... Герцог же, придя туда, был великолепно принят турками и затем был проведен до Аксарата, где его встретил с величайшей радостью султан, обнимая и целуя его, говоря, что он его родственник. И когда герцог спросил, в каком они состоят родстве, тот ответил: “Некая благородная

¹¹⁵⁹ Цит по: Lushchenko M. *L'image de l'Asie Mineure et des Turcs dans les textes narratifs du Moyen Âge français (XIIe — milieu du XVe siècle)*. Vancouver, 2011. P. 107.

¹¹⁶⁰ Ригор. Деяния Филиппа-Августа. Избранные фрагменты // Кентавр. *Studia classica et mediaevalia*. 2008. № 4. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Rigord/frame2text2.htm> (дата просмотра: 12.12.2012).

госпожа из немецкой земли вышла замуж за короля рутенов, который родил от нее дочь, она же прибыла в нашу страну и от нее происхожу я»¹¹⁶¹.

В то же время итало-норманнские хронисты второй половины XI в.: Готфрид Малатерра¹¹⁶², Амато из Монтекассино¹¹⁶³, Вильгельм Апулийский¹¹⁶⁴, которые столь ярко и подробно описали деяния сыновей Танкреда Готвильского, не потрудились даже намекнуть на троянское происхождение и тем самым придать блеск власти новых сеньоров Южной Италии и Сицилии. По всей видимости, политические и идеологические амбиции норманнских завоевателей в этом регионе Средиземноморья не требовали подобной формы легитимации. Миф о троянском происхождении франков по своей сути был направлен против признания власти римского папы¹¹⁶⁵. Южноиталийские норманны являлись вассалами римских пап, поддержка которых в немалой степени способствовала их успешной легитимации.

У норманнов из Южной Италии не было необходимости подтверждать свою принадлежность к французской нации путем внедрения мифа о троянском происхождении в сознание своих поданных, т.к. в своих владениях они были вассалами папы, а не французских королей. В вопросе национальной самоидентификации они сохраняли традицию, берущую начало от Вильгельма Жюмьежского¹¹⁶⁶, и расшифровывали термин «норманны» как «люди, пришедшие с Севера»¹¹⁶⁷, а, точнее, из Норвегии¹¹⁶⁸.

¹¹⁶¹ Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия, середина XII — середина XIII в. / Составление, пер. и коммент. М.Б. Свердлова. М., 1990. С. 362.

¹¹⁶² Malaterra G. De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius // *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani. Bologna*, 1928. T. 5.

¹¹⁶³ Amatus di Montecassino. *Storia dei normanni di Amato di Montecassino*, ed. V. de Bartholomeis. Roma, 1935.

¹¹⁶⁴ Guillaume de Pouille. *La Geste de Robert Guiscar* / ed., tr., comm. et intr. par M. Mathieu. Palermo, 1961.

¹¹⁶⁵ Ж. Пусе со ссылкой на Вателе (P. Wathelet) говорит о том, что миф о троянском происхождении франков возник против власти папы или императора, поскольку франки никогда не были под игом римлян и в политическом отношении не принадлежат Риму (Poucet J. *Le Mythe de l'origine troyenne au Moyen Âge et à la Renaissance*).

¹¹⁶⁶ Guillelme de Jumege. *Gesta*. I. 4: «Nortmanni autem dicuntur, quia lingua eorum Boreas North uocatur, homo uero man; inde Northmanni, id est homines boreales per denominationem nuncupantur».

¹¹⁶⁷ Malaterra. I. 3. P. 8: «Et quia ipsi ab aquiline venerant, Normanni dicti...»; Amatus. I. 1. P. 9—10: «laquel gent premerement habiterent en une ysulle qui se clamoit «Nora»; et pour ce furent clamez «Normant», autresicomme «home de Nore». «Man» est à dire, en langue thodesche, «home»»; Guil. Apul. I. 6—10: «Hos quand ventus, quem lingua soli genialis nort vocat, advexit boreas regionis ad oras, a qua digressi fines petiere Latinos, et man est apud hos, homo quod perhibetur apud nos; Normanni dicuntur, id est homines boreales».

В хрониках норманнских авторов Первого крестового похода мы также не наблюдаем случаев использования мифа о троянском происхождении, за исключением приведенного выше отрывка у Анонима об общем происхождении франков и турок. Вместе с тем Робер де Клари после взятия Константинополя в 1204 г. франками и венецианцами трактует это событие как месть грекам за их преступления против троянцев.

Сообщение Робера может представлять интерес как иллюстрация того, откуда другие народы, в частности турки-сельджуки, могли узнать о троянском мифе. Робер рассказывает о вторжении на земли латинской империи «влахов и куманов», которые пожелали для ведения переговоров встретиться с предводителем франков Пьером де Брешелем: «Тогда мессир Пьер отправился туда, прихватив трех рыцарей; и он оседлал большого коня; и когда он появился вблизи войска влахов и Иоанн Влашский узнал, что он приехал, то отправился ему навстречу, а вместе с ним знатные люди Влахии; и тогда они приветствовали его и устроили ему добрый прием, и потом они с большим удивлением глядели на него, т.к. он был очень высоким, и они говорили с ним о том и о сем и наконец сказали ему: “Сеньор, мы очень дивимся вашей доброй коннице, и мы очень изумлены тем, что вы ищете добычу в этой стране, вы, который сами из столь далекой земли, и тем, что вы явились сюда завоевывать новую землю”. “Разве у вас нет земель в вашей стране, — сказали они, — с которых вы можете прокормиться?” И мессир Пьер ответил им: “Ола-ла! — сказал он, — неужто вы не слышали, как была разрушена великая Троя и из какой башни?”. “Ну, как же! Конечно, — сказали влахи и куманы, — мы хорошо слышаны об этом, но это было так давно”. “Разумеется, — сказал мессир Пьер, — но Троя принадлежала нашим предкам, а те из них, кто уцелел, они пришли оттуда и поселились в той стране, откуда пришли мы; и т.к. Троя

¹¹⁶⁸ Малатерра считает, что основатель Нормандии герцог Ролло был родом из Норвегии (Malaterra. Op. cit. I. 1. P. 8: “ex Norveja”).

принадлежала нашим предкам, то мы поэтому и прибыли сюда, чтобы завоевать землю»¹¹⁶⁹.

Можно предположить, что норманнские предводители при первых контактах с турками в Малой Азии могли воспользоваться троянским мифом для достижения своих личных целей. В то время, когда Жерве Франкопулос, Роберт Криспин, Руссель де Баллиоль устраивали мятежи в Малой Азии, они остро нуждались в легитимации собственных политических устремлений. Антивизантийская направленность мифа позволяла сплотить различных врагов империи в Малой Азии: местных сепаратистов и турок-сельджуков. Первых можно было привлечь «малоазийским» происхождением «франков», а вторых - легендой о троянском происхождении франков и турок.

Политическую подоплёку троянского мифа для Малой Азии отмечал С. Рансимен. Так, восхищение норманнов военным мастерством тюркских лучников он объясняет тем, что крестоносцы считали византийские «научные методы ведения войны упадническими» на фоне примитивного военного искусства кочевников¹¹⁷⁰. А легенда об общем происхождении норманнов и турок-сельджуков от троянцев базируется «более на общем соперничестве с греками, чем на каком-либо этнологическом основании»¹¹⁷¹.

Вследствие крестовых походов и в связи с ростом интереса к Востоку в конце XII в. появляются первые рассказы о происхождении «турок», не имеющие ничего общего с бытовавшей на Западе традицией. Архиепископ Тирский Вильгельм¹¹⁷² между 1170 и 1185 гг. пишет «Историю деяний в заморских землях», в которой целую главу посвящает племени турок, или туркоманов (*turcorum, seu turcomannorum*)¹¹⁷³. Для Вильгельма это один народ, с той только разницей, что под первыми он понимает турок-сельджуков, а под

¹¹⁶⁹ Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М., 1986. С. 75.

¹¹⁷⁰ Runciman S. A history of the crusades : The First Crusade and the foundation of the kingdom of Jerusalem. New York, 1995. Vol. I. P. 157.

¹¹⁷¹ Ibid.

¹¹⁷² Guillaumus Tyrensis Archiepiscopus. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. P., 1855. T. 201.

¹¹⁷³ Ibid. P. 220.

другими – племена оставшихся верными кочевому укладу жизни¹¹⁷⁴. Вильгельм подробно повествует о происхождении туркоманов и излагает события, начиная с переселения турок в Персию и избрания ими правителя по имени Сельджук.

Сила традиции, опиравшейся на авторитет Фредегара, была так велика, что вера в троянское происхождение турок оставалась непререкаемой в Западной Европе. Винсент из Бове¹¹⁷⁵ (1190—1264) является автором гигантской по объему и универсальной по содержанию энциклопедии «Великое зеркало», которая была переведена на множество языков и пользовалась большим влиянием и авторитетом на протяжении нескольких столетий. В части «Историческое зеркало», в котором систематически изложены знания по истории, Винсент пишет: «После ее (Трои — *В.П.*) разрушения, великое множество беглецов разделилось на два народа, одни последовали за Франконом, внуком короля Трои Приама, сыном Гектора, а другие за Турком, сыном Троила сына Приама. Вследствие этого и по сей день эти два народа называются франками и турками»¹¹⁷⁶.

¹¹⁷⁴ Ibid. P. 222.

¹¹⁷⁵ Vincent de Beauvais. *Bibliotheca mundi Vincentii Burgundi*. Duaci, 1624. T. 4.

¹¹⁷⁶ Vincent de Beauvais. *Op. cit.* II. 66. P. 68.

4.2. БОЭМУНД В НИКСАРЕ¹¹⁷⁷ (1100—1103 гг.)

Вопрос пребывания Боэмунда в плену у тюркского эмира Сиваса Гюмюштекина ибн Данышменда¹¹⁷⁸ является недостаточно изученным в историографии. Нельзя сказать, что данному событию не придавалось какого-либо значения, т.к. историков крестовых походов в большей степени интересовали события, происходившие на Ближнем Востоке в отсутствие правителя Антиохии. Этому взгляду в немалой степени способствовали латинские хронисты, которые были немногословными или недостоверными при описании перипетий, связанных с пленом вождя Первого крестового похода. То же можно сказать о византийских¹¹⁷⁹, арабоязычных, сирийских и армяноязычных историках. В то же время Боэмунд провёл три года своей

¹¹⁷⁷ Никсар (Niksar) первоначально именовался Кабирой (Κάβειρα) и был столицей понтийского царства Митридата Великого. В I в. до н. э. Помпей Великий переименовал город в Диосполь (Διοσπολίς). В эпоху Августа город стал называться Севастия (Σεβαστή), а с установлением Византийской империи город получил название Неокесария (Νεοκαισάρεια). Город имеет не только богатую историю, но и расположен в чрезвычайно плодородном регионе в самом центре малоазийской провинции Понт. Со времён Митридата Понтийского Неокесария и её округа славилась изобилием зерна, оливкового масла, вином, в ней находился царский дворец, шахты, водяные мельницы, зоологические сады и охотничьи угодья. В Неокесарии начиналась дорога на север через горы к Чёрному морю, на юг шел торговый путь в Куману Понтику, а с запада на восток проходила военная дорога до долины реки Сатла. Но при столь значительных экономических и географических факторах сам регион Неокесарии в масштабах Малой Азии был тихим и процветающим захолустьем, т. к. располагался равно далеко от побережья Понта и от главных торговых путей Анатолии. Главное достоинство данного региона состояло в его стратегическом положении, которое давало ключ ко всему Понту во времена завоеваний римлян и турок-сельджуков, и вместе с тем предоставляло надёжную защиту от внешних вторжений. Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos*. Washington, 1985. Vol. I. P. 107.

¹¹⁷⁸ На текущий момент в исторической науке нет единого мнения относительно имени, титула, происхождения этого правителя. Всё, что о нём известно, базируется на крайне противоречивых данных источников. По этой причине вопросы, связанные с ранней историей династии Данышмендидов, остаются открытыми. Mordtmann A.D. *Die Dynastie der Danischmende* // *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*. Leipzig, 1876. Bd. XXX. P. 467—486; Mélikoff I. *La geste de Melik Dānişmend. Étude critique du Dānişmendnâme* // *Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut français d'archéologie d'Istanbul*, 10—11. Vol. II. P., 1960; Oikonomidès N. *Les Danishmendides, entre Byzance, Bagdad et le sultanat d'Iconium* // *Revue numismatique*. Année 1983. 6e série. T. 25. P. 189—207; Босворт К.Э. *Мусульманские династии*. Справочник по хронологии и генеалогии. М., 1971.

Вероятно, что в данном случае речь идёт о сыне прославленного в «Данышмендنامه» завоевателя Анатолии и основателя династии Данышменда Ахмед Гази (1071—1084), Гюмюштекине Ибн Данышменде Гази (1084—1104). Demir M. *Danişmendli Emâretî'nin Kurucuları* // *Sakarya Üniversitesi Fen Edebiyat Dergisi*. Sakarya, 2008. Cilt 10. Sayı 1. P. 141—149; Cahen C. *La première pénétration turque en Asie Mineure (second moitié du XIe siècle)* // *Byzantion*. 1948. T. 18. P. 46—47.

¹¹⁷⁹ Ф.И. Успенский высказал предположение, что византийский историк Анна Комнина умышленно умалчивала «... о многом, что касается дипломатических сношений византийского правительства, вызванных пленом Боэмунда» (Успенский Ф.И. *Мелик Гази и Дзуль-Нун Данишменды* // *Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей*. 1879. Т. XI. С. 249).

жизни на севере Малой Азии. Это составило почти половину из того времени, которое он пробыл на Востоке с 1097 по 1104 гг.

Летом 1100 г.¹¹⁸⁰ Боэмунд был занят расширением границ приобретённого за год до этого Антиохийского княжества, когда получил сообщение от армянского правителя малоазийского города Мелитены Гавриила с предложением сдать ему город. В это время Мелитену осаждал тюркский эмир Сиваса Гюмюштекин ибн Данышменд. Боэмунд не преминул воспользоваться предложением Гавриила и отправился на север в сопровождении своего племянника Ричарда Салернского, небольшого количества рыцарей¹¹⁸¹ и армянских союзников¹¹⁸².

По дороге в Мелитену Боэмунд совершенно неожиданно для себя попал в засаду, устроенную Гюмюштекином¹¹⁸³. В этой жестокой схватке удалось уцелеть немногим из тех, кто сражался или искал спасение в бегстве¹¹⁸⁴. Гюмюштекин пощадил Боэмунда, Ричарда Салернского и «других не менее знатных и сильнейших мужей»¹¹⁸⁵, заковал в кандалы и увёл с собой в Никсар¹¹⁸⁶.

В нашем распоряжении имеются три источника, повествующих о годах, проведённых Боэмундом в плену: хроника Альберта Ахенского, которая создавалась между 1120 и 1130 гг.¹¹⁸⁷; агиографический текст, посвящённый

¹¹⁸⁰ Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch. Princeton, 1917. P. 92.

¹¹⁸¹ По данным Альберта Ахенского, у Боэмунда было триста всадников (Alberti Aquensis Chronicon Hierosolymitanum de Bello Sacro // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Tome quatrième. P., 1869. P. 524). Фульхерий Шартрский утверждает, что Боэмунд шёл на Мелитену «с небольшим войском» (cum pauca gente) (Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana: 1095—1127. Heidelberg, 1913. P. 345—346). Ибн ал-Асир считает, что Боэмунда сопровождало войско в пять тысяч человек (Gabrieli F. Arab Historians of the Crusades. L., 2009. P. 36).

¹¹⁸² Matthew of Edessa. P. 177.

¹¹⁸³ Матфей Эдесский сообщает, что норманны оказались совершенно безоружны перед лицом врага. «Их войска отложили оружие и шли одетые, подобно женщинам, сопровождающим похоронную процессию, ибо они отдали своё военное снаряжение слугам, чтобы те несли его. Кроме этого, эти воины, лишённые оружия допустили возможность стать пленниками» (Matthew of Edessa. P. 176—177).

¹¹⁸⁴ Fulcheri Carnotensis. P. 346—347, Alberti Aquensis. P. 524.

¹¹⁸⁵ Orderici Vitalis. P. 775. По всей видимости, здесь речь идёт о норманнских рыцарях, сопровождавших Боэмунда.

¹¹⁸⁶ Matthew of Edessa. P. 177; Historia Ierosolimitana. P. 524.

¹¹⁸⁷ Historia Ierosolimitana. P. xxv.

чудесам святого Леонарда Лиможского¹¹⁸⁸, записанный где-то между 1106 и 1111 гг.¹¹⁸⁹; и X книга «Церковной истории» Ордерики Виталия, написанная в 1135 г.¹¹⁹⁰ Как видно, все они датируются практически одним временем.

Вопрос авторства никогда не становился предметом специальных дискуссий ни в случае с Альбертом Ахенским¹¹⁹¹, ни с Ордериком Виталием. Авторство агиографического текста приписывается Валерану епископу Саксонского города Наумбурга (1091—1111)¹¹⁹². Очевидно, что никто из перечисленных авторов не покидал пределы Западной Европы.

Происхождение всех этих историй довольно туманно, но, по мнению исследователей, их корни следует искать на Востоке, а точнее, в Сирии, где устные предания о пленении Боэмунда стали частью “Les Chétifs” («Пленники») — “chanson de geste” из эпического цикла крестоносцев¹¹⁹³. Не вызывает сомнения, что Альберт Ахенский использовал Les Chétifs и другие *chanson de geste* при написании своей «Истории»¹¹⁹⁴. То же с большой долей уверенности можно сказать в отношении Ордерики Виталия и Валерана.

Начало устной традиции мог положить сам Боэмунд с товарищами, который зимой 1106 г. предпринял паломничество по Западной Европе, в ходе которого он был желанным гостем во многих замках, городах и святых местах¹¹⁹⁵. Ордрик сообщает, что когда Боэмунд отправился в святилище святого Леонарда в Лиможе, он «... путешествуя через города и замки Галии, был с почётом принят равно клиром и народом, поведал о различных событиях, в которых лично участвовал»¹¹⁹⁶. Также будучи в Шартре, стоя перед большим

¹¹⁸⁸ *Scriptum Galeranni episcopi de miraculo Boimundi* // *Catalogus codicum hagiographicorum latinorum antiquiorum saeculo XVI qui asservantur in bibliotheca nationali parisiensi*, ediderunt hagiographi Bollandiani. II. Bruxellis, 1890.

¹¹⁸⁹ Poncelet A. Boémond et S. Léonard // *Analecta Bollandiana*. 1912. Vol. 31. P. 32.

¹¹⁹⁰ *Ibid.* P. 29.

¹¹⁹¹ *Historia Ierosolimitana*. P. xxiii—xxiv.

¹¹⁹² Poncelet Albert. Boémond et S. Léonard. P. 31—32. Евдейл высказывает сомнение в авторстве Валерана, но, в отличие от Понселе, не выдвигает никаких контраргументов (Yewdale R.B. Bohemond. P. 98).

¹¹⁹³ Warren F.M. The Enamoured Moslem Princess in Orderic Vital and the French Epic // *Publications of the Modern Language Association of America*. 1914. Vol. 29. P. 347; Holmes U.T., McLeod Jr. W.M. Source Problems of the Chétifs, a Crusade Chanson de Geste // *Romanic Review*. 1937. Vol. 28. № 2. P. 104—105.

¹¹⁹⁴ *Albert of Aachen : Historia Ierosolimitana*. P. xxvi—xxvii.

¹¹⁹⁵ Warren F.M. The Enamoured Moslem Princess in Orderic Vital... P. 355.

¹¹⁹⁶ *Orderici Vitalis*. XI, 9. P. 808.

количеством знати, собравшейся послушать его в кафедральном соборе города, «поведал о своих делах и свершениях»¹¹⁹⁷.

Весной того же года Ордерик посетил земли, расположенные севернее Луары, по которым странствовал правитель Антиохии¹¹⁹⁸. Примерно в это же время там мог находиться и Валеран, который взял на себя труд поведать о чудесном освобождении Боэмунда в благодарность за гостеприимство клириков из святилища святого Леонарда¹¹⁹⁹. Поэтому Ордерик и Валеран могли услышать историю плена если не из уст самого Боэмунда, то наверняка от людей, которые лично его слышали.

Версия пленения Боэмунда, изложенная у Альберта Ахенского, выглядит наиболее правдоподобной, т.е. начисто лишённой вымысла и наиболее логичной. Он сообщает, что прежде чем отправиться в Никсар с пленённым Боэмундом Данышменд, или “Donimānus”, «...с великим триумфом, захваченной добычей и отрубленными головами»¹²⁰⁰ явился к Мелитене, чтобы потребовать сдачи города от Гавриила. Последний отказал, ссылаясь на то, что пока Балдуин граф Эдессы жив и здоров, он город не сдаст. В ответ «великолепный правитель турок»¹²⁰¹ посоветовал сильно не полагаться на графа Эдесского и пообещал, что скоро завладеет Балдуином также, как и Боэмундом¹²⁰². Во время этих переговоров, Боэмунд скрытно от «турок» через некоего «сирийца», передал Балдуину прядь своих волос «как знак своего пленения и горя»¹²⁰³. Этим знаком Боэмунд давал знать, чтобы тот поспешил к нему на выручку и вырвал бы его из рук турок, пока те не увели его «в свои неизвестные и варварские земли»¹²⁰⁴. Альберт добавляет, что Данышменд был рад, что захватил Боэмунда, «знаменитейшего правителя и главу христиан»¹²⁰⁵.

¹¹⁹⁷ Ibid. P. 809.

¹¹⁹⁸ Ibid. P. 810.

¹¹⁹⁹ Poncelet A. Boémond et S. Léonard. P. 33.

¹²⁰⁰ Alberti Aquensis Chronicon. VII, 28. P. 525.

¹²⁰¹ Ibid.

¹²⁰² Ibid.

¹²⁰³ Ibid.

¹²⁰⁴ Ibid. VII, 29. P. 525.

¹²⁰⁵ Ibid.

и очень боялся, что христиане смогут отнять его силой или хитростью¹²⁰⁶. Балдуин преследовал Данышменда три дня, но, сомневаясь в верности «ложных христиан»¹²⁰⁷, опасаясь вражеских засад и имея недостаток в рыцарях, повернул к Мелитене¹²⁰⁸.

В девятой книге Альберт подробно рассказывает о пребывании Боэмунда в плену¹²⁰⁹. Византийский император Алексей Комнин, который «всегда подозревал Боэмунда в стремлении лишить его власти»¹²¹⁰, часто отправлял посланников с письмами к Данышменду с предложением отдать ему Боэмунда за двести шестьдесят тысяч золотых монет, «желая обречь того или на вечную ссылку, или подвергнуть непрестанным мукам, дабы он не мог бы более вредить своими хитрыми проделками империи»¹²¹¹.

Когда об этом предложении узнал «Солиман, который в это время был правителем города Никея»¹²¹², он предложил Данышменду разделить деньги пополам, т.к. «всегда был его другом и союзником на войне и во многих набегах»¹²¹³. Но Данышменд не пожелал поделиться с союзником, чем вызвал его гнев. Солиман разорвал договор и начал войну с Данышмендом. Альберт говорит, что после «третьей битвы и нескончаемого числа набегов»¹²¹⁴ Солиман обратил Данышменда в бегство, чем заставил последнего «проливать слёзы и часто вздыхать о своей неудаче, в присутствии всех своих друзей»¹²¹⁵, чтобы с их помощью найти выход из сложившейся ситуации, но в первую очередь придумать как отомстить Сулейману за нанесённые обиды.

«Закованный в кандалы»¹²¹⁶ Боэмунд с помощью «искусного уха»¹²¹⁷ подслушал причитания Данышменда и стал осторожно выпрашивать у

¹²⁰⁶ Ibid.

¹²⁰⁷ Ibid. VII, 29. P. 526.

¹²⁰⁸ Ibid.

¹²⁰⁹ Ibid. IX, 33. P. 610.

¹²¹⁰ Ibid.

¹²¹¹ Ibid.

¹²¹² Ibid. IX, 34. P. 610. Кылыч Арслан сельджукский правитель Иконийского султаната (1092—1107). Сулейманом звали его отца, который умер в 1086 г.

¹²¹³ Ibid. IX, 34. P. 611.

¹²¹⁴ Ibid.

¹²¹⁵ Ibid.

¹²¹⁶ Ibid. IX, 35. P. 611.

«охранников и смотрителей»¹²¹⁸ о причине «печали, поразившей столь великолепного правителя и весь его дом»¹²¹⁹. Когда Данышменду стало известно о любопытстве пленника, он самолично «спустился в то место узилища, в котором пребывал заключённый в железные кандалы»¹²²⁰ Боэмунд и поведал тому о своих горестях, т.к. считал его «умным человеком и изобретателем великих замыслов»¹²²¹. Когда Боэмунд ответил, что он знает, как помочь Данышменду, тот «стал беспрестанно просить Боэмунда научить его плану, который тот придумал»¹²²². Боэмунд предложил отпустить его на свободу за половину суммы, предложенной Алексеем, а также поменять железные оковы на «узы безраздельной любви и верности всех христианских правителей»¹²²³. «Друзья мои и родственники, которые обитают в Антиохии, в Эдессе, в Иерусалиме и по всем прочим местам будут связаны с тобой узами верности и всегда будут заботиться о твоей чести и пещься о твоей безопасности»¹²²⁴. Далее Боэмунд продолжает убеждать Данышменда в преимуществе дружбы и верности христиан, по сравнению с обладанием большой суммой денег, которые «день ото дня уменьшаются и разделяются»¹²²⁵. А также в том, что с военной поддержкой христиан Данышменд и Боэмунд не только разобьют Солимана и завладеют Румом, но завоюют «императорскую власть и земли»¹²²⁶.

Некоторое время Данышменд колебался, стоит ли принять предложение Боэмунда и протянуть тому свою правую руку, не посоветовавшись со своим окружением¹²²⁷. Через несколько дней Данышменд признал, что предложение Боэмунда «кажется хорошим и выгодным для всех, но только с тем неременным и незыблемым условием, чтобы каждая сторона честно

¹²¹⁷ Ibid.

¹²¹⁸ Ibid.

¹²¹⁹ Ibid.

¹²²⁰ Ibid.

¹²²¹ Ibid.

¹²²² Ibid.

¹²²³ Ibid.

¹²²⁴ Ibid. IX, 35. P. 612.

¹²²⁵ Ibid.

¹²²⁶ Ibid.

¹²²⁷ Ibid.

придерживалась дружбы и союза в соответствие со своим законом и вероисповеданием»¹²²⁸.

По словам Альберта, к этому моменту Боэмунд уже два года находился в плену, поэтому немало обрадовался, что «Божьей милостью снискал благоволение в глазах Данышменда»¹²²⁹. Последний отправил официальный отказ Алексею принять выкуп, а Боэмунду назначил сумму в сто тысяч золотых монет, за которыми тот отправил гонцов к своим «родственникам и друзьям в Антиохию, Эдессу и Сицилию»¹²³⁰. Собранные деньги должны были свозиться в район Мелитены, где гонцов ждали лично Данышменд и Боэмунд, где проверялись вес и качество монеты. В этом месте, по мнению Альберта, Боэмунд и Данышменд не только заключили союзный договор, но и стали наконец друзьями¹²³¹. После того, как «личные слуги и казначеи»¹²³² унесли деньги, Данышменд обменялся рукопожатием с Боэмундом в знак «большой любви»¹²³³ и отпустил того со всеми людьми в Антиохию.

Не получивший своей доли от выкупа, Солиман стал настраивать против Данышменда «Солтана, короля Хоросана и Багдада»¹²³⁴, упирая на то, что тот втайне от короля «освободил Боэмунда, воинственного мужа, чрезвычайно опытного в военных делах, постоянно измышляющего козни и интриги против правления турок и греков»¹²³⁵. Вслед за этим Солиман отправили письмо Данышменду как «брату и сыну племени турок»¹²³⁶ с предложением заманить Боэмунда в ловушку и тем самым оправдаться в глазах единоплеменников. «Но Данышменд не согласился нарушить свою верность, дабы все турки не считались никчемным народом среди христиан и прочих язычников»¹²³⁷.

¹²²⁸ Ibid.

¹²²⁹ Ibid. IX, 35. P. 613.

¹²³⁰ Ibid.

¹²³¹ Ibid.

¹²³² Ibid.

¹²³³ Ibid.

¹²³⁴ Ibid. IX, 37. P. 613. В данном случае речь идёт о сельджукском султани Беркиаруке (1094—1105) (Ibid. P. 688).

¹²³⁵ Ibid. IX, 37. P. 613.

¹²³⁶ Ibid.

¹²³⁷ Ibid.

Итак, в соответствии с версией Альберта, Боэмунд около двух лет провёл в кандалах и в карцере под резиденцией Данышменда в Никсаре. Он находился в окружении охранников и своих братьев по несчастью. Благодаря своему «искусному слуху» ему удалось узнать о затруднениях Данышменда и с помощью присущего ему дара убеждения и красноречия привлечь тюркского эмира на свою сторону. При этом Боэмунд выступает как «учитель» Данышменда. Он не только «учит» его, как поступить с византийским императором и враждебно настроенным Солиманом, но и предлагает совместно завоевать земли и отобрать власть у этих правителей. Они заключают договор о дружбе и сотрудничестве, каждый на основании «своего закона и вероисповедания», и Данышменд остаётся верным ему до конца.

Две другие версии, созданные Валераном и Ордериком Виталием, едва ли могут претендовать на большее правдоподобие, вместе с тем, они могут содержать важные детали, которые помогут воссоздать более полную картину проведённого Боэмундом времени в Никсаре.

Валеран очень подробно рассказывает о пленении Боэмунда и событиях, которые ему предшествовали. Прежде всего, Боэмунд вёл успешные войны с язычниками, нисколько не заботясь о своей безопасности¹²³⁸. Один из них (правитель Мелитены — *В.П.*) пожелал принять христианство, но, боясь мести своего соседа и союзника Данышменда (*Danisman, Persarum inclitus*)¹²³⁹, попросил поддержки у Боэмунда. После этого «предатель» язычник и Данышменд устроили засаду в некоем узком ущелье, в котором напали на небольшой отряд Боэмунда сразу с двух сторон¹²⁴⁰. Валеран описывает мужество, с которым защищались христиане, но в то же время отмечает, с каким искусством сражались турки¹²⁴¹, которые убивали христиан «без пощады, словно овец»¹²⁴². Напрасно зывал Боэмунд к помощи святого

¹²³⁸ Scriptum Galeranni. P. 276.

¹²³⁹ «Данисман, известный перс» (Ibid. P. 276).

¹²⁴⁰ Ibid.

¹²⁴¹ Ibid. P. 276—277.

¹²⁴² Ibid.

Михаила¹²⁴³. Напрасно призывал своих воинов либо победить, либо триумфально погибнуть¹²⁴⁴. Не имея возможности больше обороняться, Боэмунд сдался Данышменду.

Пленный Боэмунд оказывается в «окружённом со всех сторон стенами узилище»¹²⁴⁵. Валеран описывает его как «башня», которая «была чрезвычайно укреплена природой и искусством, окружена неусыпным вниманием отборных воинов и стражников, чтобы никто не мог без разрешения ни войти, ни выйти из неё»¹²⁴⁶. В то же время у Боэмунда с Данышмендом был договор, по которому Боэмунда могли навещать «гости», которые находились с Боэмундом «иногда по десять, иногда по двадцать человек»¹²⁴⁷.

Кроме этого, у Боэмунда были союзники в ближайшем окружении тюркского эмира: «Жена Данышменда, тайная христианка, выдающемуся предводителю и христианскому мужу во всём сочувствовала и достойно относилась: припасы, одежду и всё прочее необходимое скрытно через посланцев передавала»¹²⁴⁸. И если Данышменд собирался применить к узникам жестокое обращение, то его жена с помощью женских чар смягчала его гнев; а охранявших Боэмунда стражей она лаской, угрозами, обещаниями убеждала воздерживаться от избиения и оскорблений пленников¹²⁴⁹.

В то же время «родственники и друзья» Боэмунда в Южной Италии не находили себе места и искали способ вызволить его из плена, прибегая в основном к молитвам, раздаче милостыни и пожертвованиям в местные и чужеземные святилища¹²⁵⁰. Но первым после Бога в деле освобождения пленника мог быть только Святой Леонард Лиможский¹²⁵¹. С этого момента он появляется в рассказе Валерана как главное действующее лицо, по просьбам

¹²⁴³ Ibid.

¹²⁴⁴ Ibid. P. 277.

¹²⁴⁵ Ibid. P. 278.

¹²⁴⁶ Ibid.

¹²⁴⁷ Ibid.

¹²⁴⁸ Ibid.

¹²⁴⁹ Ibid.

¹²⁵⁰ Ibid.

¹²⁵¹ Ibid.

друзей и родственников Боэмунда и его самого. Ведь спасение христианских пленников является его специализацией¹²⁵².

В одну из ночей Святой Леонард явился Боэмунду и сообщил, что освободить его может только сам Данышменд, который сам к нему придёт и попросит о помощи¹²⁵³. Тут выясняется, что Святой Леонард мог бы легко освободить Боэмунда, но не сделал этого, т.к. не хотел, чтобы Боэмунд стал клятвопреступником¹²⁵⁴. Оказывается, что между Данышмендом и Боэмундом был заключён договор. Только непонятно, имеется ли в виду договор, о котором говорилось ранее, или совершенно другой. Договор, по которому Боэмунд освобождался из узилища: ему больше не грозил карцер, голод и другие пытки, с тем только условием, чтобы он не помышлял о бегстве¹²⁵⁵. Этот договор распространялся также на рыцарей и слуг из его окружения¹²⁵⁶.

Далее Валеран сообщает, что между Данышмендом и Солиманом существовала вражда, которая началась задолго до «прихода христиан» и сопровождалась частыми сражениями и набегами¹²⁵⁷. И в этой борьбе на тот момент Данышменд оказался слабее Солимана¹²⁵⁸. Последний отправил к Данышменду посольство с предложением в назначенный день сойтись с ним в решающей битве, и тогда пусть победитель получит владения проигравшего¹²⁵⁹. Напрасно Данышменд старался получить совет у своих приближённых. Тогда Святой Леонард явился жене Данышменда и дал спасительный совет, сопровождаемый следующими словами: «вера твоя спасёт мужа, освободит отечество, обратит в бегство врага, вернёт свободу, восстановит утраченное и распространит вашу власть до пределов вражеских»¹²⁶⁰. Сам совет, данный «вернейшему советнику мужа» святым

¹²⁵² Ibid.

¹²⁵³ Ibid. P. 281.

¹²⁵⁴ Ibid.

¹²⁵⁵ Ibid.

¹²⁵⁶ Ibid.

¹²⁵⁷ Ibid. P. 282.

¹²⁵⁸ Ibid.

¹²⁵⁹ Ibid. P. 282—283.

¹²⁶⁰ Ibid. P. 283.

Леонардом, состоял в том, чтобы освободить пленника за сумму, которая того устроит, заключить с ним союз и твёрдую дружбу и совместно с ним отправиться на битву с Солиманом ради неизбежной победы¹²⁶¹.

Этот совет жена передала Данышменду, говоря между прочим, что лучше иметь Боэмунда среди друзей и предпочесть его верность деньгам¹²⁶². Что норманны собирают деньги не ради богатства, а чтобы править с их помощью¹²⁶³. Что они охотно потратят их на военные издержки, а не хозяйственные нужды; будут экономить на своих потребностях, чтобы проявить щедрость к своим сторонникам¹²⁶⁴.

Но Данышменд отверг совет жены, называя её «покровительницей христиан», ничего не понимающей в вопросах войны и мира в силу своей принадлежности к женскому полу¹²⁶⁵. Он объяснил ей, что «отпустить Боэмунда означает потерять власть и погибнуть самим. Боэмунд общий враг всех мусульман, вождь франков, гибель турок. Со всех сторон мы окружены франками, армянами, ассирийцами и теми же турками, но среди всех людей он самый страшный»¹²⁶⁶. Что союз и дружба между христианами и мусульманами означает переход в добровольное рабство¹²⁶⁷.

Вслед за этим уже лично Данышменду явился Святой Леонард и стал убеждать того, что данный совет исходит не от человека, а от Бога¹²⁶⁸, что «не следует тебе бояться Боэмунда из-за того, что он является христианином по вероисповеданию. Ибо никто не будет тебе вернее, никто не будет тебе полезней во всех твоих нуждах»¹²⁶⁹. Впечатлённый явлением святого, Данышменд изменил своё прежнее мнение и сделал следующее заключение: «Мне не важно, от кого придёт помощь, когда подвергаются поруганию право и

¹²⁶¹ Ibid.

¹²⁶² Ibid.

¹²⁶³ Ibid.

¹²⁶⁴ Ibid.

¹²⁶⁵ Ibid. P. 284.

¹²⁶⁶ Ibid.

¹²⁶⁷ Ibid.

¹²⁶⁸ Ibid.

¹²⁶⁹ Ibid.

обычай»¹²⁷⁰. Затем пришёл в башню, где пребывал Боэмунд, и предложил дать ему полную свободу сроком на один месяц, чтобы тот мог собрать выкуп в Антиохии и вернуться с ним в Никсар¹²⁷¹. Валеран не указал сумму выкупа, но, по всей видимости, она была большой, т.к. Боэмунд начал торговаться и заявил, что не сможет собрать такие деньги в Антиохии¹²⁷². Тогда Данышменд предложил заключить договор о союзе и дружбе между ними. На что Боэмунд, помня о Святом Леонарде, охотно согласился. «Это, сказал он, возможно и будет для тебя очень полезным. Если мы объединимся, кто устоит против нас? Если я буду твоим другом, кто посмеет быть врагом? Рука твоя будет на вражеском горле, если твоими друзьями будут франки»¹²⁷³. Далее Боэмунд представляет этот союз как богоугодное дело: «Совершенно очевидно и не подлежит никакому сомнению, что, поскольку Бог нам содействует, всё свершится в противоположность замыслам Солимана. Воспарит сердце над печалью, и то, что угрожало тебе, станет угрожать врагам. Те, кто вышел в поисках добычи, сами добычей станут, утратят свою собственность те, кто собирался похитить чужую. Бог противится гордым, Божьим судом свершится правосудие ввиду твоего меча»¹²⁷⁴.

Наконец Данышменд и Боэмунд сошлись на сумме выкупа в пять тысяч золотых¹²⁷⁵. Жена Данышменда представила Боэмунда «как выдающегося предводителя всему войску Данышменда»¹²⁷⁶. Призывала их «заключить нерушимый союз с франками и тем самым объединиться в единый народ»¹²⁷⁷, а также помочь собрать деньги для выкупа Боэмунда. Воины Данышменда собрали три тысячи золотых, а также верблюдов и других животных¹²⁷⁸. Жена Данышмеда прибавила к этому мулов, уздечки и прочее снаряжение для

¹²⁷⁰ Ibid. P. 285.

¹²⁷¹ Ibid.

¹²⁷² Ibid.

¹²⁷³ Ibid.

¹²⁷⁴ Ibid.

¹²⁷⁵ Ibid.

¹²⁷⁶ Ibid. P. 286.

¹²⁷⁷ Ibid.

¹²⁷⁸ Ibid.

верховой езды¹²⁷⁹. После этого Данышменд и Боэмунд в присутствии свидетелей с обеих сторон скрепили клятвами договор о союзе и дружбе¹²⁸⁰. Собрали «норманно-тюркское» войско¹²⁸¹ и «с помощью Боэमुна Данышменд подчинил своей власти царство Солимана за четыре дня»¹²⁸².

Таким образом, версия Валерана добавляет много новых деталей касательно пребывания Боэмуна в Никсаре. Участие святого Леонарда в освобождении Боэмуна выглядит вполне естественным, учитывая, что данный текст посвящён ему. К тому же в хрониках того периода участие святых было обычным явлением, т.к. для людей той эпохи мир горный был важнее мира дольного. Станным может показаться, что тюркский эмир является орудием Божьей воли и может являться союзником и даже другом христианина без отказа от своей веры. Можно предположить, что поскольку Данышменд был женат на христианке, данное противоречие снималось¹²⁸³.

Боэмунд и его товарищи пребывают в некой хорошо укреплённой башне, где, по договору с Данышмендом, имеют сносные условия проживания. Благодаря заступничеству жены Данышменда они не испытывают нужды в необходимых вещах.

Ордерики Виталий представил наиболее яркую и романтическую версию плена правителя Антиохии. Он сообщает, что когда Боэмунд оказался в плену у Данышменда (Ордерики называет его “Dalimann”) император Алексей предложил за него выкуп в сто тысяч золотых¹²⁸⁴. Данышменд отказал Алексею, т.к. считал за великую честь обладать таким пленником, которого

¹²⁷⁹ Ibid.

¹²⁸⁰ Ibid.

¹²⁸¹ Ibid. P. 286—287.

¹²⁸² Ibid. P. 287.

¹²⁸³ Вероятность того, что эмир Сиваса был женат на христианке, довольно велика, т. к. в Малой Азии конца XI в. браки между турками и христианами были очень распространены. Врионис говорит, что феномен смешанных браков между турками и христианами привёл к образованию нового поколения анатолийцев в начале XII в., которые в источниках фигурируют как “mixovarvaroi”. Эти «полуварвары» присутствуют в туркменских армиях (Vrionis S. The decline of Medieval Hellenism in Asia Minor... P. 176).

¹²⁸⁴ Orderici Vitalis. P. 775.

турки именовали «маленьким Богом христиан»¹²⁸⁵. Ордерики говорит, что к Боэмунду «в узилище даже язычники относились с почтением»¹²⁸⁶.

Ордерики сообщает, что, когда у Данышменда была дочь по имени Мелац, которая «была очень красива и очень умна, и обладала огромной властью во всём доме отца, владела большим богатством, многочисленными слугами и рабами»¹²⁸⁷. «Услышав о деятельном характере франков, она воспылала к ним такой любовью»¹²⁸⁸, что, подкупив тюремщиков, часто спускалась к ним в темницу и вела беседы о христианской религии¹²⁸⁹. Она также обеспечивала пленников всем необходимым, припасами и одеждой¹²⁹⁰.

В версии Ордерики Данышменд и Солиман являлись родными братьями. В то же время между ними уже два года шла война, в которой намечался день для решительного сражения. Тогда Мелац, «наслышанная о достоинствах конницы франков»¹²⁹¹ предложила показать себя в битве с Солиманом. Боэмунд дал ей очень куртуазный ответ и заявил, что «с рыцарским вооружением, без сомнения, мы всем покажем как галлы бьют мечом и копьём»¹²⁹². Мелац взяла клятву с норманнов слушаться во всём её, после чего открыла им свой замысел¹²⁹³. В соответствии с ним они должны будут вступить в битву с Солиманом, обратить его в бегство, вернуться в башню и не спешить разоружаться¹²⁹⁴. Мелац отдаст приказ стражникам, охраняющим верхние уровни, спуститься во внутренний двор к воротам, и тогда норманны, по её знаку, обезоружат охрану и дадут ей сбежать¹²⁹⁵. После этого норманны должны будут захватить цитадель и удерживать её, пока Мелац не заключит с

¹²⁸⁵ Ibid.

¹²⁸⁶ Ibid. P. 776.

¹²⁸⁷ Ibid. Перевод греческого прилагательного “μελας” означает «чёрный» или «смуглый» (Warren F.M. *The Enamoured*. P. 349).

¹²⁸⁸ Ibid. P. 776.

¹²⁸⁹ Ibid. P. 777.

¹²⁹⁰ Ibid.

¹²⁹¹ Ibid.

¹²⁹² Ibid.

¹²⁹³ Ibid.

¹²⁹⁴ Ibid.

¹²⁹⁵ Ibid.

отцом мирный договор¹²⁹⁶. Наверху в цитадели есть ворота, через которые по каменной лестнице норманны могут попасть во дворец Данышменда, где находятся его покои и казна¹²⁹⁷.

Мелац убедила стражников освободить пленников и дать им оружие. Они появились на поле боя в разгар сражения «и с норманнским кличем, Господи помоги!»¹²⁹⁸ ударили по врагу. Ордерик говорит, что в армии Солимана было некоторое количество христиан, которые, узнав Боэмунда, дезертировали и присоединились к католикам¹²⁹⁹.

После победы над Солиманом норманны вернулись в Никсар и легко завладели крепостью без пролития крови¹³⁰⁰. Ордерик объясняет их успех тем, что «город был беззащитен, т.к. все мужчины участвовали в сражении, а дома оставались дрожащие от страха женщины и дети»¹³⁰¹. Когда вернулся Данышменд, он в гневе стал упрекать свою дочь за самовольство и пообещал казнить её вместе с пленниками¹³⁰². Он собрал трибунал во дворце, где была только придворная знать¹³⁰³. Тогда норманны вышли из потаённых мест дворца с обнажёнными мечами, и от резни их удерживала только клятва, данная Мелац¹³⁰⁴. В этой ситуации Данышмед согласился выслушать следующие условия: заключение мира с христианами на всю оставшуюся жизнь; обмен пленными, всеми которые находятся в эмирате и в Антиохийском княжестве; награждение Боэмунда и его рыцарей за участие в битве; переход Мелац в христианство¹³⁰⁵. Данышменд и его приближённые в гневе отвергли эти условия как неприемлемые¹³⁰⁶. Тогда Боэмунд поместил Данышменда с его свитой под стражу в одну из комнат во дворце и великодушно разрешил жене эмира и его придворным, в сопровождении безоружных евнухов, доставлять

¹²⁹⁶ Ibid.

¹²⁹⁷ Ibid. P. 778.

¹²⁹⁸ «et signum Normannorum: Deus, adjuva!» (Ibid).

¹²⁹⁹ Ibid.

¹³⁰⁰ Ibid. P. 779.

¹³⁰¹ Ibid.

¹³⁰² Ibid.

¹³⁰³ Ibid.

¹³⁰⁴ Ibid.

¹³⁰⁵ Ibid. P. 780.

¹³⁰⁶ Ibid.

припасы и всё необходимое¹³⁰⁷. На пятнадцать дней норманны стали владельцами «цитадели, дворца и окружающей его стены»¹³⁰⁸, держа под охраной и наблюдением все окрестные дороги.

Наконец, Данышменд согласился заключить мир с христианами, отпустить всех пленников и даже пообещал отдать в жёны Боэмунду свою дочь¹³⁰⁹. По совету Мелац, призывавшей Боэмунда не верить её отцу, он отправил в Антиохию за пленными мусульманами и войском Ричарда Салернского и некого Саркиса¹³¹⁰. В это время Боэмунд вёл частые разговоры с Данышмендом и его окружением, «обходительными и сладкими речами»¹³¹¹ он сумел внушить им не только дружелюбие, но и любовь. Данышменд щедро поделился сокровищами из своей казны с христианами и отпустил всех пленников, которые пополнили ряды соотечественников Боэмунда¹³¹². Когда вернулся Ричард Салернский, Данышменд встретил его с почестями и, «по обычаям родины»¹³¹³, снабдил их припасами и всем необходимым. В Никсаре Боэмунд и Данышменд заключили между собой «вечный мир»¹³¹⁴. Мелац последовала за Боэмундом и Ричардом в Антиохию, приняла христианство и вышла замуж за Рожера Салернского¹³¹⁵.

Отчёт Ордерики отличается не только красочностью, но и подробностью изложения. Его описание места пленения Боэмунда в Никсаре находит подтверждение в археологических исследованиях¹³¹⁶. Версия Ордерики является пропагандой нового крестового похода, направленного скорее против

¹³⁰⁷ Ibid. P. 781.

¹³⁰⁸ Ibid. P. 780.

¹³⁰⁹ Ibid. P. 781.

¹³¹⁰ Ibid.

¹³¹¹ Ibid. P. 782.

¹³¹² Ibid. P. 783.

¹³¹³ Ibid.

¹³¹⁴ Ibid.

¹³¹⁵ Ibid. P. 783–784.

¹³¹⁶ Брайер и Винфилд находят в Никсаре хорошо укрепленную цитадель, на территории которой сохранились руины дворца Данышмендидов (Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos*. P. 108). Размер цитадели составляет около километра в длину и не более ста метров в ширину. Что говорит о том, что удерживать её можно было даже небольшими силами. По восточному склону холма, на котором расположена цитадель, тянутся стены, которые разделяют город на районы. Эти стены изобилуют башнями различной формы (Ibid. P. 110). Возможно, что в одной из этих башен находился Боэмунд со своими товарищами.

византийцев, чем мусульман. Но если к созданию этой легенды приложил руку Боэмунд, как об этом говорилось выше, то в ней были отражены детали реально происходивших событий.

Таким образом, мы рассмотрели три основных отчёта, созданных в латинской традиции о пребывании в плену Боэмунда. Разумеется, что все они нуждаются в дальнейшем тщательном изучении. Но предварительно можно сделать вывод о том, что приведённые версии отражают точку зрения на произошедшие события не только западных хронистов, но в значительной степени самого Боэмунда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XI в. средневековый Запад перешёл от обороны к территориальной экспансии по всем направлениям, которая развернулась уже за границами католических государств. Авангардом и наиболее активными проводниками этой экспансии в Южной Италии и Сицилии выступили норманны. Воспитанная в духе завоевательных традиций первых норманнских герцогов, норманнская аристократия искала возможности для агрессии не только в Европе, но и в Малой Азии. Длительное время в исторической науке вопрос о миграции норманнов в Малую Азию было принято рассматривать как часть истории Византии, крестовых походов, Нормандии, завоеваний норманнов в районе Средиземноморья. Последовательное рассмотрение историографии, латинских, византийских, армяноязычных, сирийских и мусульманских групп источников, а также данных нумизматики и сфрагистики позволяет говорить о глубоких связях норманнов с Малой Азией и о значительной роли, которую они сыграли в истории региона в XI—XII вв.

На современном этапе накоплен обширный материал и достигнут достаточно высокий уровень развития методологии для того, чтобы непосредственно приступить к изучению процесса проникновения норманнов в Малую Азию. Данный процесс подразделяется на два периода, первый из которых длился с середины до конца XI в., а второй начался вместе с Первым крестовым походом и продолжался до конца первой трети XII в.

Норманны приходили в Малую Азию в качестве паломников с начала XI в. С 1035 г. появляются первые отряды рыцарей, которые служили в качестве наёмников при дворе византийских императоров. С 40-х гг. XI в. норманнские контингенты отправляются имперским правительством на восточные границы империи. Приходившие из Южной Италии, норманнские предводители во главе

отрядов в несколько сотен воинов владели домами и замками в феме Армениак. Зачастую они имели огромный опыт завоевательных кампаний в Испании, Южной Италии и Сицилии. Именно эти формирования норманнских наёмников, последовательно возглавляемые Жерве Франкопулосом, Робертом Криспином и Русселем де Баллионом, имели достаточно сил и возможностей, чтобы оказывать огромное влияние на расстановку сил в империи. Они были независимы в командовании отрядами своих соотечественников и могли поднять мятеж, если бы сочли себя оскорблёнными или не получили бы должного денежного содержания.

К концу XI в. в византийской исторической традиции (Иоанн Скилица, Георгий Кедрин, Никифор Вриенний, Михаил Пселл, Михаил Атталиат) сформировался образ норманна-христианина, варвара, чужеземца, наёмника, который нёс службу в Малой Азии в качестве тяжеловооружённого всадника. С другой стороны, в глазах представителей малоазийской провинциальной аристократии норманн являлся «своим», приравнялся к «ромею». Подобное отношение во многом упрощало его адаптацию в византийском обществе и содействовало карьерному росту при условии соблюдения политической лояльности.

У итало-норманнских авторов норманны предстают как паломники, наёмники и изгнанники, которые утратили благосклонность норманнских правителей в Нормандии или в Южной Италии. Служба норманнов у византийских императоров расценивалось как очень престижное и прибыльное занятие. Превосходство норманнов над византийцами в военном деле являлось залогом успешной карьеры и в то же время было поводом для зависти со стороны «коварных греков».

Взаимодействие норманнов и византийцев в Малой Азии добавило негативные черты к образу византийцев в норманнской традиции. К «коварству», «изнеженности» и «женоподобности» «греков» норманнские

хронисты добавили «зависть» к успехам норманнских предводителей в Малой Азии.

Первые контакты норманнов и турок-сельджуков происходили в Малой Азии, чему способствовала политика византийских императоров, которые стремились с помощью норманнов остановить экспансию кочевников на восточных границах империи. Данные контакты происходили как в форме боевых стычек, так и в форме союзов, которые заключали между собой предводители норманнов и турок-сельджуков. Подобного рода союзы не вызвали настороженности со стороны византийских авторов, поскольку они были уверены в их непрочности и недолговечности.

До Первого крестового похода латинские авторы не рассматривали борьбу норманнов с вторжениями сельджуков в Малой Азии как «священную войну», которую вели норманны против арабов-мусульман в Испании и на Сицилии.

В армяноязычной исторической традиции образ норманна в Малой Азии оформляется в первой половине XII в. Ретроспективный взгляд на период до Первого крестового похода представлен у Матфея Эдесского, который рисует героический образ христианского воина, тяжеловооружённого всадника, совершающего подвиги на войне против турок-сельджуков. Матфей также пишет о «коварстве» их предводителей, указывая на их жадность и предательство единоверцев.

У мусульманских авторов норманны в Малой Азии перед Первым крестовым походом представлены как «самые храбрые воины Рума», тяжеловооружённые всадники, которые служили в войсках христианских правителей: византийцев и армян. Они обитали в скрытых долинах и крепостях, откуда совершали разбойничьи набеги и причиняли много вреда мусульманам.

По мнению византийских и мусульманских авторов, союзы между норманнами и турками-сельджуками были крайне нестабильны. Инициаторами их нарушения, как правило, выступали сельджуки. В случае поражения

норманнов, которые составляли наиболее боеспособную часть византийского войска, потери всегда несла империя.

Война была главным ремеслом норманнов, с помощью которого они надеялись приобрести богатства на службе империи, а если повезёт, то и обзавестись обширными владениями за счёт Византии. Последнее становилось возможным вследствие условий, сложившихся в Малой Азии во второй половине одиннадцатого века: ослабление Византии и экспансия турок-сельджуков.

Стремление норманнов к сепаратизму создавало огромные проблемы для Византии. В результате норманнских завоеваний империя лишилась Южной Италии и Сицилии, понесла огромные издержки в военных кампаниях на Балканах. В результате мятежа Русселя де Баллиоля Византия лишилась возможности оперативно противодействовать сельджукской угрозе и была вынуждена обращаться за помощью к сельджукам в борьбе против норманнов. Таким образом, действия норманнов привели к утрате контроля византийцев над Малой Азией и способствовали успеху завоеваний сельджуков.

Византийцам удалось частично решить «норманнскую проблему» в Малой Азии до начала Первого крестового похода. Некоторые предводители норманнов нашли свою смерть от «коварства» византийцев: Жерве Франкопулос был утоплен в Босфоре, а Роберт Криспин и Руссель де Баллиоль были отравлены. Впоследствии Алексей Комнин стал проводить политику ассимиляции в отношении норманнов.

Невозможно себе представить последствия существования норманнского государства в Малой Азии к началу Первого крестового похода. Очевидно, Константинополь был бы завоёван на сто лет раньше.

Участие норманнов в Первом крестовом походе и создание Антиохийского княжества привели к трансформации образа норманнов в сознании латинских и византийских авторов. Из паломников и наёмников они превратились в крестоносцев-завоевателей, правителей владений на Востоке.

В хрониках Первого крестового похода нашла отражение борьба за умы современников. Норманнская точка зрения была представлена в хрониках Анонима, Рауля Канского и Ордерика Виталия. Она отличалась антивизантийской направленностью и утверждением лидирующего положения норманнов в Первом крестовом походе.

Некоторые норманнские авторы (Аноним, Ордерик Виталий) не в полной мере разделяли устремления своих начальников. Аноним постепенно разочаровывался в Боэмунде и оставил его ради службы под знамёнами Раймунда Сен-Жильского. В свою очередь Ордерик готов воспевать успехи норманнов в той мере, в какой они способствовали росту могущества и влияния Римско-католической церкви. Личное отношение авторов несколько не помешало им с максимальной полнотой передать чаяния и желания норманнских предводителей в Первом крестовом походе и заложить идеологические основы норманнского государства на Востоке.

В то же время амбиции предводителей норманнов встречали сильное противодействие со стороны лотарингцев, провансальцев и византийцев. Альберт Ахенский, нейтрально относившийся к норманнам-крестоносцам, является источником ценных сведений об отношениях норманнов с различными группами пришельцев и автохтонного населения Малой Азии.

Восточно-христианские и мусульманские авторы XII—XIII вв. представляли норманнов главными организаторами и предводителями движения крестоносцев на Востоке. Армяноязычные и сирийские хронисты считали их прямыми наследниками Римской империи. Наряду с термином «франк» для обозначения норманнов и других выходцев из Западной Европы они использовали термин «римляне». Вполне естественно, что восточно-христианские авторы испытывали большую симпатию к «единоверцам» и возлагали на них надежды, связанные с восстановлением утраченных позиций. Матфей Эдесский отмечал личную храбрость и великую набожность отдельных предводителей норманнов. Он также с осуждением говорил об их непомерных

амбициях, стремлении к территориальным захватам, к доминированию, вере в собственное превосходство.

Изучение мифа о Троянской войне в латинской традиции даёт ключ к пониманию восприятия норманнами народов Малой Азии. Данный миф изначально имел антивизантийскую направленность и попутно подогревал интерес к Востоку в среде западноевропейского рыцарства. Легенда о Трое оказывала большое влияние на политические и военные отношения между народами.

Миф о троянском происхождении служил задачам легитимации различных политических и идеологических притязаний. Он также являлся династическим мифом. Этот рудимент Римской империи был действующей моделью политической идеологии. На его фундаменте средневековые авторы «создавали» народы и династии, а политики заключали союзы и развязывали войны.

Участник Первого крестового похода итало-норманнский рыцарь Аноним закладывает основы традиции, в соответствии с которой многие латинские авторы воспринимали сельджуков как «благоразумных», «храбрых», «могущественных», «изобретательных в сражении» врагов, которые являлись «прирождёнными рыцарями» и вели свой род от «франков». Тот факт, что турки-сельджуки похвалялись своим троянским происхождением, свидетельствует о длительных контактах норманнов и сельджуков в Малой Азии перед Первым крестовым походом.

Наличие такого прочного основания для развития норманно-сельджукских отношений в сознании современников объясняет не только восхищение авторов Первого крестового похода перед доблестями сельджуков, но и позволяет предположить, что восприятие норманнами своих противников на Востоке было далеко не враждебным. Осознание норманнами и турками-сельджуками «общего происхождения» и наличие качеств, соответствующих «рыцарскому идеалу» у обоих сообществ, указывает на возможность

существования тесных связей, базировавшихся на принципах равенства и взаимного уважения.

В связи с этим не такими фантастическими кажутся отчёты латинских авторов (Альберт Ахенский, Ордерик Виталий, Валеран) о трёхгодичном пребывании Боэмунда в Никсаре, в плену у эмира Сиваса Гюмюштекина ибн Данышменда. По большей части данные отчёты были созданы со слов самого Боэмунда и отражали в значительной степени точку зрения норманнского князя.

По версии Альберта, ибн Данышменд отказывался передать Боэмунда за выкуп Алексею Комнину, заключил договор с Боэмундом о дружбе (каждый на основании «своего закона и вероисповедания») и остался верным ему до конца. Валеран утверждал, что союз между Боэмундом и ибн Данышмендом был заключён при посредничестве Святого Леонарда и содействии Бога. По договору между двумя лидерами норманны и турки должны были составить «единый народ» и собрать «норманно-тюркское войско» для борьбы с врагами эмира Сиваса. Наконец, Ордерик рисует самую романтическую картину освобождения из плена предводителя норманнов, в соответствие с которой посредником заключения «вечного мира» между христианами и мусульманами выступила дочь ибн Данышменда Мелац.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анна Комнина. Алексиада / Анна Комнина ; пер. с греческого Я.Н. Любарского. — СПб. : Алетейя, 1996. — 703 с.
2. Аристакэс Ластивертци. Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци / Аристакэс Ластивертци ; перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К.Н. Юзбашяна. — М. : Наука, 1968. — 195 с.
3. Безобразов, П.В. Хрисовул императора Михаила VII Дуки / П.В. Безобразов // Византийский временник. — 1899. — Т. 6. — С. 140—148.
4. Всеобщая история Вардана Великого : (с примеч. и прил.) / Вардан Великий ; пер. Н.О. Эмина. — М. : Тип. Лазарев. ин-та вост. яз., 1861. — xxiv, 218 с.
5. Гарбузова, В.С. Сказание о Мелике Данышменде / В.С. Гарбузова. — М. : Издательство восточной литературы, 1959. — 188 с.
6. Гибб, Г. Дамасские хроники крестоносцев / Г. Гибб ; пер. с англ. Е.Б. Межевитинова. — М. : Центрполиграф, 2008. — 253 с.
7. Гусейнов, Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца / Р.А. Гусейнов // Письменные памятники Востока. Ежегодник 1973. — М. : Наука, 1979. — С. 28—44; Ежегодник 1974. — М., 1981. — С. 12—24; Ежегодник 1975. — М. : Наука, 1982. — С. 17—30, 46—53; Ежегодник 1976—1977. М. : Наука, 1982. — С. 74—85.
8. “Деяния франков и прочих иерусалимцев”. Перевод на русский язык и комментарий. Учебно-методическое пособие / Т.Г. Мякин, Г.Г. Пиков, В.Л. Портных. — Новосибирск : НГУ, 2010. — 251 с.
9. Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та’рих (Полный свод истории) / Ибн ал-Асир ; пер. с арабского языка, примечания и комментарии П.Г. Булгакова

[дополнения к переводу, примечаниям и комментариям, введение и указатели Ш.С. Камолдина]. — Ташкент — Цюрих : Изд-во АН РУз, 2005. — 595 с.

10. Ибн Джубайр. Путешествие / Ибн Джубайр ; пер. с араб. языка, вступ. статья и прим. Л.А. Семёнова, отв. ред. С.Х. Кямилев. — М. : Глав. ред. вост. лит. изд. Наука, 1984. — 295 с.

11. Камал ад-Дин. Зубдат ат-таварих аль-Халеб (Сливки, снятые с истории Халеба) / Камал ад-Дин ; пер. и комм. Л.А. Семёнова // Семёнова, Л.А. Из истории Средневековой Сирии. Сельджукский период. — М. : Наука, 1990. — С. 105—217.

12. “Картлис Цховреба” (История Грузии) / под ред. акад. Р. Метревели. — Тбилиси : Издательство АРТАНУДЖИ, 2008. — 454 с.

13. Кекавмен. Советы и рассказы : Поучение византийского полководца XI века / Кекавмен ; подготовка, введение, перевод с греческого и комментарий Г.Г. Литаврина. — М. : Алетейя, 2003. — 711 с.

14. Киракос Гандзакечи. История Армении / Киракос Гандзакечи ; пер. с древнеарм., предисловие и комментарий Л.А. Ханларян, отв. ред. М.О. Дарбинян-Меликян. — М. : Наука, 1976 (Памятники письменности Востока). — 359 с.

15. Михаил Пселл. Хронография / Михаил Пселл ; введение, перевод и комментарии Я.Н. Любарского. — М. : Наука, 1978. — 319 с.

16. [Насир-и Хусрау]. Сафар-наме. Книга путешествия / Насир-и Хусрау ; пер. и вступ. статья Е.Э. Бертельса, под общ. ред. В.А. Гордлевского, И.Ю. Крачковского, илл. Е.Я. Хигер. — М. ; Л. : Academia, 1933. — 212 с.

17. Никифор Вриенний. Исторические записки (976—1087) / Никифор Вриенний ; отв. ред. и автор комментариев А.А. Калинин. — М. : Посев, 1997. — 199 с.

18. Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспаров. — М. : Наука, 1972. — 558 с.

19. Панченко, Б.А. Каталог моливдовулов коллекции Русского Археологического Института в Константинополе (с табл. II—VIII) / Б.А. Панченко // Известия Русского Археологического института в Константинополе. — 1908. — Том 13. — С. 78—151.

20. Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Робер де Клари ; пер. и комм. М.А. Заборова. — М. : Наука, 1986 (Памятники исторической мысли). — 175 с.

21. Розен, В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. I. / Ибн-ал-Атир ; пер. бар. В.Р. Розен // Записки Восточного отделения русского археологического общества / под ред. бар. В.Р. Розена. — 1886. — Т. I. Вып. I. — С. 19—22.

22. Розен, В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. II. / Имад-эд-дин Исфаханский ; пер. бар. В.Р. Розен // Записки Восточного отделения русского археологического общества / под ред. бар. В.Р. Розена. — 1886. — Т. I. Вып. III. — С. 189—202.

23. Розен, В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. III. / Садр-эд-Дин ал-Хусейни ; пер. бар. В.Р. Розен // Записки Восточного отделения русского археологического общества / под ред. бар. В.Р. Розена. — 1887. — Т. I. Вып. IV. — Р. 243—252.

24.

25. Розен, В.Р. Император Василий Болгаробойца : Извлеч. из летописи Яхъи Антиохийского / Яхъя Антиохийский ; изд., пер. и объяснил бар. В.Р. Розен, доц. С.-Петербург. ун-та, гл.-кор. Спец. шк. живых вост. яз. в Париже. — Санкт-Петербург : тип. Акад. Наук, 1883. — 634 с.

26. Садр ад-Дин али ал-Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-Селджукийя. Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-Селджукийя (Сообщения о сельджукском государстве. Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях) / Садр ад-Дин али ал-Хусайни ; издание текста, перевод,

введение, примечания и приложения З.М. Бунятова. — М. : Наука, 1980. — 273 с.

27. Смбат Спарапет. Летопись / Смбат Спарапет ; пер. с древнеармянского, предисл. и примеч. А.Г. Галстяна. — Ереван : Айастан, 1974. — 198 с.

28. Усама ибн Мункыз. Книга назидания / Усама ибн Мункыз ; пер. Ю. И. Крачковского. — М. : Изд-во вост. лит., 1958. — 328 с.

29. Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Эвлия Челеби // Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана / сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков; примеч. и коммент. А. Желтякова, М. Залумяна и Г. Путуридзе. Институт востоковедения АН СССР. — Вып. 3. — М. : Наука. Глав. ред. вост. Лит-ры, 1983. — 376 с.

30. Abilfedae. Annales Moslemici / Abilfeda ; latinos ex arabici fecit J.J. Reiske. — Lipsiae : apud Christ. Gottl. Hilscherum, 1778. — Vol. I. — xxviii, 329 p.

31. Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana collecta / ed. F. Miklosich et I. Müller. — Vindobonae : C. Gerold, 1887. — Vol. V. — 479 p.

32. Actes de Lavra / édition diplomatique et critique par G. Rouillard et P. Collomp d'après les descriptions, photographies et copies de Gabriel Millet et Spyridon de Lavra. — P. : Lethiellieux, 1937 (Archives de l'Athos. — pt. 1). — Vol. I. — xxxi, 249 p.

33. Ademar S. Cibardi monachus. Historiarum libri tres / Ademar S. Cibardi monachus // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. — P. : Garnier Frères, 1853. — T. 141. — P. 9—86.

34. Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana. History of the Journey to Jerusalem / Albert of Aachen ; ed. and trans. Susan B. Edgington. — Clarendon : Press Oxford Medieval, 2007. — 1016 p.

35. Alberti Aquensis. Chronicon Hierosolymitanum de Bello Sacro / Alberti Aquensis // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux / ed.

l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. — P. : Imprimerie royale, 1879. — T. IV. — P. 265—715.

36. Amatus di Montecassino. Storia dei normanni di Amato di Montecassino / Amatus di Montecassino ; a cura di V. de Bartholomeis. — Roma : Tipografia del Senato, 1935 (Fonti per la Storia d'Italia). — cxix, 423 p.

37. Anales palatinos del Califa de Córdoba al-Hakam II, por 'Isā ibn Ahmad al-Rāzī (360—364 H. = 971—975 J.C.) / 'Isā ibn Ahmad al-Rāzī ; Abū Marwān Ḥayyān ibn Khalaf Ibn Ḥayyān ; traducción de un Ms. árabe de la Real Academia de la Historia por E.G. Gómez. — Madrid : Sociedad de Estudios y Publicaciones, 1967. — 293 p.

38. Annae Comnenae. Alexiadis libri XV / Anna Comnena ; ed. C.F. Niebuhrii, L. Schopenus, A. Reifferscheid. — Bonnae : Impensis ed. Weberi, 1839 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). — Vol. I. — xlix, 461 p.; 1878. — Vol. II. — xii, 828 p.

39. Annali Genovesi di Gaffaro e de' suoi continuatori dal MXCIX dal MCXCIII / Gaffaro ; a cura de L.T. Belgrano. — Genova : Tipografia del. R. Istituto sordo-muti, 1890 (Fonti per la storia d'Italia). — Vol. I. — cviii, 266 p.

40. Anonimi Barensis. Chronicon / Anonimus Barensis ; ed. L. Muratori // Rerum Italicarum scriptores. — Mediolanum : ex typographia Societatis palatinae, 1724. — T. V. — P. 147—157.

41. Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum / Anonymous ; ed. B.A. Lees. — Oxford : Clarendon Press, 1924. — xxx, 156 p.

42. Archives de l'Orient latin / publiées sous le patronage de la Société de l'Orient latin. — P. : E. Leroux, 1881. — T. I. — 936 p.; 1884. — T. II. — 1173 p.

43. Aristakès de Lastivert. Récit des malheurs de la nation arménienne / Aristakès de Lastivert ; éd. et trad. M.Canard et H. Berbérien. — Bruxelles : Éditions de Byzantion, bd de L'Empereur, 1973 (Bibliothèque de Byzantion. — 5). — xlvi, 148 p.

44. Armenia and the Crusades : tenth to twelfth centuries: the Chronicle of Matthew of Edessa / Matthew of Edessa ; translated from the original Armenian with a commentary and introduction by Ara Edmond Dostourian, foreword by Krikor H. Maksoudian. — Lanham : National Association for Armenian Studies and Research, 1993. — 375 p.

45. Baldrici Episcopi Dolensis Historia Jerosolimitana / Baldrici Episcopi Dolensis // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. — P. : Imprimerie royale, 1879. — T. IV. — P. 1—89.

46. Bartolf of Nangis. Gesta Francorum expugnantium Iherusalem / Bartolf of Nangis // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. — P. : Imprimerie royale, 1866. — T. III. — P. 489—543.

47. Bibicou, H. Une page d'histoire diplomatique de Byzance au xie siècle: Michel VII Doukas, Robert Guiscard et la pension des dignitaires / H. Bibicou // Byzantion. — 1959. — Vol. 29—30. — P. 43—75.

48. Caffaro. Genoa and the Twelfth-Century Crusades / Caffaro ; ed. And trans. by M. Hall and J. Phillips. — Farnham : Ashgate, 2013 (Crusade texts in translation. — 26). — 280 p.

49. Cartulaire de l'église du Saint-Sépulcre de Jérusalem, publié d'après le manuscrit du Vatican / par M. Eugène de Rozière. — P. : Imprimerie Nationale, 1849. — 331 p.

50. Chartes de Terre Sainte provenant de l'Abbaye de N.-D. de Josaphat / N.F. Delaborde. — P. : E. Thorin, 1880 (Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome. — Fasc. 19). — 153 p.

51. Chronicles of the First Crusade / ed. and introd. by Christopher Tyerman. — L. : Penguin Books, 2012. — 398 p.

52. Chronique de Matthieu d'Edesse (962—1136) avec la Continuation de Grégoire le prêtre jusqu'en 1162 / Matthew d'Edesse, Grégoire ; l'auteur et traducteur E. Delaurier. — P. : A. Durand, 1858. — 553 p.

53. Chronique de Michel le Grand, patriarche des Syriens Jacobites / Michel le Grand ; traduite pour le première fois sur la version arménienne du prêtre Ischok par V. Langlois. — Venise : Typographie de l'Académie de Saint-Lazare, 1868. — 378 p.

54. Chronique de Robert de Torigni, abbé du Mont-Saint-Michel ; suivie de divers opuscules historiques de cet auteur et de plusieurs religieux de la même abbaye / Robert de Torigni ; éd. Léopold Delisle. — Rouen : A. Le Brument et Ch. Métérie, 1872. — T. I. — lxxv, 369 p.; 1873, — T. II. — xix, 415 p.

55. Das Register Gregors VII = Gregorii VII registrum / hrsg. von Erich Caspar. — Berlin : Weidmann, 1920 (Monumenta Germaniae Historica. Epistolae. — 4, Epistolae selectae. — 2). — T. II. Fas. I (T. I. Buch I—IV). — xlii, 347 s. ; 1923. — T. II. Fas. II (T. II. Buch V—IX). — S. 348—711.

56. Dudo Decanus S. Quintini Veromandenses. Historiarum libri tres / Dudo // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. — T. 141. — P. : Garnier Frères, 1853. — T. 141. — P. 605—758.

57. Dudonis Sancti Qvintini. De moribus et actis primorum Normanniae ducum / Dudo. — Gaen : F. le Blanc-Hardel, 1865. — 317 p.

58. Ekkehardus Uraugiensis. Chronica / Ekkehardus Uraugiensis // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. — T. 154. — P. : Garnier Frères, 1853. — T. 154. — P. 459—1062.

59. Fauroux, M. Recueil des actes des ducs de Normandie de 911 à 1066 / Marie Fauroux, complété d'un index rerum par Lucien Musset — Caen : Société d'impressions Caron, 1961 (Mémoires de la Société des Antiquaires de Normandie. — 26). — 560 p.

60. Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana : 1095—1127 / Fulcheri Carnotensis ; hrsg von Heinrich Hagenmeyer. — Heidelberg : Winter, 1913. — 915 p.
61. Gabrieli, F. Arab Historians of the Crusades / Francesco Gabrieli ; trans. by E. J. Costello. — L. : Taylor & Francis e-Library, 2009. — 227 p.
62. Galterii cancellarii Bella antiochena / Galterius cancellarius, mit erläuterungen und einem anhang hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. — Innsbruck : Verlag der Wagnerschen universitäts und buchhandlung, 1896. — 391 p.
63. Gaufredus Malaterra. De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardis ducis fratris eius / Gaufredus Malaterra // Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani. — Bologna : N. Zanichelli, 1928. — T. 5. — 172 p.
64. Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae. Ope [Compendium historiarum] / Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae ; ab C.F. Niebuhrii, I. Bekkero suppl. et emen. — Bonn : E. Weber, 1839. — T. II. — 824 p.
65. Gesta Francorum et aliorum Hierosolyminatorum: The deeds of the Franks and the other pilgrims to Jerusalem / Anonymous, ed. and trans. R. Hill. — L. : Thomas Nelson and Sons, 1962. — xlv, 220 p.
66. Gregorii Abulparagii sive Bar-Hebraei. Chronicon syriacum / Gregorii Abulparagii sive Bar-Hebraei ; e. codicibus Bodleianis descripsit maximam partem vertit notisque illustravit P.I. Bruns, edidit ex parte vertit notisque adiecit G.G. Kirsch. — Lipsiae : Apud Adamum Pridericum Boehmum, 1789. — 647 p. lii.
67. Guiberti abbate monasterii Sanctae Mariae Novigenti. Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos / Guibertus abbat monasterii Sanctae Mariae Novigenti // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. — P. : Imprimerie royale, 1879. — T. IV. — P. 113—221.

68. Guibertus S. Mariae de Novigento. *Gesta Dei per Francos* / Guibertus S. Mariae de Novigento // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. — P. : Garnier Frères, 1853. — T. 156. — P. 679—838.

69. Guillame de Jumege. *Gesta Normannorum ducum* / Guillame de Jumege, ed. J. Marx. — Rouen ; Paris : A. Lestringant, 1914. — 418 p.

70. Guillaume de Pouille. *La Geste de Robert Guiscar* / Guillame de Pouille ; edition, traduction, commentaire et introduction par M. Mathieu. — Palermo : Istituto siciliano di studi bizantini e neoellenici, 1961. — 461 p.

71. Guillaumus Tyrensus Archiepiscopus. *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum* / Guillaumus Tyrensus Archiepiscopus // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. — P. : Garnier Frères, 1855. — T. 201. — P. 209—892.

72. Guillelmi Appuli. *Historicum poema de rebus Normannorum in Sicilia, Appulia et Calabria gestis, usque ad mortem Roberti Guiscardi Ducis* / Guillelms Appulus ; ed. L. Muratorius // *Rerum Italicarum scriptores*. — Mediolanum : ex typographia Societatis palatinae, 1724. — T. V. — P. 245—278.

73. Guillermi Apuliensis. *Gesta Roberti Wiscardi* / Guillerms Apuliensis ; ed. R. Wilmans // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in Folio* / ed. Rudolfo Köpke. — Hannover : Hahn, 1851. — T. IX. — P. 239—298.

74. Hagenmeyer, H. *Epistulae et chartae ad historiam primi belli sacri spectantes quae supersunt aevo aequales ac genuinae : die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100 : eine Quellensammlung zur Geschichte des ersten Kreuzzuges mit Erläuterungen*. — Innsbruck : Wagner'sche Universitäts-Buchhandlung, 1901. — 488 p.

75. *Histoire anonyme de la première croisade* / Anonym ; texte établi et traduit par L. Brehier. — P. : Les Belles Lettres, 1924. — 258 p.

76. *Historiae Normannorum scriptores antiqui, res ab illis per Galliam, Angliam, Apuliam, aptae principatum, Siciliam et Orientem gestas explicantes, ab anno 838 ad annum 1220, insertae sunt monasteriorum foundationes variae, series*

episcoporum ac abbatum, genealogiae regum, ducum, comitum, & nobilium, plurima denique alia vetera, tam ad profanam quam ad sacram illorum temporum historiam pertinentia / ex mss. codd. omnia fere nunc primum edidit Andreas Duchesnius Turonensis. — Lutetiae Parisiorum : R. Fouet, N. Buon, S. Cramoisy, 1619. — 1104 p.

77. Ibn al-Athir. Extrait de la chronique intitulee Kamel-Altevarykh par Ibn Alatyry / Ibn al-Athir // Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. — Paris : Imprimerie nationale, 1872. — T. I. — 187—744.

78. Ioannis Cinnami. Epitom rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Ioannus Cinnam ; ed. C.F. Niebuhrii, A. Meineke. — Bonnae : Impensis ed. Weberi, 1886 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). — xxv, 409 p.

79. Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum / Ioannis Scylitzae ; ed. J. Thurn. — Berlin : de Gruyter. 1973 (Corpus fontium historiae byzantinae). — lvi, 580 p.

80. Ioannis Zonarae. Epitomae historiarum libri XVIII / Ioannus Zonara ; ed. C.F. Niebuhrii, M. Pinderi, T. Büttner-Wobst. — Bonnae : Impensis ed. Weberi, 1897 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). — T. III. — xxi, 933 p.

81. Itinirarium peregrinorum et gesta regis Ricardi // Chronicles and Memorials of the Reign of Richard / ed. by W. Stubbs. — L. : Longman, 1864. — Vol. I. — cxi, 468 p.

82. İslam kaynaklarına göre Malazgirt savaşı / metinler ve çeviriler F. Sümer, A. Sevim. — Ankara : Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1971 (Türk Tarih Kurumu yayınlarından. Seri 19). — 150 s.

83. Jus Graeco-Romanum. Novellae constitutiones / ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. — Lipsiae : T.O. Weigel, 1857. — P. III. — xxxiv, 748 p.

84. L'Estoire de la Guerre sainte. Histoire en vers de la troisième croisade (1190—1192) / Ambroise, publiée par Gaston Paris. — P.: Leroux, 1897. — 558 p.

85. La chanson d'Aspremont, chanson de geste du XIIe siècle. Texte du manuscrit de Wollaton Hall / éd. L. Brandin. — P. : Champion Editeur, 1970. — T. I (vers 1–6154). — 203 p.; T. II (vers 6155–11376). — 210 p.

86. Lamperti monachi Hersfeldensis Opera : accedunt Annales Weissenburgenses / Lampertus Hersfeldensis ; recognovit O. Holder-Egger. Accedunt Annales weissenburgenses. — Hannoverae : Hahn, 1894 (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. — 7, Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. — 38). — lxxviii, 490 s.

87. Laurent, V. Byzance et l'Angleterre au lendemain de la conquête normande. A propos d'un sceau byzantin trouvé à Winchester / V. Laurent // Numismatic Circular. — 1963. — Vol. 71. — P. 93—96.

88. Leonis Marsicani et Petri Diaconi. Chronica monasterii Casinensis / Leo Marsicanus, Petrus Diaconus ; ed. Wattenbach // Monumenta Germaniae Historica inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum / ed. G.H. Pertz. — Stuttgart : Hiersemann, 1846. — T. VII. — P. 440—990.

89. Les chétifs / ed. G.M. Myers. — Tuscaloosa : University of Alabama Press, 1981 (The Old French Crusade Cycle, 5). — xxxviii, 371 p.

90. Liber Historiae Francorum // Monumenta Germaniae Historica, Scriptores Rerum Merovingicarum / ed. B. Krusch. — Hannover : Hahn, 1888. — T. II. — P. 215—328.

91. Loud, G.A. A Calendar of the Diplomas of the Norman Princes of Capua / G.A. Loud // Papers of the British School at Rome. — 1981. — Vol. 49. — P. 99—143.

92. Lupi Protospatarii. Chronicon / Lupus Protospatarius // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. — P. : Garnier Frères, 1854. — T. 155. — P. 121—144.

93. Mattieu de Edesse. Extrait de la chronique de Mattieu de Edesse // Recueil des Historiens des Croisades. Documents Armeniens / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. — P. : Imprimerie royale, 1869. — T. I. — P. 1—150.

94. Mélikoff, Irène. La geste de Melik Dānişmend. Étude critique du Dānişmendnāme / Irène Mélikoff. — P. : A. Maisonneuve, 1960 (Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut français d'archéologie d'Istanbul. — 10—11). — Vol. II. — 812 p.

95. Michaelis Attaliothae. Historia / Michael Attaliota ; ed. C.F. Niebuhrii, W. Bruneto de Presule, I. Bekkerus. — Bonnae : Impensis ed. Weberi, 1853 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). — xii, 336 p.

96. Michaelis Glicae. Annales / Michael Glica, ed. C.F. Niebuhrii, rec. I. Bekkerus. — Bonnae : Impensis ed. Weberi, 1836 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). — xvi, 649 p.

97. Michel le Syrien. Chronique de Michel le Syrien / Michel le Syrien ; editée pour la première fois et traduite en français par J.B. Chabot. — P. : Ernest Leroux, 1905. — T. III. — 540 p.

98. Milo Crispin. Miraculum quo B. Maria subvenit Guillelmo Crispino Seniori ; ubi de nobili Crispinorum genere agitur / Milo Crispin // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. — P. : Garnier Frères, 1854. — T. 150. — P. 735—744.

99. Monod, G. Études critiques sur les sources de l'histoire mérovingienne: La Compilation dite de Frédégaire / par G. Monod — P. : F. Vieweg, 1885. — V. 10. — 176 p.

100. Nicefori Bryennii. Commentarii / Nicefor Bryenni ; ed. C.F. Niebuhrii, A. Meineke, P. Possinus. — Bonnae : Impensis ed. Weberi, 1886 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). — xviii, 245 p.

101. Nicetae Choniatae. Historia / Nicetas Choniata ; ed. C.F. Niebuhrii, I. Bekkerus. — Bonnae : Impensis ed. Weberi, 1885 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). — xv, 974 p.

102. Orderici Vitalis angligenae coenobii Uticensis monachi. Historia Ecclesiastica / Vitalis Ordericus // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. — P. : Garnier Frères, 1855. — T. 188. — P. 17—984.

103. Osbernus. De expugnatione Lyxbonensi / Osbernus // Chronicles and Memorials of the Reign of Richard / ed. by W. Stubbs. — L. : Longman, 1864. — Vol. I. — P. cxli—clxxxii.

104. Ottonis Episcopi Frisingensis. Gesta Friderici I imperatoris / Otto episcopus Frisingensis ; ed. R. Wilmans // Monumenta Germaniae Historica inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum / ed. G.H. Pertz. — Hannover : Hahn, 1868. — T. XX. — P. 347—491.

105. Peter Tudebod. Historia de Hierosolymitano Itinere / Peter Tudebod // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. — P. : Imprimerie royale, 1866. — T. III. — P. 1—119.

106. [Pietro da Eboli]. Liber ad honorem Augusti di Pietro di Eboli. Secondo il Cod. 120 della biblioteca civica di Berna / Pietro da Eboli ; a cura di G.B. Siragusa. — Roma : Forcani E.C. tipografi del Senato, 1906 (Fonti per la storia d'Italia.— 39). — xciv, 172.

107. Pirri, Rocco. Sicilia sacra disquisitionibus et notitiis illustrata / auctore Don Rocco Pirro, editio tercia emendata continuatione aucta cura studia A. Mongitore, accessere V.M. Amico. — Panormi : apud haeredes P. Cappulae, 1733. — Vol. I. — 765 p. — Vol. II. — 1422 p.

108. Pontoppidan, Erich. Gesta et vestigia Danorum extra Daniam : praecipue in Oriente, Italia, Hispania, Gallia, Anglia, Scotia, Hibernia, Belgio, Germania et Sclavonia: maximam partem ipsis scriptorum, non exoticorum minus, quam domesticorum, verbis adumbrata / Erich Pontoppidan. — Lipsiae ; Hafniae : Sumptibus Iacobi Preussii, 1740. — T. I. — 400 p.; 1741. — T. II. — 447 p.; 1741. — T. III. — 496.

109. Radulfus Cadomensis. Gesta Tancredi principis in expeditione Hierosolyminata / Radulfus Cadomensis // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. — P. : Garnier Frères, 1854. — T. 155. — P. 189—590.

110. Raimundi de Aguilers canonici Podiensis historia Francorum qui ceperunt Iherusalem / Raimundus de Aguilers // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. — P. : Imprimerie royale, 1866. — T. III. — P. 231—305.

111. Recueil de chroniques de Tourain / pub. par A. Salmon. — Tours : Ladevèze, 1854. — clii, 491 p.

112. Regesta regni Hierosolymitani (MXCVII—MCCXCI) / ed. R. Röhricht. — Oeniponti : Libreria Academica Wagneriana, 1893. — 529 p.

113. Regesta regni Hierosolymitani (MXCVII—MCCXCI) : Additamentum / ed. R. Röhricht. — Oeniponti : Libreria Academica Wagneriana, 1904. — 136 p.

114. Roberti Monachi. Historia Iherosolimitana / Robertus Monachus // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. — P. : Imprimerie royale, 1866. — T. III. — P. 721—822.

115. [Robert Wace]. Le Roman de Rou et des ducs de Normandie / par Robert Wace ; avec des notes pour servir à l'intelligence du texte par F. Pluquet, A. Le Prevost, E.H. Langlois. — Rouen : Eduarde Frère, 1827. — T. I. — 414 p.; T. II. — 543 p.

116. Rodulfus Glaber Clunniacensis monachus. Historiarum libri quinque / Rodulfus Glaber // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. — P. : Garnier Frères, 1853. — T. 142. — P. 609—698.

117. Romualdi Salernitani Chronicon [A.m. 130— A.C.1178] / Romualdus ; a cura di C.A. Garufi // Rerum Italicarum scriptores. — Città di Castello : Tipi dell' editore S. Lapi, 1914. — T. VII. — xlii, 443.

118. [Şadrüddîn Ebu'l Hasan 'Ali ibn Nâşir ibn 'Ali el-Hüseynî]. Ahbâr üd-devlet is-Selçukiyye / Şadrüddîn Ebu'l Hasan 'Ali ibn Nâşir ibn 'Ali el-Hüseynî ; Muhammed İkbâl'in 1933 de neşrettiği metinden tercüme eden Necatî Lügâl. — Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1943 (Türk Tarih Kurumu yayınları rindan. — 2. seri, no. 8). — xiii, 150 s.

119. *Scriptores monastici. Scriptores rerum gestarum Willelmi Conquestoris* / ed. I.A. Giles. — L. : Caxton Society, 1845. — 301 p.
120. *Scriptum Galeranni episcopi de miraculo Boimundi / Galeranni episcopi // Catalogus codicum hagiographicorum latinorum antiquiorum saeculo XVI qui asservantur in bibliotheca nationali parisiensi, ediderunt hagiographi Bollandiani.* — Bruxellis : Apud editores, 1890. — T. II. — P. 276—295.
121. Seippel, A. *Rerum normannicarum fontes arabici e libris quum typis expressis tum manu scriptis collegit et sumptibus Universitatis Christianensis* / A. Seippel. — Osloae : A.W. Brøgger, 1896. — fasc. I. — 150 p.; 1928. — fasc. II. — 45 p.
122. *Stephani Rotomagensis. Draco Normannicus / Stephanus Rotomagensis // Chronicles of the Reigns of Stephen, Henry II, and Richard I* / ed. R. Howlett. — L. : Longman, 1885. — Vol. II. — P. 585—781.
123. *Syllabus Graecorum Membranarum* / ed. F. Trinchera. — Neapol : J. Kataneo, 1865. — xxxii, 647 p.
124. *The Annals of the Saljuq Turks. Selections from al-Kamil fi'l-Ta'rikh of Ibn al-Athir / Ibn al-Athir ; trans. and annot. by D.S. Richards.* — L. : Routledg, 2002. — 304 p.
125. *The Chanson d'Antioche : An Old-French Account of the First Crusade* / ed. and trans. by S. Edgington, C. Sweetenham. — Farnham : Ashgate Publishing, 2013 (Crusade Texts in Translation. — 22). — 440 p.
126. *The Chronicle of Ibn Al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil f'i-l-ta'rikh. The Years 491—541/1097—1146 : The Coming of the Franks and the Muslim Response / Ibn Al-Athir ; trans. and annot. by D.S. Richards.* — Aldershot : Ashgate, 2006 (Crusade texts in translation. — 13). — Part 1. — 408 p.
127. *The Chronicle of Michael the Great Patriarch of the Syrians / Michael the Great, trans. from classical armenian by Robert Bedrosian.* — New Jersey : Long Branch, 2013. — 169 p.

128. The Damascus chronicle of the Crusades / extract. and trans. from the Chronicle of Ibn Al-Qalānisī by H.A.R. Gibb. — L. : Luzac & Co, 1932. — 368 p.
129. The First Crusade. The Accounts of Eyewitnesses and Participants / ed. A.C. Krey. — Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1921. — 299 p.
130. The Gesta Normannorum Ducum of William of Jumièges, Orderic Vitalis and Robert of Torigni / William of Jumièges, Orderic Vitalis and Robert of Torigni, ed. and trans. by E.M.C. Van Houts. — Oxford : Clarendon Press, 1992 (Oxford Medieval Texts). — Vol. I : Introduction and Books I—IV. — 296 p. ; 1995 (Oxford Medieval Texts). — Vol. II : Books V—VIII. — 362 p.
131. The Gesta Tancredi of Ralph of Caen. A History of the Normans on the First Crusade / Ralph of Caen ; ed. and trans. Bernard S.Bachrach, David S. Bachrach. — Aldershot : Ashgate, 2005. — 183 p.
132. The Deeds of the Franks and other Jerusalem-bound pilgrims: the earliest cronicle of the first crusades / ed. and trans. by D. Nirmal. — Lanham ; Maryland : Rowman & Littlefield, 2011. — 154 p.
133. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle / Anonymous Syriac ; ed. and trans. A.S. Tritton, H.A.R. Gibb // Journal of the Royal Asiatic Society. — 1933. — Vol. 92. — P. 69—102, 273—306.
134. Three Byzantine Military Treatises / text, translation and notes by G.T. Dennis. — Washington (D.C.) : Dumbarton Oaks research library and collection, 1985 (Dumbarton Oaks texts. — 9 ; Corpus fontium historiae Byzantinae. Series Washingtonensis. — 25). — ix, 380 p.
135. Thomson, R.W. The historical compilation of Vardan Arewelc'i / Vardan Arewelc'i, R.W. Thomson // Dumbarton Oaks Papers. — 1989. — Vol. 43. — P. 125—226.
136. Turpini Historia Karoli magni et Rotholandi / ed. F. Castets. — Montpellier : au bureau des publications de la Société pour l'étude des langues romanes, 1880. — 92 p.

137. [Ugo Falcando] *La Historia : o liber de regno Sicilie e la epistola ad Petrum Panormitane ecclesie thesaurarium / Hugo Falcandus ; a cura di G.B. Siragusa // Rerum Italicarum scriptores. — Rome : Forzani, Tip. del Senato, 1897 (Fonti per la storia d'Italia pubblicate dall'Istituto storico italiano. scrittori 12). — xlv, 197.*

138. *Vahram's Chronicle of the Armenian Kingdom in Cilicia, during the time of the Crusades / Vahram ; trans. from the original armenian, with notes and illustrations by C.F. Neumann. — L. : J.L. Cox, 1831. — 110 p.*

139. *Vincent de Beauvais. Bibliotheca mundi Vincentii Burgundi / Vincent de Beauvais. — Duaci : Ex Officina Typographica Baltazaris Belleri, 1624. — T. 4. — 1389 p.*

140. *Walter the Chancellor. The Antiochene Wars: A Translation and Commentary / Walter the Chancellor ; ed. and trans. T.S. Asbridge, S.B. Edgington. — Aldershot : Ashgate, 2005. — 242 p.*

141. *Willelmi Malmesbiriensis monachi. De gestis regum Anglorum libri quinque: Historiae novellae libri tres / Willelmus Malmesbiriensis ; ed. by W. Stubbs. — L. : Eyre and Spottiswoode, 1889. — Vol. II. — 707 p.*

142. *Willelmus Calculus. Historiae Normannorum / Willelmus Calculus // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. — P. : Garnier Frères, 1882. — T. 149. — P. 779—911.*

143. *Willelmus Pictaviensis. Gesta Willelmi Conquestoris / Willelmus Pictaviensis // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. — P. : Garnier Frères, 1882. — T. 149. — P. 1217—1270.*

ЛИТЕРАТУРА

144. Арутюнова-Фиданян, В.А. Армянские средневековые историки об экспансии Византийской империи на Восток в X—XI вв. / В.А. Арутюнова-Фиданян // Историко-филологический журнал. — 1978. — № 2. — С. 191—206.
145. Арутюнова-Фиданян, В.А. Армянско-Византийская контактная зона (X—XI вв.). Результаты взаимодействия культур / В.А. Арутюнова-Фиданян. — М. : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. — 236 с.
146. Апанович, О.С. Наемные и вассальные христианские контингенты на службе у анатолийских сельджуков / О.С. Апанович // Причерноморье в средние века. — 2009. — Т. 7. — С. 72—117.
147. Бартенев, А.С. Из истории крестьянского восстания в Нормандии в конце X века / А.С. Бартенев // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. М.Н. Покровского. — 1940. — Т. 5. Вып. 1. — С. 117—128.
148. Бартенев, А.С. Образование герцогства Нормандского / А.С. Бартенев // Ученые записки Саратовского университета. Саратов, Серия Исторического факультета. — 1939. — Т. 1 (14). — С. 167—202.
149. Безобразов, П.В. Бозмунд Тарентский / П.В. Безобразов // Журнал Министерства народного просвещения. — 1883. — Т. CCXXVI. — С. 37—119.
150. Безобразов, П.В. Материалы для истории Византийской империи / П.В. Безобразов // Журнал Министерства народного просвещения. — 1889. — Т. CCLXIV. — С. 23—84.
151. Бибииков, М.В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы / М.В. Бибииков. — М. : Ладомир, 1997. — 186 с.
152. Босворт, К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / К.Э. Босворт. — М. : Наука, 1971. — 324 с.
153. Брюн, С.П. Византийские иконы на монетах нормандского правителя сирийской Антиохии. Опыт рецепции византийской историографии

на заре крестовых походов / С.П. Брюн // Культура и цивилизация. — 2013. — Вып. 1—2. — С. 33—48.

154. Бутырский, М.Н. Печать протопродра Умберта Грисина / М.Н. Бутырский // Античная древность и средние века. — 2011. — Вып. 40. — С. 226—233.

155. Васильев, А.А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.) / А.А. Васильев ; вступ. статья, прим., науч. ред., перев. с англ. и имен. указ. А.Г. Грушевского. — СПб. : Алетейя, 1998. — 490 р.

156. Васильевский, В.Г. Избранные труды по истории Византии / В.Г. Васильевский. — М. : Даръ, 2010. — Книга 1. — 928 с. ; Книга 2. — 848 с.

157. Васильевский, В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI—XII вв. / В.Г. Васильевский // Труды Васильевского В.Г. — СПб. : Императорская Академия Наук, 1908. — Т. I. — С. 177—377.

158. Васильевский, В.Г. Русско-византийские отрывки / В.Г. Васильевский // Журнал Министерства народного просвещения. — 1875. — Т. CLXXXII. — С. 270—315.

159. Виймар, П. Крестовые походы. Миф и реальность священной войны / П. Виймар. — СПб. : Евразия, 2006. — 383 с.

160. Виппер, Р.Ю. История средних веков : Курс лекций / Р.Ю. Виппер. — Киев : Airland, 1996. — 384 с.

161. Всемирная история Ф. Шлоссера / Ф. Шлоссер, пер. с нем. и ред. Н.Г. Чернышевский, Н.А. Серно-Соловьевич и В.А. Зайцев. — СПб. ; М. : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1869. — Т. II. — 698 с.

162. Галямичев, А.Н. Судьба медиевиста в России XX века: жизненный и научный путь В.А. Ермолаева / А.Н. Галямичев // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века : науч. докл. / редкол. А.В. Гладышев, Т.В. Андреева, В.Г. Вовина-Лебедева [и др.] ; авт. предисл. А.В. Гладышев, Б.Б. Дубенцов. — СПб : Нестор-История, 2006. — С. 42—49.

163. Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. — М. : Наука, 1977. — 703 с.
164. Гиббон, Э. История упадка и разрушения Римской Империи / Э. Гиббон ; пер. с англ. — М. : Терра — Книжный клуб, 2008. — Т. 6. — 592 с.
165. Голенищев-Кутузов, И.Н. Средневековая Латинская литература Италии / И.Н. Голенищев-Кутузов. — Сретенск : МЦИФИ, 2000. — 304 с.
166. Головнёв, А.Е. Антропология движения (древности Северной Евразии) / А.Е. Головнёв. — Екатеринбург : УРО РАН ; «Волот», 2009. — 252 с.
167. Гончаров, Е.Ю. Античные и византийские заимствования на монетах Анатолии и Северной Месопотамии XI—XIII вв. / Е.Ю. Гончаров // Оригинал и повторение. Подлинник, реплика, имитация в искусстве Востока / ред.-сост. П.А. Куценков, М.А. Чегодаев. — М. : Государственный институт искусствознания, 2014. — С. 94—115.
168. Гончаров, Е.Ю. Арабские деньги норманнских королей. Сицилия. XI—XII вв. / Е.Ю. Гончаров, М.М. Якимов // Нумизматика / ред. Н.А. Зыкова. — 2013. — № 1 (33). — С. 32—45.
169. Гордлевский, В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии / В.А. Гордлевский. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. — 199 с.
170. Гусейнов, Р.А. Бар-Эбрей и его «Всеобщая история» / Р.А. Гусейнов // Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане. — Баку : АН АзССР, 1960. — С. 53—63.
171. Гусейнов, Р.А. Сельджукская военная организация / Р.А. Гусейнов // Палестинский сборник. — 1967. — № 17(80). — С. 131—147.
172. Гусейнов, Р.А. Сирийские источники по истории Византии XI—XII вв. / Р.А. Гусейнов // Византийский Временник. — 1972. — Вып. 33 (58). — С. 120—128.

173. Гусейнов, Р.А. Сирийский аноним 1234 г. о Византии и ее соседях / Р.А. Гусейнов // Античная древность и средние века. — 1973. — Вып. 10. — С. 146—150.
174. Гусейнов, Р.А. Современное состояние и ближайшие задачи изучения сельджукской проблемы / Р.А. Гусейнов // Тюркологический сборник. 1973. — М. : Наука, 1975. — С. 24—37.
175. Грабарь-Пассек, М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе / М.Е. Грабарь-Пассек. — М. : Наука, 1966. — 318 с.
176. Джонс, Г. Викинги. Потомки Одина и Тора / Г. Джонс, пер. с англ. З.Ю. Метлицкой. — М. : ЗАО Центрполиграф, 2004. — 445 с.
177. Добиащ-Рождественская, О.А. Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении) / О.А. Добиащ-Рождественская. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 120 с.
178. Дуглас, Д.Ч. Норманны : от завоеваний к достижениям. 1050—1100 гг. / Д.Ч. Дуглас ; пер. Е.С. Марнициной. — Спб. : Евразия, 2003. — 416 с.
179. Заборов, М.А. Введение в историографию крестовых походов: (Латинская хронография XI—XIII вв.) / отв. ред. А. П. Каждан; АН СССР. — М. : Гл. ред. восточ. лит. изд. Наука, 1966. — 382 с.
180. Заборов, М.А. История крестовых походов в документах и материалах : Учебное пособие для вузов по специальности «История» / М.А. Заборов, рецензенты : кафедра истории средних веков МГУ, проф. З.В. Удальцова. — М. : Высшая школа, 1977. — 272 с.
181. Заборов, М.А. Крестоносцы на Востоке / М.А. Заборов. — М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. — 320 с.
182. Заборов, М.А. Советская историография крестовых походов / М.А. Заборов // Средние века. — 1964. — Вып. 25. — С. 272—282.
183. Запорожец, В.М. Сельджуки / В.М. Запорожец. — М. : Военное издательство, 2011. — 272 с.

184. Еремеев, Д.Е. История Турции в средние века и новое время : Учеб. пособие / Д.Е. Еремеев, М.С. Мейер. — М. : Изд-во МГУ, 1992. — 248 с.
185. Каждан, А.П. Гийом Тирский о составе господствующего класса в Византии (конец XI—XII вв.) / А.П. Каждан, М.А. Заборов // Византийский Временник. — 1971. — Т. 32. — С. 48—54.
186. Каждан, А.П. Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения / А.П. Каждан, Б.Л. Фонкич // Византийский Временник. — 1973. — Т. 34. — С. 32—54.
187. Каждан, А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. / А.П. Каждан. — М. : Наука, 1974. — 291 с.
188. Калинина, Т.М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. / Т.М. Калинина // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье / отв. ред. Г.В. Глазырина ; отв. секретарь С.Л. Никольский ; [отв. ред. сер. Е.А. Мельникова]. — М. : Вост. лит., 2001. — С. 190—210.
189. Карпов, С.П. История Трапезундской империи / С.П. Карпов. — М. : Алетей, 2007. — 656 с.
190. Куглер, Б. История крестовых походов / Б. Куглер. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. — 512 с.
191. Курышева, М.А. Византийцы и норманны: проблемы симбиоза / М.А. Курышева // Византийский Временник. — 2006. — Т. 65 (90). — С. 150—162.
192. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. — М. : Издательская группа Прогресс ; Прогресс-Академия, 1992. — 376 с.
193. Литаврин, Г.Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. / Г.Г. Литаврин. — М. : Наука, 1977. — 309 с.
194. Литаврин, Г.Г. Как жили византийцы / Г.Г. Литаврин. — М. : Наука, 1974. — 233 с.

195. Литаврин, Г.Г. По поводу книги П. Лемерля о «Советах и рассказах» Кекавмена / Г.Г. Литаврин, А.П. Каждан // Византийский временник. — 1961. — Т. 20. — С. 287—289.

196. Литаврин, Г.Г. Представления “варваров” о Византии и византийцах в VI—X вв. / Г.Г. Литаврин // Византийский Временник. — 1986. — Т. 46. — С. 100—108.

197. Лихачёв, Н.П. Моливдовулы греческого Востока / Н.П. Лихачёв ; сост. и автор коммент. В.С. Шандровская, Б.Б. Пиотровский. — М. : Наука, 1991. — 360 с.

198. Люттвак, Э.Н. Стратегия Византийской империи / Э.Н. Люттвак ; пер. с англ. А.Н. Ковалёв. — М. : Русский Фонд содействия образованию и науке, 2010. — 664 с.

199. Лучицкая, С.И. Идея обращения иноверцев в хрониках первого крестового похода / С.И. Лучицкая // Одиссей. Человек в истории. 1997: Культурная история социального. — М. : Наука, 1998. — С. 121—143.

200. Лучицкая, С.И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов / С.И. Лучицкая. — М. : Алетейя, 2001. — 398 с.

201. Николле, Д. Армии мусульманского Востока VII—XI века. / Д. Николле, А. МакБрайд ; пер. Н. Феногенов. — М. : Астрель, 2004. — 64 с.

202. Новичев, А.Д. История Турции в 4-х томах / А.Д. Новичев. — Л. : Издательство Ленинградского университета, 1963. — Т. 1. Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.) . — 314 с.

203. Норвич, Д. Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание 1016—1130 / Д. Норвич ; пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. — 367 с.

204. Норвич, Д. Расцвет и закат Сицилийского королевства. Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание 1130—1194 / Д. Норвич ; пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. — 399 с.

205. Норвич, Д. История Византии / Д. Норвич ; пер. с англ. Н.М. Забилоцкого. — М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2010. — 542 с.
206. Острогорский, Г.А. История Византийского государства / Г.А. Острогорский ; пер. с нем. М.В. Грацианский, ред. П.В. Кузенков. — М. : Сибирская благовонница, 2011. — 895 с.
207. Острогорский, Г.А. К истории иммунитета в Византии / Г.А. Острогорский // Византийский Временник. — 1958. — Т.13 (38). — С. 55—106.
208. Перну, Р. Крестоносцы / Р. Перну ; перевод с французского А.Ю. Карачинского, Ю.П. Малинина ; научный ред. к.и.н. Ю.П. Малинин. — СПб. : «Евразия», 2001. — 320 с.
209. Портных, В.Л. «Деяния франков» и Пётр Тудебод : проитальянская направленность двух хроник / В.Л. Портных // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов II региональной молодёжной научной конференции. — Новосибирск : НГУ, 2008. — С. 38—45.
210. Пти-Дютайи, Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII веков / Ш. Пти-Дютайи ; пер. с фр. С.П. Моравского. — СПб : Евразия, 2001. — 448 с.
211. Райс, Т.Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии / Тамара Т. Райс ; пер. с англ. О.И. Миловой. — М. : Центрполиграф, 2004. — 238 с.
212. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв. социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. — М. : Круг, 2011. — 599 с.
213. Семенова, Л.А. Русы в «Книге стран» ал-Йа'куби (из истории изучения) / Л.А. Семёнова // Арабский Восток. Сборник статей / отв. ред. Б.Г. Сейранян, А.О. Филоник. — М.: Инст. востоковедения РАН, 1997. — С. 118—134.

214. Серен, Е.А. Эмиграция норманнов в Византию и «Тагмы франков» (XI в.) / Е.А. Серен // Античная древность и средние века. — 2001. — Вып. 32. — С. 163—174.
215. Скабаланович, Н.А. Византийское государство и церковь в XI веке / Н.А. Скабаланович. — СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2004. — Кн. I. — 448 с. — Кн. II. — 416 с.
216. Степаненко, В.П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071—1176 гг.). / В.П. Степаненко. — Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1988. — 218 с.
217. Степаненко, В.П. Мараш и графство Эдесское в Девольском договоре 1108 г. / В.П. Степаненко. // Византийский Временник. — 1987. — Т. 48 (73). — С. 53—63.
218. Степаненко, В.П. Равнинная Киликия во взаимоотношениях Антиохийского княжества и княжества Рубенидов в 10-40 годах XII в. / В.П. Степаненко // Византийский Временник. — 1988. — Т. 49 (74). — С. 119—126.
219. Степаненко, В.П. Рубениды Киликии и графы Эдессы в первой половине XII в. (к структуре графства Эдесского) / В.П. Степаненко. // Античная древность и средние века — 1990. — Вып. 25. — С. 151—159.
220. Степаненко, В.П. Цицилия, «дама Тарса и сестра короля»: (Равнинная Киликия в составе Антиохийского княжества, 1108—1137 гг.) / В.П. Степаненко // Византийский Временник. — 1990. — Т. 51 (76). — С. 119—123.
221. Стоклицкая-Терешкович, В.В. Борьба между западноевропейскими государствами за преобладание на Средиземном море в эпоху крестовых походов (с конца XI — до конца XIII века) / В.В. Стоклицкая-Терешкович // Издания АН. Серия истории, философии и литературы. — 1944. — № 5. — С. 211—221.
222. Успенский, Ф.И. История Византийской империи XI—XII вв. Восточный вопрос. / Ф.И. Успенский ; сост. Л.В. Литвинова. — М. : Мысль, 1997. — 829 с.

223. Успенский, Ф.И. История крестовых походов / Ф.И. Успенский. — М. : Дарь, 2005. — 352 с.
224. Успенский, Ф.И. Мелик Гази и Дзуль-Нун Данишменды / Ф.И. Успенский // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. — 1879. — Т. XI. — С. 229—268.
225. Флори, Ж. Боэмунд Антиохийский. Рыцарь удачи / Ж. Флори, пер. с франц. И.А. Эгипти. — СПб. : Евразия, 2013. — 336 с.
226. Хазанов, А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей / А.М. Хазанов. — М. : Наука, 1975. — 344 с.
227. Шакк, фон А.Ф. История норманнов в Сицилии / А.Ф. фон Шакк ; пер. с нем. Н.М. Соколов. — СПб. : Л.Ф. Пантелеев, 1896. — 383 с.
228. Шейне, Ж.-К. История Византии / Ж.-К. Шейне ; пер. с фр. В.Б. Зусевой. — М. : АСТ : Астрель, 2006 (Cogito, ergo sum : “Университетская библиотека»). — 158 с.
229. Шукуров, Р.М. Великие Комнины и Восток (1204—1461) / Р.М. Шукуров. — СПб. : Алетейя, 2001. — 448 с.
230. Эпоха крестовых походов / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо, пер. с франц. М. Гершензона. — М. : АСТ ; — СПб. : Полигон, 2007. — 1086 с.
231. Юзбашян, К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия (IX—XI вв.) / К.Н. Юзбашян. — М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. — 302 с.
232. Юзбашян, К.Н. «Варяги» и «прония» в сочинении Аристакеса Ластивертци / К.Н. Юзбашян // Византийский Временник. — 1959. — Т. 16 (41). — С. 14—28.
233. Якуб, А.В. Образ «норманна» в западноевропейском обществе IX—XII вв. : становление и развитие историографической традиции: монография / А.В. Якуб. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. — 461 с.

234. Прицак, О. Походження Русі / О. Прицак. — Київ : Обереги, 1997. — Т. 1. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). — 1080 с.
235. A history of the Crusades. The first hundred years / ed. K.M. Setton and M.W. Balduwin. — Vol. 1. — Philadelphia : University of Wisconsin Press, 1969. — xxxi, 707 p.
236. A short history of Turkish – Islamic states (Excluding the Ottoman State) / written by I. Kafesoglu, H.D. Ildiz, E. Mercil, M. Saray, trans. by A.E. Uysal, ed. by E. Mercil, H.Y. Nuhoglu. — Ankara : Turkish Historical Society Printing House, 1994. — 437 p.
237. Abulafia, D. Historiographical essays Institutes and individuals : some medieval historians of the twentieth century / D. Abulafia // Journal of Medieval History. — 1992. — Vol. 18. — P. 183—201.
238. Albu, E. Bohemond and the Rooster: Byzantines, Normans, and the Artful Ruse / E. Albu // Anna Komnene and Her Times / ed. by T. Gouma-Peterson. — New York : Garland, 2000. — P. 157—168.
239. Albu, E. Probing the passions of a Norman on Crusade : the Gesta Francorum et aliorum Hierasolimitanorum / E. Albu // Anglo-Norman Studies. Proceedings of the XXVII Battle Conference / ed. by J. Gilligham. — 2005. — Vol. 27. — P. 1—15.
240. Albu, E. The Normans in their Histories : Propaganda, Myth and Subversion / E. Albu. — Woodbridge : The Boydell Press, 2001. — 260 p.
241. Albu, E. The Normans and their Myths / E. Albu // The Haskins Society journal. — 2003. — Vol. 11. — P. 123—136.
242. Asbridge, T. Alice of Antioch : a case study of female power in the twelfth century / T. Asbridge // The Experience of Crusading : Defining the Crusader Kingdom / éd. P. Edbury, J. Phillips. — Cambridge, Cambridge University Press, 2003. — Vol. 2. — P. 29—47.
243. Asbridge, T. The Creation of the Principality of Antioch 1098—1130 / T. Asbridge. — Rochester : Boydell and Brewer, 2000. — 233 p.

244. Asbridge, T. The “Crusader” Community at Antioch : the impact of Interaction with Byzantium and Islam / T. Asbridge // Transactions of the Royal Historical Society. — 1999. — 6th series. Vol. 9. — P. 305—325.

245. Asbridge, T. The significance and causes of the battle of the Field of Blood / T. Asbridge // Journal of Medieval History. — 1997. — Vol. 23. № 4. — P. 301—316.

246. Atiya, A.S. The crusade : historiography and bibliography / Aziz S. Atiya. — Bloomington : Indiana University Press, 1962. — 170 p.

247. Aube, P. Les empires Normands d`Orient XI—XIII siecle / P. Aube. — P. : Tallandier, 1985. — 388 p.

248. Avcıoğlu, D. Türklerin Tarihi / D. Avcıoğlu. — İstanbul : Tekin Yayınevi, 1978. — Birinci Kitap. — S. 1—558 ; İkinci Kitap. — S. 559—1062.

249. Balard, M. Les Latins en Orient, XIe—XVe siècle) / M. Balard. — P. : Presses universitaires de France, 2006. — 452 p.

250. Balard, M. Les Normands vus par les chroniqueurs byzantins du XIIe siècle / M. Balard // Les Normands en Méditerranée, dans le sillage des Tancrède / ed. P. Bouet, F. Neveux. — Caen : Université de Caen, 2001. — P. 225—234.

251. Balivet, M. Les Turcs au Moyen-Age : des Croisades aux Ottomans (XIe—XVe siècles) / M. Balivet. — Istanbul : Les Editions Isis, 2002 (Analecta Isisiana. — 59). — 156 p.

252. Balivet, M. Normands et Turcs en Méditerranée médiévale : deux adversaires “symétriques”? / M. Balivet // Turcica. — 1990. — Vol. 30. — P. 309—329.

253. Barlow, J.F. A short history of the Normans in South Europe / J.F. Barlow. — L. : The British Library, 2010. — 268 p.

254. Bates, D. The Normans and Empire / D. Bates. — Oxford : Oxford press, 2013. — 256 p.

255. Bates, D. The rise and fall of Normandy, c. 911—1204 / ed. D. Bates, A. Curry // *England and Normandy in the Middle Ages*. — L. : The Hambledon press, 1994. — P. 19—35.
256. Baykara, T. Türkiye Selçukluları Devrinde Niksar / T. Baykara // *Araştırma Sonuçları Toplantısı*. — 1983. — I. 23—26 mayıs. — S. 189—194.
257. Bayram, M. Danişmend Oğulları'nın Dinî ve Millî Siyaseti / M. Bayram // *Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*. — 2005. — Sayı 18. — S. 131—147.
258. Beech, G.T. A Norman-Italian adventurer in the East: Richard of Salerno 1097—1112 / G.T. Beech // *Anglo-Norman Studies. Proceedings of the XV Battle Conference* / ed. M. Chibnall. — 1993. — Vol. 15. — P. 25—40.
259. Bennett, M. Stereotype Normans in Old French Vernacular Literature / M. Bennett // *Anglo-Norman Studies. Proceedings of the IX Battle Conference* / ed. R. A. Brown. — 1987. — Vol. 9. — P. 25—42.
260. Bennet, M. The Normans in the Mediterranean / M. Bennet // *A companion to the Anglo-Norman World*. — Woodbridge : The Boydell Press, 2003. — P. 87—102.
261. Birkenmeier, J.W. The Development of the Komnenian Army: 1081—1180 / J.W. Birkenmeier. — Leiden ; Boston ; Köln : Brill, 2002 (*History of warfare* 5). — 263 p.
262. Bliese, J. The courage of the Normans — a comparative study of battle rhetoric / J. Bliese // *Nottingham medieval studies*. — 1991. — Vol. 35. — P. 1—26.
263. Bloch, H. Monte Cassino, Byzantium, and the West in the Earlier Middle Ages / H. Bloch // *Dumbarton Oaks Papers*. — 1946. — Vol. 3. — P. 163—224.
264. Blöndal, S. The Varangians of Byzantium : an aspect of Byzantine military history / Sigfús Blöndal ; trans., rev., and rewritten by Benedikt S. Benedikz. — Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1978. — 242 p.

265. Boehm, L. Die "Gesta Tancredi" des Radulf von Caen: ein Beitrag zur Geschichtsschreibung der Normannen um 1100 / L. Boegm // Historisches Jahrbuch. — 1956. — Bd. 75. — P. 47—72.

266. Boehm, L. Nomen gentis Normannorum. Der aufstieg der Normannen im spiegel der Normannischen historiographie / L. Boegm // I Normanni e la loro espansione in Europa nell'ato medioevo. — Spoleto : Presso la Sede des Centro, 1969. — P. 623—704.

267. Boemondo : Storia di un principe normanno : Atti del Convegno di studio su Boemondo, da Taranto ad Antiochia a Canosa, storia di un principe Normanno : Taranto, Canosa, maggio-novembre 1998 / a cura di Franco Cardini, Nunzio Lozito, Benedetto Vetere. — Gelatina : Mario Congedo, 2003. — 131 p.

268. Bossuat, A. Les origines troyennes : leur rôle dans la littérature historique du XVe siècle / A. Bossuat // Annales de Normandie. — 1958. — T. 8. — P. 187—197.

269. Brand, C.M. Byzantium confronts the West, 1180—1204 / Charles M. Brand. — Cambridge : Harvard University Press, 1968. — 394 p.

270. Brandileone, F. Le prime relazioni tra i Normanni d'Italia e l'impero d'Oriente / F. Brandileone // Scritti della Facoltà giuridica di Roma in onore di Antonio Salandra. — Milano : Dottor F. Vallardi, 1928. — P. 191—203.

271. Brehier, L. Les Aventures d'un chef normand en Orient au Xle siècle / L. Brehier // Revue des cours et des conferences. — 1912. — XX. — P. 172—188.

272. Brown, P. The Gesta Roberti Wiscardi : A 'Byzantine' history? / P. Brown // Journal of Medieval History. — 2010. — Vol. 37. № 2. — P. 162—179.

273. Brown, R.A. The Normans / R.A. Brown. — Woodbridge : Boydell & Brewer, 1984. — 244 p.

274. Brown, R.A. The Normans and the Normans conquest / R.A. Brown. — Woodbridge : Boydell & Brewer, 1994. — 272 p.

275. Bryer, A. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos / A. Bryer, D. Winfield — Vol. I. — Washington : Dumbarton Oaks Publications Office, 1985. — 394 p.
276. Byzantine Asia Minor (6th—12th Cent.). National Hellenic Research Foundation, International Symposium 6 / ed S. Lampakis. — Athens : Institute for Byzantine Research, 1998 (Hellenism: Ancient, Medieval, Modern. — 27). — 448 p.
277. Byzantine warfare / ed. by John Haldon. — Farnham : Ashgate, 2007 (The International Library of Essays on Military History). — 610 p.
278. Byzantines and crusaders in non-Greek sources, 1025—1204 / ed. by M. Whitby. — Oxford ; New York : Published for The British Academy by Oxford University Press, 2007 (Proceedings of the British Academy. — 132). — xxvii, 428 p.
279. Byzantium and the West c. 850—1200 : Proceedings of the XVIII Spring Symposium of Byzantine Studies, Oxford 30 March-1st April 1984 / ed. by J. D. Howard-Johnston. — Amsterdam : Verlag Adolf M. Hakkert, 1988. — 332 p.
280. Burnett, C. "Antioch as a link between Arabic and Latin culture in the twelfth and thirteenth centuries" / C. Burnett // *Occident et Proche-Orient : contacts scientifiques au temps des croisades* / éd. I. Draelants, A. Tihon et B. Van den Abeele. — Turnhout : Brepols Publishers, 2000. — P. 1—78.
281. Cahen, C. La campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes / C. Cahen // *Byzantion*. — 1934. — T. 9. — P. 613—642.
282. Cahen, C. La première pénétration turque en Asie Mineure (second moitié du XIe siècle) / C. Cahen // *Byzantion*. — 1948. — T. 18. — P. 5—67.
283. Cahen, C. La Syrie du Nord à l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche / C. Cahen. — P. : Librairie Orientaliste, 1940. — 768 p.
284. Cahen, C. La Turquie pré-ottomane / C. Cahen. — Istanbul : Institut français d'études anatoliennes d'Istanbul : Dıvıt Matbaacılık ve Yayıncılık, 1988. — 410 p.

285. Cahen, C. Le régime féodal de l'Italie Normande / C. Cahen. — P. : Librairie Orientaliste, 1940. — 145 p.
286. Cahen, C. Les peuples musulmans dans l'histoire médiévale / C. Cahen. — Damas : éditions Institut français de Damas, 1977. — 496 p.
287. Cahen, C. Orient et Occident au temps des Croisades / C. Cahen. — P. : Auber, 1983. — 304 p.
288. Cahen, C. The Formation of Turkey. The Seljukid Sultanate of Rum : Eleventh to Fourteenth Century / C. Cahen, trans. and ed. by P.M. Holt. — L. : Longman, 2001. — 320 p.
289. Cahen, C. The Historiography of the Seljuqid Period / C. Cahen // *Historians of the Middle East* / ed. by Bernard Lewis, Peter M. Holt. — L. : Oxford University Press, 1962. — P. 59—78.
290. Canosa, R. du. Etnogenesi normanne e identità variabili : il retroterra culturale dei Normanni d'Italia fra Scandinavia e Normandia / Rosa Canosa. — Torino : S. Zamorani, 2009. — 189 p.
291. Capitani, O. Specific Motivations and Continuing them in the Norman Chronicles of Southen Italy in the Eleventh and Twelfth centuries / O. Capitani // *The Normans in Sicily and South Italy (Lincoln Lectures 1974)* / ed. by O. Capitani, G. Galasso, R. Salvini, C.N.L. Brooke. — Oxford : Oxford University Press, 1977. — P. 1—46.
292. Catalogue of the Byzantine seals at Dumbarton Oaks and the Fogg Museum of Art. The East / ed. E. McGeer, J. Nesbitt, N. Oikonomides. — Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2001. — Vol. 4. — 248 p. ; 2005. — Vol. 5. — 215 p.
293. Chalandon, F. Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène (1081—1118) / F. Chalandon. — P. : Librairie A. Picard et fils, 1900. — 345 p.
294. Chalandon, F. Histoire de la domination normand en Italie et Sicilie / F. Chalandon. — P. : Librairie A. Picard et fils, 1907. — 814 p.

295. Chalandon, F. Histoire de la première croisade jusqu'à l'élection de Godffroi de Bouillon / F. Chalandon. — Paris : Auguste Picard, 1925. — 375 p.

296. Charanis, P. Byzantium, the West and the origin of the First Crusade / P. Charanis // Byzantion. — 1949. — T. 19. — P. 17—36.

297. Charanis, P. Cultural diversity and the breakdown of Byzantine power in Asia Minor / P. Charanis // *Dumbarton Oaks Papers*. — 1975. — Vol. 29. — P. 1—20.

298. Chevedden, P.E. "A Crusade from the First" : The Norman Conquest of Islamic Sicily, 1060—1091 / P.E. Chevedden // *Al-Masaq : Islam and the Medieval Mediterranean*. — 2010. — Vol. 22. № 2. — P. 191—225.

299. Cheynet, J.-C. L'implantation des Latins en Asie Mineure avant la Première Croisade / J.-C. Cheynet // *Migrations et diasporas méditerranéennes (Xe—XVIe siècles)* / éd. M. Balard, A. Ducellier. — P. : Publications de la Sorbonne, 2002. — P. 115—124.

300. Cheynet, J.-C. Le rôle des Occidentaux dans l'armée byzantine avant la Première Croisade / J.-C. Cheynet // *Byzanz und das Abendland im 10 und 11 Jahrhundert* / ed. E. Konstantinou. — Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 1997. — P. 111—128.

301. Cheynet, J.-C. Les officiers étrangers dans l'armée byzantine aux Xe—XIIe siècles / J.-C. Cheynet // *Guerre et société. Byzance — Occident, (VIIIe —XIIIe siècles)* / éd. D. Barthelemy et J.-C. Cheynet. — P. : ACHCByz, 2010. — P. 42—60.

302. Cheynet, J.-C. Mantzikert : un désastre militaire? / J.-C. Cheynet // *Byzantion*. — 1980. — Vol. 50. Fasc. 2. — P. 410—438.

303. Cheynet, J.-C. Pouvoir et contestations à Byzance (963—1210) / J.-C. Cheynet. — P. : Publications de la Sorbonne, 1990 (*Byzantina Sorbonensia*. — 9). — 523 p.

304. Cheynet, J.-C. The Duchy of Antioch during the Second Period of Byzantine Rule / J.-C. Cheynet // *East and West in the Medieval Eastern Mediterranean : Antioch from the Byzantine reconquest until the end of the crusader*

principality: Acta of the congress held at Hernen Castle in May 2003 / éd. K. Ciggaar, M. Metcalf. — Leuven ; Paris; Dudley : Peeters : 2006 (*Orientalia Lovaniensa Analecta*. — 147). — Vol. 1. — P. 1—16.

305. Chibnall, M. *The Normans* / M. Chibnall. — Oxford : Blackwell, 2006. — 199 p.

306. Ciggaar, K.N. *Bizantine Marginalia to the Norman conquest* / K.N. Ciggaar // *Anglo-Norman Studies IX Proceedings of the Battle Conference* / ed. by R.A. Brown. — 1986. — Vol. 9. — P. 43—69.

307. Ciggaar, K.N. *Visitors from North-Western Europe to Byzantium. Vernacular Sources: Problems and Perspectives* / K.N. Ciggaar // *Byzantines and crusaders in non-Greek sources, 1025—1204* / ed. by M. Whitby. — Oxford ; New York : Published for The British Academy by Oxford University Press, 2007 (*Proceedings of the British Academy*. — 132). — P. 123—155.

308. Ciggaar, K.N. *Adaptation to Oriental Life by Rulers in and around Antioch: Examples and Exempla* / K.N. Ciggaar // *East and West in the Medieval Eastern Mediterranean : Antioch from the Byzantine reconquest until the end of the crusader principality: Acta of the congress held at Hernen Castle in May 2003* / éd. K. Ciggaar, M. Metcalf. — Leuven ; Paris; Dudley : Peeters : 2006 (*Orientalia Lovaniensa Analecta*. — 147). — Vol. 1. — P. 261—282.

309. Ciggaar, K.N. *Western travelers to Constantinople: the West and Byzantium, 962—1204 : cultural and political relations* / K.N. Ciggaar. — Leiden ; New York ; Köln : Brill, 1996. — 405 p.

310. *Conquête, acculturation, identité : Des normands aux hongrois : les traces de la conquête* / Université de Rouen. GRHIS. Groupe de recherche d'histoire. — Rouen : Publications de l'université de Rouen, 2001 (*Publications de l'Université de Rouen*. — No. 302 ; *Cahiers du GRHIS*. — No. 13). — 109 p.

311. Constable, G. *The historiography of the Crusades* / G. Constable // *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World* / ed. by A.E.

Laiou, R.P. Mottahedeh. — Washington : Dumbarton Oaks Publishing Service, 2001. — P. 9—31.

312. Coppola, J. Bohémond Ier : Prince d'Antioche / J. Coppola // Les dossiers d'archéologie. — 2005. — Vol. 299. — P. 88—97.

313. Coppola, J. Les Normands au Proche-Orient. Batailles et châteaux de la première croisade / J. Coppola // Les dossiers d'archéologie. — 2005. — Vol. 299. — P. 76—87.

314. Crusaders and Muslims in Twelfth-century Syria / ed. by M. Shatzmiller. — Leiden ; New York ; Köln : Brill, 1993. — 248 p.

315. Crusading and Pilgrimage in the Norman World / ed. by K. Hurlock, P. Oldfield. — Woodbridge : The Boydell Press, 2015. — 248 p.

316. David, C.W. Robert Curthose Duke of Normandy / C.W. David. — Cambridge : Harvard University Press, 1920. — 272 p.

317. Davidson, H.R.E. The Viking road to Byzantium / H.R.E. Davidson. — L. : George Allen & Unwin, 1976. — 342 p.

318. Davies, R. Nations and National Identities in the Medieval World : An Apologia / R. Davies // Belgisch Tijdschrift voor Nieuwste Geschiedenis-Revue belge d'Histoire contemporaine. — 2004. — Vol. 34. № 4. — P. 567—579.

319. Davis, R.H.C. The Normans and Their Myth / R.H.C. Davis. — L. : Thames and Hudson ltd, 1976. — 144 p.

320. Dédéyan, G. Histoire du peuple arménien / G. Dédéyan. — Toulouse, Privat, 2007. — 991 p.

321. Dédéyan, G. Les Arméniens en Occident, fin du Xe siècle—début du XIe / G. Dédéyan // Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. 9e congrès. — Dijon, 1978 (Occident et Orient au Xe siècle). — P. 123—139.

322. Dédéyan, G. Les Arméniens entre Grecs, musulmans et croisés. Étude sur les pouvoirs arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068—1150) / G.

Dédéyan. — Lisbonne : Bibliothèque arménologique de la Fondation Calouste Gulbenkian, 2003. — Vol. II. — 1540 p.

323. Dédéyan, G. Les Arméniens sur la frontière sud-orientale de Byzance, fin IXe—fin XIe siècles / G. Dédéyan // La Frontière. Séminaire de recherche sous la direction d'Yves Roman. — Lyon : Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 1993. — P. 67—85.

324. Dédéyan, G. Les listes «féodales» du pseudo-Smbat / G. Dédéyan // Cahiers de civilisation médiévale. — Janvier-mars 1989. — 32e année (n°125). — P. 25—42.

325. Demir, M. Danişmendli Emâreti'nin Kurucuları / Mustafa Demir// Sakarya Üniversitesi Fen Edebiyat Dergisi. — 2008. — Cilt 10. Sayı 1. — S. 141—149.

326. Dozy, R. Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le moyen age / R. Dozy. — Leyde : E.J. Brill, 1881. — T. II. — 480, cxvii p.

327. Douglas, D.C. The Norman achievement 1050—1100 / D.C. Douglas. — Berkeley and Los Angeles : University of California press, 1969. — 271 p.

328. Douglas, C. The Norman fate 1100—1154 / D.C. Douglas. — Berkely and Los Angeles : University of California press, 1976. — 258 p.

329. Drell, J.H. Cultural Syncretism and Ethnic Identity: The Norman 'conquest' of Southern Italy and Sicily / J.H. Drell // Journal of Medieval History. — 1999. — Vol. 25. No. 3. — P. 187—202.

330. [Ducange D.] Glossarium media et infimae latinitatis / conditum a Carolo DuFresne, domino DuCange, auctum a monachis Ordinis S. Benedicti cum supplementis integris D.P. Carpenterii, Adelungii, aliorum, suisque digessit G.A.L. Henschel sequuntur Glossarium gallicum, tabulae, indices auctorum et rerum, dissertationes. Editio nova aucta pluribus verbis aliorum scriptorum a Léopold Favre. — Niort : Léopold Favre, 1883. — T. I. — 802 p. ; T. II. — 688 p. ; 1884. — T. III. — 642 p. ; 1885. — T. IV. — 494 p. ; 1885. — T. IV. — 629 p. ; 1886. — T. VI. —

619 p. ; 1886. — T. VII. — 694 p. ; 1887. — T. VIII. — 471 p.; 1887. — T. X. — ccxliv, 172 p.

331. [Ducange D.] *Les Familles d'Outre Mer de Du Cange / Du Cange* ; publ. par E. G. Rey. — P. : Impr. Nationale, 1869. — 998 p.

332. Dujčev, I. *Normani de Oriente Bizantino / I. Dujčev // Atti del Congresso internazionale di studi sulla Sicilia normanna: Palermo, 4-8 dicembre 1972.* — Palermo : Università di Palermo, Istituto di storia medievale, 1973 (stampa 1974). — P. 105—131.

333. Edgington, S.B. *Pagan Peverel : An Anglo-Norman Crusader / S.B. Edgington // Crusade and Settlement : Papers read at the First Conference of the Society for the Study of the Crusades and the Latin East and presented to R.C. Smail / ed. by Peter W. Edbury.* — Cardiff : University College Cardiff Press, 1985. — P. 90—93.

334. Edgington, S.B. *Antioch : Medieval City of Culture / S.B. Edgington // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean : Antioch from the Byzantine reconquest until the end of the crusader principality: Acta of the congress held at Hernen Castle in May 2003 / éd. K. Ciggaar, M. Metcalf, A.A. Bredios Foundation — Leuven ; Paris; Dudley : Peeters : 2006 (Orientalia Lovaniensa Analecta. — 147).* — Vol. 1. — P. 247—259.

335. Erdman, C. *Origin of the Idea of Crusade / C. Erdman ; trans. From the German by M.W. Marshal, W. Coffart.* — New Jersey : Princeton University Press, 1977. — 447 p.

336. Falk, A. *Franks and Saracens : Reality and Fantasy in the Crusades / A. Falk.* — L. : Karnac Books, 2010. — 238 p.

337. Ferreiro, A. *The siege of Barbastro 1064—65 : a reassessment / A. Ferreiro // Journal of Medieval History.* — 1983. — Vol. 9. — P. 129—144.

338. Figliuolo, B. *Ancora sui Normanni d'Italia all Prima Crociata / B. Figliuolo // Archivio Storico per le Province Napolitane.* — 1986. — Vol. 104. — P. 1—16.

339. Flori, J. De l'anonyme Normand à Tudebode et aux Gesta Francorum, l'impact de la propaganda de Bohémond sur la critique textuelle des sources de la Première Croisade / J. Flori // *Revue d'Histoire Ecclesiastique*. — 2007. — Vol. 102. — P. 717—746.
340. Foss, C. Pilgrimage in Medieval Asia Minor / C. Foss // *Dumbarton Oaks Papers*. — 2002. — Vol. 56. — P. 129—151.
341. France, J. The Normans and crusading / J. France // *The Normans and their Adversaries at War : Essays in Memory of C. Warren Hollister* / ed. Richard P. Abels, Bernard S. Bachrach. — Woodbridge : Boydell, 2001. — P. 87—101.
342. France, J. The Use of the Anonymous Gesta Francorum in the Early Twelfth Century Sources for the First Crusade / J. France // *From Clermont to Jerusalem : The Crusades and Crusader Societies, 1095—1500* / ed. A.V. Murray. — Turnhout : Brepols, 1998. — P. 29—42.
343. Frankopan, P. Turning Latin into Creek : Anna Komnene and the Gesta Roberti Wiscardi / P. Frankopan // *Journal of Medieval History*. — 2013. — Vol. 39. № 1. — P. 80—99.
344. Frère, É. Manuel du bibliographe normand / É. Frère. — Rouen : A. Le Brument, 1858. — T. I. — 491 p. ; 1860. — T. II. — 623 p.
345. From Clermont to Jerusalem : The Crusades and Crusader Societies, 1095—1500 / ed A.V. Murray. — Turnhout : Brepols, 1998. — xxiii, 328 p.
346. Gabriele, M. An Empire of Memory : The Legend of Charlemagne, the Franks, and Jerusalem before the First Crusade / M. Gabriele. — Oxford : Oxford University Press, 2011. — 256 p.
347. Gallina, M. La "precrociata" di Roberto il Guiscardo: un'ambigua definizione / M. Gallina // *Il Mezzogiorno normanno-svevo e le Crociate : atti delle quattordicesime giornate normanno-sveve, Bari, 17—20 ottobre 2000* / a cura di Giosuè Musca. — Bari : Dedalo, 2002. — P. 29—48.

348. Gauttier d'Arc. Histoire des conquêtes des Normands, en Italie en Sicile et en Grèce / Louis Édouard Gauttier du Lys d'Arc. — P. : L. de Bure, 1830. — 504 p.

349. Greenfield, R. Drawn to the Blazing Beacon : Visitors and Pilgrims to the Living Holy Man and the Case of Lazaros of Mount Galesion / R. Greenfield // *Dumbarton Oaks Papers*. — 2002. — Vol. 56. — P. 213—241.

350. Grégoire, H. Encore la chanson de Roland et Byzance / H. Grégoire // *Byzantion*. — 1939. — T. 14. — P. 689—691.

351. Grousset, R. Histoire des croisades et du royaume franc de Jérusalem (1095—1130). L'anarchie musulmane / R. Grousset. — P. : Librairie Académique Perrin, 1934. — T. I. — 883 p.

352. Grousset, R. L'épopée des Croisades / R. Grousset. — P. : Librairie Académique Perrin, 1995. — 321 p.

353. Hagenmeyer, H. Chronologie de l'histoire du royaume de Jérusalem, règne de Baudouin Ier (1101—1118) / Heinrich Hagenmeyer // *Revue de l'Orient latin*. — 1902. — T. IX. — P. 384—464 ; 1903—1904. — T. X. — P. 372—405.

354. Hagenmeyer, H. Chronologie de la première croisade / Heinrich Hagenmeyer // *Revue de l'Orient latin*. — 1898. — T. VI. — P. 214—293, 490—540 ; 1899. — T. VII. — P. 277—340, 430—503 ; 1900—1901. — T. VIII. — P. 318—382.

355. Hagger, M. Kinship and Identity in Eleventh-century Normandy : The case of Hugh de Grandmesnil, c. 1040—1098 / M. Hagger // *Journal of Medieval History*. — 2006. — Vol. 32. — P. 212—230.

356. Haldon, J.F. Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565—1204 / J.F. Haldon. — L. : UCL Press, 2003. — 389 p.

357. Harris, J. Byzantium and the First Crusade : Three Avenues of Approach / J. Harris // *Estudios Bizantinos*. — 2014. — № 2. — P. 125—141.

358. Haskins, C.H. The Normans in European history / C.H. Haskins. — Boston and New York : Houghton, 1915. — 258 p.

359. Hermans, J. The Byzantine view of the Normans. Another Norman myth? / J. Hermans // *Anglo-Norman Studies II Proceedings of the Battle Conference* / ed. R.A. Brown. — 1979. — Vol. 2. — P. 78—92.

360. Hiestand, R. Boemondo I e la prima Crociata / R. Hiestand // *Il Mezzogiorno normanno-svevo e le Crociate : atti delle quattordicesime giornate normanno-sveve*, Bari, 17—20 ottobre 2000 / a cura di Giosuè Musca. — Bari : Dedalo, 2002. — P. 65—94.

361. Hill, P. The Norman commanders : Masters of Warfare 911—1135 / P. Hill. — Barnsley South Yorkshire : Pen and Sword Military, 2015. — 240 p.

362. Hillenbrand, C. The Crusades: Islamic Perspectives / C. Hillenbrand. — New York : Routledge, 2000. — 648 p.

363. Histoire générale du IV siècle á nos jours. L'Europe féodale les croisades 1095—1270 / ed. E. Lavis, A. Rambaud. — T. 2. — P. : Armand Colin, 1893. — 987 p.

364. Hodgson, N. Reinventing Normans as crusaders? Ralf of Caen's Gesta Tancredi / N. Hodgson // *Anglo-Norman Studies XXX Proceedings of the Battle Conference* / ed. by C.P. Lewis. — 2007. — Vol. 30. — P. 117—132.

365. Hoffmann, J. Rudimente von Territorialstaaten im Byzantinischen Reich (1071—1210) : Untersuchungen über Unabhängigkeitsbestrebungen und ihr Verhältnis zu Kaiser und Reich / J. Hoffmann. — Munich : Institut für Byzantinistik und Neugriechische Philologie der Universität, 1974 (*Miscellanea Byzantina Monacensia*. — 17). — 182 p.

366. Holmes, U.T. Source Problems of the Chétifs, a Crusade Chanson de Geste / U.T. Holmes, W.M. McLeod Jr. // *Romanic Review*. — 1937. — Vol. 28. № 2. — P. 99—108.

367. Identité et ethnicité : concepts, débats historiographiques, exemples : IIIe— XIIe siècle : [table ronde tenue les 15—16 octobre 2004 à la Maison de la recherche en sciences humaines (MRSH) de l'Université de Caen Basse-Normandie] /

[organisée par le CRAHM] ; actes publiés sous la direction de Véronique Gazeau, Pierre Bauduin, Yves Modéran. — Caen : Publications du CRAHM, 2008. — 264 p.

368. Il Mezzogiorno normanno-svevo e le Crociate : atti delle quattordicesime giornate normanno-sveve, Bari, 17—20 ottobre 2000 / a cura di Giosuè Musca. — Bari : Dedalo, 2002. — ill, 417 p.

369. Iorga, N. Les narrateurs de la première croisade / N. Iorga. — P. : J. Gamber, 1928. — 92 p.

370. Jamison, E.M. Some notes on the Anonymi Gesta Francorum with special reference to the Norman contingent from south Italy and Sicily in the First Crusade / E.M. Jamison // Studies on the history of medieval Sicily and South Italy. — Manchester : University press, 1939. — P. 195—204.

371. Janin, R. Les Francs au service des "Byzantins" / R. Janin // Échos d'Orient. — 1930. — Vol. 29. № 157. — P. 61—72.

372. Jurukova, J. Sceaux de Constantin Humberto / J. Jurukova // Actes du XIVe Congrès International des études byzantines, Bucarest, 6—12 septembre, 1971 / ed. M. Berza, E. Stănescu. — Bucarest : Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1976. — T. III. — 235—243 p.

373. [Kafesoglu, I.] A History of the Seljuks : Ibrahim Kafesoglu's Interpretation and the Resulting Controversy / I. Kafesoglu ; ed. and trans. by G. Leiser. — Carbondale and Edwardsville : Southern Illinois University Press, 1988. — 224 p.

374. Kafesoğlu, İ. [Eleştiri—tanıtma] Prof. Dr. Osman Turan : Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti. Neşreden : Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü, Ankara, 1965 / İ. Kafesoğlu // Tarih Dergisi. — 1965. — Cilt 15. Sayı 20. — S. 171—188.

375. Karaca, G.S. Overview of Byzantine-Norman Relations in XI. Century / G.S. Karaca // Tarih İncelemeleri Dergisi. — 2012. — Cilt XXVII. Sayı 1. — S. 101—118.

376. Kayhan, H. Haçlılar Karşısında Dânişmendliler / Hüseyin Kayhan // *History Studies : International Journal of History*. — 2012. — Vol 4, Issue 2. — P. 227—234.

377. Kazhdan, A.P. Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries / A.P. Kazhdan, A.W. Epstein. — Berkeley : Los Angeles ; L. : University of California Press, 1990. — 287 p.

378. Kazhdan, A.P. Latins and Franks in Byzantium : Perception and Reality from the Eleventh to the Twelfth Century / A.P. Kazhdan // *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World* / ed. by A.E. Laiou, R.P. Mottahedeh. — Washington : Dumbarton Oaks Publishing Service, 2001. — P. 83—100.

379. Köhler, M.A. Alliances and Treaties between Frankish and Muslim Rulers in the Middle East. Cross-Cultural Diplomacy in the Period of the Crusades / M.A. Köhler ; trans. by P.M. Holt, revised, edited and introduced by K. Hirschler. — Leiden ; Boston : Brill, 2013 (*The Muslim World in the Age of the Crusades*. — 1). — 384 p.

380. König, D.G. Arabic-Islamic Views of the Latin West : Tracing the Emergence of Medieval Europe / D.G. König. — Oxford : Oxford University Press, 2015. — 448 p.

381. Köprülü, M.F. The Seljuks of Anatolia: Their History and Culture According to Local Muslim Sources / M.F. Köprülü ; trans. and ed. by Gary Leiser. — Salt Lake City : University of Utah Press, 1992. — 101 p.

382. Krey, A.C. A Neglected Passage in the Gesta and Its Bearing on the Literature of the First Crusade / A.C. Krey // *The Crusades and other historical essays* / presented to D.C. Munro by his former students, ed. L.J. Paetow. — New York : F.S. Crofts, 1928. — P. 57—78.

383. Kugler, B. Bohemund und Tankred, Fürsten von Antiochien. Ein beitrage zur geschichte der normannen in Syrien / B. Kugler. — Tübingen : Gerruckt bei Ludwig Friedrich Fues, 1862. — 79 S.

384. Kuhl, E. Time and identity in Stephen of Rouen's *Draco Normannicus* / E. Kuhl // *Journal of Medieval History*. — 2014. — Vol. 40. № 4. — P. 421—438.
385. Lack, K. *The Conqueror's Son : Duke Robert Curthose, Thwarted King* / K. Lack. — Stroud : Sutton, 2007. — 228 p.
386. Lemerle, P.E. *Byzance et la croisade* / P.E. Lemerle // *Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche (Roma 1955)*. — Firenze : G.C. Sansoni, 1955. — Vol. 3. — P. 595—620.
387. *Les Normands en Méditerranée, dans le sillage des Tancrède* / ed. P. Bouet, F. Neveux. — Caen : Université de Caen, 2001. — 288 p.
388. Lewis, A.R. *Nomads and Crusaders, ad 1000—1368*. — Bloomington and Indianapolis : A Midland book, 1988. — 224 p.
389. Lewis, B. *Ifrandj* / B. Lewis, J.F.P. Hopkins // *The Encyclopedia of Islam*. New edition. Prepared by a number of leading orientalists / ed. by B. Lewis, V.L. Ménqge, Ch. Pellat, [J. Shhacht]. — Leiden : E.J. Brill, 1986. — Vol. III. — P. 1044—1046.
390. *Le baron de Bazancourt. Histoire de la Sicile sous la domination des normands* / C. L. baron de Bazancourt. — P. : Librairie de amyot, 1846. — T. 1. — 416 p. ; — T. 2. — 418 p.
391. Levy-Rubin, M. “The Errors of the Franks” by Nikon of the Black Mountain : Between Religious and Ethno-Cultural Conflict / M. Levy-Rubin. // *Byzantion*. — 2001. — Vol. 71. Fasc. 2. — P. 422—437.
392. Ligato, G. *Le vicende della crociata lombarda. Gerusalemme o “regnum Babilonicum”?* / G. Ligato // *Deus non voluit. I Lombardi alla prima crociata (1100—1101). Dal mito alla ricostruzione della realtà* / éd. G. Andenna, R. Salvarani. — Milan : Vita e Pensiero, 2003. — P. 31—103.
393. Lopes, R.S. *La Sicilia nel tempo della conquista normana* / R.S. Lopez // *Richere storico ed economiche in memoria di Corrado Barba*. — Napoli : Edizioni scientifiche italiane, 1970. — Vol. II. — P. 170—121.

394. Lorenz, S. Bohemund von Tarent und die Normannen als Herrscher von Antiochen / S. Lorenz. — Norderstedt : Grin verlag, 2007. — 22 p.
395. Loud, G.A. The “Gens Normannorum” : Myth or Reality? / G.A. Loud // *Anglo-Norman Studies: Proceedings of the IV Battle Conference*. — 1981. — Vol. 4. — P 104—116.
396. Louis, R. Les ducs de Normandie dans les chanson de geste / R. Louis // *Byzantion*. — 1958. — Vol. 28. — P. 390—419.
397. Maalouf, A. The Crusades through Arab Eyes / A. Maalouf, translated from the French by Jon Rothschild. — London : Saqi Books, 2006. — 295 p.
398. MacEvitt, C. The Chronicle of Matthew of Edessa : Apocalypse, the First Crusade, and the Armenian Diaspora / C. MacEvitt // *Dumbarton Oaks Papers*. — 2007. — Vol. 61. — P. 157—181.
399. MacEvitt, C. The Crusades and the Christian World of the East : Rough Tolerance / C. MacEvitt. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2008. — viii, 272 p.
400. MacEvitt, C. True Romans : Remembering the Crusades among Eastern Christians / C. MacEvitt // *Journal of Medieval History*. — 2014. — Vol. 40. № 3. — P. 260—275.
401. Mcqueen, W.B. Relation between the Normans and Byzantium 1071—1112 / W.B. Mcqueen // *Byzantion*. — 1986. — Vol. 56. — P. 427—476.
402. Magdalino, P. The Byzantine Army and the Land : from stratiotikon ktema to military pronoria / P. Magdalino // *Το εμπόλεμο Βυζάντιο (9ος—12ος αι.) / επ. Κ.Τσικνάκης*. — Αθήνα : Χόρν, 1997 (Ινστιτούτο Βυζαντινών Ερευνών). — 15—36 p.
403. Magdalino, P. The Byzantine background to the First Crusade / P. Magdalino. — Toronto : Canadian Institute of Balkan Studies, 1996. — 38 p.
404. Mallet, A. The “Other” in the Crusading period : Walter the Chancellor's presentation of Najm al-Dīn Il-Ghāzī / A. Mallet // *Al-Masāq: Journal of the Medieval Mediterranean*. — 2010. — Vol. 22. Issue 2. — P. 113—128.

405. Manselli, R. Normanni d'Italia alla prima crociata: Boemondo d'Altavilla / R. Manselli // *Japigia*. — 1938. — XI. — P. 45—79, 147—184.
406. Marquis de la Force. Les conseillers latins d'Alexis Comnen / Marquis de la Force // *Byzantion*. — 1936. — T. 11. — P. 153—165.
407. Martin, J-M. Les structures féodales normanno-souabes et la Terre Sainte / J-M. Martin // *Il Mezzogiorno normanno-svevo e le Crociate : atti delle quattordicesime giornate normanno-sveve, Bari, 17—20 ottobre 2000 / a cura di Giosuè Musca*. — Bari : Dedalo, 2002. — P. 225—250.
408. Mas Latrie, Louis de. Les Patriarches latins d'Antioche / Louis de Mas Latrie // *Revue de l'Orient latin*. — 1894. — T. II. — P. 192—205.
409. Mathieu, M. Cinq poésies byzantines des xie et xiie siècles / M. Mathieu // *Byzantion*. — 1953. — T. 23. — P. 129—142.
410. Mathieu, M. Normands et Byzantins / M. Mathieu // *Archivio storico pugliese*. — 1959. — T. 12. — P. 35—46.
411. Mathieu, M. Une source négligée de la bataille de Mantzikert : les “Gesta Roberti Wiscardi” de Guillaume d'Apulie / M. Mathieu // *Byzantion*. — 1950. — T. 20. — P. 89—103.
412. Mayer, H.E. Angevins versus Normans : The New Men of King Fulk of Jerusalem / H.E. Mayer // *Proceedings of the American Philosophical Society*. — 1989. — Vol. 133. № 1. — P. 1—25.
413. Mecit, S. The Rum Seljuqs : Evolution of a Dynasty / S. Mecit. — L. : Routledge, Taylor & Francis Group, 2014 (Routledge Studies in the History of Iran and Turkey). — 212 p.
414. Melazzo, L. The Normans through their languages / L. Melazzo // *Anglo-Norman Studies: Proceedings of the XV Battle Conference / ed. M. Chibnall*. — 1993. — Vol. 15. — P. 243—250.
415. Melvinger, A. al-Madjus / A. Melvinger // *The Encyclopedia of Islam*. New edition. Prepared by a number of leading orientalists / ed. by C.E. Bosworth, E.

van Donzel, B. Lewis, Ch. Pellat. — Leiden : E.J. Brill, 1986. — Vol. V. — P. 1118—1121.

416. Ménager, R.L. Inventaire des familles normandes et franques émigrées en Italie méridionale et en Sicilie (XIe—XIIe siècles) / R.L. Ménager // Roberto il Guiscardo e il suo tempo. Relazioni e comunicazioni nelle prime Giornate normanno-sveve (Bari, maggio 1973). — Bari : Dedalo, 1991. — P. 279—410.

417. Merçil, E. Selçuklu devletleri tarihi. Siyaset, teşkilat ve kültür / E. Merçil, A. Sevim. — Ankara : Türk Tarih Kurumu, 1995. — 599 s.

418. Moulin, G. du. Histoire generale de Normandie. Contenant les choses memorables aduenues depuis les premieres courses des Normands payens, tant en France qu'aux autres pays, de ceus qui s'emperent du pays de Neustrie sous Charles le Simple. Avec l'histoire de leurs ducs, leur genealogie, & leurs conquestes, tant en France, Italie, Angleterre, qu'en Orient, iusques a la reünion de la Normandie à la couronne de France / Gabriel du Moulin. — Ruan : I. Osment, 1631. — 738 p.

419. Moulin, G. du. Les conqvestes et les trophées des Norman-François, aux royaumes de Naples & de Sicile, aux duches de Calabre, d'Antioche, de Galilée, & autres principautez d'Italie & d'Orient / Gabriel du Moulin. — Ruan : D. dv Petit Val Imprimeur ord. du Roy, 1658. — 505 p.

420. Minorsky, V. History of Sharvan and Darband in the X—XI-th centuries / V. Minorsky. — Cambridge : W. Heffer and sons, 1958. — 219 p.

421. Minorsky, V. Studies in Caucasian History / V. Minorsky // Cambridge Oriental Series. — 1953. — № 6. — 190 p.

422. Moravcsik, Gy. Byzantinoturcica / Gy. Moravcsik. — 3. unveränderte Auflage. — Leiden : E.J. Brill, 1983 (Berliner Byzantinische Arbeiten. — X). — Bd. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. — xxix, 609 s. ; Bd. II. Sprachreste der Turkvolker in den byzantinischen Quellen. — xxv, 376 s.

423. Mordtmann, A.D. Die Dynastie der Danischmende / A.D. Mordtmann // Zeitschrift der deutschen morgenlindischen Gesellschaft. — 1876. — Bd. XXX. — S. 467—486.

424. Murray, A.V. *Ethnic Identity in the Crusader States : The Frankish Race and the Settlement of Outremer* / A.V. Murray // *Concepts of national identity in the Middle Ages* / ed S. Forde, L. Johnson and A.V. Murray. — Leeds : Leeds Studies in English, 1995.— P. 59—73.

425. Murray, A.V. *How Norman Was the Principality of Antioch? Prolegomena to a Study of the Origins of the Nobility of a Crusader State* / A.V. Murray // *Family Trees and the Roots of Politics : the Prosopography of Britain and France from the Tenth to the Twelfth Century* / ed. K.S.B. Keats-Rohan. — Woodbridge : Boydell & Brewer Ltd, 1997. — P. 349—360.

426. Murray, A.V. *Norman Settlements in Latin Kingdom of Jerusalem* / A.V. Murray // *Arhivio Normanno-Svevo*. — 2008. — Vol. 1. — P. 61—85.

427. Murray, A.V. *Questions of Nationality in the First Crusade* / A.V. Murray // *Medieval History*. — 1991. — Vol. 1. № 1. — P. 61—73.

428. Murray, A.V. *The army of Godfrey of Boullion, 1096—1099 : Structure and dynamics of a contingent of the First Crusade* / A.V. Murray // *Revue belge de philologie et d'histoire. Histoire médiévale, moderne et contemporaine — Middeleeuwse, moderne en hedendaagse geschiedenis*. — 1992. — Tome 70. fasc. 2. — P. 301—329.

429. Mutaftian, Cl. *L'enjeu cilicien et les prétentions normandes (1097—1137)* / Cl. Mutaftian // *Autour de la Première croisade* / éd. M. Balard. — Paris, Publications de la Sorbonne, 1996 (*Byzantina Sorbonensia*. —14). — P. 453—461.

430. Neville, L. *A History of the Caesar John Doukas in Nikephoros Bryennios* / L. Neville // *Byzantine and Modern Greek Studies*. — 2008. — Vol. 32. — P. 168—188.

431. Ni Chleirigh, L. *Gesta Normannorum? Normans in the Latin Chronicles of the First Crusade* / L. Ni Chleirigh // *Norman Expansion : Connections, Continuities and Contrasts* / ed. by K. J. Stringer and A. Jotischky. — Farnham : Ashgate Publishing, 2013. — P. 207—226.

432. Nicol, D.M. Symbiosis and Integration: Some Greco-Latin Families in Byzantium in the 11th to 13th Centuries / D.M. Nicol // *Byzantinische Forschungen*. — 1979. — Bd. VII. — P. 113—135.

433. Nicholas L.P. A Warlord's Wisdom : Literacy and Propaganda at the Time of the First Crusade / L.P. Nicholas // *Speculum*. — 2010. — Vol. 85. № 3. — P. 534—566.

434. Nicolle, D. Manzikert 1071. The Breaking of Byzantium / David Nicolle. — Oxford : Osprey Publishing, 2013. — 96 p.

435. Nicolle, D. The Normans : Warrior Knights and Their Castles / D. Nicolle, C. Gravett. — L. : Osprey Publishing, 1987. — 256 p.

436. Nicholson, R.L. Tancred : a Study of His Career and Work in Their Relation to the First Crusade and the Establishment of the Latin States in Syria and Palestine / R. L. Nicholson. — Chicago : The University of Chicago libraries, 1940. — 247 p.

437. Norman Expansion : Connections, Continuities and Contrasts / ed. by K. J. Stringer, A. Jotischky. — Farnham : Ashgate Publishing, 2013. — 276 p.

438. Norman Tradition and Transcultural Heritage. Exchange of Cultures in the 'Norman' Peripheries of Medieval Europe / ed. T. Foerster, S. Burkhardt. — Farnham : Ashgate, 2013. — 312 p.

439. Norwich, J.J. A Short History of Byzantium / J.J. Norwich. — L. : Penguin Books, 2013. — 431 p.

440. Norwich, J.J. Byzantium : The Apogee / J.J. Norwich. — L. : Penguin Books, 1993. — 389 p.

441. Oikonomidès, N. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe—XIe s.) / Nicolas Oikonomidès. — Athènes : Fondation nationale de la recherche scientifique, Institut de recherches byzantines, 1996. — 319 p.

442. Oikonomidès, N. Les Danishmendides, entre Byzance, Bagdad et le sultanat d'Iconium / Nicolas Oikonomidès // *Revue numismatique*. — 1983. — T. 25, 6e série. — P. 189—207.

443. Oikonomides, N. The Donation of Castles in the Last Quarter of the 11th Century / N. Oikonomides // *Polychronion. Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag* / hrsg. von P. Wirth. — Heidelberg : Winter, 1966. — P. 413—417.

444. Oldoni, M. Mentalità ed evoluzione della storiografia normanna fra l'XI e il XII secolo in Italia / M. Oldoni // *Ruggero il Gran Conte e l'inizio dello Stato normanno. Relazioni e comunicazioni nelle Seconda Giornate normanno-sveve*, (Bari, maggio 1975). — Roma : Edizioni Dedalo, 1977. — P. 193—174.

445. Paul, N.L. A Warlord's Wisdom : Literacy and Propaganda at the Time of the First Crusade / N.L. Paul // *Speculum*. — 2010. — Vol. 85. Issue 3. — P. 534—566.

446. Pitarakis, B. Mines anatoliennes exploitées par les Byzantins : recherches récentes / Brigitte Pitarakis // *Revue numismatique*. — 1998. — Vol. 153. 6e série. — P. 141—185.

447. Polemis, D.I. Notes on Eleventh-Century Chronology (1059—1081) / D.I. Polemis // *Byzantinische Zeitschrift*. — 1965. — Bd. 58. — P. 60—76.

448. Poncelet, Albert. Boémond et S. Léonard / Albert Poncelet // *Analecta Bollandiana*. — 1912. — Vol. 31. — P. 24—45.

449. Pontieri, E. I Normanni dell'Italia meridionale e la Prima Crociata / E. Pontieri // *Archivio Storico Italiano*. — 1956. — Vol. 114. — P. 3—17.

450. Potts, C. “Atque unum ex diversis gentibus populum effecit” : Historical Tradition and the Norman Identity / C. Potts // *Anglo-Norman Studies: Proceedings of the XVIII Battle Conference*. — 1995. — Vol. 18. — P. 139—152.

451. Potts, C. Normandy, 911—1144 / C. Potts // *A companion to the Anglo-Norman World*. — Woodbridge : The Boydell Press, 2003. — P. 19—42.

452. Précis de l'histoire et de la géographie du moyen âge, depuis la décadence de l'empire romain jusqu'à la prise de constantinople par les turcs-ottomans / par M. Des Michels. — P. : Louis Colas, 1840. — 463 p.

453. Pryor, J.H. Stephen of Blois : Sensitive New-Age Crusader or Victim of History? / J.H. Pryor // *Arts : The Journal of the Sydney University Arts Association*. — 1998. — Vol. 20. — P. 26—74.

454. Ramsay, W.H. The Geographical Conditions Determining History and Religion in Asia Minor / W.H. Ramsay // *The Geographical Journal*. — 1902. — Vol. XX. — № 3. — P. 257—275.

455. Ramsay, W.H. The Historical Geography of Asia Minor / W.H. Ramsay // *Royal Geographical Society. Supplementary papers*. — Vol. IV. — L. : John Murray, Albemarle Street, 1890. — 497 p.

456. Rey, E.G. Les Dignitaires de la principauté d'Antioche, grands officiers et patriarches (XIe—XIIIe siècle) / E.G. Rey // *Revue de l'Orient latin*. — 1900—1901. — T. VIII. — P. 116—157.

457. Rey, E.G. Résumé chronologique de l'histoire des princes d'Antioche / E.G. Rey // *Revue de l'Orient latin*. — 1896. — T. IV. — P. 321—406.

458. Riant, P.D.R. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte au temps des croisades / P.D.R. Riant. — Paris, 1865. — 448 p.

459. Riley-Smith, J. The First Crusade and the Idea of Crusading / J. Riley-Smith. — L. : Continuum, 2003. — 227 p.

460. Riley-Smith, J. The Motives of the Earliest Crusaders and the Settlement of Latin Palestine, 1095—1100 / J. Riley-Smith // *The English historical review*. — 1983. — Oct., № 389. — P. 721—736.

461. Ritchie, N. Bohemund, Prince of Antioch ; the career of a norman crusader in Italy, in Syria and in the wars with the byzantine emperor / N. Ritchie // *History Today*. — 1978. — 28. — P. 293—303.

462. Rowe, J.G. Paschal II, Bohemund of Antioch, and the Byzantine Empire / J.G. Rowe // *Bulletin of the John Rylands Library*. — 1966. — Vol. 49. — P. 165—202.

463. Rowe, J.G. The Papacy and the Crusaders in the East, 1100—1160 / Ph. D. Theses, J.G. Rowe. — Toronto : University of Toronto, 1955. — Vol. I. — 224 p.

464. Rubenstein, J. What is the Gesta Francorum, and Who Was Peter Tudebode? / J. Rubenstein // *Revue Mabillon*. — 2005. — Vol. 16. — P. 179—204.

465. Runsimen, S. A History of the Crusades : The First Crusade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem / S. Runsimen. — New York : Cambridge, 1995. — Vol. I. — 394 p.

466. Runsimen, S. A History of the Crusades: The Kingdom of Jerusalem and the Frankish East, 1100—1187 / S. Runsimen. — New York : Cambridge, 1995. — Vol. II. — 538 p.

467. Runciman, S. Teucro and Turci / S. Runciman // *Medieval And Middle Eastern Studies : In Honor of Aziz Suryal Atiya*. — Leiden : E. J. Brill, 1972. — P. 344—348.

468. Russo, L. Boemondo. Figlio del Guiscardo e principe di Antiochia / L. Russo. — Avellino : Elio Sellino, 2009. — 255 p.

469. Russo, L. Il Liber di Raimondo d'Aguilers e la Sacra Lancia d'Antiochia / L. Russo // *Studi Medievali*. — 2006. — XLVII, fasc. II. — P. 785—837.

470. Russo, L. Il regno normanno del Mezzogiorno e "Outremer" : Scambi, interazioni e mancate occasioni / L. Russo // *Gli Italiani e la Terrasanta* / éd. A. Musarra. — Florence : SISMEL, 2014. — P. 137—149.

471. Russo, L. Il viaggio di Boemondo d'Altavilla in Francia (1106) : un riesame / L. Russo // *Archivio Storico Italiano*. — 2005. — 163. — P. 3—42.

472. Russo, L. I Normanni e il movimento crociato. Una revisione / L. Russo // *Il Papato e i Normanni. Temporale e Spirituale in età normanna* / a cura di E. D'Angelo, C. Leonardi. — Firenze : Sismel-Edizioni del Galluzzo, 2011. — P. 163—174.

473. Russo, L. Tancredi e i Bizantini : Sui Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana di Rodolfo di Caen / L. Russo // *Medioevo greco*. — 2002. — Vol. 2. — P. 193—230.

474. Russo, L. La diaspora normande vue par les marges: la principauté d'Antioche entre histoire et historiographie / L. Russo // *Tabularia*. — 2016. — Vol. 16. — P. 157—175.

475. Savvides, Alexios G.C. Byzantino-Normannica : the Norman Capture of Italy (to A.D. 1081) and the First Two Invasions in Byzantium (A.D. 1081—1085 and 1107—1108) / Alexios G.C. Savvides. — Leuven ; Paris ; Dudley MA : Uitgeverij Peeters en Departement Oosterse Studies, 2007 (*Orientalia Lovaniensia Analecta*. — 165). — 96 p.

476. Schlumberger, G. Deux chefs normands des armées byzantines au XI-e siècle / G. Schlumberger // *Revue Historique*. — 1881. — XVI. — P. 289—303.

477. Schlumberger, G. Les Principautés franques d'Orient d'après les plus récentes découvertes de la numismatique / G. Schlumberger // *Revue des Deux Mondes*. — 1876. — XV. — P. 569—595.

478. Smail, R.C. Crusading Warfare 1097—1193 / R.C. Smail. — L. : Cambridge University Press, 1967. — 272 p.

479. Shepard, J. Aspects of Byzantine Attitudes and Policy Towards the West in the Tenth and Eleventh Centuries / J. Shepard // *Byzantinum and the West c. 850—1200 : Proceedings of the XVIII Spring Symposium of Byzantine Studies, Oxford 30 March-1st April 1984* / ed. by J. D. Howard-Johnston. — Amsterdam : Verlag Adolf M. Hakkert, 1988. — P. 67—118.

480. Shepard, J. Byzantinorussica / J. Shepard // *Revue des études byzantines*. — 1975. — T. 33. — P. 211—225.

481. Shepard, J. Cross-purposes : Alexius Comnenus and the First Crusade / J. Shepard // *The First Crusade : Origins and Impact* / ed. by J. Phillips. — Manchester ; New York : Manchester University Press, 1997. — P. 109—129.

482. Shepard, J. The Uses of Franks in Eleventh Century Byzantium / J. Shepard // *Anglo-Norman Studies : Proceedings of the XV Battle Conference*. — 1993. — Vol. XV. — P. 275—307.

483. Shepard, J. When Greek Meets Greek : Alexius Comnenus and Bohemond in 1097—1098 / J. Shepard // *Byzantine and Modern Greek Studies*. — 1988. — Vol. 12. — P. 189—198.

484. Shopkow, L. History and Community, Norman Historical Writing in the Eleventh and Twelfth Centuries / L. Shopkow. — Washington : Cathol. Univers. of America Pr., 1997. — xv, 327 p.

485. Simpson, A.J. Three Sources of Military Unrest in Eleventh Century of Asia Minor : the Norman Chieftains Herve Francopoulos, Robert Crispin and Roussel de Bailleul / A.J. Simpson // *Mésogeios*. — 2000. — № 9—10. — P. 181—207.

486. Sybel, H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs / H. von Sybel. — Düsseldorf : Schreiner, 1841. — 551 s.

487. Sybel, H. von. The History and Literature of the Crusades / H. von Sybel ; ed. by L. D. Gordon. — L. : Chapman and Hall, 1861. — 356 p.

488. Şahin, S. Norman istilasi'nin I. haçlı seferi'ne yansimalari (Antalya'nın ııgalıne kadar I. Bohemund ve Tancred ın faaliyetleri) / S. Sahin // *Capaddocia Journal of History and Social Sciences* / ed. Prof. Dr. İlyas Gökhan. — 2013. — Vol. 1. — P. 42—52.

489. Ter-Ghewondyan, A. The Arab Emirates in Bagratid Armenia / A. Ter-Ghewondyan ; transl. Nina G. Garsoïan. — Lisbon : Livraria Bertrand, 1976. — 244 p.

490. The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500—1492 / ed. by J. Shepard. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — 1207 p.

491. The Cambridge History of Turkey. Byzantium to Turkey, 1071—1453 / ed. by K. Fleet. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009. — Vol. I. — 522 p.

492. The Cambridge Medieval History. The Eastern Roman Empire (717—1453) / plan. by J.B. Bury, ed. by J.R. Tanner, C.W. Previte-Orton and Z.N. Brooke. — Cambridge : Cambridge University Press, 1923. — Vol. IV. — 993 p.

493. The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / ed. by A.E. Laiou, R.P. Mottahedeh. — Washington : Dumbarton Oaks Publishing Service, 2001. — vii, 297 p.
494. The First Crusade : Origins and Impact / ed. by J. Phillips. — Manchester ; New York : Manchester University Press, 1997. — xvi, 202 p.
495. The New Cambridge Medieval History c. 1024—c. 1198 / D.E. Luscombe, J. Riley-Smith. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — Vol. 4. Part 2. — 900 p.
496. The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A.P. Kazhdan. — New York : Oxford University Press, 1991. — Vol. I—III. — 2232 p.
497. Theotokis, G. Bohemond of Taranto's 1107—8 Campaign in Byzantine Illyria — Can it be viewed as a Crusade? / G. Theotokis // Rosetta. — 2012. — Vol. 11. — P. 72—81.
498. Theotokis, G. Rus, Varangian and Frankish Mercenaries in the service of the Byzantine emperors (9th—11th c.). Numbers, Organisation and Battle Tactics in the operational theaters of Asia Minor and the Balkans / G. Theotokis // Βυζαντινά Σύμμεικτα. — 2012. — Vol. 22. — P. 125—156.
499. Theotokis, G. The Campaigns of the Norman Dukes of Southern Italy against Byzantium, in the years between 1071 and 1108 AD / G. Theotokis. — Glasgow : University of Glasgow, 2010. — 336 p.
500. Theotokis, G. The Norman Invasion of Sicily, 1061—1072 : Numbers and Military Tactics / G. Theotokis // War in History. — 2010. — Vol. 14. № 4. — P. 381—402.
501. Thomson, R. William of Malmesbury, historian of the Crusade / R. Thompson // Reading Medieval Studies. — 1914. — Vol. 29. — P. 121—134.
502. Thomson, R.W. The Crusaders through Armenian Eyes / R.W. Thomson // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / ed. by A.E. Laiou, R.P. Mottahedeh. — Washington : Dumbarton Oaks Publishing Service, 2001. — P. 71—82.

503. Travaini, L. The Normans between Byzantium and the Islamic World / L. Travaini // *Dumbarton Oaks Papers*. — 2001. — Vol. 55. — P. 179—196.
504. Turan, O. Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti / O. Turan. — 2. baskı. — İstanbul : Turan Neşriyat Yurdu, 1969. — xix, 478 s.
505. Van Houts, E.M.C. Normandy and Byzantium in the eleventh century / E.M.C. Van Houts // *Byzantion*. — 1985. — T. 55. — P. 544—559.
506. Van Houts, E.M.C. The Normans in Europe / E.M.C. Van Houts. — Manchester and New York : Manchester University Press, 2000. — 308 p.
507. Victorine de Casteney. Les chevaliers normands en Italie et en Sicile, et considérations générales sur l'histoire de la chevalerie en France / Victorine de Casteney. — P. : Maradan, 1816. — 305 p.
508. Vrionis, S. The Decline of Medieval Hellenism in Azia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century / Speros Vrionis. — Berkeley : University of California Press, 1971. — 564 p.
509. Warren, F.M. The Enamoured Moslem Princess in Orderic Vital and the French Epic / F.M. Warren // *Publications of the Modern Language Association of America* — 1914. — Vol. 29. — P. 341—358.
510. Webber, N. The Evolution of Norman Identity, 911—1154 / Nick Webber. — Woodbridge : The Boydell Press, 2005. — 195 p.
511. Wierzbiński, S. Normans and other Franks in 11th century Byzantium: the careers of the adventurers before the rule of Alexius I Comnenus / Szymon Wierzbiński // *Studia Ceranea*. — 2014. — № 4. — P. 277—288.
512. Wolf, K.B. Crusade and Narrative: Bohemond and the *Gesta Francorum* / K.B. Wolf // *Jornal of medieval history*. — 1991. — Vol. 17. № 3. — P. 207—216.
513. Wolf, K.B. Making History: The Normans and Their Historians in Eleventh-Century Italy / K.B. Wolf. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1995. — 187 p.
514. Yewdale, R.B. Bohemond I. Prince of Antioch / Ralph Bailey Yewdale. — Princeton : Princeton University Press, 1917. — 143 p.

515. Λεβενιώτης, Γ.Α. Η πολιτική κατάρρευση του Βυζαντίου στην Ανατολή. Το ανατολικό σύνορο και η κεντρική Μικρά Ασία κατά το β' ήμισυ του 11^{ου} αι. / Γ.Α. Λεβενιώτης. — Θεσσαλονίκη : Αριστοτελείο πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2007. — 603 p.

516. Λεβενιώτης, Γ.Α. Το στασιαστικό κίνημα του Νορμανδού Ουρσελίου (Ursel de Bailleul) στη Μικρά Ασία (1073—1076) / Γ.Α. Λεβενιώτης. — Θεσσαλονίκη : Εκδόσεις Βάνιας, 2004 (Εταιρεία Βυζαντινών Ερευνών. — 19). — 235 p.